

АЛТАРЬ ОТЕЧЕСТВА

А Л Ь М А Н А Х

- ВОСПОМИНАНИЯ ·
- ДОКУМЕНТЫ ·
- ФОТОГРАФИИ ·
- СТИХИ ·

ТОМ IV

МОСКВА
2013

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ,
ОБАГРЕННЫЕ СОЛДАТСКОЙ КРОВЬЮ,
ПОСВЯЩАЮТСЯ

ЗАЩИТНИКАМ ОТЕЧЕСТВА

СКОЛЬКО ВЕКОВ
БУДЕТ ЖИТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО НА ЗЕМЛЕ, —
СТОЛЬКО ДОЛЖНА ЖИТЬ ПАМЯТЬ.

ПАМЯТЬ О ТЕХ, КТО НЕ ЖАЛЕЛ СВОИ ЖИЗНИ
И ПОЛОЖИЛ ИХ НА АЛТАРЬ ОТЕЧЕСТВА
ВО ИМЯ ЗАРОЖДЕНИЯ И ПРОЦВЕТЕНИЯ
ДРУГИХ ЖИЗНЕЙ — ВЕЧНА.

СОХРАНИМ ВО ИМЯ БУДУЩЕГО
ИМЕНА ВСЕХ СОЛДАТ,
КТО ВЫСТОЯЛ И ПОБЕДИЛ
СТРАШНЕЙШУЮ ВОЙНУ XX ВЕКА!

Главный редактор – Мария Веселовская-Томаш

Редактор – Н.Зими́на-Вью́гина

Издание осуществлено на финансовые средства государственной поддержки, выделенные в качестве субсидии в соответствии с Договором с Комитетом общественных связей города Москвы № 166-С от 18.06.2013 г. на реализацию проекта «Дружба народов – единство России»

А-52 **Алтарь Отечества.** Альманах (воспоминания, документы, фотографии, стихи). Том 4. Вьюгин Яков Михайлович. Посвящается защитникам Отечества. Главный редактор М.М.Веселовская-Томаш. Редактор Н.Зими́на-Вью́гина. – М.:ПРОБЕЛ-2000,2013. – 416 с.: ил.

ISBN 978-5-98604-402-6

Альманах посвящён одной из самых трагических страниц истории страны – жизни и борьбе советского народа в тяжелейших, казалось, нечеловеческих, условиях блокадного Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов. Люди, по замыслу врага, должны были быть уничтоженными или просто вымереть от голода, исчезнуть. Альманах издаётся в преддверии 70-летия снятия блокады (2014 г.) и к 70-летию Победы (2015 г.) советского народа в самой страшной войне за всю историю существования человечества. Предыдущие три тома альманаха состояли из отдельных глав, историй – воспоминаний разных участников Великой Отечественной войны. В основе настоящего тома в сокращённом варианте лежат отдельные главы из неизданной книги «В памяти живых» Я.М. Вьюгина, фронтовика, участника трёх войн: Финской 1939г, Второй Отечественной войны и Японской войны 1941-1945 гг. Так как кадровый военный собрал интереснейший, богатейший «материал» о своих сослуживцах – лётчиках 12-й Краснознамённой Отдельной Истребительной Авиаэскадрильи (КОИАЭ) Балтийского флота, решено было посвятить весь том его воспоминаниям. Представлены многочисленные, в том числе уникальные, фотографии, документы и воспоминания однополчан.

Книга представляет интерес как для фронтовиков и их потомков, так и для историков.

Чтобы сохранить имена наших героических предков, чьё мужество и доблесть привели к Победе над фашизмом, чтобы привить подрастающему поколению высокое чувство патриотизма и гордости за своё героическое прошлое, мы издаём альманахи «Алтарь Отечества». Это нужно потомкам.

ББК 63.3(2)622+С62
А-52

ISBN 978-5-98604-402-6

© Веселовская-Томаш М.М., 2013
© Зими́на (Вью́гина) Н., 2013

Пролог	10
Предисловие	15
От автора	18

ЧАСТЬ I БОЕВЫМ ДРУЗЬЯМ ПОСВЯЩАЕТСЯ

В АВИАЦИЮ	19
СЕДАЯ БАЛТИКА	21
ТРЕВОГИ, ТРЕВОГИ... ..	31
ВООРУЖЁННЫЙ КОНФЛИКТ С БЕЛОФИННАМИ	35
МИРНАЯ ПЕРЕДЫШКА	42

ЧАСТЬ II СТРАНА ОГРОМНАЯ ВСТАЕТ НА СМЕРТНЫЙ БОЙ (Война на островах Моонзундского архипелага)

НАЧАЛАСЬ ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА	51
АЭРОДРОМ КАГУЛ	54
ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ С ВРАГОМ	56
КАРЛ КАРЛОВИЧ ТООМИНГ ПРИБЫВАЕТ НА ОСТРОВ ЭЗЕЛЬ	58
ЗАСАДА	62
МАЛЕНЬКИЙ ЛЁТЧИК	64
БОЙ ЗА ЖИВУЧЕСТЬ САМОЛЁТОВ	65
ЭВАКУАЦИЯ СЕМЕЙ ЛИПОВСКОГО ГАРНИЗОНА	67
В ГАРНИЗОНЕ ЛИПОВО	69
ТРЕТЬЕ ИЮЛЯ	76
У БОЕВЫХ СОБРАТЬЕВ	79
МЕСТЬ	81

СМЕРТЬ ЗА СМЕРТЬ	84
УНИЧТОЖЕНИЕ ФАШИСТСКОГО КАРАВАНА СУДОВ	85
ВЫСТАВКИ ХУДОЖНИКА Р.И.ПОЛЯКОВА	91
ГЕРОИЧЕСКАЯ ГИБЕЛЬ ЛЁТЧИКА С.М.КОНКИНА	92
ПОЛУОСТРОВ ВИРТСУ С НОВА НАШ	93
СТАРШИНУ В.И.ЧАПЛЫГИНА ПРИНИМАЮТ В ПАРТИЮ	94
БОЕВЫЕ ЭПИЗОДЫ	95
НЕОБЫЧНЫЙ РЕМОНТ	97
ПАГУБНАЯ ПОСПЕШНОСТЬ	98
ВЛАДИМИР МИХАЛЁВ – ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА	99
ПОЛЁТЫ В ЛОГОВО ВРАГА – БЕРЛИН	100
РАЗГРОМ НЕМЕЦКОЙ АВИАЦИИ В ВЕНТОПИЛСЕ	107
ОБЕЗВРЕДИТЬ ЛАЗУТЧИКОВ!	109
КОРАБЛИ БАЛТИКИ ПОКИДАЮТ БУХТУ ТАЛЛИН	110
ОДИН ЛЁТЧИК ПРОТИВ ДВАДЦАТИ	112
ВЫНУЖДЕННАЯ ПОСАДКА ПЕТРА СГИБНЕВА	113
САМОЛЁТ БУДЕТ ЛЕТАТЬ!	116
ВЫХОД НАЙДЕН!	119
ГИБЕЛЬ ПЕТРА ЗИНОВЬЕВИЧА КРАВЧЕНКО	121
МООНЗУНДЦЫ В ГЛУБОКОМ ТЫЛУ ВРАГА	122
ПОПЫТКА ФАШИСТОВ ВЫСАДИТЬ МОРСКОЙ ДЕСАНТ	123
ЗАЩИТНИКИ ОСТРОВА ВОРМСИ	124
ПОДИНОК СО СМЕРТЬЮ	128
НА ПРИСТАНИ ВИРТСУ	132
БОИ ЗА ОСТРОВ МУХУ	135
РАССКАЗЫВАЕТ БЫВШИЙ МИЧМАН Н.К.ГОРБУНОВ	143
МУЖЕСТВО И ОТВАГА НА СОРОК ТРЕТЬЕЙ БАТАРЕЕ	149
ФАШИСТЫ НА ЭЗЕЛЕ	149
ЧЕРЕЗ ИСПЫТАНИЯ АДА. РАССКАЗ АЛЕКСАНДРА МАЛОФЕЕВА	154
БОИ В РАЙОНЕ САЛЬМЕ	157
ЛЁТЧИКИ С ХАНКО ИДУТ НА ВЫРУЧКУ	159
ВТОРАЯ ПОПЫТКА ФАШИСТОВ ВЫСАДИТЬ МОРСКОЙ ДЕСАНТ	161

ЗАБЫТАЯ ГАРМОШКА	163
ПРОЩАЛЬНАЯ ВСТРЕЧА	164
НА ЦЕРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ	165
ТРИНАДЦАТЫЙ ДИВИЗИОН КМТЩ	168
УБИЛИ АВИАТЕХНИКА А.И.НОВИКОВА	169
ПОСЛЕДНЕЕ СОВЕЩАНИЕ	171
НАДО РЕШАТЬ, ЧТО ДЕЛАТЬ ДАЛЬШЕ	173
АВИАТОРЫ ПРОЩАЮТСЯ С ЭЗЕЛЕМ	175
ПОСЛЕДНИЕ БОИ НА ПОЛУОСТРОВЕ ЦЕРЕЛИ	179
НАМ БЫ ДОЙТИ ДО ОРИССАР	182
ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА В ГОСПИТАЛЕ. РАССКАЗЫ ОЧЕВИДЦЕВ	184
НА ОСТРОВЕ ДАГО	190
ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА ЗАЩИТНИКОВ	195
И.А. УСАТОВ В ФАШИСТСКОМ ПЛЕНУ (Из тетради воспоминаний)	199
ЧЕРЕЗ ИСПЫТАНИЯ АДА (Продолжение рассказа А.С.Малофеева)	203
В ПАМЯТИ ОСТАВШИХСЯ В ЖИВЫХ	216
ВОСПОМИНАНИЯ АНАТОЛИЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАШОВА	222
КОМБАТ А.Т. ЗАХАРЧЕНКО	226
ЗВЕРСТВА ДВУНОГИХ ЧУДОВИЩ	234
ПАРТИЗАНСКИМИ ТРОПАМИ НА ПОЛЬСКОЙ ЗЕМЛЕ	239
СПРАВКА	247
СЛАВНЫЕ ИТОГИ	248

ЧАСТЬ III

СТОЙКОСТЬ И ОТВАГА НЕПОКОРЕННЫХ

УМРЁМ, НО ЛЕНИНГРАД НЕ ОТДАДИМ!	250
12-Я КРАСНОЗНАМЁННАЯ НАБИРАЛА СИЛЫ	257
В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ	264
БОЕВАЯ ЖИЗНЬ 12-Й КОИАЭ	269
СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ	271

СЫН РОДИЛСЯ!	274
ПОЧЕМУ НЕМЕЦКИЕ ФАШИСТЫ ОДЕРЖИВАЛИ ПОБЕДЫ В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ?	276
«ДОРОГА ЖИЗНИ» – ДОРОГА СПАСЕНИЯ	280
ТЕБЯ ВИДИТ РОДИНА!	282
ИНФОРМАЦИЯ КОМИССАРА П.В. КРУТОВА	285
ТРАГИЧЕСКОЕ ЧП	289
ПИСЬМО СЫНА	291
КОМАНДИРОВКА	294
В НОВОЙ ЛАДОГЕ	297
ДОЧУРКА	299
ВОЕННАЯ ВЕСНА 1942 ГОДА	300
РАССКАЗЫВАЕТ ЛЁТЧИК 12-Й КОИАЭ ИВАН ГОРЕЛИКОВ	302
ИСТРЕБИТЕЛЬ МИГ-3 В КЛЕЩАХ	304
ПОБЕДА С КРУГЛЫМ СЧЁТОМ	306
КОМСОМОЛЬЦЫ	309
ОПЕРСВОДКА № 52	311
НА ОСТРОВЕ СУХО	313
В 25-Ю ГОДОВЩИНУ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ	316
КОМСОМОЛЬСКОЕ ПОРУЧЕНИЕ	318
МАСТЕРСТВО ЛЁТЧИКА, РОЖДЁННОЕ ВОЙНОЙ	321
НЕВСКИЙ ПЯТАЧОК	324
ВЕЛИКАЯ БИТВА	325
НА АЭРОДРОМЕ «ЛЕВАШОВО»	327
НАКАНУНЕ	329
ВРЕМЯ НАЧИНАТЬ!	331
ПЛАЧ ПО ПОГИБШИМ	335
ПРИКАЗЫ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ	337
ОДИННАДЦАТЫЙ ИСТРЕБИТЕЛЬНЫЙ АВИАПОЛК	339
РАССКАЗ ЛЁТЧИКА Н.К. МАЛЕЕВА	346
В 12-М КРАСНОЗНАМЁННОМ АВИАПОЛКУ	347
НА БЫЧЬЕМ ПОЛЕ	349

ПОЛНОЕ СНЯТИЕ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА	352
ПОГОНЫ	354
САМОЛЁТЫ ВОЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА	356
ПОБЕДОНОСНЫЙ 1944 ГОД	357
ХОЗЯЕВА БАЛТИЙСКОГО НЕБА	363
ОСВОБОЖДЕНИЕ ПРИБАЛТИКИ	372
МНОГОСТРАДАЛЬНЫЙ ГОРОД НАРВА	374
В КОНЦЛАГЕРЕ КЛООГА	376
ОСВОБОЖДЕНИЕ МООНЗУНДА	381
ЧЕТВЁРТЫЙ ГОД ИДЁТ ВОЙНА В ЕВРОПЕ	392
ОТ ПИСЬМА ДО ПИСЬМА	395
НА АЭРОДРОМЕ «МАЛЬМИ»	396
СНОВА В ПРИБАЛТИКЕ	398
ДЕНЬ ПОБЕДЫ	399
НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК	402
ПОТЕРИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ ПО ДАННЫМ МИНОБОРОНЫ	409
ОБ АВТОРЕ-СОСТАВИТЕЛЕ	413

**Я порою себя ощущаю связной
Между теми, кто жив
И кто отнят войной...**

**Я – связная.
Бреду в партизанском лесу,
От живых
Донесенье погибшим несу.**

Юлия ДРУНИНА

**«Благословенны солдаты,
которые умирали во имя любви к Родине».**

*Евгений ШВАРЦ.
«Обыкновенное чудо»*

АЛТАРЬ ОТЕЧЕСТВА

Цену Победы над Германией нельзя измерить. Советский Союз победил, но Победа досталась сверхвеликой ценой:

Из 33,4 миллионов человек, надевших шинели, оставалось в живых 12,8 миллионов человек.

Безвозвратные человеческие потери Вооружённых сил СССР составили 11 миллионов 944,1 тысячи человек.

Общие демографические потери СССР составили 27 миллионов человек. (По последним источникам – 30 миллионов человек).

Во Второй мировой войне мир потерял 55 миллионов человек.

(По материалам Интернета)

Прошло более 70 лет после смертельных, незабываемых, полных незаживающей боли, слёз и горьких утрат событий!

Имена многих погибших солдат неизвестны: они просто входят в цифры «12,8» или «55 миллионов».

Солдаты ВЕЛИКОЙ Отечественной войны, не пожалевшие свои жизни во имя Победы, погибли, пропали без вести или вернулись с трагической отметиной – глубокими ранами, если не на теле, то на душе...

Прорыв блокады Ленинграда

На Алтарь Отечества положены жизни детей, юных и взрослых людей. О них нигде не рассказано: они входят только в общее число миллионов.

Некогда великая держава разрушилась. Её восстановить удастся не скоро. И удастся ли?..

Своей Интернет-галереей и издаваемыми альманахами «Алтарь Отечества» мы хотим поднять дух и силу солдата, общее чувство единой Родины. А ещё, чтоб молодое поколение научилось любить свою Родину так, как любили её их предки!

Пусть на «стендах» галереи виртуального музея воинской славы будут размещены необычные экспонаты: фотографии, письма военных лет и рассказы о солдатах тех войн, о которых мы не вправе забывать – об участниках Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов. Их стихи, проза, песни. Или всё это – в честь их...

Если вам есть о ком рассказать, напишите нам: мы с радостью пополним Интернет-галерею именами новых героев и появится материал для следующего тома альманаха.

Посещайте галерею! Она будет наполняться – мы надеемся на то, что читатели откликнутся и будут присылать копии своих реликвий.

Давайте назовём всех-всех солдат поимённо!

Мы должны оставить свой добрый след на нашей прекрасной планете Земля. Вернее сказать – своеобразный след в космосе. Души погибших, вознёсшихся на небеса, сердца ещё живущих ныне фронтовиков будут благодарны памяти их потомков.

Мы должны быть достойны своих предков!

Контакты:

т/ф: 8 (495) 386-65-12; 388-42-27

8-915-314-39-86

E-mail: altar-07@mail.ru paraartiada@yandex.ru

www.paraartiada.com

THE PROLOGUE

**“Blessed are the soldiers,
who died in the name of their love for Fatherland”**

*From the play E.Shwartz
“Simply a miracle”*

THE ALTAR OF FATHERLAND

The price of our Victory over fascist Germany can't be measured.

The Soviet Union has won in the war, but the price of the Victory was too great.

Out of 33,4 millions people who wore uniforms only 12,8 million stayed alive.

Human losses in the military forces of the USSR are about 11,944 thousand but on the whole the USSR made 27 millions. The whole world lost 55 millions people.

(Based on the internet materials)

Since the time of the end of the most terrible war in history more than 67 years passed. The names of many soldiers are still unknown, and they are just included in the indicated above figures.

The soldiers of the World War II sacrificed their lives and died for the Victory, many of them became MIAS (missing in action), — they never returned from the front: others came back with wounds not only on their bodies, but in their souls.

The lives of children, youths and adults are to be found on the Altar of Fatherland. Nobody has told us their stories – they are included in the general member of millions. The former great power broke up.

It won't be restored soon.

In our “internet- gallery” we want to bring back the spirit and strength of the soldier. The spirit of the common Fatherland and we want the younger generation to learn how to love our Fatherland as it was loved by their forefathers.

Let the stands of “the gallery”, the virtual museum of military glory have unusual exhibits: the letters of war years, the stories of those years about the soldiers, who participated in the war of 1941-1945, their verses, fiction and songs – all that should be in their glory.

Come to see “the gallery”, it will be expanded, we hope that people will respond! Let’s call every soldier by name!

We must leave our good footprints on our beautiful planet – Earth in our words, our good memory in outer space.

The souls of those, who died and found their way to Heaven as well as those still living war veterans will be grateful to us for the memory of thankful descendants.

We must be worthy of our forefathers!

(Translated by Nina Lukina)

The Contacts:

т.: 8 (495) 386-65-12; 388-42-27

8-915-314-39-86

E-mail.: altar-07@mail.ru paraartiada@yandex.ru

www.paraartiada.com

ПРЕДИСЛОВИЕ

Четвёртый том альманаха «Алтарь Отечества» необычен. Он посвящён воспоминаниям **Якова Михайловича Вьюгина** – автора пока неизданной книги «В памяти живых».

Фронтовик, участник трёх войн: Финской 1939-40гг, Второй Отечественной и Японской – 1941–1945 гг., кадровый военный.

Главные герои книги: сам автор (представлен под именем **Егора Буранова**), его сослуживцы, лётчики и технический состав 12-й Краснознамённой Отдельной Истребительной Авиэскадрильи (КОИАЭ) Балтийского флота, которые защищали во время блокады Ленинграда «Дорогу жизни», участвовали в прорыве и снятии блокады, освобождении Моонзундских островов и Прибалтики.

По литературному жанру книгу можно отнести к документальной прозе. Сюжетная линия построена исключительно на достоверных, реальных событиях, все имена друзей подлинны, выписаны точно, правдиво, лаконично. Автор рассказывает с огромной симпатией и любовью и с чувством горечи по погибшим на его глазах друзьям.

Есть страницы книги, которые без улыбки не станешь читать: только семнадцатилетние герои – Герои Советского Союза! – могут «хоронить» своё отслужившее бельё после посещения бани. Мальчишки... Защитники Отечества, настоящие солдаты, ночью при тусклом свете фонарика, под брезентом ремонтируют, готовят к бою самолёты, которые в большинстве своём... фанерные. Да, не такими они были в те дни, самолёты, как эти, что сегодня бороздят воздушный океан и, к величайшему изумлению – взрываются, падают. А мальчишки наши воевали на «Чайках». Даже на подбитых самолётах шли на таран! И выигрывали бои! И победили врага!

Автору выдумывать ничего не приходится: он помнит всё, сам всё пережил. Вместе с сослуживцами, лётчиками не раз смотрел смерти в глаза. Они выстояли, разорвали смертельное кольцо блокады, отстояли Ленинград.

После долгожданной победы над Германией, окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 годов Яков Вьюгин был командирован на Дальний Восток для ликвидации очага войны на восточной границе. В то время, когда многие офицеры получили отпуска и поехали к своим семьям, ему предстояло освободить Корею. И только, когда Япония окончательно капитулировала, вчерашний солдат вернулся домой.

Пятнадцать лет ветеран войны Я.М.Вьюгин писал для потомков воспоминания, неоднократно работая в архивах Ленинграда, Гатчины, Кронштадта, музея на острове Курессааре, встречался и вёл переписку с однополчанами.

Он заново «прошёл» дорогами войны, которые пролегли через места кровопролитных боёв, оставив в его сердце глубокий след.

Более десяти лет автора нет с нами, и мы почитаем за честь отнестись очень бережно к каждому слову его воспоминаний и передать их ныне живым и тем, за кем будущее.

О героической битве за Ленинград написано много литературы, рефератов, военных мемуаров. Но есть уверенность в том, что настоящее издание не только не утонет в море литературном, но по праву встанет в один ряд с другими подлинными свидетельствами самых драматических лет истории государства нашего.

У автора свой стиль подачи материала, непохожий на другие, он несравним со стилями профессиональных писателей: книгу писал Солдат. В ней Яков Вьюгин разместил много фотографий друзей военных лет, а также фотографии самолётов, на которых летали в дни войны. Писал он просто, рассказывая о войне и своих друзьях невидимому слушателю, нам с вами. Мы обязаны помнить всё, что связано с подлинными фактами, рассказами о тех катастрофических событиях, чтобы научиться ценить жизнь.

Право на жизнь подарили своим потомкам участники Великой Отечественной войны, лётчики 12-й КОИАЭ Балтийского флота – победители, оставшиеся на полях сражений или дошедшие к порогу своего дома, победив врага. Все они навсегда в нашей памяти. Именно по этой причине в преддверии юбилейной даты – 70-летия снятия блокады Ленинграда – и накануне 70-летия разгрома фашистской Германии книга Я.М.Вьюгина в сокращённом варианте издаётся в четвёртом томе альманаха «Алтарь Отечества».

Яков Михайлович Вьюгин страстно мечтал о том дне, когда будет перелистывать изданную книгу, как «перелистывал» годы военной поры. Не успел...

Его дочь, Нина Зимина-Вьюгина, выйдя на пенсию, освоив компьютер, сверстала рукопись и прикладывает все силы, чтобы книга отца увидела свет, чтобы он и его друзья остались в памяти живых.

Мария Максимовна ВЕСЕЛОВСКАЯ-ТОМАШ

*член Международной Ассоциации писателей и публицистов,
Международного союза славянских журналистов,
Член мирового Артийского Национального Комитета,
вице-президент Национального Артийского Комитета России,
Президент ПараАртийской Лиги НАК России,
РОБОИ –ПараАртийский Центр «Иван да Марья»
автор-составитель и главный редактор
трёх выпусков альманаха «Алтарь Отечества»*

ИМЕНА ИХ В ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ

Яков Михайлович Вьюгин

Вглядись в простого человека.
В его сединах нет вины,
Но за каких-нибудь полвека
Он прожил страшных три войны.

Григорий Калюжный

В ПАМЯТИ ЖИВЫХ

*Автобиографическая повесть
Судьбы фронтовиков
Хроника*

ЧАСТЬ I

ОТ АВТОРА

Книга рассчитана на широкий круг читателей. Ветераны Великой Отечественной войны, прочитав книгу, найдут знакомые места, вспомнят молодость, опалённую в боях.

Дети найдут имена и фамилии погибших отцов, почтут их память. Внуки будут знать, что каждая пядь родной земли не раз подвергалась нападению врагов и отвоёвывалась в кровавых сражениях. Если потребуется защищать Родину, то надо защищать достойно и с честью предшествующих патриотов, чтобы не жёг позор за трусость и малодушие.

Буду рад, если моё стремление достигнет цели.

Писать книгу помогали мои сослуживцы, устно и письменно делясь своими воспоминаниями. Им я приношу свою благодарность.

Я.М.Вьюгин.1995г.

БОЕВЫМ ДРУЗЬЯМ ПОСВЯЩАЕТСЯ

**И если я о них сказать сумею,
То значит, ты не зря стучишь во мне.**

Д.Афруз.

В АВИАЦИЮ

*Курсанты 3-й Военной школы авиационных техников
Борис Безруков (слева) Яков Вьюгин (Егор Буранов).
Пермь, 1937 год*

Заниматься в военной школе Егору было не трудно, полное государственное обеспечение давало возможность думать только об учёбе. Трудно было тем, кто пришёл с производства, без образования, но отстающих не было. Кроме общеобразовательных предметов изучали самолёты И-15 и И-16 конструкции Поликарпова. Они были выпущены в 1933 году одновременно. И-16 развивал скорость до 400 километров в час, в то время это было прилично.

Истребитель И-15 был маневренным. В задачу первого входило атаковать противника, а подошедший И-15 завязывал бой.

Осенью (1936 г.) начали заниматься по новому учебнику «История ВКП(б)». Выходные дни проводили на лыжных трассах, сдавали нормы на значок ГТО-2, ездили в Кунгур смотреть на пещеру, выступали в школах с художественной самодеятельностью, были на пионерских слётах, незабываемое впечатление оставила встреча со знаменитым испытателем – лётчиком Валерием Павловичем Чкаловым. Жизнь была насыщенной и интересной.

Егор и Василий Ковалёв переживали за брата Василия – Алексея Ковалёва. Он был директором средней школы и преподавал обществоведение. По ложному доносу его арестовали, как «врага народа». Прошло время, и его реабилитировали.

Наступил последний (1938) год учёбы Егора в Пермской школе авиационных техников. Всех курсантов, пришедших из учебных заведений, перевели на ускоренный выпуск. Этого требовала обострившаяся международная обстановка. Занятия были очень напряжённые, с прохождением учебной практики на Пермском авиационном моторостроительном заводе, который выпускал авиационные двигатели М-25. Егору нравился заводской ритм с шумом испытываемых моторов, железная дисциплина. Практику проходили непосредственно с выполнением регламентных работ. Однако нашли время в выходной день побывать на месте будущей ГЭС, которую ввести в строй пришлось только после Великой Отечественной войны.

Подошло время выпускных экзаменов. Портные пошили обмундирование среднего начальствующего состава. Курсанты думали, что будет сухопутная форма, а пошили морскую, так как Военную школу авиационных техников (ВШАТ) переименовали в Военно-морское авиационное техническое училище (ВМАТУ) имени Молотова.

После экзаменов зачитали приказ о назначении на службу. Егора и Бориса Безрукова назначили служить на Балтику, место пребывания – Новый Петергоф.

Перед отъездом к месту назначения всем дали месячные отпуска. Егор доехал до Чамзинки, в райисполкоме дали машину с шофёром до деревни Соколов Гарт.

Встреча была на высоком уровне. Собрали всех родственников, отметили торжественным застольем. Егору захотелось сделать матери подарок. Он повёз её в областной центр – Саранск, снял лучший номер в гостинице, повёл в кинотеатр. Смотрели фильм «Великий гражданин». Мать, никогда не видевшая звуковое кино, испугалась, забеспокоилась, от страха стала вскрикивать. Егор едва её успокоил. Эти счастливые дни мать потом вспоминала всю жизнь.

Феврония Григорьевна Вьюгина (мать), Яков Вьюгин (справа) и друг детства Евгений Федюшов (слева)

И снова в путь, снова проводы. До околицы провожали всей семьёй, мать стояла в подаренной шали и вытирала слёзы. У Егора защемило сердце, что он не может взять их всех с собой.

Проездом через Москву Егор встретился с Борисом, вместе ходили в Третьяковскую галерею, в Большом театре слушали оперу И.И.Дзержинского «Поднятая целина». Впечатление было неопишное. На сцену выезжали кони, вдали виднелась ветряная мельница с машущими крыльями, деревенский пейзаж был знаком и близок. Только позолоченные ярусы и хрустальная люстра подчёркивали необыкновенную красоту.

Зима стояла суровая, отогревались на станциях метро. Особенно понравилась станция «Комсомольская».

– Нашему поколению будет чем отчитаться перед будущим, – подумал Егор.

На Ленинградском вокзале взяли билеты до Ленинграда.

СЕДАЯ БАЛТИКА

По Октябрьской железной дороге, соединяющей Москву с Ленинградом, ехали к месту назначения выпускники Пермского авиационного училища Егор Буранов и Борис Безруков. Настроение у них было прекрасное, впереди вся жизнь. Мелькали полустанки, одинокие деревья, поля, ложбины и бугры под белым покрывалом. А вот и лес. Снег лежал на сучьях огромными шапками. Егор пристально смотрел в окно.

В Ленинград на Московский вокзал приехали рано. Удивило то, что на вокзале не было людей с мешками, как в Москве на Казанском вокзале. Сдали вещи в камеру хранения и вышли на привокзальную площадь. Она оказалась центром города. Стояли большие дома с гостиницами и магазинами. В справочном бюро узнали, как доехать до Петергофа. Сходили к памятнику Петра Первого, в Дом занимательной науки, поднимались на колокольню Исаакиевского собора. Почувствовали сильный холод, флотские шинели грели мало, мороз пронизывал до костей.

– Это тебе не Пермь, – сказал Егор, – мороз здесь морской, пронизывает насквозь.

В Петергофе их долго не держали, назначили служить в гарнизон Липово. Получив предписание, поехали на Балтийский вокзал. Пригородный поезд, в

Выпускники Военно-морского Авиационно-технического училища: 2 рота, 21 кл. отдел. Начальник училища А.В.Цирулёв. Зав. учебной частью П.В.Цибин, Зам. по политчасти И.П.Иванов. Командир 2-й роты И.И.Николаенко, командир взвода Д.З.Палий. Зам. по политчасти роты А.Е.Макеев. Преподаватели В.Г.Злодеев и Г.Я.Гриншпунт.1938 год, г.Пермь

который сели Егор и Борис, останавливался на каждом полустанке, пассажиры дремали.

– Вставайте, конечная остановка, – прозвучал голос кондуктора.

– А как называется эта конечная остановка?

– Полустанок Икс.

– Нам надо до Липово.

– До Липово доедете на автобусе, это недалеко.

Действительно, на привокзальной площади стоял маленький автобус.

– Кому до Липово? – предлагал шофер.

По заснеженной дороге доехали до контрольно-пропускного пункта, предъявили предписания. До начала рабочего дня находились в проходной, затем дежурный позвонил куда-то, вышел помощник дежурного, сказал:

– Следуйте за мной в штабное помещение на доклад командиру.

По дороге он рассказал о гарнизоне, очень хорошо отзывался о командире гарнизона капитане Денисове, сказал, что службой доволен.

Подходя к двери командира гарнизона, Егор и Борис почувствовали какую-то робость. Всё это было так не похоже на курсантскую жизнь! Егор открыл дверь.

– Разрешите, товарищ капитан?

Получив утвердительный кивок, вошли в светлый кабинет.

– Воентехник второго ранга Буранов прибыл в Ваше распоряжение!

– Воентехник второго ранга Безруков прибыл в Ваше распоряжение!

Их доклад принимал командир в морской форме, небольшого роста, с крупным носом и взглядом, пронизывающим насквозь, как им показалось. Командир дружелюбно смотрел на них.

– Как доехали, как самочувствие?

– Доехали хорошо, самочувствие хорошее.

– Тогда идите в строевую часть, сдайте документы и позавтракайте в столовой. Можете быть свободны.

– Есть, товарищ капитан, – ответили оба одновременно и повернулись по-уставному.

С этого момента и началась их долгая служба в строевых частях. Затем их устроили жить в селе Липово. Большая комната была заставлена пятью кроватями, старым гардеробом и тумбочками. Они привели в порядок обмундирование. Наступил вечер. Утром шли к месту службы. По обочине дороги росли огромные ели и сосны, утренняя свежесть бодрила молодые сердца. На проходной предъявили пропуска. Гарнизон был небольшой и компактный. Четыре жилых дома, магазин, столовая, две казармы, клуб, баня и гараж для автомашин. За колючей изгородью виднелось штабное помещение и лётное поле. Всё построено скученно, без учёта возможного военного времени.

Позавтракав в столовой, пошли на построение личного состава. День был нелётный, все пришли в шинелях и наглаженных брюках. В штурманском классе изучили приказы. Зачитали приказ о закреплении за отрядами при- бывших техников.

На второй день получили самолёты И-15 и стали их хозяевами, как было определено в «Наставлении по технической службе». Прошла неделя, и Егор с Борисом освоились, стали своими, старожилками.

У Егора не оказалось моториста, приказали подобрать в стрелковой роте. Егор пошёл в казарму и выбрал рядового Складаного Евгения Фомича. По национальности он был украинец, образование начальное, комсомолец, дисциплинирован, холост. Егору понравился этот парень, с серьёзным, немного суровым взглядом, широкоплечий, на ногах стоял так, что казалось, его невозможно сдвинуть с места.

– С таким парнем не пропадёшь, – подумал Егор, и, как оказалось, не ошибся.

Лётчиком их самолёта был назначен лейтенант Тхакумачев Абдулах Ма- жидович. По национальности кабардинец, комсомолец, холостой. Согласно положению лётной службы, он был командиром экипажа, а Егор и Евгений Складаный – членами его экипажа. Среди лётчиков Тхакумачев отличался своей немногословностью. Он вступал в разговор только при необходимости, больше любил слушать. Если был не согласен, густые чёрные брови сдвигались к переносице, губы сжимались, взгляд становился осуждающим. Это могли заметить только те, кто его хорошо знал. В кругу друзей его звали просто Сашей. Однажды он со своим экипажем стоял в строю. Проходящий мимо них командир звена, старший лейтенант Смирнов, заметил в шутку:

– А вот национальный экипаж лейтенанта Тхакумачева!

Саше понравилась эта реплика, он с сияющей улыбкой повернулся к членам своего экипажа. Улыбка была открытая, но смущённая, скромность его украшала. В свободное время он, как холостяк, появлялся на всех увеселительных мероприятиях, умел дружить со всеми без соблюдения субординации.

В деревенской избе, где жили Егор и Борис, появилось пополнение. К ним подселили ещё троих авиатехников, прибывших из училища для продолжения службы. К удивлению обоих, это были выпускники того же классного отделения Леонид Хлопушин, Иван Усатов и Николай Умнов. Жизнь пошла совсем весёлая. Пели песни под баян, который привёз с собой Иван – отличный баянист, ходили в гарнизонный клуб в кино и на танцы в деревенский клуб.

В выходной день предстояло отметить день рождения Николая. Втайне от него купили в подарок гитару.

– А как насчёт застолья? – спросил Леонид.

Для них, бывших курсантов, этот вопрос был наименее трудным. Хотели бы отметить рюмочкой, но боялись. Выпивка категорически запрещалась и преследовалась.

– Поставим самовар, – предложил Борис, – в заварной чайник нальём «старки», она как раз под цвет чая, и будем сидеть «за чашкой чая».

Такая идея подходила. Так и сделали. Сели за стол в полной уверенности в своей безопасности, и вдруг... открывается дверь и заходят командир отряда А.И.Азевич и старший техник М.Г. Горюн, исполнявший обязанности инженера.

– Здравствуйте, хлопцы! – Поздоровался первым Азевич.

От неожиданности все открыли рты и вскочили с мест.

– Пожалуйста, откушайте с нами чайку, – смущённо пригласил именинник.

– Спасибо, чайку попить не против, день морозный, – ответил Азевич.

Им гостеприимно пододвинули стулья, каждый старался принять участие, отвлечь, но стреляных гусей не проведёшь, выдавала растерянность. Спасала трезвость, выпить не успели. Гостям налили чаю, подставили варенье и печенье. Азевич нащупал ногой под столом пробку от бутылки, нагнулся и достал её.

– Свеженькая! – сказал Александр Иванович, понюхав пробку.

Хлопцам ничего не оставалось, как честно признаться, по какому случаю застолье, даже показали удостоверение именинника с датой его рождения. Почувствовав потепление во взорах начальства, именинник налил всем по рюмочке. Поздравили именинника.

– Смотрите, не балуйте! – сказал, уходя Азевич.

Командир 12-й КОИАЭ, майор
Денисов Алексей Александрович (справа)
Командир отряда старший лейтенант
Иван Кириллович Полях (слева).

Вечером все были как ни в чём не бывало. Недели выходные тужурки и пошли на танцы в сельский клуб. Так прошёл выходной день. Утром шли в гарнизон, проделывая первые следы на выпавшем снегу. Такие тропки они протаптывали каждый день. Расходились по отрядам, по звеньям, за каждым был закреплён самолёт. Только вечером они встречались снова в избе, делясь впечатлениями о нелёгкой службе. Полётов было много даже при низкой облачности. На Балтике трудно выбрать хорошую погоду. Уходили на службу рано, приходили поздно уставшими, продрогшими, чумазыми. Рано утром выводили самолёты из ангара, прогревали моторы специальными лампами, заправляли горячим маслом и пробовали работу моторов на всех режимах. Трудно было тем, кто не мог запустить мотор с первого раза. Подогретый двигатель остывал, и надо было начинать всё сначала. Зимой самолёты стояли на лыжах, взлетали по укатанному снегу. Техник должен был сопровождать свой самолёт до линии старта. Он бежал за своим самолётом, и при вылете вся снежная буря обрушивалась на него, трудно было устоять на ногах. Летом же не снег, а песок забивали глаза и уши.

Но обиднее было, когда самолёт стоял готовым к вылету, а полёты отменялись из-за плохой погоды.

По понедельникам изучали приказы и наставления. В моторном классе осваивали двигатель и агрегаты. Егора назначили преподавателем среди мотористов. Трудно было без знания методики и практики преподавания, но Егору это дело пришлось по душе. Старшина группы докладывал по команде «смирно» наличие присутствующих. Егор смотрел на своих слушателей, они стояли в матросской форме, начищенные, наглаженные, здоровые. Флотские форменки с синими воротничками, брюки затянуты ремнями с начищенными до зеркально-золотого блеска бляхами. Они казались Егору самыми красивыми. Неважно, что мотористы были с начальным образованием, они старались постигнуть всё, наверстать упущенное. Трудно запоминались термины «жиклёр», «диффузор», «экономайзер» и другие. Тем, кто пришли со знанием шофёров и трактористов, было легче. Моторист Морозов не мог вспомнить термин «акселератор». Ему кто-то из шутников тихим шёпотом подсказал: «антрекот, Саша, антрекот». Этого слова Саша тоже не знал и повторил. Смеха было много. Егор смотрел на этих крепких парней, которые смеялись до слёз, как дети, и не останавливал их. Смех – хорошая разрядка. Когда он видел, что ребята так устали, что уже не усваивают материал, сам придумывал, чем расшевелить их. Однажды прочитал шуточные стихи авиатехника Королёва:

Крутится, вертится техник с ключом,
Крутится, вертится над «эр-сдьмом»
Крутится, вертится, хочет узнать,
Мотор оборотов не может добавить.

Стихотворение было очень длинное, но прошло много времени, и оно забылось. Ребята смеялись и снова продолжали изучать сложный агрегат «Р-7», которым регулируется положение лопастей воздушного винта. По ходу объяснения надо было спросить, как поняли.

- Моторист Зарубин?
- Мы, – ответил Зарубин.
- Сколько вас?
- Один.

Белокурый и добродушный, Зарубин был исполнителен и дисциплинирован, его смущение и растерянность вызвали взрывы смеха, но Зарубин на друзей не обижался.

Трудности были впереди, предстояло объяснить работу диффузора. Чтобы было понятнее, Егор начал с работы молочного сепаратора, его знали многие, и его работа тоже была по принципу центробежных сил. Ребята сразу всё поняли, и занятия прошли успешно.

Лётное поле, утренняя прохлада, из-за опушки леса виднелась ясная лазурь неба, тихо плыли кучевые облака, предвещающая хорошую погоду. На красной линейке лётного поля выстроились самолёты, скоро начнутся учебно-тренировочные полёты. Всё готово к взлету, техники ожидали своих лётчиков. Полёты по кругу были кратковременные, взлёт – посадка, взлёт – посадка. Полёты в зону продолжались не менее тридцати минут. В это время техники и мотористы готовились к встрече самолёта, пытливые мотористы задавали вопросы по конструкции самолётов, иногда приходили за разъяснением к своему внештатному преподавателю. Егор всегда был этому рад и с удовольствием отвечал на все вопросы.

Однажды на старт выехал буфет вместе с буфетчицей Дусей. Она первый раз была на полётах и дрожала от страха при шуме моторов и оробела окончательно, увидев приближающегося командира эскадрильи капитана Денисова. Стоявший рядом с ней старшина Выпов решил подшутить, воспользовавшись её страхом и доверчивостью.

- Дуся, – сказал он, – подай командиру команду.
- А как?
- Скажи «смир-р-но!», да погромче.

Дуся тоненьким, дрожащим голоском подала командиру команду.

- Кто тебя научил? – спросил командир.
- Выпов, – робко ответила Дуся.
- Старшина Выпов, двое суток домашнего ареста!
- Есть двое суток, – тихо ответил старшина.

Долго потом вспоминали этот случай, он медленно отдалялся вместе с уходящей молодостью.

Лётчики усиленно отрабатывали фигуры высшего пилотажа, поражение мишеней, бомбардировку учебного полигона, слепые полёты. Техники подсчитывали пробойны в конусе, подвешивали цементные бомбы, заряжали пулемёты. Всё проходило без приключений. Отряд старшего лейтенанта Волосевича Ивана Ивановича вышел вперёд по взятию высоты, отряд Азевича Александра Ивановича – в стрельбе по конусу. Лучшим «бомбардиром» считался лётчик, старший лейтенант Смирнов Пётр Петрович. Остальные лётчики старались не отставать.

Каждое утро перед зданием штаба было построение всего личного состава. Строились в шеренгу по три поэкипажно. В ожидании построения собирались у курилки, шутили, рассказывали анекдоты, смеялись. Командир 1-го отряда лейтенант А.И. Азевич рассказал, как начтех В.Н. Букреев переезжал из гарнизона Кизино в Липово:

– Кур он не перевозил, они летели своим ходом.

Старший лейтенант, командир 3-го отряда К.Н. Барабанов рассказал про охоту стартеха Майского:

– За целый день охоты он ничего не убил, а чтобы не стыдно было возвращаться пустым, купил и сбоку повесил кролика.

Взрывы смеха молодых здоровых ребят были слышны издалека. Егор с обожанием смотрел на своего командира звена П.П. Смирнова. Его смех не был громким и раскатистым. Природа наградила этого человека правильными чертами лица, красивым телосложением, ростом, неторопливой походкой, точный выбор слов подчёркивал его достоинство. Глядя на него, на душе становилось легко. Его жена Тоня активно участвовала в художественной самодеятельности и во всех мероприятиях. В отличие от Петра Смирнова, Александр Азевич был, как в народе говорят, непоседа. Всегда весёлый, жизнерадостный, его никто не видел в плохом настроении. Где был Азевич, там была шутка. Он мог каждого ободрить, воодушевить, подшутить, не задевая самолюбия. Всегда и во всём аккуратен, опрятен. В маленьком гарнизоне Липово складывался на редкость дружный и спаянный коллектив. Взаимная выручка, сознательность, уважение друг к другу, никогда не было крупных дисциплинарных нарушений. Конечно, это зависело от правильного руководства.

История гарнизона Липово началась в 1936 году. Согласно приказу Наркома Обороны, приступили к укомплектованию 12-й отдельной истребительной авиаэскадрильи. Командиром её был назначен прекрасный лётчик, капитан Д.Д. Дольский. (Дольский Дмитрий Демьянович, рождения 28.10.1905 года. Убит при бомбардировке аэродрома Котлы 13 июля 1941 года). Перед заступлением на должность новый командир прежде всего сменил свою неблагозвучную фамилию – Попугаев. Он обладал прекрасными лётными качествами, был подтянут и аккуратен, но этого было недостаточно для командира

необжитого гарнизона, где всё было построено на скорую руку. Деревянные дома для начсостава были не проконопаченными, печи отапливались дровами и дымили, да и дров не привезли. Водоснабжение было не отлажено, продовольственного магазина не было, в комнатах мерцали тусклые лампочки. Электроэнергия подавалась из сарайчика, где стоял трактор, который приводил в движение динамо-машину. Культурных мероприятий не было, клуб не работал. Люди бедствовали, писали жалобы в вышестоящие инстанции, дисциплина падала, началось пьянство. Семья командира гарнизона жила в Ленинграде, куда он часто выезжал. В неблагоустроенном гарнизоне росли беспорядки, нарушения воинской дисциплины. За всё это руководство гарнизона было снято и заменено.

На смену командиру прибыл капитан Алексей Александрович Денисов. На его груди был орден Красного Знамени за участие в Испанских событиях. Новый командир оказался энергичным и требовательным.

В сформированную 12-ю ОИАЭ прибыл лётный состав в основном из ВВС Черноморского флота: К.Н. Барабанов, Г.Т. Губанов, И.И. Волосевич и другие. Одновременно прибыли техники: К.Т. Манохин, Г.И. Бенусов, Я.И. Бочков, М.Г. Горюн, И.П. Петренко, Р.И. Поляков и другие. Много труда выпало на долю технического состава при обслуживании истребителей И-5, прибывших с Дальнего Востока. То тут, то там слышался голос инженера Собакина, который утром распекал всех, а вечером приходил и тихо говорил провинившемуся:

– Не обижайся, милоч, впредь будь внимательнее.

На него и не обижались. Его жена была очень больна, и ему одному приходилось воспитывать малолетнюю дочь. Учитывались так же его заслуги, он

Алексей Александрович Денисов и политрук Замараев

участвовал в ликвидации офицерского мятежа в городе Саратове в 1918 году, воевал против Деникина в 1918 – 20 годах, против Врангеля в 1920 году, принимал участие в ликвидации банд на русско-персидской границе 1920 – 22 годах. Он был моряком, служил на эсминце «Войсковой».

На должность комиссара эскадрильи прибыл батальонный комиссар З.Ф.Лазарев. Он сумел сплотить коллектив активистов, чутко реагировал на жалобы и нужды. Появились агитаторы и пропагандисты, стала регулярно выпускаться стенная газета «Граница на замке», редактором которой был коммунист Г.И.Бенусов. В газете отражались все положительные и отрицательные стороны жизни гарнизона с фотографиями. В ряды партии были приняты лучшие люди гарнизона: Смирнов, Ёхин, Шувалов, Петрухин, Федоткин, Поляков.

За короткий срок в гарнизоне был наведён порядок. Вывезли весь мусор, на субботниках расчистили дорожки, посадили цветы на газонах, отремонтировали деревянные дома, отопительные печи, наладили водоснабжение. Люди вздохнули с облегчением, почувствовав о себе заботу. Ничто не ускользало от внимательного глаза командира. Он был ко всем строг, его боялись и в то же время называли «Батя».

В 1936 году звено Д.Л.Петрухина с лётчиками П.Смирновым и М.Черваковым отлично выполнили всю программу учебно – боевой подготовки и были признаны лучшими лётчиками Балтики. Командир звена Петрухин получил от Наркома К.Е.Ворошилова именные золотые часы, а его звено – премию в две тысячи рублей. В 1938 – 39 годах гарнизон жил активной, творческой жизнью, поощрялись все разумные начинания. Художественная самодеятельность была на самом высоком уровне. Александр Лузин, Сергей Гладченко, Николай Балашов, Пётр Выпов, Егор Буранов, Роман Поляков, Иван Усатов были самыми активными её участниками. Чётко работали партийная и комсомольская организации. Пройдёт сорок с лишним лет и бывший моторист, старшина группы политзанятий В.И.Гаврилов скажет:

– Это был прекрасный воинский коллектив, в нём сочеталось всё красивое с уставными требованиями. Воинские обязанности выполнялись чётко и непринуждённо, командиры поощряли инициативу. Я благодарен судьбе, мне посчастливилось видеть талантливых руководителей: А.А.Денисова, З.Ф.Лазарева, А.И.Азевича, Г.П.Губанова, П.П.Смирнова. Не забыть инженеров эскадрильи – К.Т.Манохина и Г.И.Бенусова. Все мы, мотористы, имели свои поручения, все были заняты настоящим военным делом, выпускали стартовки, изготавливали пособия для занятий в классах, старались отлично выполнить любую порученную работу. Из нашей эскадрильи вышли талантливые командиры полков – А.И.Нефёдов, К.Н.Барабанов, П.Г.Сгибнев, И.К.Поляк. Героями Советского Союза стали А.А.Денисов, С.М.Шувалов, А.И.Нефёдов,

И.И.Волосевич, Г.П.Губанов, П.Г.Сгибнев, В.А.Михалёв. Наш лётчик А.И.Азевич был командиром дивизии в чине полковника. В боях за Родину участвовал весь личный состав, отмечался правительственными наградами».

ТРЕВОГИ, ТРЕВОГИ...

*Командир звена 12-й КОИАЭ,
поэт Пётр Алексеевич Курков*

Гарнизон Липово готовился встретить новый 1939 год. Выпало много снега, тропы между домов расчищали большими фанерными лопатами. Лес стоял в своей роскошной красоте, одетый в белую меховую шубу. Следы зайцев на снегу торопили охотников готовить ружья и лыжи. Много хлопот было у политработника Николая Косорукова и начальника клуба, политрука Фёдора Кумпана. Они готовили большой новогодний бал. Мотористы привезли из леса самую красивую ёлку, придумывали замысловатые игрушки. Косоруков сделал шар из множества зеркалец, подвесил его к потолку, и он крутился при помощи электромоторчика. В зале прыгали световые зайчики всех цветов и размеров.

Участников художественной самодеятельности было много. Иван Усатов мастерски владел баяном, под его аккомпанемент шла вся музыкальная программа. Галина Кулакова пела свою любимую песню «Кукарача», жёны механиков Александра Ромашко и Мария Дзюба пели украинские песни. Старшина Выпов подготовил свой коронный номер факира. Он сшил из чёрной

материи фрак и цилиндр, вырезал замысловатую тросточку, на которой ловко вертел тарелки и стаканы. Лётчик Курков читал свои стихи. Командир отряда Кузьма Николаевич Барабанов пел шуточные куплеты, сочинённые им же самим. Вторым его номером была зажигательная «Кабардинская лезгинка», он её плясал с большим столовым ножом во рту. Неразлучные друзья Р.Поляков, А.Миронов и А.Павлюк исполнили шуточное музыкальное трио. Мотористы и бойцы роты охраны плясали своё любимое «Яблочко» и пели хором. Танцы под радиолу с крутящимся шаром на потолке завершали программу. Разошлись поздно ночью, вечер удался на славу.

Второго января техники, как обычно, шли в ангар ремонтировать самолёты.

– Новый год пришёл, начало его отметили, а дальше всё по-старому, – сказал моторист К. Голубенко.

Лётчики приходили в ангар в качестве наблюдателей. Дежурным по ангару был моторист Комягин. Это был неутомимый труженик, даже будучи дежурным, он подошёл к своему самолёту и смазал солидолом ленты расчалки. А тут, как на грех, вошёл командующий

ВВС ВМФ генерал С.Ф.Жаворонков. Дежурный Комягин, не успев вытереть запачканную руку, представился. Команду «Смирно!» не подал, в ангаре это не положено.

Неожиданно для Комягина генерал протянул для пожатия руку. Затем, посмотрев на свою запачканную руку, вытер платком и ничего не сказал. В сопровождении командира гарнизона и инженера эскадрильи он подходил к каждому самолёту, и техники отдавали ему рапорт. Подошёл к самолёту Егора, выслушал рапорт. Из карманов комбинезона техника торчали ключи и плоскозубцы. Посмотрев пренебрежительно, генерал сказал:

– Товарищ воентехник второго ранга, покажите свой носовой платок!

Егор полез в боковую щель комбинезона и из брюк достал платок, свёрнутый вчетверо. Генерал улыбнулся краешком губ и отошёл к следующему самолёту.

На следующий день утром было построение личного состава с присутствием генерала Жаворонкова.

– У кого есть претензии по службе, кто на что жалуется? – Спросил генерал.

Из строя вышел пожилой авиатехник второго ранга Богомолов и сказал:

– Товарищ генерал, если мне присвоят очередное воинское звание, я услышу и упаду.

– Почему непременно упадёте? – спросил генерал.

– От старости, – ответил Богомолов.

– Становитесь в строй, товарищ воентехник первого ранга! – Скомандовал генерал, прибавив один ранг. Через неделю после отъезда генерала

«Поломка не серьёзная», – докладывал Я.И.Бочков (первый слева) командира отряда П.П.Смирнову (первый справа) командира звена М.Д.Червакову (второй справа). На втором плане механики: П.В.Федоткин, И.Г.Ланин.

С.Ф.Жаворонкова пришёл приказ о присвоении Богомолову звания воентехника первого ранга.

Шли январские дни, морозные и короткие. Личный состав шёл на службу при электрическом освещении и уходил со службы в сумерках. Пятёрка молодых техников приходила в деревню усталая, с озябшими грязными руками, их можно было отмыть только горячей водой с мылом. Несмотря на усталость, каждый вечер читали свежие газеты.

– Что пишут? – спросил вошедший Иван Усатов, который мылся последним.

– Прочитаешь – узнаешь. – Ответил Хлопушин.

А газеты писали об очень тревожных событиях. Немецкие фашисты усиленно объединялись с реваншистами Италии и Японии, сколотив между собой блок «Берлин – Рим – Токио». Германия оккупировала Австрию и включила её в состав Третьего Рейха. Мюнхенское совещание, «сговор»,

как потом назовут его советские политологи, в составе глав правительств Англии, Франции, Германии, Италии приняло решение отторгнуть от Чехословакии Судетскую область в пользу Германии, но Гитлер, продолжив агрессию, в марте 1939 года полностью захватил Чехословакию и отторг от Литвы порт Клайпеду. В апреле Италия захватила Албанию. В 1938 году японские войска вторгались на территорию СССР в районе озера Хасан, но получили решительный отпор, а в 1939 году напали на Монгольскую республику в районе реки Халкингол и были разгромлены советско-монгольскими войсками. В этом же году было подписано германо-румынское соглашение, подчинившее Германии экономику Румынии. Второй блок против Советского Союза, в который входили Англия, Франция, Соединённые Штаты Америки, вёл политику поощрения Германии, пытаясь направить её агрессию против СССР.

Все попытки СССР достичь военного соглашения с Францией и Англией и создать единую антигерманскую коалицию не увенчались успехом. Переговоры о коллективной безопасности Европы летом 1939 года провалились из-за соглашений западных государств с Германией, выработанных на «мюнхенском сговоре». Советский Союз не мог продолжать в одиночестве свою деятельность, надо было позаботиться о своей безопасности. 23 августа был подписан договор между Германией и СССР о ненападении. Германия, развязав себе руки этим договором, 1 сентября напала на Польшу и разгромила её. Правительство Польши, надеясь на помощь Англии и Франции, дважды отклоняло предложения СССР о помощи. Фашисты грабили материальные ценности, уничтожали польскую культуру, физически истребляли польский народ.

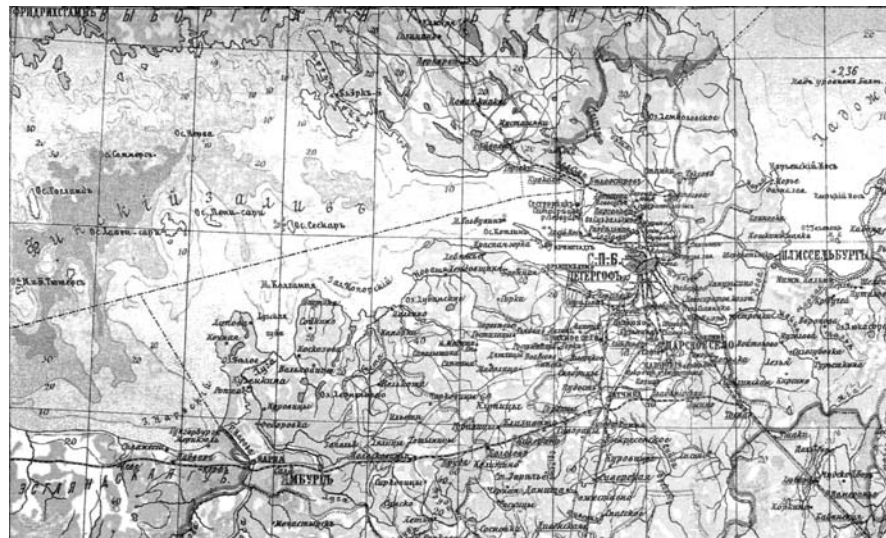
Вот об этом писали газеты, и молодые военные специалисты, читая статьи, понимали, война подошла близко, но в двадцать – двадцать три года трудно до конца осознать, что их ждёт впереди. Они добросовестно делали своё нелёгкое военное дело, жили, шутили, молодость не умеет долго печалиться.

Прибалтийские государства Латвия, Литва и Эстония воочию увидели, что несёт фашизм.

В сентябре – октябре были заключены договоры о ненападении и взаимопомощи между СССР и этими государствами. По условиям договоров на территории этих стран должен быть размещён ограниченный контингент советских войск. От 12-й Отдельной авиаэскадрильи был послан в Эстонию первый отряд старшего лейтенанта Гладченко. В состав вошли экипажи лётчиков Меркулова, Гладченко, Боровских, Михалёва, Куркова, Червакова, Моторина, Соловьёва, Петрухина, Королёва. Местом дислокации был аэродром Палдиски.

ВООРУЖЁННЫЙ КОНФЛИКТ С БЕЛОФИННАМИ

Молодые патриоты Родины, кому я адресовал эту книгу, будут изучать историю возникновения конфликтов и войн, в которых участвовали их деды и прадеды. Я надеюсь, что мой рассказ, участника, находившегося в самом пекле войны, поможет понять атмосферу того времени.

Карта Балтики до «Зимней войны» 1939 – 40 г.г.

Финляндия – соседнее государство на северо-западной границе нашей Родины.

До 1917 года княжество Финляндия входило в состав России. В декабре 1917 года сейм Финляндии провозгласил независимость страны, воспользовавшись декретом В.И.Ленина «О правах нации на самоопределение». 18 декабря Совет Народных Комиссаров, возглавляемый Лениным, признал независимость Финляндии. В период гражданской войны в Финляндии, жестоко подавив красное движение с помощью белоэмигрантов и германских войск, сформировалось «белое правительство» во главе с П.Э.Свинхувудом. Прошло несколько лет, и президент Финляндии П.Свинхувуд, который был у власти с 1931 по 1937 год, заявил: «Любой враг России всегда будет другом Финляндии».

После заключения Брест-Литовского договора в Финляндию было направлено около 12,5 тыс. человек немецких войск и 2 тысячи финских егерей, прошедших военную подготовку в Германии и занявших ведущие должности в финском генштабе и продолжавших тесное сотрудничество с Германией. Политическая элита вынашивала планы создания «Великой Финляндии» за счёт захвата Южной Карелии, советской территории, никогда не принадлежавшей Финляндии. Капиталистические государства: Англия, Франция, Америка, Германия были заинтересованы в возникновении военного конфликта и начали вооружать Финляндию. Только Англия отправила боевой техники и оружия на сумму 221 тысячу финских марок, что составило 37% английского экспорта военных материалов того времени. К концу 1939 года Германия построила в Финляндии аэродромы, которые могли вместить в 10 раз больше самолётов, чем их имелось в стране. Правительство, объявив Финляндию нейтральной страной, на деле готовилось к войне. На военные приготовления ежегодно расходовалось 25% государственного бюджета страны, в короткий срок было построено ещё сорок военных аэродромов за счёт Англии, Франции, США, Швеции, Норвегии и Италии. К концу лета 1939 года был отработан план совместной блокады Финского залива в ходе войсковых учений вооружёнными силами Финляндии и Эстонии. Но не весь народ Финляндии был настроен враждебно к СССР. Всех несогласных с правительством сажали в тюрьмы, концлагеря, убивали, сгоняли с обжитых мест.

На Карельском перешейке, в 32 километрах от Ленинграда были построены уникальные оборонительные сооружения, получившие своё название по фамилии её создателя барона Карла Густава Маннергейма «линия Маннергейма». Протяжённость её была 90 км. от Финского залива до Ладожского озера, имела полосу укрепления шириной в 15-20 км. В неё входило 2000 огневых точек, дотов и дзотов, которые соединялись ходами и траншеями с 800 подземными казематами и были снабжены продовольствием и боеприпасами. Между тремя полосами укрепсооружений и перед ними находилось множество минных полей, проволочных заграждений, гранитных надолб, громадные «волчьи ямы». Лесные завалы в сочетании с непроходимыми болотами, лесами и сложным рельефом Карельской местности были образцом фортификационных укреплений. Финляндская армия имела на вооружении 900 подвижных орудий, 270 боевых самолётов, 60 танков, 29 боевых кораблей ВМФ. Такое количество вооружений в непосредственной близости к стратегическому центру страны в обстановке начавшегося конфликта создавало реальную угрозу безопасности СССР и должны были быть устранены.

Советское правительство, исходя из высказываний Маннергейма, военных приготовлений и донесений разведки было убеждено во враждебной

позиции Финляндии, но предприняло всё, чтобы избежать кровопролития. В ходе советско-финских двухэтапных переговоров 1938 – 1939 годов было предложено отодвинуть границу от Ленинграда на 70 километров, обменять часть Карельского перешейка на вдвое большие по площади территории в Северной Карелии и передать в аренду или продать полуостров Ханко под военные базы СССР. Но финское руководство не пошло на уступки.

Из-за отсутствия прогресса на переговорах, осенью 1939 года СССР аннулировал договор о ненападении, и 30 ноября советские войска перешли в наступление.

Действие сухопутных войск поддерживал Краснознамённый Балтийский флот, которым командовал флагман флота 2 ранга В.Ф.Трибуц. Фронт был от Ладожского озера до Баренцева моря протяжённостью 1500 км. Главный удар был в направлении Выборга. Стояли 40–45 градусные морозы, в лесах и болотах лежал глубокий снег, местность плотно заминирована, укреплена линией обороны. Бои шли днём и ночью. В составе морской авиации ВВС КБФ действовала 12-я Отдельная истребительная авиаэскадрилья, которой командовал майор А.А.Денисов. В задачу 12-й КОИАЭ входило вести разведку, уничтожать скопление наземных войск и техники, уничтожать вражеские корабли и морской транспорт, сопровождать самолёты-бомбардировщики, которые вылетали на передовую линию с аэродрома Котлы.

Самолёты на аэродроме Липово были рассредоточены по окраине лётного поля, лётчики днём находились в больших брезентовых палатках, которые отапливались печками-буржуйками. Техникам, мотористам и авиаспециалистам палатку не поставили. Они были постоянно заняты, да и заходить в палатку было небезопасно в пожарном отношении.

Рабочая одежда была пропитана бензином и маслом, вблизи от горячей железной печки пары горячего могли взорваться. Самолёты вылетали с предельной бомбовой нагрузкой по нескольку раз в день. Ночью они находились в постоянной боевой готовности, при сорокаградусном морозе моторы надо было прогревать через каждые два часа круглые сутки. Эта нагрузка полностью лежала на плечах авиатехников и мотористов.

Знакомая нам пятёрка техников холостяков: Буранов, Безруков, Усатов, Хлопушин и Умнов была переведена жить в гарнизон. Егор и Боря Безруков поселились вдвоём в одной комнате. Круглую железную печь топили дровами по очереди, или кто придёт первым. Вначале Безруков выполнял договорные обязательства, потом обессилел настолько, что перестал топить печь. Если приходил раньше Егора, втыкал валенки под верёвку вокруг печки и ложился в холодную кровать. Приходил Егор, затапливал печь и сушил валенки обоим. Начальство узнало об этом и отправило Бориса на лечение. Тоскливо стало Егору, согласился бы всё время топить печь, был бы только друг рядом.

Готовить дрова для печки помогал Женя Складаный, «золотой моторист», как называл его Егор.

Командир экипажа, их лётчик А.М.Тхакумачев летал на выполнение боевых заданий днём и ночью. Его боевое мастерство позволяло летать ночью, что не всем было по плечу.

Каждый день подвешивались бомбы, пополнялся боезапас для пулемётов, командир садился в кабину бодрим и решительным. В одном из полётов его подкараулила неудача. Была низкая облачность, на обратном пути он отстал от строя и потерял ориентировку. Летал до полной выработки горючего и не нашёл своего аэродрома. Пришлось идти на вынужденную посадку и садиться на лесную поляну. Самолёт застрял между больших пней, был изуродован до непригодности к полётам, но Абдула Мажидович оказался, к счастью, невредим, видно, в рубашке родился. Запасных самолётов не было, и его экипаж остался «безлошадным». Буранова и Складаного направили в ремонтную группу, которой руководил воентехник 1 ранга Я. И. Бочков. Ремонт неисправных самолётов происходил в ангаре, где отопления не было. От цементного пола шёл леденящий холод, казалось, на улице в 40 градусный мороз было теплее. Ремонтная группа производила замену двигателей, ремонт механизмов приземления и управления, сложные устранения поломок. Однажды прибыл самолёт из боя с пробитым проводом, идущим к маслорадиатору. В полёте горячее масло поступало в фюзеляж и там застыло. Его пришлось вырубать, как асфальт. Обмороженные пальцы не чувствовали гаек. Казалось, гайка закручивается, а посмотришь на неё, она давно упала на пол. Рабочее время было по 12 часов и более.

Три месяца, проведенные на ремонте в ангаре, показались Егору вечностью. Он не думал, правомерны ли действия военного руководства и правительства, как оценят потомки итоги «Зимней войны», он выполнял приказ. Для воина это само главное – выполнить приказ, быть верным присяге. Без этого нет армии, а без армии нет государства.

Однажды поздно ночью Егор пришёл домой в нетопленную комнату, дров не было приготовлено, и он лёг в ледяную кровать. Внезапно его разбудил телефонный звонок. Приказали идти и принять самолёт, приготовить к боевому вылету. Хозяин этого самолёта, воентехник Борис Левберг, накануне устранял неисправности на открытой площадке, обморозил ноги и лежал в санчасти. Этот самолёт оказался с крупными неисправностями, которые надо было срочно устранить. Больших трудов это стоило на жестоком морозе, зато Егор со своим мотористом Женей Складаным получили свой самолёт. На этом самолёте стали летать попеременно лётчики А.Тхакумачев и М.Пивоваров.

Полёты продолжались, росла боевая слава 12-й ОИАЭ, отрабатывалось боевое мастерство.

Командир звена лётчик И.К.Полях со своими ведомыми лётчиками Г.Крайновым и С.Львовым получили боевое задание. К цели шли на низкой высоте, подошли скрытно со стороны солнца. На железнодорожной станции Койвисто стоял немецкий состав, нагруженный боеприпасами, его надо было уничтожить. Бомбометание по этому составу производили с высоты 100 метров. Оглушительный взрыв потряс воздух, но и самолёт попал в зону летающих осколков. Отделались мелкими попаданиями, но могло быть и хуже, на следующих вылетах сделали поправку.

На передовой сухопутных войск трудно было опознать, где свои, а где противник. Опознавательных знаков не выкладывали, радиосвязи не было. Сухопутные войска плохо отличали свои самолёты от чужих, иногда обстреливали своих, даже зенитками. Боевой опыт нарастал постепенно.

Был такой случай. Лётчик Анатолий Нефёдов возвращался с боевого задания по авиаразведке.

Недалеко от финнов он заметил чёрную точку. Снижился и увидел на снегу наш бомбардировщик и около него экипаж из трёх человек. Один из пострадавших стал ползать по снегу и написал три буквы «ран». Нефёдов догадался, что экипаж сел на подбитом самолёте, имеются раненые.

– Забрать бы их, – подумал Нефёдов, – но как их разместить на одноместном истребителе? Можно выбросить бронеспинку от сидения и посадить сзади себя одного человека, а остальные?

Нефёдов принимает решение немедленно сообщить в штаб, и за ними пошлют многоместный самолёт.

Герой Советского Союза Александр Иванович Нефёдов

Так он и сделал. На спасение послали лётчика Губрия, наводящим полетел тот же Нефёдов. Самолёт Губрия посадил на лёд, а в воздухе его прикрывал Нефёдов.

Экипаж из трёх человек, Харламов, Белогубов и Пинчук был спасён.

В газете «Красный Балтийский Флот» описывался такой эпизод:

«...Морозная зимняя ночь. Получен приказ разгромить вражеский аэродром. Сборы недолги. Машины поднялись в воздух и взяли курс на намеченную цель. Ведёт своих лётчиков командир 12-й Отдельной авиаэскадрильи майор А.А.Денисов. Чтобы быть незамеченными, шли ночью без огней и включили их только над целью. Над аэродромом висела утренняя голубая дымка.

Противник не ожидал столь раннего визита. От бомбового удара в воздух полетели столбы пыли и щепок от разбитого ангара. Внутри загорелись самолёты. Зенитки открыли огонь, но замолчали после атак на них. Задание было выполнено блестяще, все самолёты вернулись на свой аэродром».

Таких операций было много. В конце каждого лётного дня подводились итоги. Майор Денисов отмечал слаженность в звеньях лётчиков П.П. Смирнова, Г.А.Авакьяна. На следующий день отмечалось звено А.И. Нефёдова, К.С. Сельдякова и т.д.

Командир отмечал мастерство лётчиков, летавших ночью: Блинова, Шувалова, Нефёдова, Смирнова, Крайнова, Ёхина, Поляха, Авакьяна, Гаврилова, Сельдякова, Волчека.

Третий отряд, состоявший из комсомольцев, стал называться «Комсомольский».

Не забыл командир отметить великую помощь Женсовета, которым руководила Женя Боровских – жена лётчика.

В трудную минуту, когда не хватало специалистов – оружейников, Женсовет узнал об этом, председатель Женсовета организовала женщин и предложила свою помощь по набивке патронных лент для пулемётов ШКАС.

После стрельбы пулемёты надо было разбирать и чистить. Оружейники не успевали это делать, и женщины помогли выполнить эту задачу. Старшина Василий Чаплыгин научил женщин разбирать, чистить и собирать пулемёты. С этой работой они прекрасно справлялись.

Всюду чувствовалась рука Женсовета, в столовой, на стоянке самолётов, куда они привозили пищу и раздавали, в кубриках на окнах висела светомаскировка из чёрной ткани, сделанная их руками. Женщины шили рукавицы, всеми силами старались помочь своим мужьям. Об этом тоже не забыл упомянуть командир, подводя итоги в конце лётного дня.

А время шло. Боевые дни заканчивались победой, наращивалось мастерство лётчиков, множилось число подвигов. 21 февраля наши наземные войска прорвались ко второй линии обороны, авиация и тысячи орудий сокрушительным огнём разрушили множество ДОТов и ДЗОТов противника.

*Женорг (Председатель Женской организации)
12-й КОИАЭ Евгения Михайловна Боровских*

Линия Маннергейма затрещала по всем швам. Нашим войскам была поставлена задача прорвать оборонительный пояс, преграждавший путь к Выборгу и взять Выборг. К первому марта было захвачено свыше 300 оборонительных сооружений, из них 70 железобетонных.

Второго марта перерезана железная дорога, соединяющая Выборг со штабом.

Карельская армия финнов была отрезана. Морская авиация вместе с подводными лодками потопили двадцать неприятельских транспортов. Линия Маннергейма осталась позади. Приказ был выполнен.

Четвёртого марта советские войска взяли Выборг. С падением Выборга белофинны признали себя побеждёнными и седьмого марта сели за стол переговоров. В результате 12 марта 1940 года был заключён мирный договор, по которому граница с Финляндией была отодвинута за Выборг, к городу Сортавала.

На севере часть территории Финляндии, в том числе часть острова Рыбачий и Средний отошли к Советскому Союзу. По этому договору Советский Союз арендовал на 30 лет полуостров Ханко с правом создания на нём военноморской базы, прикрывающей морские подступы к Ленинграду. Обе стороны обязались воздерживаться от нападения и всякого участия в коалициях и союзах против стран договора.

В засекреченной стенограмме совещания Высшего Командного состава Красной Армии в апреле 1940 года, подводя итоги войны, Сталин сказал: «Война была необходима, так как мирные переговоры с Финляндией не дали результатов, а безопасность Ленинграда надо было обеспечить безусловно, ибо его безопасность – есть безопасность нашего Отечества».

Одним движением Сталин разрушил все планы врагов, так тщательно готовившиеся и скрываемые, спутал все карты западным стратегам.

МИРНАЯ ПЕРЕДЫШКА

После заключения мира с Финляндией наступило затишье.

Наступило потепление и в природе, снег стал постепенно таять, обнажая пятна копоти и масла на местах стоянок самолётов. Лётчики были в ореоле славы. Техники, облегчённо вздохнув, сказали:

– Наконец-то кончились муки.

Их руки были в ссадинах и синяках после неоднократных обморожений. Постепенно привыкали к мирной обстановке. Буранов и Безруков долго и с наслаждением мылись в бане, сходили в парикмахерскую, надели выходные тужурки, называемые банкетками.

– Ну что, Боря, надо ехать в отпуск, – сказал Егор.

– Это если отпустят, если что ещё не случится, – ответил Борис.

– Тебе даже не верится, что боевые действия закончились?

– Даже не верится.

– Давай лучше приберём комнату, если из отпуска привезём жён, пусть не знают о нашей службе ничего плохого.

– Надо сжечь всё рабочее, куртки, брюки ватные, валенки и рукавицы. Всё надо уничтожить, от них на километр пахнет бензином, никакая жена не согласится жить здесь.

Так и сделали. В печку круглую, что стояла в комнате, воткнули всё. Поднесли спичку, а пламя, как на зло, не появилось. Тогда облили керосином. Загорелось со взрывом, пламя выскочило из печки и опалило Егору руки, слышался не гул, а буквально рёв. Казалось, что печку разорвёт взрывом, ребята выскочили из комнаты. Пришли, когда всё стихло. Посмотрели на печку и удивились. Она стояла не чёрная, а пегая от сгоревшего лака, дым лез в глаза и горло. Открыли форточку и дверь.

– Куда поедешь? – спросил Борис.

– В Рузаевку к Любушке, потом к матери.

– А я в Пензу.

Оба получили проездные документы. Девятого апреля Егор был в Рузаевке, а 12 апреля стал днём бракосочетания Егора и Любы. Молодой жене рассказал об авиации, ничего не стал таить, рассказал, как идёт служба, что она не перспективна, не светит быстрым повышением.

– Пусть потом не раскаивается, что вышла замуж за техника, – решил Егор.

Они были счастливы, что нашли друг друга. В Районном Отделе народного образования, где работала Люба после окончания педагогического училища, их поздравили, выбор Любы одобрили. Она рассчиталась с работой, поехали к отцу Любы, Фёдору Макаровичу. В 1928 году он был репрессирован, как церковный служитель. В Сибирь его не сослали, так как вскоре его

реабилитировали, и после смерти жены Татьяны Прокофьевны он жил в семье старшей дочери Евгении в селе Большие Березники.

Приехали ночью, в сенях и комнате было темно. Дверь открыла сестра, стала зажигать керосиновую лампу.

– Здравствуй, папаня! – сказала Люба, – я не одна, со мною муж.

Люба обняла его, Егор тоже подошёл, поздоровались.

На третий день все поехали в Соколов Гарт. Весна была в полном разгаре, снег сошёл, и появилась молодая травка, стали подсыхать после половодья дороги. Ехали на телеге долго. Картина встречи с матерью Егора была такая же. Мать не ожидала, что этот момент наступит так быстро. Родственники познакомились, у них было о чём поговорить, а молодые пошли в лес. Он пробуждался от зимней спячки, нежно распускались молодые листочки, показались подснежники. Было легко дышать, бегать, целоваться.

Отпуск незаметно и быстро подходил к концу. Встречались друзья по школе, тепло поздравляли.

Проводы за околицей были такие же, как раньше, только теперь не одного Егора, а с молодой женой. Время торопило, длительных стоянок не делали.

В Липово приехали почти одновременно с Борисом. Ему пришлось перейти в другую комнату. При встрече все поздравляли Егора, он же не совсем верил своему счастью, оно вначале так хрупко, может разрушиться от первой же неприятности. Молодожёнов пригласил к себе в гости сам командир 12-й КОИАЭ майор Денисов. Для Егора это было полной неожиданностью. Робко переступили порог просторной квартиры, гостей радушно встретила Надежда Марковна, супруга командира. Алексей Александрович души не чаял в своей супруге и называл её ласково «мамочка». Люба в этой обстановке казалась Егору маленькой девочкой, робкой и стеснительной. Командир стал расспрашивать её о жизни в Мордовии, она охотно отвечала. Тёплая обстановка, богатое застолье снимало напряжение молодожёнов. Выпили по маленькой рюмочке, и командир сказал:

– Больше вам не налью. Не положено.

Егор подумал, командир имеет в виду, что не положено командиру распивать с подчинёнными спиртное, но Надежда Марковна наедине с Любой объяснила, что молодожёнам пить нельзя, это может повредить потомству. Хозяева по-отечески пожелали молодым мира и согласия. Командир подарил примус, непомерно щедрый подарок того времени. Любе подарил красивую испанскую кофточку. На прощание он сказал:

– А я ваш земляк, моя родина – русское село Петровка Дубёнского района Мордовии.

От такого сообщения Любушка совсем осмелела, подошла к нему и поцеловала, как родного отца.

Егор стоял оробевший от счастья. Командир, видя его смущение, крепко пожал ему руку.

– Берегите друг друга, – душевно напутствовал молодых людей командир.

На всю жизнь Егор запомнил уроки доброты, справедливости, бережного отношения командира к своим подчинённым, и когда в конце службы ему довелось стать командиром воинской части, так же относился к своим подчинённым.

Никто в гарнизоне не узнал, что командир с Егором земляки, хвастать было не принято.

Надежда Марковна при встрече с Любой интересовалась их жизнью и успокаивалась, что всё хорошо.

Абдулах Мажидович Тхакумачев, Саша, тоже ездил в отпуск и женился. При возвращении из отпуска, ехал в пассажирском вагоне и рассказывал жене о жизни в гарнизоне. Юная кабардинка, очень красивая и стеснительная, всё время волновалась, ей казалось, что не сможет привыкнуть к военным и жизни в гарнизоне. Саша, увидев её страх, решил подшутить и с увлечением рассказывал:

– Всех привезённых жён знакомят со всем личным составом. Для этого выстроят всех перед зданием штаба, мужа и жену поставят перед строем и командир скажет: «Все видите жену Тхакумачева? Смотрите и запоминайте, а потом везде её пропускайте, куда бы она ни захотела пройти».

Горная кабардинка дрожала от страха от одной мысли, что ей надо будет стоять перед строем военных. Саше надо бы сказать, что он пошутил, но не сделал этого. Приехав в гарнизон, молодая жена сидела дома дня три, никуда не выходя. Саша, забыв про шутку, стал её спрашивать, не заболела ли. Она призналась, что боится выходить на обозрение перед всем гарнизоном. Долго ему пришлось уговаривать её выйти, даже пришлось просить соседей объяснить, что это шутка.

Был лётный день, учебно-боевая подготовка была запланирована обширная. Звено старшего лейтенанта Смирнова отрабатывало бомбометание. Накануне собрали последние самолёты И-153 («Чайка»). Лётчики и техники были довольны новой материальной частью. В отличие от старых самолётов, новые были с большим преимуществом: убирались шасси, улучшен центроплан, это уменьшало лобовое сопротивление, увеличивалась скорость, маневренность. Техникам легче было запускать двигатель за счёт сжатого воздуха. Всё шло нормально, и вдруг несчастье – разбился лейтенант Ильюхин. Он отрабатывал максимальный набор высоты, поднялся на высоту 3000 метров, позабыл включить кислородное питание, потерял сознание от кислородного голодания и разбился вместе с самолётом. Полёты были прекращены.

На сигнал «ЧП» приехал из Ленинграда инспектирующий ВВС КБФ. Он присутствовал на очередном лётном дне. Было запланировано бомбометание на полигоне, инспектор находился там, возле полотнища оповещения.

Чтобы получить «добро» на бомбометание, лётчик смотрел на большое полотнище в виде буквы «Т». Если полотнище разъединено, то есть верхняя часть отделена от нижней, бомбометание производить нельзя, можно только в том случае, если буква «Т» целая. Инспектор с командой, находясь в зоне бомбометания, забыли разъединить полотнища. Александр Скачков заходил на бомбометание, увидел, что полотнища соединены и произвёл бомбометание. От прямого попадания инспектор погиб на месте. Полёты прекратились.

Лётчик Скачков едва оправился от ранений во время войны, позже всех приступил к учебной программе и теперь на его голову такое несчастье! Он был отстранён от полётов, на него было заведено уголовное дело. При доказательстве вины семье угрожало бедственное положение.

– Надо заготовить дров, – сказал он жене, – трудно будет тебе заготовить их одной на зиму.

– Сходи к мотористам, попроси помочь, – сказала жена.

Скачков пошёл в казарму, Василий Тимарёв охотно взялся помочь. Поехали в лес, Василий управлял конём, Скачков сидел на телеге, склонив голову от тяжёлых дум.

– Что будет, что будет! – повторял он про себя.

Всё шло нормально, но вот наехали на ледяное покрытие, конь был не подкован, упал, разбил губы, сильно ушиб селезёнку и пал.

– Горе не приходит одно, – сказал Скачков и пошёл заявлять начальству. Шёл медленно, еле держался на ногах, на лоб скатилась мокрая прядь волос.

Василий Тимарев тоже пошёл в казарму, поделился горем с ребятами, ему посочувствовали. Подошёл друг, Кирилл Голубенко, глубоко вздохнул и сочувственно сказал:

– Вася, если бы конь разбил только зубы, можно было бы поставить ему искусственные, за твой счёт, конечно.

Кирилл горько вздохнул от безысходности, что дело не поправить. В кубрике долго стояла тишина. Но вот каждый представил себе коня с искусственной челюстью, это показалось так смешно, что в кубрике от смеха задрожали стёкла окон. Не смеялись только двое – Василий и Кирилл.

Гарнизон был в трауре, все переживали за семью Скачкова и убитого инспектора. Позднее приехал следователь и объявил, что лётчик Скачков в гибели инспектора не виновен, во время учения полотнище не было разъединено по инструкции, что позволило лётчику произвести бомбометание. Инспектор должен был обратить на это внимание. В дисциплинарном порядке была наказана вся команда полигона, уголовное дело на Скачкова было прекращено.

Среди лётчиков и техников Егор Буранов значился женатым. Уходил на службу из дома в чистой одежде, на службе переодевался в рабочую, после работы тщательно мылся, переодевался в форменную, даже одекolonился, что-

бы заглушить запах бензина, и приходил домой чистым. В раздевалке оставлял пару чистого белья, а грязную относил стирать в деревяню. Всё шло по плану, но однажды его молодая жена узнала, что он носит стирать бельё в деревяню.

– Зачем ты это делаешь? – спросила она.

– У многих от запаха бензина болит голова, – оправдывался Егор.

– Больше этого не делай, я тебя люблю всякого, и чистого и грязного. Понял?

Вечером сходили в кино, легли спать, а рано утром их разбудило тревожное завывание сирены.

Чёрный репродуктор на стене громко оповещал: «Боевая тревога! Боевая тревога!». Егор быстро соскочил с кровати, мгновенно оделся, поцеловал жену и выбежал. Перепуганная Люба, не зажигая света, смотрела в окно на бежавших лётчиков и техников. Её всю трясло от страха. Выйдя в коридор, она постучала в соседнюю квартиру, где жила семья начтеха В.Н.Букреева. Дверь ей открыла мать Букреева.

– Ирина Ивановна, что это такое? – спросила Люба дрожащим голосом.

– Привыкай, милая, это учебная тревога. Их часто проводят, отрабатывают быстрый сбор лётчиков и техников. Успокойся, всё будет хорошо. Нелёгкую ты выбрала жизнь, – продолжала Ирина Ивановна, – мой сынок служит давно, а у них вещей почти нет, в два чемодана всё помещается. Частые переезды и тревоги, тревоги – вот и вся их жизнь. Невестка Наташа работает на телефонной станции, детей у них нет, Бог не дал.

– Спасибо, Ирина Ивановна, вы меня успокоили.

– Приходи, милая, всегда буду тебе рада.

С этих пор между ними завязалась тесная дружба. Ирина Ивановна оказалась хорошей наставницей для молодой девушки, её дружеские советы очень были кстати. Люба на весь день оставалась одна в комнате. Ей, не привыкшей сидеть дома без работы, было скучно и как-то тревожно. Школы в гарнизоне не было, и она по совету Наташи Букреевой пошла в штаб, куда её взяли на работу телефонисткой.

Утром Егор завтракал в лётной столовой, нарком К.Е.Ворошилов утвердил бесплатные завтраки для лётчиков и техников, обедали лётчики тоже бесплатно, а техникам вместо обедов выдавали дополнительный паёк, масло, мясные и рыбные консервы. Егор всегда обедал дома, приходил счастливый, ведь дома ждала его любимая жена. В комнате стояла всё та же железная кровать, стол, стулья, патефон, примус и швейная машинка – приданное Любы от отца. Среди друзей они считались не бедными, у других и этого не было. Очень выручал примус, подарок командира. Однажды придя на обед, Егор застал Любу в слезах, сидящей на полу с корытцем и тяпкой.

– Что случилось, голубка моя?

– Палец порезала, хотела мясо порубить и сделать тебе котлет.

– Успокойся, бывает и хуже, а это что такое? – Егор показал на дорожку из теста, идущую от печки.

– Это пирог, хотела испечь, но тесто убежало.

– Не плачь, всему постепенно научишься, не всё сразу делается.

Егор пообедал консервами, попил чай и убежал на службу. Вечером их пригласил старший техник Лепетёнок на свой день рождения. Егор и Люба зашли в комнату и смутились, что пришли первыми. Они были немного моложе хозяев.

– Мы больше никого не приглашали, садитесь за стол, будем чествовать юбиляра, – сказала хозяйка, – водку пить не будем, угощу вас вишнёвой наливочкой.

На столе стояли тарелки с винегретом, колбасой и рюмки. Егор предложил тост:

– Нашему дорогому имениннику пусть будет жизнь – как рай, счастья – через край, любви – хоть отбавляй! Доброго здоровья, Филипп Макарович! Счастья, Александра Александровна! Кавказского вам долголетия!

Не успел он сказать эти слова, в комнату без стука вошёл заместитель начальника штаба старший лейтенант Баград, увидел накрытый стол, рюмки.

– Выпиваете? Нехорошо! – сказал и ушёл, хлопнув дверью.

Филипп расстроился, пошёл курить, некурящий Егор за ним, постояли, поговорили.

Филипп был для Егора примером скромности, рассудительности и трудолюбия. В Финскую, в сорокаградусный мороз он не уходил греться в палатку, переходил от одного самолёта к другому – а их было три в звене.

Егор и Филипп переживали, что их вызовут к начальству за застолье, время было беспокойное. Но этого не случилось, или Баград не доложил, или начальство сочло эпизод незначительным.

На душе у Егора было радостно и тревожно, его воспитанники-мотористы сдавали зачёты на механиков. Комиссия была строгая, Егора пригласили в число экзаменаторов.

– Стартех, как вы думаете, я сдам экзамен? – спросил моторист Конгин.

– Выдержите, только отвечайте уверенно и спокойно, – ответил Егор.

Члены комиссии не придирались, но спрашивали строго. Главное, что нужно знать механику – проверка компрессии в цилиндрах, регулировка зажигания у магнето, регулировка флетнера, если самолёт клонит вправо или влево, влияние регулятора оборотов винта «Р-7» на шаг винта и так далее. Зачёты закончились успешно, все мотористы, которые занимались, отвечали правильно, сдали на механиков и остались на сверхсрочную службу.

В выходной день после завтрака Люба вдруг говорит:

– Егор, ты говорил, что мы будем жить на берегу Балтийского моря, а где же оно?

– Это граница, пограничники не разрешают выходить на берег, но если хочешь, пойдём.

Быстро собрались и пошли в лес. По узкой тропинке между соснами и елями они пробирались к берегу. По обочине, как брызги солнца, желтели головки одуванчиков, нежные ландыши склоняли свои бусинки колокольчиков в их сторону. Люба сорвала несколько стебельков и с поцелуем протянула Егору. Ему казалось, что запах ландышей идёт от самой Любы, эти мгновения запечатлелись на всю жизнь, ландыши до конца жизни остались его любимыми цветами, их запах постоянно возвращал его в ту весну.

Вдруг лес распахнулся и открыл лазурную голубизну моря. Огромные волны бились о валуны, белыми барашками набегали на берег и с шумом растекались по мелким камешкам. Величественный шум моря дополнялся криком чаек.

– Это не земное! Это рай небесный, – сказала Люба.

Они стояли, будто замороженные, и не слышали, как к ним подошёл пограничник.

– Как вы сюда попали? Это запретная зона.

– Это я виновата, – сказала Люба, – я никогда не видела моря и уговорила мужа пойти.

– Покажите документы!

Егор достал удостоверение личности и в развёрнутом виде показал пограничнику. Тот посмотрел на фото и на дату выдачи.

– Задерживать вас не буду, но чтобы впредь вас тут не было. Немедленно идите домой.

Домой идти не хотелось, и они пошли гулять по лесу. Набрили на вышку, сверху на площадке никого не было и ничего не было установлено, и они решились залезть на эту вышку.

– Здесь загорать можно, – сказала Люба, – комаров ветер отгоняет.

Егор разделся до пояса, постояли, позагорали и решили спуститься вниз.

– А где же лестница? Как слезать будем? – спросил Егор, посмотрев вниз.

Постояли в недоумении, задумавшись, куда же исчезла лестница.

– Ну что, перепугались? – послышался голос.

Они посмотрели вниз и увидели Женю Складаного и Серафима Фурцева. Оба сдали зачёты на механиков.

Поставили лестницу.

– Слезайте, пленники! – сказал Женя.

Дело шло к обеду, и их пригласили покушать. Пока Люба готовила обед и накрывала на стол, завели патефон и стали слушать пластинки.

– Больше всех мне нравится Клавдия Шульженко, – сказал Серафим.

– Леонид Утёсов разве хуже? А Изабелла Юрьева? Чем не хороша? – возразил Женя.

*Автомеханик 12-й КОИАЭ
Складаный Евгений Фотич. 1940 г.*

– Все хороши, и хозяйева тоже, спасибо за обед, – сказал Серафим, – нам пора уходить.

Гарнизон Липово находился в полном расцвете.

– Никогда не было здесь так хорошо, – отмечали старожилы Г.И.Бенусов и М.Г.Горюн.

Учебно-боевая подготовка находилась на высшем уровне, снабжение всеми видами довольствия не имело нареканий, срочная служба проходила без нарушений. В клубе шли новые кинофильмы, проходили вечера танцев под радиолу, драмкружок ставил пьесы, художественная самодеятельность с участием лётчиков и техников была на высоте.

Молодость брала своё. Баянист, аккомпаниатор, Иван Усатов был незаменим, Александра Лузина не отпускали со сцены, когда он исполнял старинные романсы «Гори, гори, моя звезда», «Милая» и многие другие. Лихо отплясывал «Гопака» лётчик, а теперь уже Герой Советского Союза, Анатолий Нефёдов. Его воздушным прыжкам мог бы позавидовать и профессионал. С художественным чтением выступали Тоня Смирнова и Люба Буранова, зажигательно танцевали «Шуточный перепляс» Аня Крайнова и старшина Василий Громов. Аня танцевала до изнеможения, однажды она бы упала и разбилась, если бы её не подхватил неизменный конферансье Егор Буранов. Хоровые песни под баян исполнял многочисленный коллектив, состоявший из жён начальствующего состава и краснофлотцев. Лучшие номера были отобраны на смотр художественной самодеятельности авиаторов ВВС КБФ. В Новый Петергоф поехали Анатолий Нефёдов, Люба Буранова и Аня Крайнова с Василием Громовым. За художественное чтение стихотворения

«Дочь народа» Люба получила первое место среди женщин, лучшим чтением среди мужчин был признан красноармеец Асеев, он читал стихи акына Джамбула. Все были награждены «Почётными грамотами». Люба была приглашена на смотр флотской самодеятельности в город Таллин, но без мужа ехать не захотела.

– Люба, время беспокойное, надо брать отпуск и решать, куда ехать на случай войны, – сказал Егор.

Люба согласилась, и отпуск они провели в Мордовии. На обратном пути в Ленинграде купили детскую ванночку, они ждали ребёнка.

В гарнизоне жизнь стала тревожной. Шёл 1940 год, международная обстановка не радовала, газеты сообщали о стремительных маршах фашистов. 10 июня они оккупировали Норвегию, 22 июня капитулировала Франция, 4 сентября фашизм победил в Румынии, 1 марта 1941 года фашизм пришёл в Болгарию, 16 марта – оккупирована Греция, 27 марта произошёл государственный переворот в Югославии. Боевые тревоги участились, летчики стали дежурить, сидя в кабинах, и не одним звеном, а целым отрядом. Весь лётный и технический состав, который закончил училища в 1939 году, был переведён на казарменное положение. На главном месте была учебно-боевая подготовка. Отряды соревновались между собой. На первом месте был отряд старшего лейтенанта П.П.Смирнова, за ним шёл отряд старшего лейтенанта Я.И.Ёхина. Оставалось выполнить ночные полёты. Оба отряда были укомплектованы опытными лётчиками. Третий отряд укомплектовали молодыми лётчиками, пришедшими из училищ. Самых молодых тренировал старший лейтенант И.К.Полях. За его энергию, оптимизм и человеколюбие питомцы называли его «Батя». Весь май 1941 года шли учебно-боевые тревоги, отрядные учения, большие и малые. Учения 61-й авиабригады проходило с применением дымовой маскировки и ношением противогазов. Химподготовкой в 12-й КОИАЭ руководил начхим Г.Г.Бегун, на флотских учениях 12-я КОИАЭ заняла первое место.

19 июня 1941 года в гарнизоне Липово была объявлена боевая тревога. По этой тревоге вывели из ангара все самолёты и разместили по окраине лётного поля в кустарниках. Егору досталась та же стоянка, что была во время Финской. Всем экипажам была объявлена боеготовность № 2. Поставили две больших брезентовых палатки. Лётно-технический состав отдыхал ночью в этих палатках, домой не пускали. Только в субботу, 21 июня сходили в баню с подменой дежурства около самолётов. Вот такая была обстановка в гарнизоне Липово перед началом Великой Отечественной войны. Это данные из истории 12-й КОИАЭ.

ЧАСТЬ II

СТРАНА ОГРОМНАЯ ВСТАЕТ НА СМЕРТНЫЙ БОЙ

(Воина на островах Моонзундского архипелага)

Погибшие в войну ничего с собой не взяли.

Они оставили Родину, которую защищали,

детей, которые продолжают их род,

однополчан, дошедших до логова врага.

Они оставили память о себе на века.

НАЧАЛАСЬ ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

На Балтике стояли тёплые июньские дни, солнце поднималось на самую высокую отметку летнего солнцестояния, ночью было светло, как днём. Это были балтийские «белые ночи». Во многих парках Ленинграда работали танцплощадки, играли духовые оркестры. Но не всем было дано наслаждаться «белыми поэтическими ночами». Всем воинским частям и кораблям Наркомом Военно-морского флота адмиралом флота Н.Г.Кузнецовым было приказано находиться в боеготовности номер два, быть готовым к отражению нападения врага. По этой готовности все самолёты были выведены из ангаров и размещены на окраинах аэродромов на удалении друг от друга. Лётчики сидели в кабинах самолётов с пристёгнутыми ремнями, технический состав следил за сигналами с командных пунктов.

Рано утром дежурный штаба ВВС КБФ сообщил во все воинские части о нападении Германии на Советский Союз. Самолёты гитлеровской Германии бомбили Севастополь – главную базу Черноморского флота. Города Мурманск, Киев, Одесса, Каунас и другие были подвергнуты варварской бомбардировке.

В 3 часа 30 минут началось наступление сухопутных гитлеровских войск. Так началась великая война. Это было в воскресенье 22 июня 1941 года.

Фашисты упорно к этому готовились. На одном из секретных совещаний Гитлер сообщил своим генералам: «Теперь пришёл час, когда необходимо выступить против еврейско-саксонских поджигателей войны и таких же правителей большевистской Москвы». Повода для нападения не было, им надо было расширить границы «великой Германии», покорить народы Европы и сделать их рабами. Неслыханная наглость, зверское нападение фашистов на мирное население возбудили не страх, а гнев во всём личном составе балтийских моряков.

Оперативный дежурный сообщил, что в 12 часов по московскому времени будет выступать В.М.Молотов с обращением ко всему советскому народу. Командование 12-й КОИАЭ в гарнизоне Липово решило, что выступление Молотова должны услышать все. Для этого на лесной поляне опушки аэродрома был установлен репродуктор, сюда сходились авиаторы, свободные от вахты. Молотова приходилось слышать не раз, в кинозалах в документальной хронике слушали и смотрели его выступление в Женеве, где он отстаивал право жить в капиталистическом мире единственному социалистическому государству. Теперь это государство в опасности.

– Внимание! – Послышался голос диктора Юрия Левитана, – слушайте выступление Народного Комиссара иностранных дел товарища Молотова.

– Граждане и гражданки Советского Союза! Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление: «Сегодня в 4 часа утра без объявления каких либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбёжке со своих самолётов наши города: Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причём убито и ранено более двухсот человек. Налёты вражеских самолётов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории. Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством».

В голосе Вячеслава Михайловича, немного приглушённом и картавящем, не было смятения и паники, он звучал уверенно и взволнованно, призывая народ к решительному отпору врага:

– Правительство Советского Союза выражает непоколебимую уверенность в том, что наши доблестные армия и флот и смелые соколы Советской авиации с честью выполнят долг перед Родиной, перед советским народом и нанесут сокрушительный удар агрессору.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Выступление Молотова было прослушано тревожно и с вниманием, все стояли молча и слушали. Казалось, даже лесные обитатели притихли, будто понимали случившееся. Радио смолкло.

Тишину нарушил голос секретаря парторганизации Федота Гавриловича Дьяченко. Он объявил митинг открытым. После его короткой речи начались выступления. Гневно и взволнованно лётчики Г.В.Крайнов, П.П.Смирнов, Я.И.Ёхин, инженеры и техники обличали фашизм, все давали клятву бороться с врагом до полной победы, пока руки держат штурвал, пока бьётся сердце. После митинга вскоре был объявлен вылет.

Так начался счёт боевым дням и вылетам. Четыре дня несли вахту над островами Гогланд и Лавенсари, над Лужской губой, а потом пришёл приказ командующего ВВС КБФ о перебазирования 12-й КОИАЭ на эстонский остров Эзель. Это было 26 июня, лётчики поднялись в воздух на своих «Чайках», сделали прощальный круг над Липово и скрылись за опушкой леса. Техническому составу было разрешено сходить домой на несколько минут, затем на самолёте ПС-84 следовать на Эзель.

Егор трое суток не был дома, зашёл в комнату и увидел свою Любушку сидящей за столом, она была одетой, очевидно не раздевалась и ночью. Встретив Егора, прижалась и заплакала. Егор обнял её, поцеловал волосы, плечи. Впервые они были во власти страшной стихии.

– Надолго пришёл? – спросила Люба, подняв голову.

– Отпустили на несколько минут.

– Что тебе собрать?

– Ничего не надо, в чемоданчике есть всё необходимое.

Время встречи истекло, Егор только успел сказать:

– Дорогая, прошу тебя, всегда помни о ребёнке, сохрани его. Если будут эвакуировать, поезжай в Мордовию, там помогут родственники, устроишься на работу, без меня тебе будет очень трудно, терпи.

Люба пошла провожать. Быстрым шагом они торопились к самолёту, который разлучит их надолго. Около ворот к лётному полю стояли женщины с детьми. Они взволнованно что-то кричали своим мужьям, вытирая слёзы, дети испуганно смотрели на своих отцов, уходящих неведомо куда, прижимались к своим матерям. Егор шёл, и всё время оглядывался назад. Люба стояла в лёгком платье, от встречного ветра развеивались волосы, платье плотно облегалo её плечи и ноги, подчёркивая изящную фигурку молодой, любимой жены, самого близкого человека, дороже которого нет никого на свете. Егор думал только о ней, машинально переставляя ноги.

Техники садились в самолёт ПС-84. Зашёл последний пассажир и люк закрылся, командир экипажа лейтенант Костецкий проверил отлетающих техников, каждого по списку. Не оказалось только одного – воентехника

В.Д.Богуславчика. Костецкий ждать не стал, начал рулить на взлётную, а затем взлетел. Егор посмотрел в иллюминатор, увидел мчащийся автостартер, на нём стоял во весь рост и жестикулировал руками, прося остановить взлёт, опоздавший воентехник Богуславчик. На Эзель ему пришлось добираться наземным транспортом. Нелёгкая судьба сложилась у него потом. Его перевели в авиацию Северного флота. Пришлось летать бортовым техником. Много раз экипаж был на грани гибели, подбитые, они горели в воздухе, но твёрдо выполняли задания по сопровождению конвоев и уничтожению подводных лодок.

Сделав прощальный круг, самолёт взял курс на Таллин. Егор ещё раз посмотрел на ворота, где стояли боевые подруги с детьми. Никто не расходился. Под крылом замелькали деревья, петляли дороги с маленькими автомашинками, с людьми, которые как будто не шли, а стояли.

Командир экипажа обратился к пассажирам. Он сказал, что будем лететь без сопровождения, и если на нас нападут вражеские истребители, паники не должно быть, окажутся паникёры – стрелять в них. Грозные слова командира экипажа были восприняты без эмоций, каждый думал о более серьёзном, каждый понимал, что всё страшное и мучительное будет впереди.

Пролетели большую реку, это была Нарва. Показался город с ровными улицами и красными черепичными крышами, всюду буйствовала зелень. Это и был город Нарва, о котором Егор знал только по рассказам. Самолёт летел на юго-запад левее Таллина. Показалось Балтийское море, голубая синь была бесконечной. Моторы стали сбавлять обороты, Костецкий сделал крен, и все увидели на земле посадочное полотнище буквой «Т». Самолёт шёл на посадку.

АЭРОДРОМ КАГУЛ

Самолёт пошёл на снижение и коснулся земли. Промелькнула большая белокаменная церковь. От свежевспаханной земли образовался огромный шлейф пыли. Самолёт остановился и выключил моторы, открылся люк самолёта, и все стали выскакивать на поле. Их никто не встречал.

Через некоторое время показался военный в сухопутной форме, он смущённо держал пистолет в руке. Из-за укрытия вышли несколько бойцов с гранатами, все они были настолько пропылены, что трудно было определить какого цвета их обмундирование. Потом они рассказали, что им было приказано срочно расчистить территорию под лётное поле, разровнять бугры и укатать. Трое суток они находились в этой пыли, боялись, чтобы на их площадку не сели фашистские самолёты.

Прилетевшие техники стали немедленно разгружать самолёт, им помогали подошедшие бойцы. По всему лётному полю были расставлены ме-

таллические ежи, чтобы не могли садиться чужие самолёты и только узенькая полоска оставалась чистой. Эти ежи стали растаскивать по обочинам поля. Едва успели сделать главное, как в воздухе показались краснозвёздные истребители «Чайки». Приземлились благополучно, погода стояла сухая, и пыль поднялась ввысь на несколько метров. Майор Е.А.Кудрявцев, командир 12-й КОИАЭ вместе с командирами и инженерами отрядов стали определять места стоянки отрядов.

Отряд П.П.Смирнова определили в кустарник на обочине поля, отряд Я.И.Ёхина – около штабной землянки, отряд Б.А.Годунова – на поляне между высоких деревьев.

Расставив самолёты по местам, техники сразу же приступили к подготовке их на боевые вылеты. Управились вовремя, а тут привезли в термосах пищу, готовили её на морском аэродроме Кихелькона. Обедали прямо на поляне, одно-

временно и поужинали. Затем лётчиков увезли на ночной отдых, а одно звено – лейтенанта А.М.Тхакумачева оставили на всякий непредвиденный случай дежурить.

Охрану самолётов приняли сухопутные подразделения. К техникам подошёл командир, фамилию которого они не знали и не спросили. Он оказался общительным человеком и коротко рассказал об острове Эзель, куда они только что прилетели. Вот его рассказ:

– В Балтийском море недалеко от берегов Эстонии находятся около 800 больших и малых островов. Самый большой из них – остров Эзель. Вместе с другими островами Моонзундского архипелага, находящимися в средней части Балтийского моря, он имеет большое стратегическое значение для нашей Родины – через него проходят пути в Рижский и Финский заливы Балтийского моря к портам: Таллинн, Ленинград, Хельсинки, Рига, Лиепае. Эзель является вроде ворот на входе в эти порты, не случайно в 1721 году великий Пётр 1

присоединил эти острова к России. В 1917 году более трёхсот единиц кораблей германского кайзеровского флота были скованы кораблями Балтийского революционного флота и красными гарнизонами Моонзунда. Немцам был закрыт путь в Финский залив и дальше к Петрограду.

– Вы упомянули Моонзундский архипелаг, – спросил Егор, – расскажите об этом подробнее.

– Моонзундский архипелаг – это совокупность многих островов. Он состоит из группы островов в Балтийском море у побережья Эстонии. Самые крупные из них Эзель, Даго, Муху. На островах много леса, озёр, лугов. Главная ценность островов в стратегическом значении. Все иноземные захватчики при попытках овладеть Петроградом, прежде всего, стремились захватить Моонзундский архипелаг. Только за последние сорок лет Моонзундские острова четырежды становились ареной ожесточённых сражений.

В этих сражениях балтийские моряки показали себя подлинными героями – патриотами, мужественными и бесстрашными воинами.

– А кто здесь главный начальник, которому мы будем подчиняться?

– Все воинские подразделения островов подчиняются коменданту БОБРа – береговой охране Балтийского района, генерал-майору береговой службы Алексею Борисовичу Елисееву. Начальник штаба БОБРа – полковник Алексей Иванович Охтинский; военком БОБРа – дивизионный комиссар Гавриил Фёдорович Зайцев; начальник политотдела – батальонный комиссар Лаврентий Егорович Копнов.

– Теперь назовите, пожалуйста, свою фамилию, – попросил механик Дзюба.

– Денисов Иван Петрович, – ответил он.

– Спасибо за информацию, – поблагодарил Егор.

Иван Петрович пожелал спокойной ночи и ушёл. Стало темно. Все техники и младшие специалисты стали устраиваться на ночлег под крыльями самолётов.

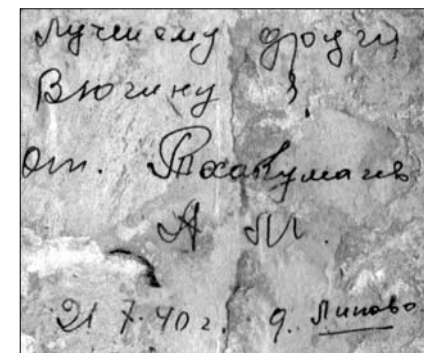
ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ С ВРАГОМ

Первый день пребывания на острове прошёл относительно спокойно. Перед командиром 12-й КОИАЭ штаб БОБРа поставил боевую задачу: отражение налётов самолётов противника; прикрытие кораблей флота, базирующихся в районе Моонзундского архипелага; разведка района Рижского залива с городами: Пернава, Линдава, Рига; нанесение бомбового удара по транспортам противника, пытающихся пройти через Ирбенский пролив; взаимодействие с торпедными катерами. Сопровождение бомбардировщиков во время их боевых действий.

На аэродром Кагул прилетели ещё самолёты третьей авиаэскадрильи 71-го авиаполка и вторая авиаэскадрилья 57-го авиаполка. Таким образом, на острове оказалась авиагруппа из 110 самолётов, из них 72 истребителя, 24 морских бомбардировщиков МБР-2, которые базировались на озере Кихельконна, 9 бомбардировщиков СБ и 5 самолётов Ил-2. Фашистские самолёты, базирующиеся на материке, имели численное преимущество. наших лётчиков это не пугало, ненависть к захватчикам, желание защитить своих детей и близких придавали силу и отвагу верным сынам Отечества.

Начались напряжённые дни и ночи, каждый лётчик вылетал на боевые задания по нескольку раз в день. Вражеские самолёты нападали на наши корабли и топили, интенсивно вели разведку и помогали наступающим частям. Наши зенитчики усердно стреляли по появляющимся самолётам, но попаданий было мало, и враги уходили почти безнаказанно. Вся надежда была на наши истребители. В небе всё время барражировали (патрулировали) наши «Чайки». В одном из боевых дней на барражировании были наши лётчики Крайнов Г.В. и Годунов В.А. Набрав высоту 2000 метров, они увидели вражеский самолёт Ю-88. Не теряя времени, бросились на пирата. Он понял опасность, сбросил бомбы в воду и стал уходить. Его догнали наши истребители, открыли по нему огонь, вошли в ярость, стреляли до последнего патрона. «Юнкерс» задымился и с понижением вошёл в облачность.

Обидно было, что упустили врага. Прилетев на свой аэродром, стали обсуждать, как лучше воевать.

Лётчик 12-й КАОИАЭ Абдулах Мажидович Тхакумачев.
Обратная сторона фотографии

Лётчик А.М.Тхакумачев возвращался с барражирования. Правее себя он увидел разрывы зенитных снарядов. Вскоре увидел летящий Ю-88, который после авиаразведки возвращался на свою базу. Саша развернулся и вихрем налетел на врага с хвоста.

Меткими очередями уничтожил хвостового стрелка-радиста. «Юнкерс» прибавил газ и начал уходить, Тхакумачев выпустил ещё две очереди из пулемётов. С правой плоскости показалось пламя и охватило кабину фашиста, бомбардировщик свалился на правое крыло и камнем пошёл вниз. Саша следил за ним до тех пор, пока тот не врезался в воду. На волнах показалось масляное пятно. Тхакумачев радовался и недоумевал, как это он пулями из пулемётов ШКАС пробил броню «юнкерса». Значит, у него есть уязвимые места, значит враг не такой уж сильный и страшный.

Саша прилетел на свой аэродром, пулей выскочил из кабины, подбежал к командиру отряда П.П.Смирнову и, запыхавшись, доложил:

– Товарищ командир, я только что сбил вражеский Ю-88, я это правду говорю, есть масляное пятно на воде!

Смирнов улыбнулся своей знакомой улыбкой, пожал руку победителю и сказал:

– Лететь на проверку нет необходимости, посты ВНОС* подтвердили падение в воду сбитого вражеского самолёта.

КАРЛ КАРЛОВИЧ ТООМИНГ ПРИБЫВАЕТ НА ОСТРОВ ЭЗЕЛЬ

В бухте Менту на острове Эзель базировался 13-й дивизион катеров КМТЩ. В их задачу входило траление и постановка мин, отражение вражеских катеров, уничтожение морских десантов. Командир этого дивизиона капитан 3-го ранга Николай Фёдорович Барсуков свои обязанности знал и строго их выполнял. В конце июня поступила весьма важная и ответственная задача: переправить на остров Эзель скрытным путём члена Центрального комитета Коммунистической партии Эстонии Карла Карловича Тооминга с супругой. Сложность заключалась в том, что Балтийское море было переполнено фашистскими катерами, кораблями, авиацией, подводными лодками, много плавало вражеских мин, подстерегала опасность нарваться на них. Командир дивизиона Барсуков и комиссар дивизиона старший политрук Сергеев задумались над выполнением этой задачи.

– Я считаю, – сказал комиссар, – эту задачу поставить командиру 2-го звена старшему лейтенанту Дмитрию Апексимовичу Овсянникову.

* Посты «ВНОС» – посты войск Воздушного Наблюдения Оповещения и Связи.

– С выбором согласен, – сказал Барсуков, – это смелый и умный командир. Овсянникова вызвали на КП, поставили задачу.

На катере КМТЩ за номером 13–09 готовились к встрече К.К.Тооминга. Мичман Николай Горбунов получил от командира Овсянникова особое поручение:

– За жизнь Тооминга вы лично отвечаете своей головой, – напутствовал Овсянников, – предусмотрите всё, предвиденное и непредвиденное.

– Постараюсь оправдать ваше доверие, – ответил мичман.

В Таллиннской бухте на катер прибыли супруги Тооминг. Это были не совсем молодые люди с пробивающейся сединой на висках, очень интеллигентные и культурные. Разговаривали между собой на эстонском языке. Их внимательно рассматривали, но они не смущались. Супруга, сохранившая всю прелесть женской красоты, чувствуя восхищённые взгляды окружающих, чуть улыбалась краешками губ сдержанной улыбкой. Серые с синевой глаза, обрамлённые стрелами чёрных ресниц, делали взгляд задумчивым и загадочным. Супруги остались наедине с мичманом, для знакомства задали ему несколько вопросов биографического характера, откуда родом, где учился и работал. Мичман Горбунов коротко ответил:

– Родился в городе Карагат Новосибирской области в 1921 году. Комсомолец, работал учителем, потом призвали служить в армию, был зачислен на учёбу в 5-ю Ленинградскую школу младшего состава НКВД. После годичного обучения был направлен в город Кронштадт на базу торпедных катеров, откуда направили служить в 13-м дивизионе катеров КМТЩ. Умею стрелять, знаю приёмы японской борьбы. Могу показать, как я стреляю.

– О, это будет интересно! – сказала супруга.

– Тогда пожалуйста, – ответил Николай.

Для ежедневных упражнений в стрельбе у Николая на катере было приспособление из мишени и зеркала. Глядя в него, Николай сделал три выстрела, и все оказались в цели.

– Вы часто упражняетесь в стрельбе? – спросил Карл Карлович.

– Да, часто, – ответил Горбунов, – для меткой стрельбы надо упражняться постоянно, не менее трёх выстрелов в день.

– Тогда я вам составлю компанию, – сказал Тооминг, достал свой маузер и сделал три точных выстрела.

Николай увидел у Тооминга нож, он был необыкновенно красив, ручка заканчивалась головой лошади. Мичман как увидел этот нож, так и обомлел, глаз от него не мог отвести. Карл Карлович уловил взгляд мичмана, улыбнулся и со словами «все мы были молоды!» подарил нож мичману.

Гостя пригласили побеседовать с членами команды, он согласился. Ему задавали вопросы: долго ли протянется война, какое соотношение сил наших и немецких. Тооминг охотно отвечал, ясно и понятно, обладая большой эру-

дицией. Потом сам задавал вопросы, терпеливо выслушивал, вставлял умные замечания. Моряки убеждались, что перед ними был человек большого ума и большой силы воли.

– А теперь расскажите немного о себе, – просили моряки.

– Я отношусь к числу старых революционеров Эстонии, – сказал он, – как сын трудового народа прошёл большой и славный путь революционной борьбы, активно участвовал в борьбе за установление Советской власти в Эстонии. Всю свою жизнь я посвятил служению своему народу и своей Коммунистической партии. На острове Эзель я был и раньше, участвовал в организации и руководил революционным восстанием. За это меня арестовали жандармы, и я отсидел в тюрьме 10 лет.

– На острове вам будет небезопасно, – сказал кто-то, – бои идут на материке и наверно скоро будут на островах.

– Острова надо удержать во что бы то ни стало. Моя помощь нужна в организации гражданского населения, в разъяснении военной политики до полного понимания каждым человеком. Я всё сделаю для победы, чем бы это мне ни грозило. Такова цель моей жизни, таков мой выбор.

Катер благополучно прибыл во второй половине дня. Стояла тихая и ясная погода. Синее небо было чистое, только справа у самого горизонта нависла тёмно-свинцовая туча с багровым подсветом. Вдали над гладью воды синей дымкой виднелся лес. Супруги сошли на берег. Морская болезнь и штормовая погода повлияли на их самочувствие, а, может, и волнения о предстоящей работе в глубоком тылу врага, причин было много. Выглядели они утомившимися.

Появились легковые автомашины и увезли пассажиров.

Позднее Николай Горбунов узнал о жизни Карла Карловича больше. Было ему 38 лет, имел 20-летний партийный стаж. В буржуазной Эстонии его судили на процессе 77 коммунистов и приговорили к 10 годам каторжных работ. Просидев 9 лет, уехал в Советский Союз, затем вернулся в Эстонию и снова был арестован. Когда 28 сентября 1939 года был подписан договор о взаимной помощи между СССР и Эстонией, Карлу Карловичу открылась широкая дорога в работе высших органов власти Эстонии.

Прошли сутки, как супруги Тооминг покинули катер. Команда моряков катера терпеливо ожидала их возвращения. Наконец, к счастью всех, подъехала автомашина и остановилась. Из неё вышел начальник политотдела БОБРа полковой комиссар Л.Е.Копнов, потом вышел Карл Карлович, за ним его супруга, за ней неизвестный команде мужчина в гражданском костюме. Последний был высокого роста, правильного телосложения, очень обаятельный, с мелкими чертами лица. Большие ясные глаза были пронизательны, лицо чуть суровое. Он что-то сказал супруге Тооминга и улыбнулся. Приятная

*Первый секретарь уездного комитета Компартии Эстонии на острове Эзель
Александр Михайлович Муй*

улыбка очень шла его лицу, была душевной и обаятельной. Командир катера Овсянников доложил начальнику политотдела по-уставному, все последовали на катер. Супруга Тооминга отыскала глазами Николая Горбунова и кивком головы поздоровалась. Николай встретил её взгляд открытой улыбкой, но вспомнив о своих основных обязанностях, направился к трапу катера. Овсянников остановил его.

– Находитесь возле супруги Тооминга, – сказал командир катера.

– Есть, – ответил мичман.

Начальство разговаривало между собой о чём-то серьёзном.

– Решено доставить всех на остров Вормси, – сказал Копнов Овсянникову.

– Есть доставить! – ответил тот.

Николай с супругой Тооминга разговаривал просто, как будто знал её много лет.

– Кто этот гражданский, что с вами приехал? – спросил Николай

– Первый секретарь уездного комитета компартии Эстонии на острове Эзель. Его зовут Александр Муй.

– А те двое в военном, которые сидят с шофёром?

– Это работники НКВД.

Командир катера построил весь личный состав в одну шеренгу. К строю подошёл Карл Карлович, работник НКВД передал ему пакет. Тооминг развернул его и извлёк револьвер «маузер», затем подошёл к мичману Горбунову и передал ему револьвер. Дружески хлопнув по плечу, сказал:

– Вот вам мой подарок, совершенствуйтесь в своих упражнениях для нашей победы.

Вот вам второй пакет, в нём патроны.

Напряжённая тишина оживилась. Мичман стоял, оробевший от неожиданного счастья, наконец, набрав воздуха в лёгкие, торжественно отрапортовал:

– Служу Советскому Союзу!

Командир катера подал команду разойтись по рабочим местам. Счастливым, как никогда в жизни, мичман Горбунов подошёл к супруге Тооминга. Посмотрев в её глаза, почувствовал острую душевную боль.

Она пыталась скрыть это, говорила тем же спокойным голосом, так же улыбалась сдержанной улыбкой, но глядя на погрузневшего, озадаченного мичмана, поняла, что от него не скроешь. Чужая боль ставшего близким человека мгновенно передалась мичману, сковала железным обручем сердце, торжественного настроения как не бывало. Ему хотелось облегчить страдание дорогого ему человека, но он чувствовал своё бессилие. Она закрыла лицо платком и тихо заплакала. Потом взяла себя в руки, взглядом попросила прощения за несдержанность, протянула руку с маленьким слонёнком и тихо сказала:

– Возьмите этого слонёнка, пусть он будет вашим талисманом, пусть он хранит вас, как ангел-хранитель.

Николай осторожно взял огрубевшими руками этот хрупкий дорогой подарок и положил около сердца в левый карман. Нет надобности описывать его чувства. Этот талисман он пронёс через весь смерч войны, хранил его божеественно, не расставаясь.

2 февраля 1982 года он провожал своего внука Николая Евгеньевича Алексева служить в Афганистане. Дед подарил внуку своего слонёнка. Вручая его, бывший мичман сказал:

– Пусть он будет тебе спутником удачи, талисманом победы.

ЗАСАДА

На морском аэродроме Кихелькона находилась 15-я отдельная морская разведывательная авиаэскадрилья (командир майор А.Г.Горошенко) и 85-я авиаэскадрилья (командир капитан М.И.Горбач). Самолётами этих эскадрилий были летающие лодки МБР-2, морские бомбардировщики-разведчики. В их задачу входила разведка Рижского залива, обнаружение транспортов противника в Ирбенском проливе, разведка районов Виндавы, Риги, на подступах к Таллинну и Раквере. Эти самолёты были самой устаревшей конструкции с одним мотором над центропланом, а в шутку это называлось «с мотором на крыше». Их крейсерская скорость не превышала 180 километров в час. Вооружены были двумя пулемётами с бомбовой нагрузкой 600 килограммов. Большая габаритность и плохая маневренность делали их уязвимыми

для вражеских зениток и истребителей. В сопоставлении с немецкими самолётами «хенкелями», которые имели скорость более 400 километров в час и вооружены были пулемётами и пушками, наши самолёты МБР-2 были вроде больших черепах.

Надо представить состояние лётчика на МБР-2, когда он летел над территорией врага.

– Я представляю их самочувствие, – сказал моторист Сергей Арцев, – догоняют тебя, расстреливают, а ты вроде «стоишь» на одном месте и ждёшь, когда тебе подставят брюхо или бок. А скорости-то маловато, хоть самого себя за хвост тащи.

– Печально, – сказал Егор, – здесь нужны другие самолёты, посылают наши истребители «Чайки», а они не приспособлены для разведки, даже фотоустановок нет.

– Стартех, а почему так получилось, что немецкие самолёты лучше наших?

– У нас есть самолёты не хуже немецких, но их не успели перевооружить, слишком мало времени нам было отпущено историей, чтобы подняться до уровня капстран, а тем более Германии, которая пол-Европы ограбила, прежде чем напасть на нас.

– Стартех, – продолжал Арцев, – лётчики говорили, что вчера на Кихельконне опять сбили два самолёта МБР-2.

– Я тоже это слышал. Сейчас полетят уничтожить самолёты, которые сбивают наши МБР-2.

К началу войны большинство советских самолётов (около 80%), были устаревшей конструкции. В 1940 году было выпущено истребителей Як-1 всего 64 самолёта, МИГ-3 всего 20, бомбардировщиков ПЕ-2 всего 2 самолёта. Фашисты сосредоточили у наших границ около 5 тысяч самолётов. Фактор внезапности дал преимущества фашистам. Только 22 июня мы потеряли 1136 самолётов, в том числе 800 на 66 аэродромах, подвергшихся неожиданному нападению. Фашистская авиация потеряла более 77 тысяч самолётов на советско-германском фронте (сведения из журнала «Коммунист» № 8 1982 г.).

Фашистские лётчики пренебрежительно относились к нашим тихоходным самолётам МБР-2. Но жизнь подсказала им быть осторожнее после того, как они понесли большие потери в воздушных боях. При встрече стали уклоняться от боя, держаться подальше от греха, а если нападать, то внезапно, из-за угла.

Самолёты «хейнкели» прилетали к аэродрому Кихельконна и на расстоянии трёх-пяти километров садились на воду поджидать прилёта самолётов МБР-2.

При взлёте или при возвращении с боевого задания самолётов МБР-2, они набрасывались на них, сбивали и уходили невредимыми. Создалось угрожающее положение.

Истребителям 12-й КОИАЭ была поставлена боевая задача – уничтожить фашистские засады.

На поиски фашистских «хейнкелей» послали лётчика Петра Сгибнева.

Подлетая к Кихельконне, он обнаружил дежурящих на воде четырёх «хейнкелей». Морская волна убаюкивающе покачивала четырёх стервятников. Пётр немедленно возвратился и доложил. На их уничтожение вылетели два звена лётчиков Я.И.Ёхина, В.М.Лобанова, А.А.Трошина, А.П.Дворниченко, М.И.Афанасьева, П.Ф.Гузова. Летели к цели на самой низкой высоте.

– Вот они, молодчики! – сказал Яков Ёхин, и дал сигнал приступить к атаке.

Удар был произведён одновременно по всем «хейнкелем». Это было так внезапно, что они даже не успели запустить моторы. Три самолёта загорелись после первой атаки, стали тонуть, четвёртый стоял на плаву, но еле держался. Его хотели отбуксировать к берегу при помощи катера, но он не дождался, утонул.

– Вот теперь они не прилетят! – сказал Пётр Гузов.

Действительно, фашисты позабыли дорогу к Кихельконну, но от тактики «засад» они не отказались. Теперь не близко к Кихельконну, а в открытом море они поджидали наши самолёты. Но и там их обнаружили разведчики Г.Крайнов и П.Сгибнев. Недолго думая, Григорий и Пётр одновременно атаковали фашистов, и реактивные снаряды прямым попаданием разнесли в щепки бесславных завоевателей. Так закончились фашистские засады.

МАЛЕНЬКИЙ ЛЁТЧИК

На аэродроме Кагул боевые вылеты продолжались днём и ночью. Самолёты истребители 71-го авиаполка были отозваны на аэродром Райэшкюля, нагрузка на лётчиков 12-й КОИАЭ увеличилась. Их было не так много, способных летать днём и ночью, всего четырнадцать: Г.А.Авакьян, Б.А.Годунов, П.Ф.Гузов, Я.И.Ёхин, А.А.Ильичёв, Г.В.Крайнов, П.З.Кравченко, В.М.Лобанов, П.П.Смирнов, П.Г.Сгибнев, А.М.Тхакумачев, А.А.Трошин, А.М.Шитов, Г.Г.Бегун.

Это был костяк или становой хребет 12-й КОИАЭ.

В третьем отряде Б.А.Годунова летали ночью только сам Годунов и Крайнов. Остальные лётчики были молодые, набирались опыта и мужали в боях. Самым молодым и самым маленьким в отряде Годунова был Николай Хромов, которому едва исполнилось восемнадцать лет. Любил его командир отряда Годунов за хорошую смекалку, находчивость, за шустрый нрав.

Однажды по телефону с командного пункта Годунов получил задание на вылет. Быстрым взглядом он осмотрел всех лётчиков, выбирая себе напарника.

– Полетим, маленький лётчик, – улыбаясь, сказал Годунов.

Хромов по-мальчишески соскочил с места, быстрым взглядом гордо посмотрел на всех, улыбнулся довольной улыбкой, кивнул головой и сказал:

– Полетим, товарищ командир!

Самолёты взлетели, оставив на земле два облака пыли. Они летели в необъятном просторе чистого неба. Небесная голубизна заканчивалась синей дымкой, соединяющей воду и землю. Им казалось, что небо подвластно им одним. Хромов держал ровный интервал, смотрел на командира, который всё время крутил головой, осматривая небо. Опытный лётчик не давал стихии неба обворозжить блаженством, усыпить бдительность. Но теперь и сам Хромов насторожился, он увидел летящий Ю-88. Враг шёл правее, сзади них, Хромову было достаточно только развернуться, и «юнкерс» оказался в его прицеле. Мгновенно нажал на все четыре гашетки пулемётов, казалось, пули прошли вражеский самолёт, но тот взял горку и скрылся. Прилив азарта закончился горькой обидой.

– Упустил, упустил гада, упустил... – с досадой повторял Николай.

Больше такой удачи Хромову не представилось. После полёта Хромов вместе с командиром сидел на скамеечке. Наклонив голову, не глядя в глаза, Николай чуть не плакал от обиды.

– Ведь я всё сделал как надо, я видел трассу летящих пуль, а он, гад, ушёл.

Губы его дрожали, голос срывался.

– Успокойся, значит, пули не задели жизненно важные точки, – отеческим голосом успокаивал его командир, – если бы повыше, пули прошли бы голову.

Годунов учил властвовать собой в минуты огорчения и быть собранным во время боя. И его учения не прошли даром. В следующей встрече с вражеским самолётом в районе Большого Зунда, когда противник развернулся к атаке по нашему кораблю и потерял бдительность, Хромов с короткой дистанции всадил в него пули и уничтожил.

БОЙ ЗА ЖИВУЧЕСТЬ САМОЛЁТОВ

Шесть дней прошло с момента прибытия самолётов 12-й КОИАЭ на аэродром Кагул. Стояла сухая погода, и лётное поле медленно зарастало травой. Пыль проникала во внутрь цилиндров двигателей, поршневые кольца катастрофически изнашивались, падала компрессия цилиндров.

Гул моторов не прекращался сутками, то тут, то там виднелись шлейфы густой пыли. При перелёте с аэродрома Липово техническому составу не разрешили брать инструмент для ремонта самолётов и даже личных вещей ввиду перегрузки самолёта ПС-84. Не было у них самого необходимого в обеспечении боевых вылетов, даже тормозных колодок, всё это было в пути.

Обстановка требовала постоянной готовности самолётов к боевым вылетам, в Липово принимались срочные меры доставки. Всё имущество техников, включая всякие козелки и стремянки, погрузили на автомашины для следования на Эзель, вместе с бензозаправщиками и маслозаправщиками образовался эшелон из 27 автомашин. Командиром этого эшелона был назначен начальник материально-технического обеспечения техник-интендант М.И.Усков, комиссаром эшелона – батальонный комиссар А.А.Лобанов, инженером по поддержанию исправности автомашин – инженер по эксплуатации Чистяков. Вместе с этим эшелоном выехал старший техник В.Д.Богуславчик, который опоздал к вылету самолёта ПС-84. Этому эшелону предстояло проехать большой путь с риском налётов вражеских самолётов.

Эшелон с нетерпением ждали эксплуатационники, самолёты приходилось выпускать подручными средствами. Авиатехник Г.А.Запезалов сменил подкос пирамиды шасси, была крайняя необходимость опробовать уборку и выпуск шасси. Для этого надо было поставить самолёт на козелки, а их нет.

– Давайте поставим самолёт на пустые бочки, предложил Иван Усатов.

– Они продавят плоскости, – сказал Богунец.

– Постелим самолётные чехлы, будем удерживать от скольжения руками.

Так и сделали, ремонт оказался трудным, но удачным. Не было спецмашин для заправки горючим, маслом, сжатым воздухом. Их временно доставили из Таллина. Не было запасных частей. Вся тяжесть по эксплуатации самолётов легла на плечи зам. инженера 12-й КОИАЭ И.А.Усатова – любимого всеми баяниста. Он был выше среднего роста и немного сухощав, а теперь стал высохшим и согнутым.

Историк 12-й КОИАЭ, анализируя работу технического состава, сделал запись:

«В этот период хорошо работали техники: К.Е.Денисов, Н.И.Волосевич, М.Ф.Ломовцев, Р.И.Поляков, С.И.Филимонов, Г.В.Мальцев, Я.М.Вьюгин, И.М.Рубанов, механики Е.Ф.Складаный, А.И.Баран, и другие. Особенно трудно пришлось авиатехнику Рубанову. Имея свой самолёт, он одновременно обеспечивал самолёт Богуславчика, пока тот был в пути с эшелоном. С подготовкой к боевому вылету авиатехник И.М.Рубанов справлялся, самолёты вылетали без задержки».

Лишь на шестые сутки прибыл автоэшелон, наконец-то техники вздохнули с облегчением. Ночью, в условиях строгой светомаскировки, они меняли цилиндры моторов. Забравшись под чехлы с миниатюрной переносной лампочкой, они творили сложную и ответственную работу.

Егор со своим мотористом Женей Селецким не помнили, когда были в бане, их командир Пётр Зиновьевич Кравченко летал днём и ночью. Прилетит, полежит на траве возле самолёта и снова улетает. На его глазах ремонтировался и готовился к вылету самолёт, всё делалось, как на пожаре, только бегом.

– Нам достаётся, подумал Пётр Зиновьевич, – но и им тоже не сладко, может и потруднее.

Тишину нарушил стон моториста Жени Селецкого.

– Что случилось? – спросил его Егор.

– Палец придавило, ключ сорвался.

Егор посмотрел на палец, крупными каплями с него стекала кровь. Это обстоятельство приостановило движение. Егор поднял глаза на Женю. Хлопчатобумажный комбинезон блестел от масла и грязи, как кожаный, губы покрыты незаживающими болячками, голубые глаза стали красными от бессонных ночей, веки припухли. На сон время не отводилось, если то время и выпадало, то это были считанные минуты прямо под самолётом на брезентовых чехлах. Заснуть сразу было невозможно, от нервного напряжения мелькали перед глазами краны и гайки, и всё казалось, что они не совсем закрыты, недовернуты и не законтрены. Техник вставал и снова всё проверял. Вот так ковалась победа на отремонтированных самолётах.

ЭВАКУАЦИЯ СЕМЕЙ ЛИПОВСКОГО ГАРНИЗОНА

Война продолжалась. Лётно-технический состав 12-й КОИАЭ находился на острове Эзель, их семьи в гарнизоне Липово. Война приняла затяжной характер, наступил момент обязательной эвакуации семей, дальше медлить было нельзя. На полустанок Икс подали товарные вагоны.

Было 13 июля 1941 года. Семьям разрешили взять предельно малое количество вещей. Многие надеялись на скорое возвращение.

– Ведь так уже было, нас увозили на время учений, а потом возвращали. Так и будет, – успокаивала Мария Дзюба свою подругу Александру Ромашко.

Большинство не надеялись на скорое возвращение. Всем эвакуированным выдали удостоверения такого содержания: «Семья эвакуируется из района боевых действий. Просьба всем начальникам железных дорог, всем советским организациям оказывать содействие в передвижении на всех видах транспорта, предоставлении жилья и в трудоустройстве». Подписали удостоверения за командира части капитан Н.А.Казаков, за начальника штаба техник-интендант 2 ранга Я.Е.Кремер.

Товарные вагоны были совершенно не подготовлены для перевозки людей, не было настилов для лежания, даже скамеек для сидения. В одном из таких вагонов ехала Люба Буранова. Прямо на пол были постелены одеяла, детей завернули в простыни, матери сидели возле них на корточках. Состав шёл без остановок, не было возможности набрать воды, пополнить скудные запасы еды. Дети начали капризничать, просили пить, а воды не было, про-

Анна Васильевна Крайнова 1940 год.

сили молока, еды, но всё закончилось. Поезд мчался без остановок, и никто не знал, куда. Голодные матери пытались накормить грудных детей, но молока не было. На третьи сутки у одной матери умер младенец, она потеряла рассудок, продолжала убаюкивать мёртвого ребёнка, проехала ещё сутки, потом сошла на какой-то маленькой станции, чтобы похоронить ребёнка. Поезд несколько раз подвергался бомбёжке и артобстрелу. Люба сидела в дальнем углу и всю дорогу плакала. Рядом с ней сидела Ирина Ивановна Букреева и успокаивала:

– Не плачь, Любушка, беременным плакать нельзя, ребёнок будет нервным.

Когда миновали районы боевых действий, некоторые женщины стали выходить на станциях, их никто не ждал и не встречал, так доехали до города Куйбышева. На вокзале в открытые двери вагона сообщили:

– Поезд дальше не пойдёт, освободите вагоны!

Люба вышла из вагона и с трудом достала билет до Чамзинки.

Жена воентехника Андропова ехала к родителям в Пермь, по дороге похоронила обоих детей.

В этом же вагоне ехала Анна Васильевна Крайнова, она была на последнем месяце беременности и всю дорогу повторяла:

– Мне надо доехать до Краснодара, иначе меня Жора не найдёт, когда мы прощались, он сказал, что мы встретимся у его мамы в Краснодаре. Он сказал, чтобы я берегла сына, теперь надо доехать, иначе мы разведемся и потеряемся.

Недалеко от Куйбышева на станции Кинель она вышла, затем добиралась в товарных вагонах и на открытых платформах до Краснодара, ехала восемнадцать суток.

17 сентября 1941 года она родила сына и назвала его Георгием, любимым именем. При первом знакомстве со своей будущей женой Григорий Крайнов в шутку назвал себя Жорой, и это имя осталось с Аней навсегда.

В больницу к ней приходили родственники Григория.

– Появился сынок, а Жора его не видит! Как он угадал, что будет именно сын? Он так мечтал о нём, – говорила им Аня.

Увидеть своего сына Григорию так и не пришлось. Анна стала жить у матери Григория, Краснодар захватили немцы, она хотела эвакуироваться, но состав разбомбили на станции, и она снова вернулась к свекрови. На её глазах фашисты входили в город. Мирный красивый город услышал грохот артиллерии и лязг танков, оглушительный вой пикирующих бомбардировщиков, треск бешено мчащихся мотоциклов, пулемётные очереди.

Семь долгих месяцев Аня была в оккупации, видела повешенных на телеграфных столбах мужчин и женщин с ярлыками «Я не выполнил приказ немецкого начальства», «Я воровал», «Я отравила немца». Автобусы, оборудованные под душегубки, увозили на смертную казнь евреев и коммунистов. В станице Елизаветинской фашисты закопали в землю живыми детдомовских пионеров. Своим звериным приходом они сеяли панику, расшатывали волю к борьбе, рассчитывая устроить своими зверствами мирное население, добиться полного покорения. Над городом появлялись одновременно триста фашистских самолётов, они нападали на санитарные поезда, бомбили госпитали.

Краснодар освободили в 1943 году, воинов-освободителей встречали со слезами и цветами. Приходили эшелоны с ранеными, из вагонов раненых выносили в окровавленных бинтах, размещали в школах, кинотеатрах, домах культуры, в больницах не хватало мест. Краснодарцы, кто не мог уйти на передовую, обслуживали раненых, рыли окопы, шили для военных одежду. Надо было вынести всё, чтобы победить врага. Аня вынесла всё, родила и воспитала прекрасного сына.

Георгий Крайнов воевал в Афганистане и был награждён орденом «Красной звезды».

В ГАРНИЗОНЕ ЛИПОВО

Весь основной состав трёх отрядов 12-й КОИАЭ участвовал в боевых действиях на острове Эзель. В Липово оставалась только часть третьего отряда для доучивания молодых лётчиков, прибывших для пополнения из училищ. Командиром этой группы был капитан Николай Алексеевич Казаков, обязанности начальника штаба и строевого отдела исполнял Яков Ефимович Кре-

мер, инженера по эксплуатации самолётов – воентехник 1 ранга Михаил Григорьевич Горюн. Ответственным за подготовку молодых лётчиков назначили старшего лейтенанта Ивана Кирилловича Поляха. Его большой опыт работы с молодыми и отличная лётная подготовка благотворно сказались в обучении. «Боевой, энергичный, правдивый» – такую характеристику дали ему его питомцы. В штабе ВВС КБФ липовская группа считалась действующей. Командующий ВВС КБФ генерал-майор авиации В.В.Ермаченков поставил этой группе боевую задачу: охрана береговой линии района на случай высадки десанта противника, сопровождение бомбардировщиков на передовую линию.

В подкрепление этой группы выделил два боевых звена из Низина. В Котлах и Кёрстово, откуда летали бомбардировщики, много лётчиков находилось на излечении в госпиталях, их самолёты стояли свободными. Об этом узнал капитан Казаков и вылетел туда для выяснения. В это время налетели фашистские «юнкерсы», начали бомбить и много сожгли самолётов. Капитан Казаков подъезжал к самолётам на спецмашине «стартёр», одна бомба угодила в этот стартёр.

Убили капитана Казакова.

Оставшиеся неповреждённые самолёты перегнали в Липово и на автомашине привезли мёртвого Николая Алексеевича. Командиром группы стал И.К.Полях. Молодые лётчики прошли тренировочный курс и могли выполнять боевое задание. Летали на охрану нарвского железнодорожного моста, на штурмовку вражеских войск на передовой.

В конце августа в гарнизон Липово прибыл военный корреспондент М.Шлесберг. Ознакомившись с боевыми делами липовцев, он написал статью в краснофлотскую газету «Победа» с описанием боевого эпизода:

«26 августа 1941 года.

Задача была ясна: прикрывать войска с воздуха. Тридцать минут расчётливый Никитин, смелый Денисов и мужественный Залеев, молодой Шумов, отважный Мясников, бесстрашный Полях на своих истребителях охраняли войска, бороздя облачное небо. Тридцать минут небо было спокойно. А на тридцать первой минуте в небе послышалось гудение не наших, а чужих фашистских моторов и из облаков выскочило двадцать двухмоторных Me-110.

Фашисты заметили шестёрку не раньше, чем расчётливый Никитин повёл ястребки в лобовую атаку. Стервятникам не было дела до наших ястребков. Фашисты шли сюда для того, чтобы расстреливать войска, чтобы выбить красных из окопов, чтобы дать возможность танкам со свастикой преодолеть надолбы и занять этот русский город. А немцев полегло уже много тысяч. Новые тысячи обречённых на смерть убийц, сверкая сталью штыков, поднялись и пошли в атаку на наши окопы. Фашисты глядели на небо, ждали, что вот сейчас их лётчики набросятся на наши войска, забросают бомбами, а потом...

Потом самолёты со свастикой прочешут огнём окопы, и им, «солдатам имперской армии» станет легче закончить дело: снять с раненых и убитых добротные русские сапоги на кожаной подошве. И всё бы шло так, да вот беда! На пути к нашим окопам встала шестёрка самолётов с красными звёздами, и, по всему видно, намерена атаковать двадцатку «мессершмиттов».

Сближались самолёты, шли друг на друга смертельно враждебные друг другу лётчики. Сорок фашистов – вот экипажи двадцати Me-110. Пять коммунистов и один комсомолец – экипажи шести ястребков. Жестокий бой начался в воздухе. Смертью дышат стволы пулемётов и пушек. Ястребки, на которых навалились по три, по четыре Me-110, не уходили с поля боя. Уже кончался бензин, но мысли не было уйти. Ястребки защищали войска, и ничто не оправдывало их уход – ни ранения, ни повреждения самолётов. В их помыслах было одно: защищать свои войска. Вот уже повреждён самолёт Залеева, вот уже кончились патроны у Никитина, но не уходят от боя славные лётчики. А стервятники, растратив патроны и снаряды в воздушном бою, поворачивают обратно. Тогда и наши ястребки идут на свой аэродром. Они отстояли русскую землю и защитили советские войска на их родной земле.

Идут цепи немецких солдат в атаку. Но нет у них прежней уверенности – их воздушные собратья оставили их.

А из окопов рванулись тысячи бойцов. На многие километры понеслось их могучее «Ура!», «За Родину!», «За Сталина!».

Минуту держались фашисты, только одну минуту. А потом хлынули обратно в свои укрытия. Бойцы Красной Армии ворвались в их окопы, били прикладами, кололи штыками, расстреливали, словно бешеных собак. Так кончилась контратака».

В правом углу этой газеты было напечатано: «После прочтения уничтожить». Но эту газету Иван Кириллович Полях хранил несколько десятков лет, она была для него реликвией грозных военных дней.

Первые лучики утреннего солнца едва коснулись верхушек пирамидальных елей, ещё не успели высохнуть на сочной траве алмазные бусинки росы, как Иван Кириллович Полях был уже на аэродроме со своими подопечными. Итоги вчерашнего дня были подведены вечером, боевые задания сегодняшнего дня ожидаются впереди, всё зависит от оперативного дежурного ВВС КБФ. Молодым лётчикам хотелось сесть ближе к Ивану Кирилловичу, от него можно услышать много интересного.

– Друзья мои, – сказал Иван Кириллович, – у меня для вас ничего нет, может быть, кого что-то интересует, прошу задавать вопросы.

– Иван Кириллович, – обратился Юрий Залеев, – если ничего делового нет, то расскажите что-нибудь о себе.

– Да, батя, – сказал Борис Середа, – расскажите о себе.

Для Ивана Кирилловича это было неожиданно, он не был подготовлен к рассказу.

– А что вас интересует?

– О жизни, как вы её начали, что встретили.

– Моя жизнь начиналась с трудностей, пожалуй, это не каждого интересует.

– Расскажите об этом, мы вспомним свою жизнь, своих близких.

– Ну, тогда слушайте. Если покажется не интересным, вы меня остановите.

Я родился в 1908 году на Украине в селе Великие Канивцы Черкасской области. Отец мой не имел богатства, скорее происходил из батраков. Моя мать, Марина Мунько выросла в селе Чернобай. Каким-то образом они нашли друг друга. В 1917 году отец погиб на фронте в войне с турками, после его гибели мать сильно плакала и тосковала. В 1921 году, когда на Украине был страшный голод, она умерла от голодной смерти. В тринадцать лет я остался круглой сиротой. Близких родственников, которые могли бы меня приютить, не было, податься было некуда, я пошёл наниматься в батраки к кулаку. Пас скот, зимой кормил этот скот на большом дворе. Беспросветная жизнь так и продолжалась бы, но вот, к моему счастью, в селе Весёлый Хутор появился совхоз. Я немедленно пошёл туда работать, специальности не было, меня определили разнорабочим. Питался в столовой, физически было нелегко, но здесь я не ловил на себе презрительного взгляда жадного хозяина. Так было до 1928 года, затем работал на железной дороге сцепщиком вагонов. Здесь вступил в комсомол. В 1930 году призвали служить в армию. Как лучшего и дисциплинированного бойца, меня послали учиться в полковую школу, в 1931 году вступил в партию. По окончании полковой школы мне присвоили воинское звание «Командир отделения». Я был доволен, что мне посчастливилось выбиться в люди. Моё счастье увеличилось вдвойне, когда пришло указание отобрать в лётное училище лучших выпускников. Меня посылают в лётное училище Одессы, в 1933 году я окончил его с отличием. По окончании был направлен служить в истребительный авиаполк имени К.Е.Ворошилова в городе Смоленске. В 1934 году этот полк переводят во Владивосток. В 1938 году участвовал в боях против японцев на озере Хасан. За боевые действия был награждён правительственным знаком. В 1939 году меня посылают на Балтику воевать с белофиннами, 12 марта 1940 года бои закончились, за успешные боевые действия я был награждён орденом «Красного Знамени». Вот теперь с вами воюем против фашистов. Пройдёт время, и вы будете говорить: «Воевал против немецких оккупантов в составе 12-й КОИАЭ».

– И будем вспоминать воздушные бои под руководством нашего бати, – добавил молодой лётчик Шумов.

Беседа прервалась телефонным звонком. Поступило задание сопроводить грузовой самолёт Ли-2, следующий на остров Эзель с важным грузом.

Оперативный дежурный передал приказ командующего послать двух лучших лётчиков. Иван Кириллович ответил, что полетит вместе с капитаном Александром Мясниковым. Над аэродромом показался самолёт Ли-2, сопровождающие вылетели без опоздания. В пути следования их атаковали вражеские самолёты, но опытные лётчики Полях и Мясников завязали бой, сумели не допустить к Ли-2 вражеских стервятников. Груз был доставлен целым и вовремя. Этот груз состоял из реактивных снарядов РС, которые были нужны как воздух для боевых действий авиации, находящейся на острове Эзель.

И.К.Полях в воздушных боях сбил лично пять самолётов противника. С его участием подорван железнодорожный мост, уничтожен парашютный десант, уничтожена колонна мотоциклистов, разбит командный пункт, уничтожено много наземных войск, много отдельных укрепленных точек. В неравных боях его три раза сбивали, был ранен в руку и ногу, горел в самолёте, получил ожоги лица и рук. Вылетал на боевые задания более 400 раз. Награждался тремя орденами «Красного Знамени», дважды орденом «Отечественной войны», орденом «Александра Невского», орденом «Красная Звезда», четырнадцатью медалями за освобождение городов Ленинграда, Севастополя, Керчи, Новороссийска. В 1945 году ему доверили охрану Ялтинской конференции трёх великих держав: СССР, США, Англии. Он летал на самолётах тридцати типов, включая реактивный МИГ-15. Ушёл на пенсию с должности командира полка в звании подполковника. За трудовую деятельность после ухода на пенсию получил звание «Ветеран труда», активно участвовал в общественной и патриотической работе в Совете ветеранов города Евпатории, выступал перед школьниками. Как истинный коммунист остаётся в рядах лучших сынов Родины.

Лётчик 12-й КОИАЭ
Иван Кириллович Полях 1935 г.

Шёл август 1941 года, обстановка на фронте изменилась. Ожесточённые бои шли под Нарвой, фашисты захватили Усть-Лугу и Котлы, Куплю и Копорье. Авиагарнизон Низино держался стойко. Железная дорога вдоль побережья к Липово была отрезана фашистами. Несмотря на это, боевые действия липовской авиации продолжались.

Командир гарнизона Иван Полях ежедневно с утра выбирал ведомого и вылетал на авиаразведку. Оставшиеся его питомцы зорко следили за появлением вражеских самолётов, находясь пристёгнутыми в кабинах.

– Батя полетел на разведку, – сказал Пётр Выпов.

– Обходить свои владения, – добавил молодой лётчик Денисов.

В воздухе летят два бесстрашных пилота. Вокруг фашисты, на земле и в воздухе. Их много, очень много. Зоркий глаз Поляха заметил в воздухе четыре точки, показал своему ведомому. «Принять бой!» – решает Полях, – но хватит ли мужества у ведомого? Прошла секунда, вторая, третья. Точки увеличивались с молниеносной быстротой, Полях разворачивает свой самолёт навстречу врагу. «Надо выше их, использовать ослепление солнцем, не дать врагу преимущества, Шумов не отстаёт. Молодец Шумов!» – быстро пронесаются мысли, руки почти автоматически делают привычную работу. Враги проскочили ниже на большой скорости, Полях разворачивается, и сигарообразный фюзеляж с чёрной свастикой на киле удачно оказывается в прицеле. Доли секунды, но их достаточно. От прямого попадания реактивного снаряда «РС», самолёт фашиста разлетелся вдребезги. На ведомого Шумова налетел фашист, но тот резко вошёл в пике, и фашист проскочил на большой скорости мимо. Шумов вывел самолёт из пике у самой земли. Остался цел. Найти своего командира было трудно.

– Что с ним? Что стало с ним? – повторял Шумов, а сам чуть не плакал.

А Полях вышел из атаки и нырнул в облачко.

– Теперь добраться до дома, – подумал Иван Кириллович.

Около Копорья фашисты вели бой с осаждённым гарнизоном. Грузовой самолёт выбросил на высоте много чёрных точек. От этих точек стали отделяться парашютные купола.

– Значит, воздушный десант фашисты учинили! – сказал Полях, – я им покажу!

Как бы в продолжение победы над вражескими самолётами, он стал нещадно расстреливать в воздухе парашютистов. Горели купола, замирали фашисты, висевшие на стропах, останавливались на бегу и замертво падали на землю приземлившись. Их было не менее пятидесяти, на оставшихся в живых не хватило пуль, остановились пулемёты.

– Вот теперь домой!

Вдруг на него налетели два Me-109. Отбиваться нечем, один зашёл прямо в хвост. Самолёт вздрогнул, заныла от боли нога и рука. Неуправляемый само-

лёт закувыркался, фашисты радовались, а Ивану Кирилловичу всё же удалось прилететь на свой аэродром и посадить самолёт, санитарная машина увезла его в госпиталь, техники при ремонте самолёта насчитали 107 пробоин.

Немецкая авиаразведка засекала самолёты на аэродроме Липово. По данным фашистской агентуры Липовский аэродром не значился. Они считали авиацию липовского гарнизона эвакуированной на остров Эзель. Под вечер прилетели для уточнения два фашистских Me-109, появились внезапно, по-воровски, со стороны липовского озера из-за высоких елей на окраине поля, постов ВНОС не было. Они подожгли бензозаправщик, убили моториста Л.Г.Киселёва и улетели. Наступила тревожная ночь. Ожидали налёта ночью, дежурили в кабинах. Ночью фашисты не пожаловали, а утром прилетели шесть Me-110. Налёт был так же неожиданно со стороны озера, были уничтожены все боевые самолёты. Воевать было не на чем, дежурный доложил оперативному дежурному ВВС КБФ. Поступило распоряжение командующего

Вьюгин Яков Михайлович (справа налево) и Василий (Букреев?) фамилия и отчество не установлены, отзовитесь, кто его узнал!). Липово. 1939 год.

Липово. 1939 – 1940 годы, имена не установлены

покинуть гарнизон Липово, все служебные помещения взорвать, деревянные дома сжечь. Всем погрузиться на автомашины и приехать в Борки. Лётчиков перебросили на самолётах, весь обслуживающий персонал поехал на автомашине ночью по просёлочным дорогам, чтобы не нарваться на фашистов. Петру Выпову, которому присвоили звание младшего воентехника, приказали создать подрывную команду и уничтожить служебное штабное помещение, ангар и гараж. Деревянные постройки: столовую, клуб, магазины, баню, казармы, четыре дома начсостава сжечь дотла, чтобы не достались врагу.

Подрыв производили толовыми шашками при помощи электродетонаторов. Всё обошлось благополучно, облили керосином и сожгли все служебные помещения, включая столовую и баню. Остались дома начсостава. Из бочек при помощи насосов разбрызгали керосин по стенам. Пётр Михайлович Выпов стоял возле своего дома и смотрел в окно. Там на кухне висели детские ползунки и рубашечки. Здесь мирно жили его семья и соседи, теперь они скитаются по дорогам, что сними, где они... От боли и обиды сжалось сердце, комок подкатил к горлу. Он стоял и не замечал, как слёзы катились по лицу.

– Товарищ воентех, – спросил подошедший красноармеец, – вы плачете?

– Нет, что-то в глаз попало, – ответил Выпов.

Последней горела проходная будка.

Авиагарнизон Липово прекратил своё славное существование.

Его жители пройдут по дорогам войны, вынесут все тяготы и лишения, горькие утраты и радость победы, но воспоминания о Липово останутся для них прекрасным сном. Здесь прошла молодость, встреча с любовью. Здесь выковывались лучшие качества: честность, доброта, товарищеская взаимовыручка и дружба.

ТРЕТЬЕ ИЮЛЯ

Мотористу Сергею Арцеву здорово повезло, рядовой боец роты охраны подарил ему радиоприёмник. Старый, трофейный, малого габарита, с разбитой стеклянной шкалой, весь пропылённый и потёртый, а всё же это был настоящий действующий радиоприёмник фирмы «Телефункен». При вручении рядовой сказал:

– Возьми, Серёжа, он тебе послужит, а у меня его разобьют. Вчера слушали, случайно напали на немецкие браваурные марши, это было так обидно и противно, что один не выдержал и ударил по нему кулаком. А виноват ли приёмник, что фашисты поганят эфир?

– Спасибо, – сказал Арцев, – я его заберу.

*Секретарь парторганизации 12-й КОИАЭ,
старший политрук
Федот Гаврилович Дьяченко*

О появлении приёмника узнали мотористы, пришли, послушали и дали ему кличку «Оккупант».

Сергей не давал крутить ручки, слушали только русскую передачу.

Сегодня утром техники приготовили самолёты к боевым вылетам, ждали прихода лётчиков. Воспользовавшись тишиной, на стоянку прибыл секретарь парторганизации политрук Федот Гаврилович Дьяченко. Он остановился возле самолёта Буранова, поздоровался рукопожатием. Подошли свободные техники и мотористы, завязалась беседа, Дьяченко разъяснил обстановку на фронтах.

Мотористы задавали вопросы, Федот Гаврилович отвечал чётко, ясно, как бы обсуждая наиболее проблемные. Егор посмотрел на него и про себя подумал: «Каким умным надо быть политраблотником, чтобы отвечать вот так, без подготовки на все каверзные вопросы».

– Товарищ политрук, зачем Гитлер поручил Риббентропу заключить пакт о ненападении, почему мы заключили его с агрессором, тем самым подорвали авторитет страны, оттолкнули от себя дружественные страны, – спросил моторист Уваров.

– Это сложный вопрос, – сказал Дьяченко, немного задумавшись, – Риббентропа Гитлер послал не объявлять нам войну, а заключить пакт о ненападении. Мы всегда были за мир, нам нужен был мир. Наша страна, отставшая в то время от передовых капиталистических стран на 50 – 100 лет, с каждым годом набирала силы. Мы никогда не забывали о звериной сущности фашистов, готовились к сражению и перевооружались ускоренными темпами. К весне 1941 года численность самолётов увеличилась более чем вдвое.

по отношению к 1939 году, более чем на 60% возросло количество авиационных полков. Была организована широкая сеть подготовки авиационных кадров, лётчиков, штурманов, инженеров, техников, штабных командиров и других специалистов. На Ленинградском фронте с лета 1940 года началось возведение двадцати укрепленных районов, которые занимали глубину до 20 километров. К началу войны удалось построить около 2500 железобетонных сооружений. Скрытно от противника, чтобы не дать повода к развязыванию военного конфликта, провели мобилизацию, призвали 800 тысяч военнообязанных – а это 100 стрелковых дивизий. Пакт о ненападении дал возможность в течение двадцати двух месяцев мирной жизни вести работу по укреплению границ и увеличению оборонного потенциала страны. Эта работа должна была закончиться к лету 1942 года, но осталась незаконченной, она продолжается и сейчас.

– Почему противнику удалось так углубиться на нашу территорию? – спросил Егор.

– Да, противнику удалось добиться оперативной внезапности, он застал советские пограничные войска врасплох, сухопутное командование не было готово к внезапному нападению, нам эту ошибку никто не простит и виновные понесут суровое наказание.

Эту беспечность не допустили на флотах. Нарком ВМФ 34-х летний адмирал Николай Герасимович Кузнецов, получая выговоры и нарываясь на недовольство Сталина, упорно готовил флот к войне. Командующий Краснознаменным Балтийским флотом вице-адмирал В.Ф.Трибуц принял все меры предосторожности, 16 июня были выставлены дополнительные корабельные дозоры.

19 июня Балтийский флот и Северный флот были приведены в боевую готовность №2.

21 июня в 23.15 Н.Г.Кузнецов приказал перевести флот на готовность №1. В 3.20 при первом получении сообщения о нападениях на советские суда вице-адмирал В.Ф.Трибуц приказал всем судам зайти в порты, в Москву была послана телеграмма. Корабли и авиация были рассредоточены и подготовлены к отпору врага, при налёте фашистов потерь кораблей и самолётов не было. В 5.17 вице-адмирал Трибуц дал приказ всем соединениям, частям и кораблям: «Силой оружия отражать противника».

– Война идёт тринадцатый день, – сказал воентехник Григорий Запёвалов, – почему никто не выступил перед народом?

– Наверно, много было у нашего правительства важных и неотложных дел, мобилизация всех сил на отпор врагу, эвакуация населения, ценностей, заводов. Дел много. Вот, пожалуй, и всё на сегодня, – сказал Федот Гаврилович. Он обратился к мотористу Арцеву:

– Покажите приёмник, который вам подарили.

Сергей вынул из чехла приёмник, повернул ручку пуска. Послышался треск, затем голос диктора. Это был голос Юрия Левитана:

– Внимание, внимание! Слушайте выступление по радио Председателя Государственного комитета обороны Иосифа Виссарионовича Сталина.

– Наверно, будет важное сообщение, – сказал Сергей.

– Товарищи! Граждане. Братья и сестры. Бойцы нашей армии и флота. К вам обращаюсь я, друзья мои.

Голос Сталина знали все. Немного приглушенный, с грузинским акцентом, был знаком и понятен каждому. Его не часто приходилось слышать, он говорил мало, но всегда в ответственные моменты. Ему верили, его слова не расходились с делом. Его видели в документальной хронике и на парадах в одной и той же шинели, о его скромном и нетребовательном быте знала вся страна.

– Вероломное военное нападение, – продолжал Сталин, – гитлеровской Германией на нашу Родину, начатое 22 июня, продолжается. Несмотря на героическое сопротивление Красной Армии, несмотря на то, что лучшие дивизии врага и лучшие части его авиации уже разбиты и нашли себе могилу на полях сражений, враг продолжает лезть вперёд, бросая на фронт новые силы... Над нашей родиной нависла серьёзная опасность...

Далее Сталин призывает перестроиться на военный лад, отстаивать каждую пядь советской земли, крепить тыл. Только беззаветный героизм и высокая сознательность могут спасти положение на фронтах. Закончил выступление словами: «Все силы народа – на разгром врага! Вперёд за нашу победу!»

На стоянку самолётов прибыли лётчики. Они надевали парашюты, садились в кабины, запускали моторы и взлетали в небо отражать атаки и громить врага.

У БОЕВЫХ СОБРАТЬЕВ

У мичмана Н.К.Горбунова после доставки К.К.Тооминга на остров Вормси дел было много. Он и сам об этом говорил: «Хлопот полон рот!». Вместе с главным старшиной К.С.Мурашевым он производил ремонт катеров: заменял гребные винты, ремонтировал электрооборудование, устранял все аварийные неполадки. На Кассарском плёсе и Муховойне вели траление мин, стояли в дозоре, охраняя фарватеры выхода в Балтику, высаживали и снимали десанты под Вирцу, на островах Рухну, Абрук, Вормси. Всё это производили под сильным обстрелом противника с суши и воздуха. Траление мин производили тралом Шульца, задачу выполняли медленно, чтобы не взорваться, убе-

дились, что трал не эффективен, надо что-то предпринимать. Командир звена старший лейтенант Д.А.Овсянников применил уничтожение вражеских мин бомбометанием малыми глубинными бомбами. Дело пошло, стали обезвреживать по пять мин в день вместо одной и опасность подорваться уменьшилась. Командование БОБРа об этом способе не знало. Овсянников доложил и сумел доказать преимущество этого метода, и его стали применять на всех катерах КМ.

Ни одного несчастного случая или подрыва своего катера не было. Катера КМ были маленькие, деревянные, с одним пулемётом. Решительный и умный командир звена Д.А.Овсянников сконструировал установку спаренных пулемётов. В целях защиты от попаданий вражеских пуль, осколков бомб и снарядов поставили листовую броню на палубу над бензобаками и машинным отделением, укрепили листовую броню по бортам, около пулемётов и ходовой рубки. На корме каждого катера установили пулемёты «максим». Для дезинформации противника изменили внешний вид катеров по силуэту. Приказом Овсянникова были срублены все мачты на катерах КМ. Они стали неузнаваемы, похожими на торпедные. Противник был удивлён появлением новых торпедных катеров. Личный состав катеров КМ морально был воодушевлён этими переменами. Командование БОБРа присвоило 13-му дивизиону новое название: «Броневая эскадра дивизиона «Чёртова дюжина». «Эскадра» оставалась тихоходной, зато защита увеличилась вдвое.

3-го июля катер КМ, на борту которого был Овсянников, шёл на остров Даго в Хельтерму доставить специалистов ОВРа. На горизонте появился какой-то приземистый катер, идущий наперерез. Запросили позывные, в ответ катер открыл огонь. По звуку это был крупнокалиберный пулемет, и скорость у катера была большая. Налицо у противника все преимущества, но чтобы уйти от него, нужна большая скорость, а её не было. Не стали ждать, когда противник нападёт, Овсянников решает дать бой! Дмитрий Аpekсимович сразу весь преобразился, приказания отдавал чётко и ясно, в голосе была решительность и отвага. Командиру катера Агапову приказал идти на сближение. Мичману Горбунову приказал привести в боевую готовность пулемёты и помочь минёру изготовить глубинные бомбы. Катера были совсем близко друг от друга. Овсянников горел желанием дать решительный бой фашистам.

– Как, мичман, проверим у них паспорта? – обратился он к Горбунову.

– И отправим к праотцам! – ответил Николай.

– Открыть огонь по огневым точкам и рубке! – скомандовал Овсянников.

Из носового спаренного бил Горбунов, а из кормового «максима» стрелял минёр. Огонь вели по вспышкам вражеских огневых точек и по рубке. Фашистский пулемёт замолк, Овсянников тут же воспользовался этим.

– Сближение на короткую дистанцию! – командовал Овсянников.

Дистанция была предельно короткой, пулемёты стреляли без промаха. Катер КМ лёг на обратный курс, а минёр в это время начал скатывать глубинные бомбы. Катер КМ удалялся, и мины стали рваться, вторая взорвалась прямо по курсу вражеского катера, когда он сделал разворот, чтобы преследовать русский катер. Последовал ещё взрыв двух бомб у самого борта фашистского катера, он развернулся на отход, но замер. Катер КМ развернулся в их сторону и пошёл на сближение. Мощью огня двух пулемётов подожгли вражеский катер, возник пожар, со страшной силой взорвался бензобак.

Неожиданно появился фашистский самолёт. Он сделал несколько кругов и пикированием открыл огонь, с катера отстреливались. Самолёт сбросил четыре бомбы, но безрезультатно. Стало темнеть. Старший лейтенант Овсянников нагнулся, чтобы проверить наличие боезапаса, а в это время самолёт налетел со стороны кормы и дал пулемётную очередь. Мичман Горбунов успел поднять броневой щит с палубы и закрыл им Овсянникова. Пулемётная очередь угодила в щит, ранила Горбунова в руку и щёку. Командир звена КМТЩ Д.А.Овсянников был спасён. Он приказал зажечь дымовую шашку, имитируя пожар. Увидев «пожар» фашист улетел, катер КМ прибыл к месту назначения, привезли тяжелораненого минёра Солодкова и раненого мичмана Горбунова. Остальные все были живы и здоровы. Командир звена построил всех на палубе и, обнимая, сказал:

– Мы сейчас одержали победу над сильным врагом! Молодцы, ребята, я верил в вас и не ошибся! В народе говорят «смелость города берёт», а ещё лучше, когда смелость сочетается с умением бить и побеждать. Большое вам спасибо!

Тяжелораненого минёра Солодкова и раненого мичмана Горбунова направили в Куресаарский военно-морской госпиталь, где Николай Горбунов лечился до 29 июля. (Справка Военно-морского госпиталя № 51).

МЕСТЬ

Полёты продолжались днём и ночью. Каждый лётчик совершал по несколько вылетов в день. Ирбенский пролив часто посещали вражеские корабли и самолёты. Их было много, очень много. Для завоевания Моонзундских островов немцы выставили две пехотные дивизии, два сапёрных полка, один понтонный полк, один финский батальон, одну артиллерийскую группу поддержки, одну флотилию миноносцев, две флотилии торпедных катеров, две флотилии тральщиков, одну флотилию охотников за подводными лодками, семь плавучих батарей, около 350 единиц плавсредств,

60 самолётов (данные из книги адмирала Н.Г.Кузнецова «На флотах боевая тревога»). И всё-таки, несмотря на то, что фашистская авиация была лучше по качеству и больше по количеству, наши лётчики почти всегда выходили из боя победителями.

Шестого июля в Ирбенском проливе авиаразведка обнаружила два вражеских корабля. На уничтожение этих кораблей вылетели советские лётчики-истребители П.П.Смирнов, П.Г.Сгибнев, П.З.Кравченко и М.И.Пивоваров. Мощными залпами реактивных снарядов они уничтожили эти два корабля. Фашистская авиация 29 июля совершила налёт на аэродром Кагул. В этом налёте участвовало двенадцать Ю-88. На другой день, 30 июля русские лётчики из 12-й КОИАЭ полетели на ответный удар. Согласно разведывательным данным, фашистские самолёты вылетали с аэродрома Лиепае. Вот туда и полетели два отряда лётчиков. Летели на низкой высоте и только на подходе набрали высоту 200 метров. Штурмовали в течение 18 минут, было сожжено на стоянке тридцать самолётов, никто из фашистских лётчиков не смог вылететь на отражение атаки.

Прилетев с задания, лётчик В.М.Лобанов рассказывал:

– Как только сбросили бомбы на крупные объекты, командир отряда Б.А.Годунов повёл самолёты на штурмовку стоянки самолётов. С первого захода фашистские самолёты горели и рвались на наших глазах. От реактивных снарядов некоторые самолёты опрокидывались вверх колёсами. Кончились реактивные снаряды, а вражеские самолёты ещё не все были уничтожены. Тогда Годунов снизился на высоту пять метров и стал расстреливать из пулемётов «Шкас». От зажигательных пуль самолёты загорались, как спички. Вслед за своим командиром отряда ринулись в атаку лётчики М.И.Афанасьев, Г.Г.Бегун, В.М.Лобанов. Фашистские самолёты все были сожжены, тогда стали уничтожать всё, что попадалось на глаза. Боезапас кончился, и мы стали выходить из атаки. Собрались в условном месте и двинулись на свой аэродром Кагул. Этот полёт никогда не забудется. Навеки запомнился бесстрашный Б.А.Годунов. Как легендарный В.И.Чапаев был Героем Гражданской войны, так Б.А.Годунов – Отечественной. Кто полетит с Годуновым на задание, прилетев, увидит на своей голове седые волосы. Лётчиков 12-й КОИАЭ часто посылали на авиаразведку. Эти полёты были связаны с большим риском. Фотоустановок на самолётах не было, разведка проходила визуально, увидеть всё своими глазами, запомнить и доложить. Лучшие сведения доставляли авиаразведчики: Б.А.Годунов, А.М.Тхакумачев и П.Г.Сгибнев. Их посылали на самые сложные и ответственные задания. Десятого июля они обнаружили в роще большое скопление техники и живых фашистов. На их уничтожение вылетели А.М.Тхакумачев, П.З.Кравченко, Г.А.Авакьян, П.Г.Сгибнев, М.И.Пивоваров и И.В.Красов.

*Командир авиавзвена 12-й КОИАЭ
Георгий Аракелович Авакьян*

Ими было уничтожено до роты фашистов. Три прямых попадания – и зенитные орудия полностью были уничтожены вместе с прислужгой.

Возвращаясь на свой аэродром, они увидели на дороге колонну мотоциклистов.

Пролететь мимо них и не уничтожить было невозможно. Ведущие Авакьян и Тхакумачев дали сигнал к атаке. Каждый зашёл по одному разу, и фашистов как не бывало! Хвалёные завоеватели прибыли к своему финишу. Одиннадцатого июля авиаразведчики обнаружили недалеко от Виндавы три миноносца типа «ягуар».

Миноносцы стояли на рейде, рядом с ними покачивались четыре торпедных катера. Фашисты приготовились следовать на боевое задание, их уничтожить нелегко. На подходе они обрушат лавину огня. На их уничтожение вылетели самые лучшие лётчики П.П.Смирнов, Г.А.Авакьян, А.М.Тхакумачев, П.Г.Сгибнев, А.М.Шитов, П.З.Кравченко, И.В.Красов и М.И.Пивоваров.

Шёл десятый час вечера, погода способствовала удаче. Под покровом надвигающейся ночи фашисты были уверены, что их не тронут.

– Что, молодчики, не ожидали нас? – сказал Смирнов, – встречайте гостей!

На головы оккупантов посыпались бомбы. Один миноносец взорвался от прямого попадания, взрывную волну почувствовали все лётчики. Два других миноносца получили серьёзные повреждения. Лавину огня они выпустили по истребителям, но было поздно. Корабли тонули, но не прекращали стрельбы, торпедные катера отстреливались яростно. В воздухе рвались снаряды, казалось, что каждый метр простреливался. Красные Соколы уходили из зоны обстрела. Красов и Кравченко обрушились на торпедный катер, он вспыхнул и

стал погружаться в воду. Два других катера последовали по тому же курсу – в холодную чернильную воду гостеприимной Балтики.

После дерзкой атаки все истребители 12-й КОИАЭ возвратились на свой аэродром.

Но это не всегда так удачно бывало, были и потери наших лётчиков. Семнадцатого июля 1941 года пал в воздушном бою лучший лётчик 12-й КОИАЭ Георгий Авакьян.

СМЕРТЬ ЗА СМЕРТЬ

События развёртывались молниеносно. Передовые части немецкой армии передвигались вперёд, овладели Любавой и Ригой. Смяв небольшое охранение, 7-го июля они захватили полуостров Виртсу. Островам Моонзундского архипелага угрожала опасность быть отрезанными от материка. Танки и моторизованная пехота мчались по шоссе по дороге с оглушительным рёвом, поднимая пыль. По дороге шли беженцы с узелками, среди них были дети. Впереди них из-за пригорка выскочила армада фашистских танков и пехоты. Не снижая скорости, они мчались на беженцев. Те не успели свернуть с дороги, и фашисты врезались прямо в беззащитных, оставив на дороге раздавленные трупы стариков, женщин и детей.

А в это время, как описывается в истории 12-й КОИАЭ, на очередную разведку послали лётчика Бориса Годунова. Он заметил идущую колонну танков и мотопехоты. Вначале он не понял, чьи они, свои или чужие: все были в кашках. Бесстрашный Годунов снизился на 50 метров, чтобы лучше разглядеть. Пехотинцы махали руками, выдавая себя за советских. Один фашист не выдержал и выстрелил из автомата по самолёту.

– А... Вот вы кто! – Сказал Годунов и развернулся для атаки. Он стал их расстреливать, пока не кончился боезапас. Прилетел на свой аэродром и немедленно доложил. Сразу же вылетели три «Чайки», ведомые Годуновым, Ёхиным и Лобановым. Они подлетели к колонне на бреющем, застали фашистов врасплох. Четыре машины с пехотой были моментально уничтожены. Оставшиеся в живых попрятались в рядом стоящий дом, реактивный снаряд уничтожил этот дом.

Первым реактивным снарядом был уничтожен головной танк, остальные танки на большой скорости налетали друг на друга, в их скопление попал РС. В боевом донесении 12-й КОИАЭ было сказано кратко: «Уничтожена колонна танков и бронемашин вместе с людьми. Израсходовано 32 снаряда РС, много патронов».

УНИЧТОЖЕНИЕ ФАШИСТСКОГО КАРАВАНА СУДОВ

В середине июля фашисты заняли Латвию, Литву, часть Белоруссии, Правобережной Украины, вторглись в западные области РСФСР. С захватом Прибалтики им было трудно держать связь с передовыми частями, железнодорожные мосты были взорваны партизанами, часть путей разобрана.

Немецкое командование вынуждено было связь с фронтом держать морским путём. Чтобы дойти до Риги, надо обязательно пройти через Ирбенский пролив. Но это не так просто: на острове Эзель стояли наши самолёты, дивизион торпедных катеров, дальнобойная артиллерия.

С большим риском фашисты снарядили большой караван судов, в котором было не менее 50 кораблей под прикрытием миноносцев, торпедных катеров, сторожевых кораблей и самолётов. Часть транспортных судов имела водоизмещение 8 – 10 тысяч тонн.

Двенадцатого июля вылетели на разведку старший лейтенант Б.А.Годунов, лейтенант П.Г.Сгибнев и младший лейтенант М.И.Афанасьев. В Ирбенском проливе они обнаружили этот караван судов. Михаилу Александровичу показалось, что фашисты идут спокойно и грозно, четыре колонны соблюдали интервал между кораблями с немецкой точностью.

Годунов спустился ниже, чтобы сосчитать точнее. Многовато, сорок вымпелов насчитал он. На палубах стояли пушки, мелькали люди. По бокам каравана шли восемь эсминцев, сторожевые корабли, торпедные катера.

– Запомнил вас, гадов! – сказал Борис Александрович. Покачивая крыльями, он дал команду ведомым приготовиться к атаке, а сам выбрал себе головной транспорт. От меткого попадания бомб транспорт загорелся. Но тут на него напали несколько фашистских самолётов Me-109. Ведомый Афанасьев обрушил лавину пуль на атакующего фашиста, но сам был сбит другим вражеским самолётом.

Легендарного лётчика Годунова сбили фашисты.

На Петра Сгибнева налетели одновременно три Me-109. К одному из них Пётр зашёл в хвост и сбил его.

– Молодец, Петька, пусть знают фашисты! – кричал он изо всех сил.

Сверху на Сгибнева набросились два Me-109. Самолёт его вздрогнул от попадания пуль, сильным толчком прижало его к бронеспинке, заныли ноги. Случайное облачко, в которое он нырнул, спасло его. Из нижней плоскости вылетело пламя, самолёт загорелся. Резким движением он вывел самолёт на противоположное крыло и этим сбил пламя. Вышел из облачка живым. Теперь только бы дотянуть до Кагула, – подумал Пётр, – хватит ли горючего долететь? Посмотрел на часы. Было 16 часов 03 минуты. Над целью были в 15 часов 35 минут, прошло всего 28 минут. Посмотрел на бензиномер – стрелка резко падала.

– Возможно, пробит бензопровод, – подумал Пётр.

Через некоторое время мотор внезапно чихнул. Это был первый признак остановки двигателя. От потери крови закружилась голова, занули раны. Пётр посмотрел на землю: куда совершить вынужденную посадку? И увидел белую церковь.

– Да это же Кагул! – облегчённо вздохнул и ещё раз посмотрел, не веря сам себе.

Увидел посадочное «Т» и стал немедленно идти на посадку. Медлить было нельзя ни одной минуты, мотор мог внезапно остановиться. Пробегка. Самолёт коснулся третьей точкой опоры – костылём. Замолк звук работы двигателя.

– Вот ведь как бывает, – подумал Пётр, – если не суждено погибнуть.

Подошла санитарная машина с красными крестами, вынули Петра из кабины. Первым делом он сообщил о караване и месте его нахождения. На уничтожение полетели лётчики 12-й КОИАЭ П.П.Смирнов, Я.И.Ёхин, Г.В.Крайнов, К.С.Сельдяков, Н.П.Хромов, А.А.Ильичёв, П.М.Шевцов, Г.Г.Бегун, П.З.Кравченко. Фашисты получили три бомбовых удара и штурмовок реактивными снарядами от лётчиков 12-й КОИАЭ перед входом каравана в Ирбенский пролив. Самолёты 57-го и 73-го авиаполков тоже вылетали на уничтожение каравана. Всего ими было совершено 75 самолётных вылетов.

В отряде торпедных катеров Владимира Гуманенко узнали вечером о подходе фашистского каравана судов. Ночь помешала им выйти в море, а утром рано в четыре часа они уже были на открытом морском просторе. Шли на максимальной скорости. Надо только представить себе маленькие судёнышки в количестве 3-х вымпелов, шедших на армаду, которая может бесследно стереть их своим залпом огня. Никто другой, кроме русских, не мог бы пойти на верную смерть.

Они шли без колебания. Ими командовал молодой лейтенант Владимир Александрович Гуманенко. От его умения и отваги зависела судьба героев – погибнуть или победить.

Через два часа хода они увидели на горизонте чёрные точки, которые двигались четырьмя кильватерными колоннами. Фашисты их заметили, но приняли за своих, они не думали, что маленькая горстка русских посмеет появиться перед грозной армадой. Но вот они появились! Лейтенант Гуманенко, не снижая скорости, шёл на сближение, фашисты начали сигнализировать опознавательный код. Не получив ответа, выпустили смертоносную лавину огня. Владимир дал приказание командиру катера Алексею Афанасьевичу вырваться вперёд и поставить дымовую завесу. Алексею это не составляло труда, на учениях не раз они отрабатывали такое задание. Но как только оказались впереди, на них обрушился шквал огня. Шлейф дыма сзади катера ещё

больше их демаскировал. Над головами героев свистели снаряды и рвались совсем близко. Но лётчики старались их не замечать, ведь от их бесстрашного поведения зависела судьба всей группы.

Как только завеса была поставлена, Владимир по радио передал приказ: – Афанасьеву и Иванову атаковать врага справа!

Для себя Владимир оставил левую сторону. Ветер гнал дымовую завесу в сторону фашистов, вскоре их корабли застелил дым, мешая прицельности Иванову и Афанасьеву. Когда герои выскочили из плотного облака дыма, они оказались между двух колонн на расстоянии меньше трёхсот метров с каждой стороны. Инструкции не предусматривали такого сближения, дистанцию предлагали держать в шесть раз больше, это же не стрельба из винтовок, их спасала маневренность и скорость. Иванов моментально всадил торпеду в борт миноносца. Неподалеку от него взорвался ещё один фашистский корабль – транспорт, гружённый людьми и оружием. Его потопил Афанасьев. Гуманенко решил потопить большой транспорт.

– Благо, что дистанция невелика, – сказал Владимир, – грешно промахнуться.

Оглушительный взрыв сотряс катер, транспорт начал крениться. Один из фашистских миноносцев открыл огонь по катеру лейтенанта Чебыкина, на котором шёл В. Гуманенко. В машинное отделение попало два снаряда, показала вода, заглух мотор. Командир отделения мотористов был ранен в грудь и в руку. Катер начал погружаться в воду. К нему поспешили Иванов и Афанасьев, чтобы спасти людей. Владимир показал руками, чтобы они взяли катер на поддержку с обеих сторон. Их помощь дала возможность выиграть время для заделки пробоин. Герои-катерники возвращались на свою базу победителями.

В результате боя вместе с авиацией было потоплено четыре крупных транспорта и повреждено восемь транспортов, один эскадренный миноносец и один сторожевой корабль. Лётчики-истребители сбили над караваном восемь самолётов противника. Караван подвергался непрерывным атакам до самой Риги. Лётчики 1-го минно-торпедного полка, узнав о караване, поднялись на уничтожение в 21 час 20 минут в наступивших сумерках. Вылетело 12 самолётов ИЛ-4. Летели из Беззаботного на Ирбенский пролив вдоль побережья Латвии на юг до Либавы. Погода стояла облачная, моросил дождь. Ночью были видны только очертания берегов, а что на воде – различить невозможно. Радиолокаторов на самолёте не было, визуально обнаружить врага не удалось. Сбросив бомбовый груз на запасные цели, самолёты вернулись на свой аэродром. Той же ночью вторично летали на поиск конвоя и так же безрезультатно. Лишь с рассветом конвой был обнаружен в Рижском заливе. Несмотря на потери, конвой был велик, около 40 вымпелов вместе с корабля-

ми охранения. Палубы были забиты танками, самоходными орудиями. Походный строй их был нарушен предыдущими атаками в Ирбенском проливе, огонь по атакующим самолётам вели неорганизованный.

Главный штурман полка Пётр Ильич Хохлов всматривался в конвой. В центре третьей параллельной колонны бросается в глаза огромный транспорт водоизмещением не менее 10-12 тысяч тонн. Верхняя его палуба отливает красным цветом. На палубе много военного груза, танки, орудия. Расчёты зенитной артиллерии стреляли по атакующим самолётам.

– Многовато всего, – подумал Хохлов, – наверно перебрасывают не менее танковой дивизии.

От первого захода бомбардировщиков транспорт с красной палубой был повреждён. К нему на спасение подошли вплотную два других транспорта из той же колонны.

– Это хорошо, – подумал Хохлов, – погуще стало.

Был совершён повторный заход. Четыре бомбы попали в цель, из них три в транспорт-гигант. От страшной силы взрыва трёх ФАБ-500 транспорт загорелся и переломился. На корме второго транспорта тоже возник пожар, а потом он стал погружаться в воду. Третьего захода не было, боезапас был израсходован. По тому же маршруту вылетела авиаэскадрилья торпедоносцев того же полка. Вслед за торпедоносцами шла бомбардировочная авиация флота. Им предстояло довершить разгром вражеского конвоя, что и было сделано уже в устье реки Западной Двины.

13 июля в палатке, где жил командир отряда старший лейтенант Борис Александрович Годунов со своими подчинёнными, царила необычная скорбная тишина.

Давно ли было? – Только вчера... Борис поднялся раньше всех, выбежал без рубашки на зарядку, а после набрал из колодца воды, умылся, остатки воды вылил на себя, растёрся полотенцем. Пришёл в палатку, надел майку, пригладил рукой любимую причёску–ёршик, взял свою старую гитару. Его подчинённые крепко спали.

Гитара ожила, Борис запел свою любимую песенку:

Заскочили мы в малину.
Гоп тир–дар–бубия.
Всё, что было утащили.
Гоп тир–дар–бубия.

Заскрипели кровати, но желающих вставать не было. Борис заиграл громче, запел веселее:

*Командир 3-го отряда 12-й КОИАЭ старший лейтенант
Борис Александрович Годунов*

«Не люби, кума, жигана –
Он завалится,
Он завалится,
Да будет каяться.
Передачу носить
Тебе не понравится».

Этого уже нельзя было вынести, все соскочили с кровати и побежали на физзарядку.

Теперь остались от этого только воспоминания. Нет любимого командира отряда старшего лейтенанта Бориса Александровича Годунова. Он ушёл от них навсегда.

Его жизнерадостная улыбка долго будет помниться. Старая гитара сиротливо висела над кроватью. Кто теперь оживит её былую славу? Сейчас она умерла вместе со своим хозяином. Борис Александрович ушёл из жизни, но обрёл бессмертие у людей, которые его знали. Он ушёл, как национальный герой, как верный сын своего народа. Против немецких оккупантов он воевал всего двадцать один день и сгорел, как факел, освещая путь своим личным примером, путь к подвигу. В личной жизни он был самым прекрасным человеком.

Лейтенант Пётр Сгибнев залечивал раны в госпитале. Были повреждены мягкие ткани, кости остались целыми. Когда раны перестали кровоточить, Пётр не мог больше находиться в госпитале, сбежал. Прибыл в часть с перевязанными

ногами и попросился летать. Знаменитым днём было 26 июля – День военно-морского флота. Для Петра он был четырнадцатым днём после ранения.

В этот день авиаразведка обнаружила в открытом море двадцать семь кораблей противника. Двух транспортов и одного танкера сопровождали два миноносца, четырнадцать сторожевых кораблей и тральщиков, восемь торпедных катеров. Кроме торпед они имели по три, а некоторые по четыре автоматические пушки.

Первыми их встретили истребители 12-й КОИАЭ в составе: П.Г.Сгибнев, Г.В.Крайнов, К.С.Сельдяков, П.Ф.Гузов, Н.П.Хромов, Б.К.Панкратьев, Г.Г.Бегун. Каждый выбрал себе цель. От прямого попадания бомб первым был уничтожен танкер. Он взорвался и горящим пошёл на дно. Несколько катеров было уничтожено реактивными снарядами. Затем лётчики вступили в бой с истребителями противника. Было сбито в бою два Me-109. Подоспели наши бомбардировщики СБ и сразу же уничтожили самый большой транспорт водоизмещением 5000 тонн.

В бой вступили три торпедных катера под руководством С.А.Осипова. Сам он, высокий и худощавый, стоял возле рубки, держась за мачту. Трудно было устоять на ногах, катер всё время маневрировал, уходя от рвущихся снарядов, зато он видел всё и все его видели. Немцы обрушили огонь на передовой катер, но дымовая завеса, поставленная Алексеем Афанасьевым, спасла вырвавшийся вперёд катер. Враг не мог вести прицельный огонь и стрелял наугад.

Катер, на котором находился Осипов, вёл мичман Василий Жильцов. Боясь упустить момент, Жильцов скомандовал:

– Аппараты товсь!

Осипов велел не спешить, подойти ближе и бить наверняка. Расстояние быстро сокращалось, впереди вражеский транспорт и миноносец.

– Залп! – скомандовал Осипов охрипшим голосом.

Жильцов выпустил торпеды по транспорту почти совсем в упор. Прогрехотали два взрыва, дело сделано, катер повернулся в обратную сторону. На месте вражеского транспорта из воды торчал только его нос. Ещё прогремели два взрыва, это Баямов ударил двумя торпедами по второму миноносцу. И ещё два взрыва прогремели через небольшой интервал. Это были попадания в сторожевик и тральщик катерниками Афанасьева.

Вот такие победные залпы гремели в день Военно-морского флота.

Вечером в столовой лётчиков 12-й КОИАЭ прозвенел телефонный звонок. Трубку взял командир 12-й КОИАЭ майор Е.А.Кудрявцев. Выслушав телефонограмму, Кудрявцев сказал лётчикам:

– Звонил командир отряда торпедных катеров Владимир Гуманенко, просил передать благодарность от катерников. Сказал, что без прикрытия «Чаек» они не выполнили бы такую боевую задачу.

ВЫСТАВКИ ХУДОЖНИКА Р.И.ПОЛЯКОВА

*Воентехник 1-го ранга, старший техник звена, художник, историк 12-й КОИАЭ
Роман Иванович Поляков*

На аэродроме Кагул в штабной землянке 12-й КОИАЭ по обеим сторонам прохода неожиданно появились листы ватманской бумаги с рисунками в графике. Они едва помещались в тамбуре. Прибывшие в землянку командиры отрядов, инженеры и начальники спецгрупп не могли пройти равнодушно мимо, чтобы не остановиться.

На одном листе идёт штурмовка фашистской пехоты нашими самолётами, «Чайками». Авиабомба попала в скопление солдат, уцелевшие фашисты разбегаются по сторонам, обеими руками схватившись за головы. На другом листе наши «Чайки» добивают фашистский корабль. Реактивными снарядами снесены все палубные надстройки, наш лётчик атакует корабль и расстреливает из пулемётов десантников. Обезумевшие от страха пехотинцы прыгают в холодную воду, их лица перекошены от ужаса. На третьем листе корму фашистского судна разорвало, от неё поднялся столб дыма и щепок. По разбитой палубе бегают гитлеровцы, прыгают в бушующие волны, плавают, тонут. Всюду тела убитых. Рисунков много, и каждый неповторим. Смотришь, и будто сам побывал на месте событий.

Долго смотрел на рисунки лётчик Иван Гореликов, а потом сказал:

– Так им и надо! Сами знали, зачем шли. Полезли – получайте!

Это было в августе 1941 года.

Роман Иванович Поляков был в то время старшим техником звена и всё время находился около самолётов, готовя их к боевому вылету. И всё же нахо-

дил время для любимого занятия, чтобы выразить чувство ненависти к наглым завоевателям, посягнувшим на самое святое – землю наших дедов и прадедов. Биография художника Полякова короткая. Он вырос в городе Астрахани, закончил там художественный техникум и по конкурсу был принят в Ленинградскую Художественную академию. Но страна нуждалась в авиационных специалистах, и его учёба была прервана на втором курсе. Он был призван в авиацию, а после окончания курсов был направлен в 12-ю КОИАЭ. Участвовал в боях с белофиннами, затем началась Великая Отечественная.

В газете «Лётчик Балтики» о нём была напечатана статья «Для победы в бою». В ней говорилось о творчестве художника Р.И.Полякова, который в своих работах отражал героику подвигам авиаторов, их горячее желание приблизить час победы над фашизмом. Эти рисунки дошли до наших дней. Восемьдесят листов экспонируются в музее города Курессааре на острове Сааремаа в Эстонии. Их Роман Иванович преподнёс городу в дар навечно.

После войны Роман Иванович жил в Ленинграде, руководил группой художников-оформителей города Ленинграда. Снова учился в художественной академии, но болезнь не позволила её окончить. В 1988 году Роман Иванович умер от инфаркта. Вечная ему память.

ГЕРОИЧЕСКАЯ ГИБЕЛЬ ЛЁТЧИКА С.М.КОНКИНА

28 июля 1941 года.

Задача оставалась та же: не допустить фашистские корабли, пытавшиеся пройти через Ирбенский пролив. Их отучили ходить армадой – они появлялись мелкими группами и больше в ночное время, маскируясь в мелких пристанях.

Но вот в дневное время появились в проливе три вражеских транспорта водоизмещением 2-3 тысячи тонн каждый. Их охраняли «морские охотники» и самолёты. Такие сведения поступили в штаб 12-й КОИАЭ. На уничтожение этих транспортов посылают В.М.Лобанова, А.А.Трошина, С.М.Конкина, А.П.Дворниченко. Искать долго не пришлось, транспорты были на виду. По бокам транспортов шли «морские охотники», вспенивая буруны волн.

Краснозвёздные «Чайки» приступили к бомбометанию. К сожалению, никто не попал в цель, бомбы рвались в 10-15 метрах от кораблей. На втором заходе применили реактивные снаряды. От захода Трошина загорелся «морской охотник», от захода остальных – взрывались палубы, отлетали борта, летели обломки от корабельных надстроек. Один транспорт загорелся. Лётчики сделали каждый по три захода под сплошным огнём с кораблей при непрерывных атаках вражеских истребителей.

Младший лейтенант Конкин пошёл на четвёртый заход. С высоты 150 метров он врезался в корму корабля. От удара транспорт осел и, облитый бензином, вспыхнул, как факел. Так героически погиб Степан Михайлович Конкин. Очевидно, он был подбит истребителями, и смертельно раненый совершил таран корабля. Все лётчики видели подвиг героя, утроились их силы и ненависть к врагу. Бомбы и реактивные снаряды они израсходовали, стали штурмовать палубы из пулемётов. Расстреливали фашистов, находящихся у орудий и крупнокалиберных пулемётов и всех, находящихся на палубах. Крепко им досталось. Горели два транспорта, «морской охотник», тонул транспорт, таранный С.М.Конкиным.

Из штаба сообщили родным С.М.Конкина о его героической гибели. На конверте был написан адрес: Рязанская область, Тумский район, село Бахметьево, Конкину Михаилу Матвеевичу.

ПОЛУОСТРОВ ВИРТСУ СНОВА НАШ

Фашисты захватили полуостров Виртсу, вышли к проливу Вяйке-Курк и закрыли проход нашим кораблям, находившимся в Рижском заливе. По приказу командующего КБФ адмирала В.Ф.Трибуца, нашим войскам следовало возвратиться Виртсу. Командование островов должно было высадить десант до батальона. Задача нашей авиации – выявить и уничтожить зенитные и артиллерийские установки. Особенно мешала высадке нашему десанту полевая батарея. Много раз лётчики летали, уничтожали пулемётные гнёзда, а пушку не могли обнаружить.

На разведку полетел старший лейтенант Я.И.Ёхин. В районе маяка он был обстрелян огнём зенитной артиллерии. Заметив наблюдательный пункт на маяке, он залпом из РС попал по вышке и развалил её. В следующем полёте лейтенант А.М.Тхакумачев заметил хорошо замаскированную пушку и прямым попаданием уничтожил её. Утром 18 июля после непродолжительной артподготовки в сопровождении двух миноносцев десант высадился на полуостров Виртсу. Для прикрытия наземных войск с воздуха действовали наши истребители Я.И.Ёхин, И.В.Красов, П.З.Кравченко, Г.В.Крайнов. В ходе боя было отработано взаимодействие наших истребителей с бомбардировщиками и катерами. Наши истребители находили врага, и первые наносили удар, второй удар наносили бомбардировщики, а катера заканчивали операцию.

За пять дней боёв противник был отогнан на 18–20 километров в направлении Таллина и на 40-45 км в направлении города Пярну. Закрепились на рубеже а 20-25 км от полуострова Виртсу. До второго сентября на этом участке шли тяжёлые бои, в ходе которых было уничтожено более тысячи гитлеровцев,

много военной техники. В качестве трофеев было взято несколько орудий, две бронемашины, большое количество пулемётов с патронами, несколько автомобилей и другой техники. Самолёты-истребители и бомбардировщики потопили три фашистских транспорта водоизмещением 5000 тонн. Истребители 12-й КОИАЭ за это время уничтожили 10 самолётов Ю-88, два Хе-115, шесть Ме-109. Кроме этого штурмовая авиация, которую сопровождали наши истребители, уничтожила одну подводную лодку, один миноносец, четыре транспорта, четыре самолёта Ю-88. В этих операциях особенно много приходилось участвовать нашим лётчикам Г.В.Крайнову, К.С.Сельдякову, П.Г.Сгибневу, П.Ф.Гузову, Н.П.Хромову, Б.К.Панкратову, Г.Г.Бегуну. В Ирбенском проливе обстреляли группу тральщиков лётчики Я.И.Ёхин, Г.В.Крайнов, В.М.Лобанов, А.А.Трошин, П.Ф.Гузов, П.М.Шевцов, И.Ф.Гореликов. Два тральщика затонули, на одном возник пожар, два ушли с серьёзными повреждениями.

За этот период мы потеряли прекрасных лётчиков Г.А.Авакяна и А.П.Дворниченко.

СТАРШИНУ В.И.ЧАПЛЫГИНА ПРИНИМАЮТ В ПАРТИЮ

Третьего августа погода была нелётной. Всю ночь моросил обложной дождь, густой туман стелился до самой земли. Грунтовая взлётно-посадочная полоса стала рыхлой и липкой. Самолёты стояли зачехлёнными и замаскированными зелёными сучьями.

Батальонный комиссар А.А.Лобанов и парторг старший политрук Ф.Г.Дьяченко давно планировали провести партийное собрание, но времени не могли выкроить. Теперь эта возможность появилась. Согласовали с командиром, через связных объявили начало, а место для сбора было постоянное – около землянки командного пункта.

Дьяченко открыл собрание, избрали рабочий президиум из двух человек, председатель собрания объявил повестку дня:

1. Приём в члены ВКП(б) старшины В.М.Чаплыгина.
2. Положение на фронтах и наши задачи.

Докладчик комиссар А.А. Лобанов.

По первому вопросу дали слово парторгу. Он начал зачитывать биографию Чаплыгина, но его прервали с мест:

- Не надо читать, мы его знаем много лет во всех ситуациях!
- И в Финскую, и сейчас!
- Знаем и его семью, и его поведение.

Решили данные не зачитывать. Дали слово рекомендующим, инженеру по вооружению Г.И.Бенусову и командиру его отряда П.П.Смирнову. Они

охарактеризовали старшину, как примерного во всех отношениях. Все смотрели на Чаплыгина. Он стоял в промасленном комбинезоне, подпоясанном широким ремнём. В руках держал пропылённый чепчик с морской эмблемой. Лицо выдавало физическую усталость от бессонной ночи, проведённой в ремонте пулемётов и набивки патронов в обоймы. Губы были потресканы, в волосах ещё молодого человека появилась седина. Жестокая, кровопролитная война на всех отложила свой отпечаток. Немцы далеко продвинулись вглубь страны, по радио передавали бравурные марши и речи о непобедимости войск Рейха, но народ верил в партию, верил в победу. Верил вместе с народом и старшина Чаплыгин, а потому и подал заявление в партию, чтобы слиться с ней и вместе бить врага. Собрание приняло в партию В.И.Чаплыгина, голосовали единогласно.

По второму вопросу комиссар Лобанов доложил обстановку на фронтах. В прениях указали на плохую охрану личного состава во время ночного отдыха, предлагали повысить бдительность. Собрание прошло сжато по времени, но продуктивно во всех отношениях. После собрания всем техникам выдали пистолеты, а младшему составу винтовки, гранаты с запалами к ним, на каждый отряд выдали один ручной пулемёт. Штаб уточнил план наземной обороны аэродрома, назначил командирами взводов инженеров отрядов. Партийная работа велась на высоком уровне, в отрядах выпускались боевые листки «Молнии», парторг Дьяченко руководил агитаторами и пропагандистами, сам был постоянно в работе, в любой момент мог ответить на все вопросы. Его любили за деловитость и жизнелюбие, он внушал бодрость и оптимизм.

БОЕВЫЕ ЭПИЗОДЫ

Молодые лётчики, прибывшие в 12-ю КОИАЭ на пополнение, в короткий срок успели облетаться и поднимались на боевые задания как и все, не менее трёх раз в день. Среди них сразу же отличился в боях младший лейтенант, комсомолец Борис Панкратьев. В прошлом он был одним из лучших ленинградских рабочих, но полюбил авиацию и стремился туда всем сердцем. Кто добивается, тот и пробивает себе путь. Его послали учиться в лётную школу, и через два года он попадает в 12-ю КОИАЭ в третий отряд к прославленному лётчику Годунову. Это было перед войной, Борис не успел отточить боевые навыки в учебных полётах, пришлось навёрстывать прямо в боях. С первых дней ему понравился командир отряда. Он с ним летал несколько раз и видел дерзость командира в бою, непримиримость к врагам, собранность в минуты опасности. С тех пор он стал мечтать быть похожим на своего командира отряда.

Однажды, барражируя над морем, Борис увидел летящего Хе-115, следовавшего с торпедой к нашим кораблям. Мысль моментально сработала – атаковать «хенкеля»! Приблизившись на самую короткую дистанцию со стороны солнца, реактивным снарядом он угодил прямо в торпеду. Не успел сделать резкий оборот, как Хе-115 разорвался прямо на куски. Молодой лётчик радовался своей боевой удаче, а при возвращении домой на него напали два Ме-109. Силы были неравные, но Борис не растерялся, принял бой. Отбивая атаки врага, он получил ранение в обе руки. Истекая кровью, корчась от нестерпимой боли, комсомолец нашёл в себе мужество драться, наносить ответные удары. Он выдержал все атаки и не потерял силы управления самолётом. Враги отступили, Борис направил самолёт на свой аэродром и сумел приземлиться. Его самолёт держался на честном слове, но был верен своему молодому хозяину. Пушечным огнём было срезано одиннадцать рам фюзеляжа, повреждены плоскости и много пробоин в моторе. Авиатехнику К.Е.Денисову пришлось много поработать над восстановлением самолёта.

Второй случай встречи с Хе-115 был у Я.И.Ёхина и А.М.Шитова. Они барражировали в районе Малого Зунда по охране плавсредств. В чистом безоблачном небе показался немецкий Хе-115. Немцы называли его «царём Балтики» за сильную броню и вооружение. Он имел два мощных двигателя по 900 лошадиных сил, развивал скорость 354 км/час. При наличии поплавков это была большая скорость. Он мог поднять одну бомбу в 1000 килограмм, одну торпеду. Вооружён четырьмя пулемётами 7,92 мм и одним пулемётом 15 мм.

Заметив неприятеля, Ёхин и Шитов пошли на сближение. Пикируя, зашли в хвост. Маневрировали, чтобы не попасть в линию обстрела стрелков на хвосте. Видя опасность, «хейнкель» отвалил влево, подставив под обстрел брюхо своего самолёта. Несколько секунд было достаточно, зажигательные пули попали в уязвимые места. Полёт фашиста стал неустойчивым, он начал пикировать до самой воды и скрылся в морской пучине. На аэродроме лётчиков-героев встретил генерал С.Ф.Жаворонков, пожал им руки, каждому объявил благодарность.

Боевых эпизодов было много, всех не перечислить, но не все они заканчивались победой наших воинов. Были и промахи, и ошибки и невосполнимые потери. Этого было не миновать. Противник был очень сильный, выносливый, грамотный, вооружённый самой современной техникой. Может быть, все эти преимущества вскружили головы захватчикам. Но они не знали русских, их характера! И в этом была их ошибка, самая роковая для них.

НЕОБЫЧНЫЙ РЕМОНТ

*Наш самолёт, истребитель И-153 «Чайка».
Аэропорт Кронштадт. Весна 1942 года*

Командир экипажа лётчик П.З.Кравченко прилетел с боевого задания. Посадку произвёл как обычно, но в конце пробежки опустилось правое крыло, знаменитая «Чайка» стала похожа на пришибленную пчелу. Его техник Егор Буранов помог зарулить на стоянку, внимательно осмотрел самолёт и обнаружил разрушение лонжерона нижнего крыла. Верхняя и нижняя плоскости соединялись стойкой, между ними проходили ленты-расчалки. В воздухе верхнее крыло держалось на лентах-расчалках. А когда подъёмная сила пришла к нулю, крыло опустилось.

- Менять нижнее крыло на новое, – сказал техник отряда.
- Нового на складе нет, – ответил Егор.
- Тогда ждите.

«Чайка» стояла, сиротливо опустив крыло, и будто жаловалась, что ей больно. Егор распорол обшивку. Повреждена деревянная часть.

- Будем ремонтировать, – сказал Егор мотористу С.И. Арцеву.

Из фанеры выпилили боковые пластины, поставили самолёт на козелки так, чтобы ленты-расчалки натянулись, как в полёте. Пластины посадили со всех сторон на казеиновый клей и закрепили гвоздями, затянули шпагатом и пропитали клеем АК-20. Приходил Кравченко и с нетерпением ждал конца

ремонта. Подошёл командир отряда старший лейтенант П.П.Смирнов, внимательно посмотрел на проворные руки Егора.

– Химичите, – сказал он.

– А что поделаешь, – ответил Егор, – на складе нового крыла нет.

Пётр Петрович улыбнулся своей доброй улыбкой и отошёл.

– Товарищ стартех, – спросил Арцев, – что означает эта улыбка?

– Означает – «Так держать!», – ответил Егор.

Когда обшивка была восстановлена, Арцев сказал:

– Теперь надо пронивелировать, вы сами учили нас на занятиях.

– Да, надо, но где взять нивелир, его нет. Мы специально расчалки натянули, как они были в воздухе, чтобы нивелировка не изменилась.

Арцев недоверчиво посмотрел на своего техника, Егор это заметил. всю ночь он не спал, обдумывал всё до мелочей. Рано утром прибежал к самолёту П.П.Смирнов, быстро надел парашют и сел в кабину. Запустили двигатель – работает отлично. Смирнов даёт команду убрать тормозные колодки. Всё сделано. Вылет. Вместе со всеми лётчиками Пётр Петрович полетел на боевое задание. Буранов и Арцев с нетерпением ждали его возвращения. Обрадовались, когда увидели в воздухе все самолёты, которые взлетали. Садилась и их «Чайка» с номером «5» на киле.

– Посадка классная, – сказал Арцев.

Пётр Петрович подрулил к стоянке, вылез из кабины, Егор подошёл помочь снять парашют.

Смирнов похлопал его по плечу, сказал:

– Молодец, Егор, самолёт исправный, может летать куда угодно!

У Егора камень с души свалился, он так обрадовался, что ему захотелось обнять Петра Петровича, но не решился, субординация и природная скромность не позволили.

После ремонта самолёт летал на любое задание и днём и ночью.

ПАГУБНАЯ ПОСПЕШНОСТЬ

Лётчики вернулись с боевого задания, и стоянка самолётов превратилась в муравейник. Авиаспециалисты всех рангов не ходили, а бегали. Надо всё делать быстро, надо бегать, так предписывалось всеми инструкциями. Электрики меняли аккумуляторы, моторист заряжал горючим и маслом, затем тянул на тележке баллон со сжатым воздухом, прибористы проверяли приборы, смотрели в трубку показания скорости, не попала ли туда муха, оружейники торопились подвесить бомбы и реактивные снаряды. Техник проверял весь самолёт на выявление пробоин и повреждений. Без дела никто не сидел. Вот

в такой суматохе погиб оружейник старшина Николай Анисимович Хромев. Он подвешивал реактивные снаряды, а электрики в это время меняли аккумулятор. Вопреки их воле сработали кнопки пуска реактивных снарядов. Николай находился под крылом самолёта и над его головой просвистел сорвавшийся снаряд. Стабилизатором была рассечена его голова, снаряд взорвался в воздухе. Благо, в это время в воздухе не было самолётов. Старшина упал. Прибежал военфельдшер Василий Николаевич Озёрный, открыл веки глаз и посмотрел на зрачки. Затем встал и снял головной убор, ему последовали все присутствующие возле самолёта. Поставив немного, Озёрный достал из сумки простыню и накрыл ею Николая. Все приступили к выполнению своих обязанностей. Подъехала санитарная машина и увезла тело погибшего.

Так не стало Николая Хромеева, тихого и скромного, хорошего товарища по взаимной вырубке, душевного собеседника.

ВЛАДИМИР МИХАЛЁВ – ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

*Герой Советского Союза майор
Владимир Александрович Михалёв*

В свободное от полётов время парторг 12-й КОИАЭ Федот Гаврилович Дьяченко собрал всех на политинформацию. На этот раз он говорил о подвиге лётчика Михалёва.

В 12-й КОИАЭ его все знали, он прибыл из училища и служил длительное время в подчинении А.А.Денисова, затем его перевели в 71-й авиаполк.

Началась война, в задачу 71-го авиаполка входила охрана железнодорожного моста через реку Нарву. Этот мост связывал сообщение Ленинграда

с Таллинном. Налёт фашисты производили группами и в одиночку. Так повторялось несколько раз в день.

Восемнадцатого июля В.А.Михалёв вылетал на боевое задание восемь раз. Почувствовав усталость, он вылез из кабины самолёта, отошёл в сторону, опустился на траву и закрыл глаза.

– Полежать бы хоть с полчаса, – подумал он.

Не успели оружейники пополнить запас патронов, как объявили вылет. Вражеский бомбардировщик Хе-125 летел к мосту с полным боезапасом. Послать на его уничтожение некого, все самолёты находились в воздухе.

Михалёв спросонья услышал хлопок ракеты, быстро вскочил на ноги, надел на ходу парашют и взлетел. Фашисту осталось лететь до моста несколько секунд, бандит уже держал руку на пульте сбрасывания бомб, как увидел сзади себя приближающуюся краснозвёздную «Чайку». Михалёв настиг врага, а поразить нечем.

– Таранить и немедленно! – мгновенно возникла мысль.

Подлетая сверху, он придавил собой хвост врага, где сидели стрелки, и воздушным винтом начал рубить всё хвостовое оперение. Фашист потерял устойчивость, свалился в штопор и не вышел из него, подорвался на собственных бомбах.

Сделав своё дело, «Чайка» затряслась, накренилась влево, но отличная тренировка и мужество Владимира привели её в горизонтальный полёт. Долетел до своего аэродрома. Посадка. Нормально. Заруливание на стоянку. Подбежавшие техники увидели погнутые лопасти винта, верхнее крыло изуродовано, элероны не работают.

Тринадцатого августа 1941 года Указом Президиума Верховного совета СССР Владимиру Александровичу Михалёву было присвоено звание Героя Советского Союза.

Уходя с политинформации, каждый тихо сказал:

– Честь и слава тебе, наш дорогой Володя Михалёв!

ПОЛЁТЫ В ЛОГОВО ВРАГА – БЕРЛИН

В начале августа немецкие дивизии были под Смоленском на подступах к Таллину и Ленинграду. Немецкие самолёты бомбили крупные административные и промышленные центры, Ленинград, Киев, Севастополь и другие города. Двадцать второго июля их самолёты появились над столицей нашей Родины – Москвой. Их же промышленные центры находились на недостижимом расстоянии для наших самолётов. Геринг, министр авиации Германии, заверял немцев, что русские самолёты никогда не появятся над немецкими городами. Так и заявил:

– Ни один камень русские не сдвинут с места!

Надо было проучить фашистов, ох как надо! И внести в их ряды неуверенность и посеять панику!

В ставке Верховного Главнокомандования ломали над этим головы. При тщательном подсчёте получалось, что наши самолёты не смогут вернуться обратно из-за нехватки горючего. Осенила мысль, летать на Берлин с острова Эзель, горючего хватит туда и обратно. Задание готовиться к таким полётам было дано командиру первого мино-торпедного авиаполка полковнику Евгению Николаевичу Преображенскому. Четвёртого августа над аэродромом Кагул появились бомбардировщики ИЛ-4. Двадцать экипажей были способны выполнить эту сложную задачу.

Для встречи самолётов и оказания помощи в организационном периоде из 12-й КОИАЭ был назначен заместитель инженера эскадрильи воентехник второго ранга Усатов Иван Андреевич. Все самолёты приземлились нормально. Стоянку самолётов на аэродроме определил сам Преображенский. К аэродрому прилегали крестьянские постройки, между этими постройками и разместили самолёты. Маскировка получилась надёжная, много раз потом фашисты летали на разведку, но обнаружить не могли.

Грунтовая взлётно-посадочная полоса с травяным покровом и длиной 1200 метров была крайне мала, но выбора не было. Для определения погоды по маршруту до Германии были выделены две летающие лодки Че-2. Их разместили на морском аэродроме Кихельконе, руководил их полётами капитан Ф.А.Усачёв. Экипажам так же вменялась в обязанность помощь экипажам самолётов, оказавшимся на воде Балтийского моря при вынужденной посадке. Охрану аэродрома и самолётов в воздухе выполняли лётчики 12-й КОИАЭ. После того, как все организационные вопросы были утрясены, Иван Усатов попросил у Евгения Николаевича разрешения вернуться в свою часть, но ему было отказано. Преображенскому очень понравился скромный и умный воентехник, который выполнял все распоряжения с предельной деловитостью и быстротой. Ему отвели место в землянке, где находилось инженерное руководство полка, и был он там до последнего дня пребывания самолётов на острове Эзель. Усатов был одет в комбинезон, на ногах простые сапоги. При рассредоточении самолётов, он не заметил в траве колючую проволоку и порвал сапог. Починить было негде, он так и ходил в рваном сапоге в сухую и дождливую погоду. Занимался в основном снабжением горюче-смазочными материалами. А в то время это было не так просто.

Старший инженер полка Г.Г.Баранов тщательно готовил самолёты к такому ответственному заданию. Весь технический состав был предельно собран и внимателен, выпущенные самолёты должны вынести всю нагрузку так же, как и люди. Отомстить фашистам для всех было клятвой!

Все верили авторитетному руководству полка, командиру авиагруппы полковнику Е.Н.Преображенскому, комиссару Г.З.Оганезову, штурману полка капитану П.И.Хохлову, от них зависело многое. Для усиления руководства этой операцией прилетел на аэродром Кагул сам командующий ВВС Военно-Морского флота генерал-лейтенант авиации Семён Фёдорович Жаворонков. Его постоянным местом нахождения стал подземный командный пункт (землянка) 12-й КОИАЭ. Теперь этот пункт стал и штабом оперативной группы во главе с С.Ф.Жаворонковым. Появление Командующего ВВС ВМФ в подземном пункте не смутило оперативного дежурного лейтенанта П.Д.Серова, он был заранее предупреждён. Серов доложил по-уставному, командующий вежливо поздоровался.

– Часто вам приходится дежурить? – Спросил командующий.

– Да, часто, – ответил Серов.

– Сколько осталось самолётов в 12-й КОИАЭ? – спросил генерал.

– Четырнадцать «Чаек», – ответил Серов.

– Кроме самолётов, что имеется для прикрытия Кагула с воздуха, если появится вражеская авиация? Садитесь, товарищ лейтенант.

Серов непринуждённо смотрел на командующего и думал, – «экзаменует генерал, будто сам не знает этого». В тон беседы ответил:

– Имеются две батареи 76-миллиметровых зенитных пушек. Вот и всё наземное прикрытие, да и они часто бывают беспомощны, посты воздушного наблюдения ВНОС поздно оповещают, они находятся всего за 15 километров отсюда. Не успевают наши самолёты взлететь.

– Картина неприглядная, – сказал генерал.

6 августа 1941 года.

Командир авиагруппы Е.Н.Преображенский и комиссар авиагруппы Г.З.Оганезов собрали личный состав авиагруппы, чтобы довести боевую задачу, поставленную командованием.

Сюда же прибыл генерал С.Ф.Жаворонков.

Генерал сказал всему личному составу:

– Фашистская авиация наносит смертельные удары по нашим городам и промышленным объектам, теперь она начала бомбить столицу нашей Родины – Москву. Ставкой Верховного Главнокомандования вам приказано нанести бомбовые удары по фашистскому логову – Берлину.

Неожиданно для генерала прозвучало громкое: «Ура!»

– Командование и наше Советское правительство надеется, – продолжал генерал, – что вы приложите все силы, а может быть, и жизни для выполнения этого священного долга.

Речь генерала была короткой. Далее флаг-штурман полка П.И.Хохлов изложил маршрут полёта и его особенности:

– Лететь будем над морем до Штеттина, а от него на Берлин. После удара собираемся на побережье Балтийского моря в районе Кольберга и летим на Кагул. Длина маршрута туда и обратно – 1760 километров, из них 1400 километров над морем. Над Берлином выдерживаем высоту полёта семь тысяч метров. Продолжительность полёта около семи часов. Топлива в баках останется всего на 15-20 минут полёта. Пребывание над Берлином будет коротким, а поэтому штурманы самолётов должны быть на цели предельно точными.

Полковник Преображенский добавил:

– Если бензобаки будут нарушены пулями или осколками снарядов, топлива не хватит на обратный курс. Тогда посадку производить вдали от населённых пунктов на территории Латвии или Литвы, самолёт сжечь, экипажу пробиваться к своим через линию фронта. Взлетать будем в сумерках и садиться рано утром. Задачу следует решить в тёмное время суток. Наиболее опасный маршрут недалеко от прибрежных аэродромов на территории Эстонии, Латвии и Литвы, где базируется вражеская авиация.

К исходу дня 6 августа закончился этап подготовки к вылету.

Капитан Ф.А.Усачёв на самолёте Че-2 проверил погоду по маршруту и подтвердил сведения о возможности полёта. Вечером все лётчики, штурманы и стрелки-радисты отбыли в здание школы на ночной отдых. Туда приехал комиссар Г.З.Оганезов. Он побеседовал почти с каждым. Заметил у лётчика В.А.Гречишникова, всегда жизнерадостного, на лице красные пятна и воспалённые глаза. С ним было неладно, недобрые вести получил из дома. В родном городе Николаеве фашисты замучили мать, жена с двумя детьми находилась у родителей в Белоруссии и попала в оккупацию.

– Много бед на тебя навалилось, – сказал Оганезов.

– Буду мстить за всё, пусть и они узнают горечь войны и потерь близких.

7 августа 1941 года.

После завтрака лётный состав ещё раз проверил правильность всех расчётов полёта на Берлин. Потом был обед, и до 18-00 отдых.

Капитан Усачёв на своём гидросамолёте Че-2 успел слетать на разведку и доложил полковнику Преображенскому:

– Погода сложная, но лететь можно.

Метеоролог Каспин тоже докладывал:

– В районе аэродрома к возвращению самолётов с задания погода ожидается хорошая.

Генерал Жаворонков, получив информацию о погоде, назначил время вылета на Берлин на 21-00.

Полковник Преображенский дал команду запускать моторы по зелёной ракете, выруливать согласно очередности взлёта.

Зелёная ракета взвилась в воздух в 21-00.

Генерал Жаворонков стоял на стартовой полосе с двумя флажками в руках. Он протянул руку с белым флажком вдоль взлётной полосы. Это была команда на взлёт.

Мощно взревели моторы, самолёты долго бежали, затем отрывались от земли.

Через час полёта высота была 4500 метров, пришлось надеть кислородные маски. Летят уже два с половиной часа. Температура в кабине 38 градусов, высота 6000 метров. Трудно было обнаружить береговую черту, помогли лучи вражеских прожекторов. Зенитки не стреляют, фашисты принимают за своих. Над сушей облачности не было, видимость превосходная.

– Вот и Штеттин, – сообщил штурман Хохлов, – через полчаса будем над Берлином.

Внизу на аэродроме мелькают посадочные огни, вероятно, возвращаются воздушные разбойники после варварских бомбёжек. Дальше передаю слово Петру Ильичу Хохлову. В своей книге «Над тремя морями» он так описывает это событие:

«При нашем появлении над аэродромом замигали неоновые огни, загорелись посадочные прожекторы. По всему видно, аэродромная служба приняла нас за своих».

Руки тянулись к бомбосбрасывателям, но было рано, впереди были более важные объекты. В Берлине находились десять самолётостроительных заводов, семь авиамоторных, восемь заводов авиавооружения, двадцать два станкостроительных и металлургических заводов, семь электростанций, ряд железнодорожных станций и много других важных объектов. Все они были распределены между членами экипажей. Кроме Берлина, лётный состав изучал и запасные цели: Штеттин, Кенигсберг, Данциг. Двенадцать экипажей по четыре человека в каждом экипаже, летели ночью с незажжёнными аэронавигационными огнями на высоте 6000 метров при температуре 38 градусов.

Фамилии командиров экипажей: ведущий группы полковник Е.Н.Преображенский; капитаны: Е.Е.Есин, М.Н.Плоткин, В.А.Гречишников, Г.К.Беляев; старшие лейтенанты: А.Я.Ефремов, П.Н.Тычков, А.И.Фокин, И.П.Фенягин; лейтенанты: Н.Ф.Дашковский, К.А.Мильгунов, А.Ф.Кравченко.

Летели тремя группами. Первую группу возглавлял Е.Н.Преображенский, вторую – А.Я.Ефремов, третью – В.А.Гречишников.

Их сопровождали «Чайки» до предельной выработки горючего.

П.И.Хохлов дальнейшие события описывает так:

«Приближение к Берлину начинало волновать нас. Как то он встретит? Сумеем ли подойти к нему? Погода совсем улучшилась. На небе ни облачка. И Берлин мы увидели издали. Сначала на горизонте появилось светлое

пятно. Оно с каждой минутой увеличивалось, разрасталось. Наконец, превратилось в зарево на полнеба. От неожиданности я оторопел – фашистская столица освещена! А мы у себя на Родине уже сколько времени не видели огней городов.

Передаю командиру полка:

– Перед нами – Берлин.

– Вижу, – взволнованно отвечает он.

Аэронавигационными огнями Преображенский подаёт идущим за флагманом экипажам команду: рассредоточиться, выходить на цели самостоятельно. Я вывожу флагманский самолёт к Штеттинскому железнодорожному вокзалу.

Конфигурация освещённых улиц и площадей чётко различима с воздуха. Видно даже, как искрят дуги трамваев, скользящие по электрическим проводам. Отсвечивает в огнях гладь реки Шпрее. Тут не заблудишься и не перепутаешь выбранный объект.

Освещённый город молчит. Ни одного выстрела, ни одного прожекторного луча, устремлённого в небо. Значит, противовоздушная оборона и здесь принимает наши самолёты за свои.

Цель! Теперь только цель! И вот она перед нами. Вот вокзал, опоясанный паутиной рельсовых путей, забитый железнодорожными составами.

– Так держать! – передаю я в микрофон командиру корабля.

Открываю бомбосбрасыватель. Снимаю бомбы с предохранителей. Берусь рукой за бомбосбрасыватель. Бомбы, одна за другой, пошли вниз

– Это вам, господа фашисты, за Москву, за Ленинград, за советский народ!

Тут вспоминаю о листовках. Спрашиваю в микрофон стрелка-радиста сержанта Коротенко:

– Листовки?

Он отвечает:

– Сброшены вместе с бомбами.

Вот прошло уже сорок секунд, как сброшен смертоносный груз. И тут мы видим внизу на земле огненные всплески. В одном, в другом месте. Во многих местах. Видим, как от них расплывается пламя, где тонкими ручейками, где широкими полосами. В разных секторах города видим круги и квадраты огня. Освещённый Берлин вдруг погружается во тьму ночи.

Наконец, воздух пронизывают прожекторные лучи. Их множество. Они шарят по небу, пытаются взять в свои щупальца наши самолёты. И среди лучей на разных высотах рвутся зенитные снаряды. Орудия выбрасывают их сотнями. Слишком поздно они привели в действие свою зенитную артиллерию. Мы уходили от Берлина на север, к морю.

Стрелок-радист флагмана Василий Коротенко спешно передал на свой аэродром радиogramму с заранее условленным текстом, «Моё место Берлин. Задачу выполнил.

Возвращаюсь».

Через шесть часов пятьдесят минут после нашего взлёта Евгений Николаевич Преображенский с первого захода отлично посадил флагманский самолёт. А следом подходили остальные. Мы зарулили на стоянку, вышли из кабин и опустили на землю. Ныла спина, руки ещё не отогрелись. От перенапряжения дрожали ноги. Болели глаза.

К нам на автомашине подъехал генерал С.Ф.Жаворонков. Он всю ночь не спал. В эту ночь никто не спал. После принятия доклада Жаворонков всех по очереди обнял и расцеловал.

Весть о героическом подвиге Балтийцев-лётчиков облетела всю страну, передавалась из уст в уста. У народа в тылу и на фронте появилась уверенность в победе над фашизмом. На предприятиях состоялись митинги. Об этом узнал весь мир.

Фашистское командование поначалу не верило, что их бомбили русские. Геббельс, министр пропаганды и агитации, сообщил своему народу сведения, что бомбили англичане, перелетев через пролив Ла-Манш. Вдобавок прибавил шесть сбитых бомбардировщиков, которых сбили в черте города. Оттого и произошли пожары. Английское радио опровергло эти сообщения, оповестило, что из-за плохих метеоусловий английские самолёты не летали.

А героям отовсюду шли поздравления. Правительственной телеграммой поздравил лично Сталин.

Второй полёт на Берлин состоялся 9 августа. Так же ведущий Е.Н. Преображенский взлетал первым. Теперь уже Штеттинский военный аэродром встретил плотным зенитным огнём, кинжалили зловещие лучи прожекторов. Небо было в сплошных разрывах снарядов. Такой мощный заслон, казалось, не пройти. Светомаскировка скрывала город. И всё же прошли, отбомбились. Снова полыхали пожары, снова не спали немцы и немки. Полёт был трудным, но таким же результативным.

Десятого августа восточнее Кагула, на аэродром Асте приземлились пятнадцать самолётов ИЛ-4, принадлежащие дальней авиации Красной Армии. Группу возглавляли майор В.И.Щелкунов и капитан В.Г.Тихонов. Они тоже прибыли в распоряжение генерала Жаворонкова.

Двенадцатого августа армейцы тоже взлетали на Берлин. Их повели по изведанному маршруту Балтийские лётчики. Полёт был очень трудным, но результативным, как и предыдущие.

Тринадцатого августа Указом Президиума Верховного Совета СССР за образцовое выполнение задания было присвоено звание Героя Советского Союза лётчикам: Е.Н.Преображенскому, В.А.Гречишникову, А.Я.Ефремову, М.Н.Плоткину,

П.Н.Хохлову. Орденами Ленина были награждены тринадцать участников, Орденами Красного знамени и Красной Звезды пятьдесят пять человек. В числе награждённых орденом Красного знамени были: генерал-лейтенант авиации Семён Фёдорович Жаворонков и старший политрук Григорий Захарович Оганезов.

После сообщения о награждении в помещении сельской школы состоялся концерт участников, где лихо отплясывал кавказскую лезгинку П.З.Оганезов, ему вторил старший лейтенант П.Н.Комаров. Хором пели песню «Раскинулось море широко», сопровождал на баяне Е.Н.Преображенский.

В заключение вечера генерал Жаворонков сказал:

– Молодцы, лётчики! Умеете бить врага и веселиться.

Налёты на Берлин производились с обоих аэродромов, Кагула и Астэ. Для отражения штурмовок по аэродрому Астэ, туда посадили 12-ю КОИАЭ. В то время, когда все самолёты вылетели с обоих аэродромов на Берлин, аэродром Кагул подвергся штурмовке фашистскими Ю-88. Истребители «Чайки» вылетели на отражение, но фашисты успели сбросить бомбы, впрочем, не причинив вреда. С восьмого по четырнадцатое сентября Балтийские лётчики с аэродрома Кагул совершили 86 самолётовывлетов на Берлин, при этом тридцать три самолёта дошли до Берлина, остальные бомбили города Штеттин, Мемель, Данциг, Кольберг, Свинемюнде, Либаву и другие важные объекты городов. Несколько меньше самолётовывлетов совершили армейцы. Их подвиги были так же незабываемы. Многие были свидетелями, как предельно нагруженные ИЛ-4 на взлёте едва отрывались от земли. Старший лейтенант Павлов погиб на взлёте из-за перегрузки самолёта.

Семнадцатого сентября Указом Президиума Верховного за успешные удары по Берлину было присвоено звание Героя Советского Союза лётчикам армейской группы дальней авиации капитану В.Г.Тихонову, майору В.И.Малыгину, майору В.И.Щелкунову, капитану Н.В.Крюкову, лейтенанту В.И.Лахонину. Остальные участники так же были награждены орденами Красного Знамени и Красной Звезды.

РАЗГРОМ НЕМЕЦКОЙ АВИАЦИИ В ВЕНТОПИЛСЕ

Через два дня после налёта советских самолётов на Берлин фашисты узнали, откуда вылетают эти самолёты. Гитлер приказал уничтожить авиацию, летающую на Берлин. Уничтожить прямо на аэродромах. В дополнение к директиве №34 от 12августа 1941 года указывалось:

«Как только позволит обстановка, следует совместными усилиями соединений сухопутных войск, авиации и военно-морского флота ликвидировать военно-морские и воздушные базы противника на островах Даго и Эзель. При

этом особенно важно уничтожить вражеские аэродромы, с которых осуществляются воздушные налёты на Берлин».

Для уничтожения самолётов, летающих на Берлин, они послали ударную авиацию. С 19 августа и ежедневно фашисты по нескольку раз в сутки проводили налёты на аэродромы. Вначале прилетело восемнадцать самолётов Me-110.

На отражение первого налёта с аэродрома Астэ поднялись почти все исправные самолёты и сорвали вражескую штурмовку. Через день фашисты повторили налёт одновременно на оба аэродрома, на Кагул и Астэ. Налёт произошёл внезапно, они шли на малой высоте и с разных направлений. Посты ВНОС опоздали с оповещением, и в воздух поднялось только одно звено старшего лейтенанта Крайнова. Фашисты сковали это звено боем, и оно не могло оказать достойного противодействия. В этом налёте было сожжено два бомбардировщика ИЛ-4 на аэродроме Кагул и три на Астэ. Воздушные стрелки и стрелки-радисты бомбардировщиков 57-го и 1-го минно-торпедного полка, которые стояли на аэродроме Кагул, не пошли в укрытие, а расчихлили свои турельные установки самолётов и открыли сильный огонь по атакующим Me-110. Своим героизмом им удалось сбить два самолёта Me-110. В каждом сидело по три человека, не трудно подсчитать, сколько было убито врагов.

Истребители-разведчики на «Чайках» обнаружили, что фашисты вылетали на штурмовку с аэродрома Вентспилс в Латвии. Командование решило нанести контрудар по этому аэродрому.

Двадцать первого августа на рассвете полетели в Вентспилс двенадцать «Чаек». Участвующие лётчики были разбиты на три группы: ударную, сковывающую и группу прикрытия.

Ударную группу возглавляли лётчики звена старшего лейтенанта Я.И.Ёхина, сковывающую – Г.В.Крайнов и П.Ф.Гузов. Третья группа старшего лейтенанта П.П.Смирнова осуществляла прикрытия от истребителей противника.

Стоял туман, это способствовало внезапности удара. Очертания берега рассматривались с трудом. Доходя до цели, снизились на высоту 15-20 метров и только перед самым аэродромом увеличили высоту на 150 метров. Для фашистов прилёт советских самолётов в столь ранний час и при плохой видимости был полной неожиданностью. Немцы были предусмотрительны и осторожны во всём, но в данном случае они не ожидали такой дерзости. Около сорока самолётов различных марок стояли не замаскированными, возле них неторопливо расхаживали авиаспециалисты. Поодаль от всех самолётов стояло четыре Me-110. Первыми получили «гостинец» эти самолёты. Один самолёт загорелся, второй перевернулся вверх колёсами, от второго захода летели обломки и от остальных. Зенитчиков прилёт советских самолётов ошеломил, некоторое время они были в шоке, лишь потом открыли сильный огонь. Но реактивные снаряды сковывающей группы Крайнова заставили их

замолчать. То тут, то там взрывались самолёты, металась в страхе гитлеровцы в защитных гимнастёрках.

В штурмовке участвовали самолёты трёх групп. Опустошив боезапасы, лётчики собрались за аэродромом и взяли курс на свой аэродром.

По данным аэрофоторазведки было уничтожено до двадцати самолётов всех марок, были уничтожены аэродромные постройки, выведено из строя лётное поле.

На перехват советских истребителей вылетели немецкие лётчики с другого аэродрома, Лиепая. Вылетело много, но из-за плохой видимости им не удалось встретить наши самолёты.

Весть об успехах лётчиков 12-й КОИАЭ пронеслась по всем частям и подразделениям. На прокопченных лицах бойцов появились радостные улыбки. Появилась надежда одолеть фашистов.

ОБЕЗВРЕДИТЬ ЛАЗУТЧИКОВ!

В очередной раз фашистские самолёты пожаловали вечером четырнадцатого августа. Самолёты группы Е.Н.Преображенского находились на своём аэродроме Кагул. Посты ВНОС сообщили, что со стороны Рижского залива летят «юнкерса». Взлетело дежурное звено «Чаек». Слышался злобный гул вражеских самолётов. Вдруг недалеко от церкви взвилась красная ракета, за ней другая. Это немецкие лазутчики показывали путь к аэродрому. Поймать их в темноте трудно, да и поздно ими заниматься. Наверняка они ничем не отличались от всех эстонцев.

Находившийся на командном пункте генерал С.Ф.Жаворонков мгновенно сообразил, что делать.

– Срочно послать во все места наших ракетчиков и пускать ракеты во всех направлениях. Дезориентировать фашистских лётчиков!

По его команде в воздух полетели множество красных ракет во всех направлениях, вражеские самолёты сбросили смертоносный груз куда попало.

Кто же были эти лазутчики, которые помогали немцам?

Советская власть в Эстонии существовала всего полтора года до начала войны. За это время в Эстонии произошли огромные перемены. Произошла земельная реформа, 53 тысячи батраков и бедняков получили из государственного фонда изъятые у кулаков 550 тысяч гектаров земли. Бедняки радовались приходу Советской власти, кулаки и буржуазия были недовольны и затаили злобу. Они вошли в тайную буржуазно-националистическую организацию, которая была распущена с установлением советской власти в Эстонии. Теперь она действовала подпольно.

Буржуазные националисты подразделялись на исмаилитов и кайтселийтов. Задачи и цели у них были одни: воспользоваться благоприятной обстановкой и реставрировать в Эстонии старые капиталистические порядки. В начале войны они влились в военно-фашистскую организацию «Омакайте», общая численность которой более 40 тыс. человек в 1941 г., возросла до 90 тыс. в 1944 г. Многие из них вошли в состав 20-й эстонской дивизии СС. Так же, как немецкие фашисты, они участвовали в зверском уничтожении евреев, русских, украинцев, белорусов и других народов в концлагерях Эстонии, и делали это с особой жестокостью, не щадили ни женщин, ни детей. Прочёсывали леса, вылавливали парашютистов, устраивали диверсии на дорогах, участвовали в боях с партизанами, расстрелах советских активистов и мирного населения, грабежах, уничтожении целых деревень в Белоруссии и массовой отправке мирного населения в Германию. На их счету сотни чудовищных преступлений. Двадцать восьмого июня 1945 года в Палдиски военный трибунал осудил группу фашистских приспешников, в том числе Геррентса, Мере, Аунвера – палачей своего народа. В северо-западной части аэродрома бойцы истребительного отряда под руководством начальника особого отдела штаба БОБРа старшего политрука М.Л.Павловского загнали в лощину кайтселийтов. Они пытались вырваться из окружения, но не удалось им, к утру сложили оружие: автоматы, гранаты, ракетницы.

КОРАБЛИ БАЛТИКИ ПОКИДАЮТ БУХТУ ТАЛЛИН

На десятое августа 1941 года советские войска северо-западного направления отступили на 500 километров и оставили почти всю Прибалтику. Весь Балтийский флот, дислоцировавшийся в Либаве, Виндаве и Таллине, находился под угрозой гибели. Его надо было спасать. Фашистское командование стянуло огромное количество сил для штурма Таллина, военно-морской базы, столицы Эстонии. Надо было во что бы то ни стало отстоять Таллин.

В 12-й КОИАЭ каждый самолёт был на счету, и основной задачей каждого было сопровождение и спасение бомбардировщиков, летающих в логово фашистов – Берлин. Но помочь надо.

Из оставшегося резерва самолётов было выделено восемь «Чаяк». Истребители 12-й КОИАЭ во главе с командиром отряда П.П.Смирновым вылетели на Лаксберг, ближайший аэродром к Таллину. Лётчики П.П.Смирнов, А.А.Лобанов, А.А.Трошин, П.М.Швецов, А.М.Шитов, Б.К.Панкратьев, А.Б.Григорьев, П.Ф.Гузов на командном пункте ознакомились с обстановкой, изучили линию фронта. Им предстояло сопровождать штурмовики ИЛ-2, новые самолёты с мощным вооружением и сильной бронёй. Они могли сни-

жаться до бреющей высоты и уничтожить живую силу и технику врага. Мощная броня снизу укрывала надёжно лётчика, а сверху брони не было, они были уязвимы. Сопровождение их истребителями было крайне необходимо.

Штурмовики успели побывать на Лужском рубеже, уничтожили там двадцать пять вражеских автомашин с людьми, десять танков и около двадцати мотоциклистов. Ввиду того, что они летали на низких высотах, зенитки не могли их поразить. Командиром эскадрильи штурмовиков был капитан К.Н.Барабанов, тот самый, который долго служил в 12-й КОИАЭ. Его эскадрилья входила в состав 57-го бомбардировочного авиаполка.

Много они истребили фашистов, но тех гнали сюда несметное количество.

Двадцать шестого августа было приказано Балтийскому флоту покинуть бухту Таллин и следовать в Кронштадт, оставаться было опасно. Погрузка длилась шесть часов, истребители отбивали налёты вражеской авиации, сопровождая штурмовиков.

На рейд следования в Кронштадт вышло 195 кораблей с сопровождением катеров. Их путь был тяжким. Многие попали под бомбёжку вражеских самолётов, многие подорвались на минах. Двадцать девятого августа корабли прибыли в Кронштадт. В конце августа фашистское командование стянуло силы для штурма Таллина – столицы Советской Эстонии.

Несмотря на то, что Восьмая армия, защищавшая Таллин, была слабее по численности в три раза, она отвлекала на себя пять фашистских дивизий и другие части усиления. Вместо двадцати запланированных километров в сутки, фашисты продвигались по полтора – два километра. Задачей наших частей было оттянуть от Ленинграда как можно больше фашистской армии. Двадцать восьмого августа немцы захватили все сухопутные аэродромы Балтики, включая аэродром в Липово. Оборонительные бои на территории Эстонии продолжались 53 дня. После кровопролитных боёв 28 августа город Таллин был оставлен. В боях за Таллин были ранены лётчики, лейтенант А.Б.Григорьев и младший лейтенант Б.К.Панкратьев, остальным шести лётчикам было приказано вернуться на свой аэродром. Когда они совершали перелёт, увидели с воздуха, как двигалась армада живой силы и техники фашистских головорезов. По дорогам шли танки, за ними автомашины с пехотинцами. Ненависть к этим чудовищам не имела границ. Ведущий группы лётчиков П.П.Смирнов покачал крыльями – это была команда приготовиться к атаке. На головные танки посыпались бомбы. Среди них началась паника. Танки стали расплзаться по сторонам, пехотинцы выпрыгивали из машин и прятались в кюветах. Мстители вошли в ярость, фашистов уничтожали, как бешеных собак. Штурмовали до полной выработки боезапаса, горючее было на исходе. Ничего не оставалось, как принять боевой порядок и последовать на свой

аэродром. Приземлились нормально. Раненые лётчики, Григорьев и Панкратьев, были направлены в тыл на излечение. Врачи восстановили здоровье, и лётчики продолжили воевать.

По данным ЦВМ архива (фонд 596, опись1, дело7, лист 43) 25 августа лейтенант А.Б.Григорьев в воздушном бою над аэродромом Купля был сбит. Самолёт сгорел, лётчик погиб.

ОДИН ЛЁТЧИК ПРОТИВ ДВАДЦАТИ

У ветеранов, защитников Моонзунда, сохранилась старая газета. Она была выпущена редакцией «На страже» в городе Курессааре. В ней размещена заметка «Боевая Краснознамённая». Вот краткое её содержание:

*Лётчик 12-й КОИАЭ лейтенант
Николай Петрович Хромов*

«Где бы ни появлялись лётчики Краснознамённой эскадрильи и сколько бы ни встречались с вражескими самолётами, они верны своему боевому девизу – воевать не числом, а умением.

Был такой случай. В воздухе показались двадцать фашистских самолётов. Поблизости никого, кроме лётчика лейтенанта Н.П.Хромова, не оказалось. Он решил пойти один на врага.

Надо обладать исключительным мужеством, бесстрашием, непоколебимой верой в своё мастерство, в свою машину, чтобы пойти в бой с противником, который в двадцать раз превосходит тебя. Бесстрашный Хромов пошёл, полный жажды боя и мести. Можно себе представить удивление немецких

лётчиков, когда они увидели летящую на них одинокую «Чайку». Но когда самолёт приблизился, и на них посыпался град пуль, они были вынуждены принять меры предосторожности. Правда, Хромову не удалось сбить ни одного немецкого самолёта, но, завязав бой, он расстроил планы фашистов.

Двадцать самолётов врага сбросили бомбы куда попало. Это победа!».

Комментарии к этой статье излишни, можно только добавить: воспитанник бесстрашного командира отряда, старшего лейтенанта Бориса Александровича Годунова, лейтенант Николай Петрович Хромов продолжал его боевые традиции – мстить врагу за слёзы и страдания нашего народа, бить врагов, сколько бы их не было! Такой вывод сделал Николай, «маленький лётчик», как его называл Годунов. Уроки мужества и мастерства, которые получил он от своего легендарного наставника, не пропали.

«А кроме мужества нужна постоянная осмотрительность», – учил своего воспитанника Борис Александрович. «Не досмотришь оком, заплатишься боком». «В полёте надо быть предельно внимательным, всё время смотреть по сторонам, а чтобы не натереть шею, бывалый лётчик повязывает тонкий, мягкий шарфик». «В бою мелочей не бывает», – учил опытный наставник.

ВЫНУЖДЕННАЯ ПОСАДКА ПЕТРА СГИБНЕВА

Герой Советского Союза Пётр Георгиевич Сгибнев

28 августа 1941 года.

Пётр Сгибнев вместе со своим ведомым младшим лейтенантом Горбачёвым вылетают на боевое задание – произвести разведку в районе острова Рухну.

Небо безоблачное, настроение бодрое, оба молодые и энергичные.

Вылетели нормально, полёт начался спокойно. Подлетая к острову, они заметили ниже себя четырёх Me-109. Пётр дал знать своему ведомому, но тот уже сам их заметил.

– Если их не атаковать, – подумал Пётр, – то они сами набросятся.

Дал команду ведомому приступить к атаке. Одновременно вошли в пикирование. В какой-то миг они были уже сзади фашистских самолётов. Пётр выбрал ведущего, его ведомый – второго.

С предельно близкого расстояния дали пулемётные очереди по кабинам. Оба фашистских лётчика начали беспорядочно пикировать.

– Ура! Победа! Теперь сравнялись! Их двое и нас двое!

Пётр увидел, как мимо него пролетел фашист. Промелькнула паучья свастика. Разворот в его сторону сделать не успел, фашист промахнулся. Сделав небольшой разворот, он снова нападает. Пётр взял его в прицел. Небольшая точка росла мгновенно.

– Свернёшь, гад, струсишь! – кричал Пётр.

Над его головой промелькнуло брюхо вражеского самолёта, тонкий фюзеляж был похож на щуку. Пётр успел дать очередь из всех четырёх пулемётов. Самолёт врага удалялся. Пётр приготовился отразить следующую атаку. Её не последовало, видно враг получил причитающееся и решил удрать. Своего ведомого Пётр не нашёл, подумал, очевидно он был сбит, посмотрел на свою «Чайку». Из правой плоскости торчали клочья перкали, мотор слабо тянул и давал перебои.

– Здорово, наверно, досталось тебе, мой дорогой друг мотор. Спасибо тебе, весь удар ты взял на себя. Теперь спасай, дотяни до своего аэродрома.

Тряска не прекращалась, не работали все верхние цилиндры.

– Тяни, родной, тяни!

Показалась суша, синяя бездна моря осталась позади. Пётр посмотрел вниз. Кругом чахлый кустарник, в просветах воды торчали большие кочки.

– Это не для нас, тяни, друг, тяни!

Высота пятьсот метров, маловато для планирования. Мотор чихнул и встал, затем снова затрясся и остановился. Теперь уж насовсем. Впереди оказались деревья, самолёт задрожал, будто от страха, по крыльям стали бить верхушки деревьев. Пётр отстегнул привязные ремни. Мелькали в глазах зелёные верхушки деревьев, скорость сбита, сила инерции выбросила Петра из кабины, он упал на дерево и скатился вниз. Недалеко от него упала «Чайка» мотором вниз, рули безжизненно болтались. Птицы и звери разбежались и разлетелись. Лес погрузился в гробовое молчание. Пётр лежал вниз лицом без сознания.

Так прошло четверть часа. И, будто сквозь сон, Пётр услышал разговор двух женщин. Он стал припоминать, где он. Разговор не унимался, женщины говори-

ли между собой тихо, будто боялись кого-то разбудить. Пётр поднял голову, но какая-то сила резко рванула его на землю. Он опять потерял сознание.

Снова услышал разговор, он был не на русском языке.

– Кто вы, немки? – спросил в тревоге Пётр, и опять могучая сила прижала его к земле.

– Нет, мы эстонки, – ответили женщины, но их ответ Пётр уже не слышал.

Две немолодые женщины стояли в недоумении, на лицах были страх и жалость. Они смотрели на окровавленного парня. Волнистая прядь густых волос выбилась из-под кожаного шлема на бледный лоб, пересохшие губы что-то шептали. Одна из женщин низко наклонилась, чтобы расслышать.

– Мама, мама, подойди, дай воды, хочу пить, пить... – шептали губы.

Женщина рассмотрела его лицо, нежную кожу с небритым пушком.

– Он совсем юный, – сказала она, вытирая слезу рукавом.

– Что будем делать? Его надо спасать. Сюда могут быстро придти немцы или кайцелиты.

– Он тяжёлый, мы его не донесём.

– Надо попытаться. Грешно оставлять человека в беде беспомощного.

– Давай попробуем, бери за ноги.

Они подняли и понесли. Обвисшее тело было им не под силу. Остановились.

– Давай возьмём под руки.

Подхватили раненого подмышки, ноги волоклись, оставляя полосу на примятой траве.

– Вот уже полпути прошли, – сказала женщина. Её разговор Пётр услышал и пришёл в сознание. Спасительницы облегчённо вздохнули, им стало легче. Теперь они его вели, поддерживая с обеих сторон. Он шёл с опущенной головой, едва переставляя ноги.

Привели на хутор, перевязали раны, напоили молоком, уложили спать. Через трое суток упорного лечения его переправили к своим. Надо представить себе радость однополчан, когда увидели Петра живым! Врачи направили его в госпиталь долечиваться. Из Курессаарского госпиталя его переправили на самолёте в глубокий тыл. В штабе подготовили документы. В них значилось, что лейтенант Сгибнев Пётр Георгиевич во время Великой Отечественной войны совершил 186 боевых вылетов на самолёте «Чайка». В четырнадцать воздушных боях сбил четыре вражеских самолёта Me-109, уничтожил много разной боевой техники и кораблей противника вместе с людьми. Был дважды ранен. Его привезли в Саранский госпиталь Мордовской АССР. Молодой организм быстро шёл на поправку, Пётр почувал силу и стал скучать по своим боевым друзьям. Начал упорно осаждать госпитальное начальство, упрасивал послать на фронт. Врачи колебались, ещё бы надо подлечить, но убедились, что его не удержать.

– Это врождённый сокол, – сказал лечащий врач, – его место в небе!

Петра Георгиевича направили на Северный флот. Там он совершил ещё 72 боевых вылета, в воздушных боях сбил ещё шесть вражеских самолётов. В 1942 году ему, гвардии капитану Сгибневу присвоили высокое звание Героя Советского Союза. К трём орденам «Красного Знамени» прибавился ещё один, орден Ленина. В том же 1942 году он вступает в должность командира Второго Гвардейского авиаполка имени Б.Ф.Сафонова. Находясь на этой высокой должности, он участвует в воздушных боях, постоянно совершенствует своё боевое мастерство. Его любимая фигура высшего пилотажа была «бочка».

Жизнь славного патриота нашей Родины, Петра Георгиевича Сгибнева оборвалась 3 мая 1943 года при выполнении боевого задания.

Ему было от роду двадцать два года.

Он мечтал дожить до Великой Победы, поехать в Эстонию, там отыскать своих спасительниц и низко им поклониться.

Ему не суждено было их отыскать, славные патриотки неизвестны и ныне. Может быть, они объявятся на радость оставшихся друзей Петра, на воскрешение памяти боевых подвигов Героического Советского народа. Хочется пожелать им большого семейного счастья и долгих лет жизни под чистым безоблачным небом нашей любимой Родины.

САМОЛЁТ БУДЕТ ЛЕТАТЬ!

Борис Безруков, друг Я.Вьюгина с 1936 года, всю войну вместе. 1940 г.

К середине сентября 1941 года бои на острове Эзель достигли наивысшего накала. Фашисты выполняли приказ фюрера захватить остров Эзель и уни-

чтожить там авиацию, летающую на Берлин, она не давала немцам по ночам спать.

Советские патриоты стремились удержать остров всеми силами, держать неприступными морские пути в Финский залив, не дать на растерзание любимый город Ленинград. Пропустить караван судов с озверелыми фашистами, значит быть недостойными жизни на этой прекрасной земле. А силы иссякали. Трудяги «Чайки», изношенные и израненные, едва поднимались в воздух. Красные лётчики, верные сыны Родины, на залатанных от пуль и снарядов крылышках смело вступали в бой с первоклассными Me-109, и бой выигрывали! Если бы их, фашистов посадить на такие израненные пчёлки, они бы выли от страха, как бешеные шакалы.

Лётчик Пётр Кравченко прилетел с боевого задания не только усталым, но и больным.

Цилиндры моторов были изношены сверх всякого предела, угарный газ от несгораемого масла попадал в кабину и отравлял лётчика. Дальше выпустить такой самолёт стало невозможным. Кому скажешь, кому пожалуешься? Критическая военная обстановка. Авиатехнику Буранову Егору надо было найти выход. Запасных моторов нет. Нет, и не предвидится. Подошла трудовая ночь, самолёты чинили только по ночам. Все техники трудились с миниатюрными переносками около своих самолётов, а Егор ходил, как неприкаянный. Всё сделано, а самолёт летать не может. Всю ночь не спал от дум, даже не мог забыться. Наступил рассвет, лежать не было сил, пошёл бродить по окраине аэродрома. Увидел разбитую «Чайку». Её, сбитую в боях, оставили в покое. Она уткнулась носом в землю, рули и элероны беспомощно болтались на ветру, издавая скрип, похожий на раздирающий душу стон.

– Здорово тебя потрепали, беднягу, – сказал Егор.

Он вынул из кармана плоскогубцы и отвёртку, открыл капоты. Цилиндры двигателя были со свежей краской, значит, мотор работал не очень долго. Нижние цилиндры были изуродованы от удара, налипла грязь. Егор пошёл к своим братьям, авиатехникам Борису Безрукову и Григорию Запезалову. Их самолёты вместе с командирами экипажей не вернулись с поля боя. Поделился впечатлениями о виденном самолёте.

– Мотор почти новый, – сказал он, – только изуродован при падении.

Все пошли посмотреть. Оттянули самолёт назад, поставили на колёса. Липкая грязь падала комьями. Их волновал вопрос, не побита ли кулачковая шайба, не нарушены ли шатуны? Отделили мотор от самолёта, подвели подъёмный кран, поставили мотор на автомашину и привезли к стоянке самолёта Егора. Сняли нижние цилиндры, шатуны оказались целыми. Поставили нижние цилиндры от старого мотора.

А в это время налетели восемнадцать фашистских Ю-88. Пришлось сроч-

но укрыться в щели. Один фашист заметил самолёт Егора, начал заходить для штурмовки. За ним следили друзья – труженики, затаив дыхание. Вот уже видна на киле свастика, кресты на плоскостях, фашист идёт точно на цель.

– Сейчас будет крышка моему трудяге, – сказал Егор.

Но фашист, не долетая до самолёта, вдруг резко взмыл вверх.

– Что случилось, почему он не стрелял? – спросил Борис.

– Дерево помешало снизиться, – ответил Григорий, – побоялся в него врезаться.

Только улетели варвары, ребята снова принялись за дело. Григорий пошёл в баталерку за шплинтами и нужными трубками. Не успел вернуться, как снова появились «юнкерса». Эти были ещё наглее, уничтожали всё, что только попадалось им на глаза. Григория они прихватили на полпути. Хорошо, что близко оказался глинобитный сарай. Григорий забежал за противоположную сторону укрыться от наседавшего самолёта. Фашист развернулся в его сторону, Григорий перебежал на другую сторону, фашист тоже развернулся в его сторону. Так он заходил на «цель» несколько раз, потом ему, наверно, надоело. Другой лётчик заметил щель, в которой укрывались Борис и Егор. Он начал снижаться по прямой на эту щель. Борис не выдержал, подполз и лёг рядом с Егором.

– Егор, – сказал он, – долго мы были вместе, как родные братья. Если убьют, то пусть нас найдут рядом и похоронят в одной могиле.

Егор прижал к себе его худенькое тело, пропахшее бензином. Мимо них промелькнуло брюхо фашистского самолёта, засвистели пули, но ни одна не попала. Второй раз спасло дерево.

Расстреляв запас, фашисты улетели. Подошёл Григорий. Его лицо было белое, как в муке, руки держали нужные трубки и дрожали. Он рассказал, как всё было, как за ним гонялся «юнкерс».

Ещё три раза фашисты прерывали работу друзей, но дело двигалось. Работали всю ночь.

– Осталось проверить работу мотора, – сказал Егор.

Он сел в кабину, по обеим сторонам самолёта стояли Григорий и Борис. Винт закрутился, мотор заработал. Все трое стали прислушиваться, не стучит ли что внутри. Пока всё нормально. Дал высокие обороты. Мотор работал чётко, посторонних шумов не было.

– Как часы! – сказал Егор.

Гриша захлопал в ладоши, а Боря стоял и платком вытирал слёзы.

Этим закончилась ещё одна страничка забываемых трудных дней, согретых теплом дружбы и преданности. Много вылетов сделал Пётр Кравченко на этом самолёте с установленным мотором.

ВЫХОД НАЙДЕН!

*Лётчики 12-й КОИАЭ: слева направо
Александр Михайлович Шитов
и Пётр Зиновьевич Кравченко*

На ночном отдыхе лётчики находились в поповском доме. Чистые и светлые просторные комнаты вполне были подходящими для отдыха, но вот беда, в комнатах было множество блох. Они безжалостно набрасывались и не давали спать. Кто-то во сне всё время разговаривал.

Григорий Бегун и Александр Шитов долго ворочались и не могли уснуть. Они обдумывали предстоящий полёт до Нового Петергофа. Цель полёта – замена отработанных двигателей. Лететь предстояло более 600 километров и всё время над морем. На стоянке их поджидали самолёты с подвешенными дополнительными бензобаками. Чтобы облегчить полётный вес, было сброшено всё излишнее. Даже боезапас был уменьшен.

Полёт проходил на предельно малой высоте в целях маскировки. Если сойдёт, то на парашюте не спастись – нет высоты. Двигатели едва держали обороты, всё время дымили и «чихали». Лётчики прилетели, сдали самолёты, и в мастерской сразу же приступили к замене двигателей. Выход найден – самолёты будут летать с заменёнными двигателями!

На второй рейс полетели четыре лётчика: Яков Ёхин, Константин Сельдяков, Александр Шитов и Иван Гореликов. Полёт проходил в том же порядке. Самолёты сдали в ремонт и пошли в гостиницу. Первым делом решили пойти в баню, хорошо, что чистое бельё прихватили с острова.

В бане не были давно, мылись с наслаждением и долго. На обратном пути шли через парк. Осенняя прохлада с грибным запахом и разноцветными

листьями, к тому же на родной земле, казалась раем. Они сели на скамейку, чемоданы с грязным бельём поставили рядом.

– Куда его девать? – Спросил Ёхин. К носке оно не пригодно, разъедено потом.

– Давайте его похороним, – предложил в шутку Фролович, как все называли для солидности восемнадцатилетнего Ивана Гореликова.

Так и решили. На окраине парка нашли незаметное место, вырыли небольшую яму, уложили, забросали землёй и поставили фанерную табличку на колышке с надписью: «Здесь захоронено бельё лётчиков 12 КОИАЭ».

Пришли в гостиницу вечером. В зале гостиницы стояло пианино. К нему не спеша подошёл Александр Шитов, не спеша открыл крышку, проверил инструмент и начал играть «Лунную» сонату Бетховена. Играл прекрасно. Никто не ожидал, что Александр мог так играть, в Липово инструмента не было. Стройная фигура, манера держаться с достоинством, красивые волнистые волосы, тонкие и длинные пальцы – всё гармонировало с прекрасной игрой.

– Как кенарь, вырвавшийся на свободу, – сказал Костя Сельдяков.

Александр играл самозабвенно, будто навёрстывал упущенное. Послушать музыку пришли многие обитатели гостиницы, в том числе обслуживающий персонал.

Игра прекратилась, пианист сидел неподвижно, как будто вспоминал что-то. Неожиданно все громко зааплодировали. Александр встал, поправил упавшие на лоб волосы и слегка поклонился. К нему подошла молодая женщина с кителем в руках. Это была горничная гостиницы. Она протянула китель и сказала:

– Возьмите! Это китель моего мужа, носите его на здоровье!

Только теперь все обратили внимание на китель пианиста, он был не только пропылённым, но и с худым от пота воротником. Заменить его не было времени. Пришли в комнату под впечатлением прекрасной музыки. Понимая это, Александр тихо сказал:

– Кончится война, прогоним фашистов, и я пойду учиться в консерваторию. Это моя давнишняя мечта.

Мечта Александра не осуществилась.

В обратный путь на остров Эзель их не отпустили, оставили защищать Ленинград. На отремонтированных самолётах их направили на прифронтовой аэродром в Куплю. Они начали воевать непосредственно у стен Ленинграда.

12 сентября Ивана Фроловича Гореликова ранило в воздушном бою над аэродромом Низино. В конце августа не вернулся с боевого задания – сопровождение бомбардировщиков, Константин Сергеевич Сельдяков, а 26 августа – Ёхин Яков Иванович.

В конце августа на Гатчинском аэродроме стояло множество фашистских самолётов. На их уничтожение вылетел Александр Шитов. Вступив в бой с «мессерами», он яростно дрался, но был сражён. Самолёт загорелся на низкой высоте, спастись на парашюте было невозможно. Объятый пламенем, он направил свой самолёт в скопище фашистских «юнкерсов» на стоянке и готовых к вылету. Вместе с ними Александр сгорел, как факел, как верный сын своего многострадального народа.

Так оборвалась жизнь Александра Михайловича Шитова, замечательно-го человека, хорошего товарища, прекрасного пианиста.

Было ему 22 года.

ГИБЕЛЬ ПЕТРА ЗИНОВЬЕВИЧА КРАВЧЕНКО

При осмотре самолёта после возвращения его с боевого полёта техники знали, на каких режимах шёл бой. Если лобовые капоты и жалюзи разворочены пулями и осколками снарядов, значит, бой был в лобовую. Тогда смотри, не пробиты ли цилиндры и воздушный винт. Не имея достаточной брони, иногда лётчик спасался от пуль, подставляя мотор и одновременно производя стрельбу из пулемётов.

Вот так Егор осматривал свой самолёт, на котором прилетел лётчик Пётр Кравченко. При очередном осмотре самолёта, только что возвратившегося из боя, сразу же были обнаружены отбитые рёбра охлаждения цилиндров, а на бензобаке образовалась шишка, будто кто-то под протектор положил буханку хлеба. Пуля пробила бензобак, но резиновый протектор растворился и заклеил на короткое время пробоину. Егора это не удивило, он готовился к ремонту. Пришлось менять бензобак. Хорошо, что в баталерке оказался запасной. Петру дали немного отдохнуть, а затем послали в бой на самолёте техника В.Богунца. Вернувшись с полёта, выпустил шасси, но одна нога не выпустилась. Ему ракетой запретили посадку, рации на самолёте не было. Вылетел П. Смирнов, на его самолёте сбоку написали мелом: «Делай, как я!». Смирнов крутил бочки, чтобы выпустилась нога, Кравченко повторял. Нога так и не выпустилась. Разрешили посадить на одну ногу. Кравченко был опытным лётчиком, он долго служил в Ейском лётном училище инструктором, знал самолёт прекрасно.

Самолёт посадил на две точки: на одну ногу и костыль. Посадил ровно, как говорят, «притёр», но на пробеге самолёт развернулся в сторону невыпущенной ноги и опрокинулся вверх колесом.

Подъехала санитарная машина, а Пётр был уже мёртв. Он головой ударился о прицел, рана оказалась смертельной. Его увезли туда, откуда никто не возвращался.

Командир эскадрильи подполковник Кудрявцев подозвал Ивана Усатова, который был старшим техником отряда. Поводив пальцем около носа, сказал Усатову:

– Если это будет по вине техников, я расстреляю вас на месте.

Самолёт оттащили с лётной полосы, поставили на козелки. Усатов не подходил, руководил техниками с других самолётов старший техник отряда И.П.Петренко.

Оказалось, что тягу щитка шасси вырвало на взлёте при сильном развороте, она заклинила выпуск ноги. Вины техников не было. Тягу поставили на место, и нога свободно стала выпускаться. Можно было только догадаться, в каком состоянии был Иван Усатов. Он видел, как Петра мёртвого положили в санитарную машину и увезли. Егор тоже всё видел, стоял возле своего исправного самолёта, слёзы текли по его лицу. К самолёту тихо подошёл лётчик Алексей Ильичёв и сказал:

– Егор, теперь я буду твоим командиром экипажа.

МООНЗУНДЦЫ В ГЛУБОКОМ ТЫЛУ ВРАГА

С захватом Таллина, да и всей Прибалтики, фашисты были в угаре от побед, озверели и обнаглели окончательно. Моонзундские острова оказались отрезанными от материка более чем на 400 километров. Снабжение бензином и боеприпасами ещё более осложнилось. Ударная фашистская авиация, которую Гитлер послал на уничтожение самолётов, летающих на Берлин, ежедневно по нескольку раз в сутки штурмовала аэродромы Кагул и Асте. Как всегда, вражеские самолёты появлялись внезапно, посты ВНОС не успевали оповестить. Авиагруппа полка Е.Н.Преображенского совершила девять налётов на Берлин. На пятое сентября от группы осталось три самолёта. Им было приказано перелететь в Беззаботное. Три самолёта, до предела нагруженные людьми, вырулили на взлётную полосу. Остальные люди этой группы стояли на поле, как провожатые, им не нашлось места, и самолётов для их переброски не поступало. Они влились в состав наземных частей при обороне острова Эзель. Часть из них погибли в неравном бою, часть попала в плен или были расстреляны в городе Курессааре немецкими карателями. На самолёте ИЛ-4 улетел и генерал С.Ф.Жаворонков. До Таллиннского аэродрома, когда он ещё не был занят фашистами, его самолёт сопровождали лётчик-испытатель Владимир Коккинаки и лётчик 12-й КОИАЭ Иван Красов. Далее для прикрытия его самолёта с воздуха был прислан командующим ВВС КБФ генерал-майором авиации М.И.Самохиным был прислан лётчик – ас капитан П.А.Бринько, виртуоз высшего пилотажа и мастер меткого огня. На его счету было тогда более

десять сбитых фашистских самолётов. Бои на острове Эзель продолжались. На аэродроме Кагул осталась авиация только из 12-й КОИАЭ. В неравных боях погибали лётчики, пополнения не поступало.

В числе погибших лётчиков 12-й КОИАЭ на острове Эзель были: Б.А.Годунов, М.И.Афанасьев, С.М.Конкин, Г.А.Авакьян, Горбачёв, П.А.Дорохов, Н.И.Бычков, А.П.Дворниченко.

Были ранены в воздушном бою и отправлены в тыл на лечение:

А.М.Тхакумачев, П.Г.Сгибнев, П.Г.Гаенко, Н.П.Хромов, М.И.Пивоваров, Н.П.Кучерявый, А.Б.Григорьев, Б.К.Панкратьев.

Истребителям 12-й КОИАЭ задача оставалась та же, несмотря на малую численность. Лётчики несли невероятные перегрузки. Фашисты имели численное преимущество, делали налёты на аэродром группами по 125 самолётов. Однажды налетели, когда наши самолёты возвращались с задания. От попаданий загорелись два И-16, тогда инженер группы Мишук выбежал из укрытия, снял капоты и стал забрасывать землёй бушующее пламя. Потушил. Его примеру последовали, и второй И-16 тоже был спасён. Два самолёта были спасены. На следующий раз фашистов отогнали зенитчики, открыв по ним интенсивный огонь. Два самолёта они сбили, остальные повернули обратно. Зенитчики действовали, как герои. Среди них было тридцать восемь раненых и трое убитых, но они продолжали преследование воздушных пиратов.

ПОПЫТКА ФАШИСТОВ ВЫСАДИТЬ МОРСКОЙ ДЕСАНТ

Чтобы ускорить захват острова Эзель, фашисты предприняли первую попытку высадить морской десант. Они разработали план: войти в бухту Лео, высадить десант и огнём корабельной артиллерии подавить 315-ю береговую батарею.

В противоборство этой операции вступила островная авиация, три торпедных катера капитан-лейтенанта Сергея Осипова и 315-я батарея капитана А.М.Стебеля.

27 июля 1941 года.

Лётчики 12-й КОИАЭ обнаружили в море идущие корабли фашистов. Их было 26 вымпелов: два миноносца, четырнадцать сторожевых кораблей и тральщиков, да ещё торпедные катера. Они стремительно подходили к бухте Лео. Корабли начали обстрел берега, от конвоя отделились восемь торпедных катеров, казалось, что захват берега фашистами неминуем.

Но вот появились три торпедных катера С.Осипова. Сам Осипов, высокий, худощавый, в кожаном шлеме, с очками на глазах, стоял на рубке катера Василия Жильцова, обхватив обеими руками мачту. Нелегко и совсем не безопасно было стоять на крошечной рубке, зато все его видели, и он всех

видел. Это вселяло уверенность и отвагу в его подчинённых, они видели своего командира, как Чапаева на лихом коне. Он скомандовал:

– Огонь!

На восьмёрку вражеских катеров посыпался град пуль. Те не ожидали такой смелости, повернули назад и оказались под разрывами снарядов своих же кораблей.

По трём смельчакам били тяжёлые пушки главного калибра, скорострельные орудия сторожевиков и тральщиков. Как и тогда, 13 июля, Алексей Афанасьев поставил дымовую завесу. Как и тогда, на мичмана Алексея Афанасьева нацелились десятки вражеских пушек, но он сделал своё дело. Судёнышко Афанасьева металось из стороны в сторону, дым укрыл героев, враг не мог вести прицельный огонь.

Впереди катера Жильцова, на котором был Осипов, показался огромный транспорт и миноносец. Расстояние быстро сокращалось.

– Огонь! – Хриплым голосом скомандовал Осипов.

Жильцов выпустил торпеду. Второй торпедой поразили транспорт. Прогротохали два взрыва! Теперь надо укрыться и дать возможность атаки другим. Уходя из атаки, они видели торчащие из воды остатки вражеских кораблей. Грохнули ещё два взрыва. Это Баюмов двумя торпедами ударил по второму миноносцу. Ещё два взрыва! Это Афанасьев потопил сторожевик и тральщик! Авиация и дальнобойная артиллерия довели дело до конца.

Лётчики 12-й КОИАЭ в воздушном бою сбили два Ме-109, реактивными снарядами подожгли большой транспорт. (Из архива ОЦВМА, фонд 122, дело 13830, лист 9).

Фашисты повернули обратно – подсчитывать свои убытки.

ЗАЩИТНИКИ ОСТРОВА ВОРМСИ

Небольшой остров Вормси расположен в проливе Муху-Вяйн западнее острова Хийумаа (Даго). От острова до материка расстояние всего две мили. На этом острове находился гидрографический отряд капитан-лейтенанта Н.И.Федотова, принявшего на себя командование отрядом после гибели его командира капитан-лейтенанта М.И.Махонина. Этот отряд обеспечивал боевые действия кораблей. Посты этого отряда в ночное время включали мощные прожекторы для прохода кораблей, освещали створы, выставляли поворотные буи. После того, как из бухты Таллина ушли корабли в Кронштадт, заданий этому отряду стали давать меньше, во время штурмовок фашистскими самолётами много погибло катеров и машин, поредел личный состав отряда. Кроме отряда гидрографов на острове находилась стрелковая рота. Перед тем как напасть на острова Муху и Эзель, фашисты запланировали оккупиро-

вать остров Вормси. Отстоять остров силами, которые были на этом острове, задача не из лёгких.

Шестого сентября фашисты предприняли высадку десанта, но были отогнаны меткими залпами островной артиллерии. На следующий день они повторили артобстрел, мощными лучами прожекторов ослепили защитников. Появились жертвы, смертельно ранили капитан-лейтенанта Махонина, убили несколько бойцов. Артобстрел длился по восьмое сентября, потом двинулись шлюпки с десантниками.

На помощь защитникам с острова Даго подбросили подкрепление. Фашисты не ожидали встретить отпор, повернули назад.

– Победа! – кричал молодой защитник, в его глазах светилась радость оттого, что бегут фашисты.

В северной части острова со стороны Хапсалу фашисты бросили десант и закрепились. Борьба была упорной, только в районе маяка Вормси фашисты оставили более 300 трупов. Сбросить фашистский десант в море не удалось. Усиленный батальон с севера и штурмовки фашистской авиацией поставили защитников в критическое положение. Защитников прижали к маяку. Надо было их спасти. Это поручили лейтенанту В.М.Огаркову. В ночь на одиннадцатое сентября лейтенант Огарков на шхуне «Термаланд» с одним катером и двумя шлюпками-шестёрками подошли к маяку. Посадили на катер тридцать человек защитников. Шхуну штормовой ветер отогнал в море пустую. Тридцать защитников переправились на лодках, осталось на берегу сто пятьдесят человек, они заняли оборону возле маяка. Почти все командиры погибли в бою. С криками «Ура!» отбивались штыковыми атаками, фашисты отходили, а утром с поддержкой авиации снова возвращались.

Постоянную связь с защитниками поддерживал 13-й дивизион КМТЩ под руководством капитана 3-го ранга Николая Фёдоровича Барсукова и комиссара старшего политрука Сергеева. Они раньше участвовали в боевой операции по снятию войсковых подразделений с Виртсу и переправки их на остров. В этих боевых операциях катера получали повреждения и даже гибли. Командир звена Д.А.Овсянников придумал способ борьбы за живучесть катеров. Он приказал заготовить деревянные пробки и пластыри разных размеров для заделки пробоин в подводной части катера. Эти пробки находились в разных местах машинного отделения и хранились в сыром виде. При возникновении пробоин сырые пробки вбивали в корпус катера, водотечность прекращалась, отсеки осушались и боевая жизнь продолжалась. Много было переправлено защитников, много подобрали плавающих на переходе Виртсу – Муху. После этого они помогали осаждённому гарнизону острова Вормси, подвозили боеприпасы, забирали раненых. Подошли в очередной раз, но там уже были немцы. Рулевой Константин Горбунов не растерялся, быстро развернул катер

обратно. По другую сторону острова шёл бой. С маяка просигналили осаждённые, просили поддержать огнём. Командир катера Агапов повернул катер на помощь, поддержали пулемётным огнём, оставили продовольствие и боеприпасы, взяли раненых девятнадцать человек и ушли на остров Даго. Прибыли в бухту Хельтерму, сдали раненых и доложили командованию о положении на острове Вормси. Командование приняло решение снять окружённых. Эту задачу поручили выполнить звену Д.А.Овсянникова. Ему на помощь выделили стрелковую роту гарнизона Даго.

Операцию по спасению остатков гарнизона Вормси Овсянников готовил тщательно. Были проведены партийное и комсомольское собрание, митинг. Бойцы давали клятву выполнить задание, вырвать из фашистских лап погибающих товарищей.

А в это время разбушевалась морская стихия. Семибальный шторм не позволял выйти в море. Ночью, когда море стало затихать, пронзительный сигнал тревоги разбудил матросов КМТЩ. Они быстро заняли свои места, началась посадка на катера десантной роты. Малютки-катера КМ были переполнены до предела. Их было четыре. На небе ни звёздочки, кругом тьма, гневное рычание волн заглушало все звуки. Это помогало подойти к острову скрытно. В ходовой рубке на мостике стоял командир звена старший лейтенант Д.А.Овсянников. От него сейчас зависело многое. Рулевые сигнальщики держали надёжную связь между катерами. Они шли в кильватере, выдерживая расстояние между собой наперекор стихии. При подходе к острову стали видны вспышки фашистских ракет. Временами небо расчищалось от туч, показывалась бледная луна, и этого света было достаточно для ориентировки.

– Приготовиться к высадке десанта, – скомандовал Овсянников.

Катера по этой команде перестроились и легли на курс. Вот и цель – берег. Катер Агапова первым приступил к высадке. Большая волна скрывала подводные камни, и это угрожало напороться на них. Матросы выбирали неуязвимые места. Фашисты осветили берег и заметили катера, открыли миномётный огонь. Мины рвались вокруг камней, не задевая катера. Всё в порядке, последний боец ступил на землю острова. Фашисты открыли ураганный миномётно-пулемётный огонь, в спешном порядке подготовили оборону. Десантники роты, которой командовали лейтенант Соловьёв и военком Прууль, пошли в наступление. Стал обозначаться успех. Фашисты понимали, что десант немногочисленный, и бросили свежие силы. Обстреливали минами, поле боя освещали ракетами. Справа строчил пулемёт, освободители вынуждены были залечь. Создалась для них критическая обстановка, и тогда командир Овсянников приказал:

– Мичман Горбунов, вам видно огневую точку, откуда стреляют?

– Да, видно.

– Снимай свой пулемёт с катера и заткни им глотку! Пока они будут стрелять, нам не пробиться. В помощники пойдёт Михаил Долгих.

– Есть! – ответили оба.

Они быстро сняли пулемёт с катера, взяли коробки с патронными лентами и прыгнули за борт в холодную воду. Глубина между камней была выше роста, приходилось плыть. Забрались на скалу возле больших камней и установили пулемёт. Северный ветер пронизывал мокрую форму, руки коченели от холода.

Застрочил фашистский пулемёт по цепи освободителей.

– Вот вы где, – сказали оба, и короткими очередями накрыли эту огневую точку.

Пулемёт фашистов захлебнулся.

На правом фланге лейтенант Прууль поднял всех в атаку, умело организовал правый фланг, сам шёл впереди. Это был смелый, решительный, энергичный комиссар. Он рвался туда, где кипел бой, появлялся там, где нужна помощь. Фашисты осветили поле боя ракетами. Николаю и Михаилу было видно всё, как на ладони. Николай стал расстреливать цепи фашистов, а Михаил спустился вниз, откуда когда-то бил уничтоженный ими фашистский пулемёт. Фашисты лежали мёртвыми. Он взял пулемёт, два автомата, около десятка гранат и снова забрался на камни к Николаю.

– Откуда это? – спросил Николай.

– У фашистов попросил в долг, чтобы намылить им шею, – ответил Михаил.

Михаил установил трофейный пулемёт, а он не стрелял.

– Сними с предохранителя, – сказал Николай.

Пулемёт заработал. Теперь били по фашистской цепи два пулемёта, свой и трофейный. Фашисты начали отходить.

В это время производили посадку раненых на катер. Вместе с ранеными посадили артистов КБФ, которые не успели ранее выехать с острова. Это были: З.К.Кобрина, С.Б.Прусиновская, В.А.Размаслов, В.Горобец и Н.Ф.Ткач. Они помогли раненым. Лейтенанты Соловьёв и Прууль стали преследовать отходящих фашистов, им помогли пулемётчики Горбунов и Долгих. Вражеская цепь расчленилась. Пулемёты Горбунова и Долгих косили отступающих.

– Пусть знают балтийцев-сибиряков! – приговаривал Долгих.

В это время Николай и Михаил даже почувствовали тепло в мокром обмундировании на пронизывающем ветру. Гитлеровцы засекли их пулемёты, стали пускать в них мины, но седловина между камней надёжно спасала их, и с боков они были защищены от осколков. Фашисты несли большие потери.

Атакующий порыв освободителей прибавлял силы, эвакуация продолжалась.

Командиры катеров сделали всё, чтобы штормовая волна не прибила катера на камни.

Фашисты стали преследовать Горбунова и Долгих, в их сторону бросили две гранаты, но они взорвались между камней, не причинив вреда. Долгих остался у пулемёта, а Горбунов зашёл с тыла и увидел двух гитлеровцев, приближающихся к Михаилу. В это время взвилась ракета и осветила поле. Оба фашиста были уничтожены из трофейного автомата. Николай и Михаил косили ряды фашистов, меняя место, чтобы затруднить фашистам вести прицельный огонь. Гитлеровцы усилили преследование, патроны кончались. Прибежал связной, передал приказ отходить. В этот момент взорвалась мина, взрывной волной сбросило Николая в холодную воду. Он получил контузию и ранение. Боевые друзья перенесли его на катер вместе с пулемётом и автоматом. Это были последние минуты отхода катера. Фашисты принесли пушку, чтобы бить по отходящим катерам, но прямых попаданий не было. Сильный шторм, тёмная беззвёздная ночь сопутствовали удаче. Часть гарнизона острова Вормси была спасена.

Четыре катера прибыли в Хельтерму, встали на ремонт. Через некоторое время перебазировались на Эзель в бухту Триги. Николая Горбунова отправили в Тригу на катере раньше остальных. В Триге находилась база катеров, а в деревне Лейзе, близ Триги, в лесу располагался медсанбат 3-й стрелковой бригады 46 стрелкового полка.

Вот там лечили Николая Горбунова. Он плохо слышал, заикался, болела голова, тошнило.

Двенадцатого сентября медсанбат стали эвакуировать вглубь острова. К Горбунову пришли навестить Д.А.Овсянников, А.И.Обухов, М.Д.Долгих и Н.С.Жильников. Они принесли чистую одежду, надеясь его забрать, но здоровье не позволяло, врачи не пустили. А вечером пришли его друзья сибиряки Жильников, Обухов и Долгих, переодели его и украли у врачей.

При встрече с капитаном Н.Ф.Барсуковым Николай сильно заикался, был очень бледен. Барсуков стал ругать их за то, что прервали лечение, в ответ они сказали:

– Товарищ командир, ведь это Горбунов, он дюжий, всё вынесет.

ПОДИНОК СО СМЕРТЬЮ

12 сентября 1941 года. Бухта Триги.

На острове Эзель первый месяц осени, он мало отличался от лета. Температура днём была почти такой же, как ночью, деревья стояли в пышной зелени, в воздухе парило множество птиц с молодым потомством.

Николай Горбунов стоял на палубе своего катера КМТЩ, проверял пулемёты. Ему не докучали друзья – сослуживцы, оставив его специально наедине

*Командир отделения мотористов
Алексей Иванович Обухов*

с природой. Он поднял голову и увидел бухту во всём её величии. Она была очень удобной для стоянки кораблей. Западный и южный берега были покрыты хвойным лесом, защищая бухту от резких ветров залива Солдовейн. Сосны и ели глухой стеной доходили до самой воды. В тенистых елях стояла зенитная батарея, угрожая вражеской авиации при нападении на корабли. По сосновому лесу шла дорога к деревне Лейзе. Крутые берега разбивали морскую волну, она становилась смирной, её убаюкивающий, монотонный шум сливался с криками чаек. Остроконечные ели напоминали Николаю родной сибирский край. Далёкая от родных мест Эстония была чем-то похожа на сибирские незабываемые сосновые леса и величественные просторы. Он вдыхал чистый воздух и наслаждался.

– Сибирь, Сибирь, как ты мне дорога, для меня ты останешься вечной и неповторимой, как я хочу оказаться в родных краях! – теснились мысли.

При воспоминании о родных местах Николай забыл про свои боли и недуги. Он посмотрел на водную поверхность бухты. У стенки стояли рассредоточенные катера КМТЩ, два тральщика, два морских охотника. На противоположном берегу стоял транспорт, гружённый минами и торпедами для БОБРа. Транспорт виднелся в какой-то прозрачной синеве и дымке, сливался с берегом и был трудно различим. Солнце поднималось всё выше и выше, светило пурпурными лучами. Небо чистое, и только у самого горизонта нависла тёмно-свинцовая туча с багровым подсветом. Тёмной лентой уходила вдаль лесная полоса.

На небе перистые облака стали меняться мощными кучево-дождевыми. Мёртвая зыбь, подёрнутая рябью с белыми пенистыми полосками, предвещала шторм.

*Командир отделения мотористов
старшина 1-й статьи
Михаил Дмитриевич Долгих*

– Морякам не привыкать штормовать, – говорил сам с собой Николай, – шторм для моряков дело привычное. Грусть и тоску наводят выброшенные на берег тела и бескозырки матросов. Штормовая волна опасна для беззащитных катеров КМТЩ, но наши парни не обижаются на Нептуна, преодолевают все невзгоды.

К Николаю подошёл Алексей Обухов. Он как-то нежно, по-братски, протянул руку с небольшим свёртком и сказал:

– Возьми, Коля, это принесли тебе ребята из медсанбата. Вид у тебя неважный, иди, отдыхай.

– Очень болит голова, всё время тошнит, угнетают глухота и заикание.

– Может, тебя направить в госпиталь?

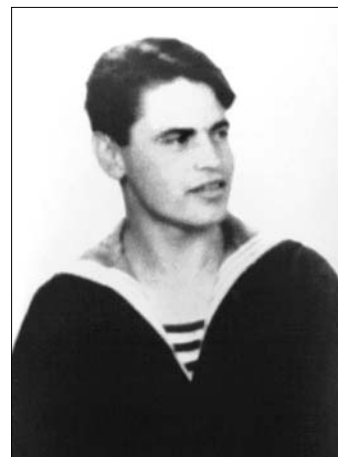
– Нет и нет! Потерять свой корабль, значит потерять свой дом.

После таких слов Николая у Алексея Обухова глаза увлажнились, он нежно обнял своего друга. Они стояли на катере плечом к плечу и ощущали полное единство в мыслях и делах. И вдруг, будто стрелы пронзили сердце, на небе появились фашистские самолёты. Они летели на бреющей высоте, напали на беззащитные катера, стали сбрасывать бомбы на гружёный транспорт. Алексей принял решение немедленно спасать транспорт, Николай, забыв про свои болячки, кинулся за Алексеем. Увидев фашистские самолёты, вся команда катера пришла в смятение. Командир катера Агапов привёл катер в движение, и последовали к транспорту. Мигом оказались возле транспорта. Он был так велик, что катер оказался под кормой. А гитлеровские самолёты продолжали сбрасывать бомбы. Самолётов было девять, и каждый старался угодить точно в цель. Наверно, узнали предназначение транспорта, но зенитки мешали им

точно попадать в цель. У одного фашистского самолёта был на борту какой-то рисунок. Он спикировал на транспорт, и в этот момент от него отделилось странное жёлтое облако. Многим показалось, что самолёт был сбит зениткой, но это было не так. На палубе транспорта появились жёлтые масляные пятна, которые мгновенно загорелись. Горела палуба, брезенты, надстройка. Катерники в смятении смотрели и понимали, что если загорится транспорт, погибнут все торпеды.

Взобраться на транспорт было трудно. Тогда командир катера Агапов подвёл катер к высокому борту транспорта и бросательным концом с кошкой укрепили штормтрапик. По этому трапику стали подниматься Обухов и Горбунов, за ними следовала вся команда катера. Начали тушить пожар огнетушителями и вёдрами, сбивали пламя подручными средствами. А самолёты продолжали сбрасывать зажигательные бомбы, две прожгли брезент и угодили в трюм. Тогда Обухов и Горбунов спустились в трюм и вытащили в ведре с водой эти зажигалки.

На помощь в тушении пожара прибыли другие катерники под руководством командира 3-го звена Д.А.Овсянникова и старшины Анатолия Леонтьевича Гоненко. Подошёл катер Мо-4 лейтенанта Гриба. Прибавилось несколько огнетушителей и вёдер, доставили воду. Все оказались во власти стихии, все боролись за спасение транспорта. Закалённые в боях моряки оказались сильнее этого. Пожар был потушен. Все с облегчением посмотрели на море и вдруг увидели, как на транспорт идёт горящий катер. Он идёт строго по курсу, может врезаться в корпус транспорта и взорваться.

*Рулевой сигнальщик старшина 1-й статьи
Константин Васильевич Горбунов*

– Наверно, все погибли на катере, и он стал неуправляем, – сказал Горбунов.

Навстречу вышел катер. Комсорг Василий Мелехов и Анатолий Гоненко, сблизившись с горящим катером, взобрались на палубу, остановили движение и потушили пожар. Так был спасён очень важный транспорт под номером 64. В этой операции участвовали: командир 2-го звена КМТЩ Д.А.Овсянников, старшина А.И.Обухов, мичман Н.К.Горбунов, А.Л.Гоненко, Василий Мелехов, командир МО-4 лейтенант Гриб с матросами.

Это был поединок со смертью, и она отступила.

НА ПРИСТАНИ ВИРТСУ

Рассказ начнётся с маленького отступления.

Кавказские долгожители, постигая жизнь, сделали для себя вывод, что человек в первые тридцать лет своей жизни должен учиться жить, следующие тридцать лет отдать плодотворному труду, остальные тридцать лет рассказывать, что видел, узнал и понял.

Ветераны войны, оставаясь наедине с собой, вспоминают прожитое, анализируют, сопоставляют, будто заново проживают свою жизнь. Радостно бывает им, когда вспоминают приятное, и очень горько, когда вспоминают ошибки, утраты близких. Кажется, что всё это было совсем недавно. Картины встают одна за другой зримо, ясно, чётко. Светлых воспоминаний больше у тех, кто прожил честно, отдавая всё лучшее людям.

Глядя на карту, видишь, что Балтийское море окрашено в нежно-голубой цвет, суша – в розовый. Молодым кажется, что здесь всегда было спокойно и радостно. А ведь здесь проходили ожесточённые, кровопролитные бои, которые унесли тысячи человеческих жизней. Вот остров Сааремаа (Эзель), рядом с ним остров Муху. Они сообщаются между собой насыпной дамбой. Пролив Сур-Вяйн, по-эстонски «Большой пролив», отделяет эти острова от материка. Морская пристань на берегу Виртсу является конечной точкой материка. От неё ходит паром до острова Муху. Об Виртсу упоминалось, что она была занята фашистами в начале боёв, затем, восемнадцатого июля, была освобождена нашими советскими десантниками. Бои после этого не прекращались. За сорок пять дней упорных боёв было уничтожено более тысячи фашистов, много боевой техники. Фашистам была нужна Виртсу, чтобы захватить острова. Они здесь наращивали силы, бросая свежие подкрепления. Настал тот час, когда гитлеровцев невозможно было сдерживать, командование БОБРа решило эвакуировать свои войска на остров Муху. Эвакуация проходила в ночное время. Немцы узнали об эвакуации, когда транспорты с людьми и техникой были на середине пролива. Немногочисленная

авиация 12-й КОИАЭ прикрывала от воздушного нападения, охраняя буксиры и морские транспорты с людьми. Фашисты направили лавину огня по транспортам из всех видов орудий. Море закипело от раскалённых огненных снарядов, бойцы и краснофлотцы оказались около тонущих кораблей.

В артиллерийскую дуэль вступила наша 43-я береговая батарея на полуострове Кюбассар во главе командира В.Г.Букоткина и комиссара Г.А.Карпенко. Точными попаданиями они заставили замолчать фашистские орудия, уничтожили сухопутные силы, которые наседали на батальон прикрытия. Таким образом, букоткинцы дали возможность эвакуироваться и спасли тонущих бойцов.

О боях при обороне Моонзунда вспоминает бывший сержант **Михаил Дмитриевич Артюгин**. Свои воспоминания он изложил письменно. Они начинаются словами:

«Во второй половине августа 1941 года по боевой тревоге мы прибыли на автомашинах на остров Муху около Кувайсту в распоряжение полковника Н.Ф.Ключникова, командира группы войск, оборонявшей остров Муху. Нам было приказано высадиться на материк и ударить по фашистам приморской группировки и этим маневром оттянуть часть войск, которые наступали в районе города Таллина. В состав десанта входил первый батальон 46-го стрелкового полка. Командиром батальона был капитан Огородников, его заместитель – старший лейтенант Жданов. Командиром первой роты был лейтенант Егоренков, политруком роты – младший политрук Бобылёв. В полку была сапёрная рота, которой командовал Кирназенко, взвод связи – командир Локтев и хозвзвод – командир лейтенант Мягков, санитарная группа – военфельдшер 2-го ранга Барканевой, санинструктор – Лукомский. Командиром взвода первой роты был лейтенант Лютов, а я был его помощником.

С рассветом по приказу Огородникова мы обследовали местность, по которой наступал враг. Стрелковая рота завязала бой с противником, который подходил к Лихула. Ночь была тёмной, дождливой. Все мы промокли до нитки.

Как только совсем рассвело, мы пошли в наступление. Немцы открыли по нам ураганный огонь из миномётов, пулемётов, автоматов.

Мы тоже не остались в долгу. Подавляя одну за другой огневые точки противника с помощью нашей авиации, которая поддерживала нас с воздуха и поднимала дух бойцов, мы нетерпеливо рвались в бой. Злость на противника была беспредельной. Находясь на ровном открытом месте, мы несли большие потери, но теснили противника. Разорвавшейся миной был ранен в ногу командир взвода лейтенант Лютов и его связной, рядовой Павкин – в голову. Смертельно был ранен наводчик Махмудов. Командовать взводом было поручено мне. Так я стал командиром взвода.

Мы наступали восемью станковыми пулемётами, нас поддерживали два орудия. Наступали яростно и быстро, противник стал отходить. Мы с частью

второго взвода ворвались на окраину построек совхоза. Стрелки поднялись одновременно на обоих флангах. Противник стал метаться из стороны в сторону. Вправо кинулся на Лихулу, там их встретили пулемётчики и забросали гранатами. Много их полегло. Фашистский автоматчик бил из автомата с вышки ветряной мельницы. Сержант Павел Токмаков подполз к ветрячку и бросил в окно гранату. Замолчал фашистский автоматчик. Немцы в панике бежали, неся огромные потери в живой силе и технике. Мы вошли в посёлок и заночевали.

Утром собрали большие трофеи, в том числе два броневика, полевую кухню на прицепе. Там же старший лейтенант Абдулханов со своими подчинёнными пленил все экипажи броневиков. Лихула была взята 28 августа 1941 года в 12.00.

Бой показал, что немцев можно и надо с успехом бить. Комбат Огородников объявил всем участвовавшим в бою благодарность.

29 августа мы были в Лихула, а 30 августа получили приказ двигаться на Виртсу. Туда направился наш взвод с четырьмя станковыми пулемётами и одним 45-миллиметровым орудием ПТО. Поставили нас в прикрытие. Я был назначен заместителем командира стрелковой роты. На церковной колокольне мы сделали наблюдательный пункт, командный пункт находился у церкви. Отделение сержанта П.Я.Токмакова и сержанта Кулавина заняли правую и левую стороны дороги.

Когда утром показались мотоциклисты противника и с ними двадцать автомашин с солдатами, наши пулемётчики накрыли их и заставили приостановить движение, но понесли огромные потери. Немцы из автоматической пушки подожгли площадку колокольни. Осколком снаряда разбили мой бинокль, разбили телефон, тяжело ранили корректировщика. Мы с площадки упали вниз.

Отделение П.Я.Токмакова геройски сражалось с превосходящими силами противника. Один пулемёт был выведен из строя. Я приказал Кулагину перенести огонь на левый фланг, а сам пополз к Токмакову. Там я увидел жуткую картину: пулемёт разбит, ранено шесть человек, из них двое тяжело. Развернув пулемёт наводчика Дусина, я вместе с ним открыл огонь по фашистам и прижал их к земле. Они пытались обойти подразделение Кулагина. Гранатами мы забросали противника и заставили замолчать. Замолк наш второй пулемёт, миной был убит наводчик Хусанов, ранен помощник наводчика.

Немцы получили подкрепление и отчаянно рвались вперёд. Наши бойцы геройски отражали атаки фашистов. Вскоре к нам подошло подкрепление около взвода. Вместе с ним мы контратаковали противника. Фашисты вывели из строя пулемёт Дусина, а сам Дусин и его помощник были тяжело ранены, но не покидали поля боя.

Во взводе осталось всего два пулемёта. Геройски сражался политрук Былёв и погиб геройски. Наводчик Василий Ломаков был ранен. Тогда он раз-

делился по пояс, чтобы одежда не касалась ран, и, преодолевая боль, стал вести огонь по противнику.

Сержант Токмаков был ранен в голову, но продолжал командовать. Раненый пулемётчик Я.Н.Хамитов. Небольшому отряду немцев удалось зайти к нам в тыл. Солнце опустилось за горизонт, и немцы прекратили атаку. Мы получили приказ оставить хутор. Тяжёлым был путь нашего отступления со множеством раненых. Пробивали путь по болоту, отбиваясь гранатами. Вынесли и похоронили убитых. На второй день в 11 часов дня фашисты открыли огонь по нашим позициям. Политрук приказал готовиться к отражению атаки.

При отражении атаки меня тяжело ранило в голову, выбило правый глаз, была разбита левая половина лица, разорвано левое ухо. Я обливался кровью. Взводный комиссар Коргут вынес меня с поля боя. Военфельдшер Александр Барканов перевязал.

Геройски сражался комбат Огородников. Он лично сам несколько раз вошёл в бой в атаку. Ввиду того, что немцы перерезали дорогу на Виртсу, раненых с трудом доставляли на переправу. Батарея Дукина и 43-я батарея Букоткина прикрывали переправу. Раненых доставили в госпиталь. В их числе был я».

После захвата пристани Виртсу (Вормси), фашисты начали готовиться к захвату острова Муху. Перед тем, как захватить остров Муху, они напали на голый островок Кессулайд, находившийся в проливе Сур-Вяйк, и захватили его. Островок охраняли двадцать пять бойцов. Этот островок фашисты использовали как трамплин при нападении на остров Муху. Девятого сентября они стали высаживать десант на остров Муху, но авиация 12-й КОИАЭ и торпедные катера помешали высадке. Остатки десанта отступили обратно, но это ненадолго. Они сразу же приступили к наращиванию сил. Вторичную высадку десанта намечали на 13–14 сентября. 12 сентября фашисты начали обстрел острова Муху из орудий. Защитники артиллеристы отвечали орудийными залпами.

Двое суток велась артиллерийская дуэль. Орудия умолкали лишь с наступлением темноты. Советские артиллеристы уничтожали подходившие плавсредства, немцы били по побережью и городу Куйвасту. Утром 14-го сентября двинулась основная армада десантников. К восточному побережью приближалось около четырёхсот плавучих единиц гитлеровцев.

БОИ ЗА ОСТРОВ МУХУ

Оперативному дежурному штаба БОБР поступили срочные донесения охраны рейда Куйвасту (западная пристань острова Муху).

«06 час.05мин. 14.09.1941год. От Виртсу и Куйвасту идёт большое количество вражеских шлюпок и катеров».

*Начальник штаба БОБР подполковник
Алексей Иванович Охтинский*

«07 час.20мин. 14.09.1941год. Противник высаживает десант на остров Муху к норду от поста №12. Ведём огонь по десанту противника».

Эти донесения особенно тревожили начальника штаба БОБР подполковника А.И.Охтинского. Он знал о намерениях противника, но никто не знал места его нападения. Зная недостаточное количество сил обороняющихся, он немедленно передал распоряжение выделить подкрепление к месту высадки десанта. Вместе с бойцами и командирами он направился в Куйвасту сам.

Ночь. Близился рассвет, надо было срочно проскочить дамбу, узкую полосу насыпной земли, соединяющей острова Эзель и Муху. Машины были переполнены моряками и командирами. Показался мелководный пролив Вяйке-Вяйн, а через него выстроились по прямой белые столбики дамбы трёхметровой ширины.

Воздух потрясала канонада артиллерии, ведущей бой с фашистскими десантниками. Доносились глухие и раскатистые крики «Ура», шёл неравный бой сседавшим врагом. Эти звуки выводили из равновесия и вызывали гнев прибывающих моряков, они торопили шоферов, требовали прибавить скорость.

Гружёные людьми машины шли стремительно. Крики и рокот артиллерии стали отчётливее, наконец, увидели цепи сражающихся насмерть людей. Машины остановили в кустарнике, и моряки повыскакивали из кузовов, образуя боевой порядок. Впереди шеренги оказался высокий черноволосый морской командир с револьвером в руке. Его фуражку сорвал ветер, но он этого не замечал. Это был Алексей Иванович Охтинский.

Вражеские автоматчики, видя подкрепление, отошли к пристани. Прибывшие оказались вовремя, прорыв фашистской пехоты удалось ликвидировать.

Начальник штаба БОБР подполковник А.И.Охтинский направился в отведённую ему землянку, там находились штабные офицеры и шифровальщики. Он быстро ознакомился с обстановкой и стал передавать по телефону срочные указания. Открылась дверь землянки, и на пороге появился начальник политотдела Лаврентий Егорович Копнов. У Алексея Ивановича не было ни одной лишней минуты, он переходил от одного телефона к другому. Копнов выбрал подходящее время и ознакомил с положением на местах обороны. В то время в подразделениях находился весь политсостав БОБР, включая военкома БОБР Г.Ф.Зайцева. Все были проникнуты одной целью – сбросить в воду высаживающийся десант. Вот так, в землянке встретились Копнов и Охтинский. Они сели друг против друга, внимательно глядя в глаза, разгадывая мысли.

– Завидую тебе, Ларька! – сказал Охтинский, – всё время ты с личным составом, разговариваешь, напутствуешь, живёшь вместе со всеми. Я не могу долго находиться в землянке, здесь, как в мышеловке.

Копнов и Охтинский были одногодками, считали себя равными и говорили между собой на равных, без официальных. Разговор прервался оглушительным взрывом. С потолка посыпалась земля.

– Теперь надо менять место командного пункта, – сказал Алексей Иванович – фашисты пристрелялись, жди беды. По его распоряжению связисты стали сматывать провода телефонов, писари собирали бумаги. На запасной командный пункт стали уходить по ходам сообщений, растянувшимся по берегу. Копнов свернул в подразделения, остальные продолжали двигаться в полусогнутом положении. Рядом строчил пулемёт по вражеской цепи, а потом неожиданно смолк. Пройдя дальше, увидели, на дне траншеи лежал убитый пулемётчик, на бруствере стоял заряженный его пулемёт. Алексей Иванович посмотрел с вершины бруствера и увидел цепи атакующих фашистов.

Они воспользовались моментом, когда пулемёт перестал работать, и устремились на укрепления оборонявшихся. Увидев всё это, в гневе к мерзким захватчикам Охтинский схватил пулемёт и начал косить ряды наступающих, они падали, а это прибавляло силы и желание уничтожить их безжалостно. Он видел, как вокруг него рвались мины, засыпая его камнями, но в ярости не хотел этого замечать. Фашисты были вынуждены прекратить атаку. Попытались подняться во весь рост, и снова были прижаты к земле меткими выстрелами пулемётчика. Шедшему сзади старшему лейтенанту Корсакову было не по себе.

– Разрешите мне стрелять, товарищ подполковник, вам нельзя этого делать, здесь слишком опасно!

– Разрешите мне встать к пулемёту, – упрашивал связист Жуков.

Алексей Иванович не слышал их, он гневно продолжал косить гитлеровцев. Вдруг пулемёт замолк, затем снова заговорил, и снова умолк. Все взглянули на стрелявшего Алексея Ивановича, и увидели на его лбу струю кро-

ви. Он отшатнулся от пулемёта и медленно стал опускаться на дно траншеи. Обезумевший Корсаков схватил Алексея Ивановича и потащил в кусты, где стояла санитарная машина, Жуков ему помогал. Они добрались до санитарки, но раненого Алексея Ивановича не смогли доставить в госпиталь, снаряд попал в машину и убил всех находившихся рядом с ней защитников.

Автомашину разнесло в куски. Так погиб славный патриот Родины Алексей Иванович Охтинский и находившиеся рядом с ним товарищи. Так закончил службу, спасая Родину, верный сын народа, коммунист А.И.Охтинский.

Случай гибели А.И.Охтинского нам устно рассказал контр-адмирал **Л.Е.Копнов** при встрече в Ленинграде после войны.

Тринадцатого сентября, накануне вторжения фашистов на остров Муху, на аэродроме Кагул собрали вечером всех свободных механиков и мотористов. В числе построившихся от 12-й КОИАЭ были младшие воентехники

*Контр-адмирал Лаврентий Егорович Копнов
(слева направо) и Яков Михайлович Вьюгин*

А.И.Богданов и К.Е.Денисов, мотористы А.П.Уваров и Н.Б.Орлов, оружейники А.И.Курамшин, А.Ф.Орлов и рядовой И.П.Куля. Построение было коротким. Им поставили задачу следовать в распоряжение штаба БОБР, посадили на машину и отправили в неизвестном для них направлении. Об этом вспоминает бывший моторист **Алексей Петрович Уваров**:

«Ехали мы долго, а может нам так показалось. На рассвете переехали дамбу, нас привезли в какое-то армейское подразделение. Там выдали гранаты, винтовки патроны к ним. Стрелковый лейтенант поставил задачу:

– Вам предстоит сражаться в рядах защитников по уничтожению десанта, который пытается высадиться на остров Муху. Задача не из лёгких, но мы не посрамим наше Отечество. Выполним с честью священный долг.

Затем всех нас распределили по взводам. Я попал во взвод механика К.Е.Денисова, которого я очень хорошо знал по работе. Это был скромный и трудолюбивый человек. Он учил меня выполнять регламентные работы, обслуживать самолёт во время полётов, никаких срывов и ругательств я от него никогда не слышал. Вот этому трудыге доверили взвод. Поставили задачу уничтожить фашистских захватчиков.

Повзводно мы добрались до места встречи с врагом, замаскировали себя ветками кустарника, натыкали, где только можно. Сначала шли по каким-то кустарникам, а потом, выйдя на скрытую местность, ползли по-пластунски. Было тихо, только нарушал тишину летящий вражеский самолёт, которого мы называли «рамой». Продолжали двигаться вдоль берега и набрели на хутор с церквушкой. Нас заметила немецкая разведка. Перебежками мы стали прочёсывать весь хутор и пленили десять немцев, остальные успели убежать на катера. С колокольни церкви заговорил пулемёт. Туда устремились наши товарищи и сбросили с колокольни двух немцев.

Вдруг, подобно смерчу, на низкой высоте появились фашистские самолёты. Длинными очередями они стали нас расстреливать. Послышались стоны и проклятья, санитары подползали к раненым. Лётчики летали так низко, что видны были очки на их лицах.

Расстреляв боезапас, самолёты улетели. После них стала грохотать артиллерия. Зелёный кустарник поредел, на сучьях появились куски материи. Артиллерия смолкла, показались машины, гружённые немецкими пехотинцами. Нас в кустарнике они не заметили, мы ждали приказа. Командир роты передал приказ по цепочке: «Не стрелять, ждать приближения!».

Когда осталось сто метров до встречи с врагом, заговорили наши пулемёты. Длинные очереди настигали фашистов, они стремительно расползались по сторонам, их настигали меткие выстрелы из винтовок. Я лично сам уложил троих. По скоплению фашистских автомашин заговорила пушка 46-го стрелкового полка, на наших глазах многие автомашины переворачивались вверх колёсами.

Уцелевшие фашисты бежали в сторону, откуда появились. Их настигали наши бойцы и уничтожали. Ура! Атака фашистов захлебнулась.

К политруку И.П.Денисову подошёл связной Дмитрий Скоробогатов.

– Товарищ старший политрук, – докладывал он, – около церкви стоит фашистская пушка. Она стреляет по нам, огонь корректируется с колокольни.

Денисов передал сообщение командиру роты по цепочке бойцов. Вскоре наш командир пушки лейтенант А.Новиков накрыл фашистскую пушку, и она умолкла. С третьего выстрела сняли корректировщиков с колокольни.

Снова нас стала расстреливать фашистская артиллерия. Всюду рвались снаряды и мины, земля стала будто перепаханной. Так продолжалось не менее часа. Артиллерию сменили бомбардировщики. Бежать некуда, можно было укрыться только в воронке от авиабомбы.

В воздухе появились наши «Чайки». Мы их ждали с нетерпением, но они успели сделать только несколько вылетов по скоплению фашистских плавсредств с высаживающимся десантом.

Невольно вырвалось из груди громкое «Ура!»

«Чайки» нападали на бомбардировщиков и выводили их из строя. Появились фашистские «мессера» и сковали боем наших «Чаяк». Самолёты и артиллерия стихали, снова появлялись фашисты, снова рукопашный бой. К вечеру стало тихо, ночью фашисты не воюют.

Мы стали собираться вместе. Из нашей роты осталось в живых шесть человек. Я не ошибся, именно шесть. Механиков Денисова и Богданова я не видел. Нам дали направление двигаться вдоль побережья. К нам примыкали участники обороны из других подразделений. У нас оказалось два станковых пулемёта. Вдруг из-за укрытия появился немец и неистово закричал:

– Русь, сдавайсь, вас мало! – и направил на группу автомат.

Наш командир скомандовал:

– Приказываю всем поднять руки вверх!

Медленно, но приказание выполнили. Тогда немец опустил автомат, и в это время командир выстрелил в немца. Застрелил наповал.

К нам подошёл, вернее сказать, и подошёл и подполз, было и то и другое, политрук И.П.Денисов. Он был весь в пыли, по лицу текла кровь. Подойдя к нам, он завернул рубаху, спросил:

– Что у меня там? Мне не видно.

Его правое плечо было синее от ушибов. Открытых ран не было. Такие же синие были ноги. Прерывая тяжёлое дыхание, Иван Петрович сказал:

– Когда я пришёл в сознание, мне было больно и тяжело дышать. На мне лежали большие камни. Я стал выбираться из завала. Оглянулся и не нашёл никого, всё было кругом перепахано. Тогда я стал ползти и, где мог, идти вдоль побережья и набрёл на вас.

Он говорил с трудом, едва держался на ногах. Ему дали в руки палку, а когда было плохо, вели под руки. Наша группа примкнула к другим подразделениям. Политрука И.П. Денисова мы отправили в госпиталь на машине, которая подбирала раненых. Вместе с другими бойцами 46-го стрелкового полка мы не раз вступали в смертельную схватку с фашистами, нанося им огромные потери».

На этом Алексей Петрович Уваров прерывает свои воспоминания.

*Воентехник 2-го ранга Яков Вьюгин.
Маскировка самолёта*

Четырнадцатого сентября рано утром, когда аэродром Кагул был затянут туманом и видимость была плохой, лётчики 12-й КОИАЭ садились в кабины самолётов, чтобы взлететь на защиту острова Муху. Лётчики Г.В.Крайнов, А.А.Ильичёв, П.М.Швецов, П.Ф.Гузов взлетели нормально, туман им не помешал. Их самолёты были загружены до предела бомбами и реактивными снарядами. Подлетая к проливу Суур-Вяйн, они увидели огромное количество плавсредств фашистов, нагруженных десантниками.

Две колонны плавсредств буквально кишели людьми в защитной форме, направлявшимися к берегу. Эта картина была ошеломляющей, медлить нельзя. Не перестраиваясь, лётчики ринулись уничтожить десант. От снарядов РС стали опрокидываться катера и лодки с десантниками, верхние надстройки разлетались в куски вместе с солдатами, плоты загорались и погружались в воду. Десантники металась в агонии, прыгали в воду, спасая свои души.

Лётчики вошли в ярость, им никто не мешал израсходовать запас бомб и реактивных снарядов по целям, но вот появились «мессера», завязался бой. Силы были неравные, их было по три на каждую «Чайку». Советские лётчики маневрировали и отстреливались. На землю падал горящий самолёт Мурашова, а Гузов на подбитой «Чайке» врзался в фашистский Ю-88. «Чайка» загорелась, Гузов выпрыгнул из кабины, раскрыл парашют и стал медленно спускаться.

Под ним находилась батарея А.С.Малофеева, артиллеристы батареи видели ход боя. Они подбежали к месту спустившегося лётчика на парашюте. Он им сказал: «Я Пётр Гузов, советский лётчик, помогите, я ранен» – и от потери крови потерял сознание.

Артиллеристы принесли его на батарею, перевязали раны и посадили на трактор. Батарея всё время меняла место, не давая возможности врагам пристреляться.

А в это время в местах скопления десантников кровь лилась рекой. Артиллеристы 39-го и 46-го полков крошили вражеский десант. Торпедные катера тоже уничтожали вражеские плавсредства.

Фашисты пытались повернуть назад, но их стали расстреливать их же самолёты, заставляя двигаться только вперёд, завоёвывать рубежи чужой земли. Из двухсот единиц их осталось восемьдесят. Однако им удалось зацепиться за берег и высадить часть десантников. Трое суток их выбивали, но они упорно и нагло лезли со свежими силами.

В то время оборону острова сухопутными силами возглавлял полковник Николай Фёдорович Ключников. Он заменил погибшего Алексея Ивановича Охтинского.

Лётчики 12-й Краснознамённой Отдельной Истребительной Авиаэскадрильи, слева направо: П.Ф.Гузов, А.А.Трошин, И.Ф.Гореликов, Г.Г.Бегун.

РАССКАЗЫВАЕТ БЫВШИЙ МИЧМАН Н.К.ГОРБУНОВ

Десятого сентября наше 3-е звено 13-го КМТЩ прибыло в бухту Триги. Четвёртый катер был поставлен на ремонт. После ремонта командир звена Д.А.Овсянников с командой катеров последовали в Триги, но на них напал фашистский самолёт. Уклоняясь от огня, катер попал в несудоходный проливчик, и волной его отбросило на камни.

Самолёт противника скрылся, считая этот катер уничтоженным. Наступила ночь. Почти до утра катерники бились, стараясь снять катер с камней. Но шторм всё больше и больше разбивал его о камни. Овсянников решил оставить катер, предварительно сняв с него всё, что можно. До берега добрались вплавь, встретились с эстонскими партизанами. После связи со штабом БОБРа, тринадцатого сентября за ними прислали катер и доставили в Триги. Находящиеся там катера требовали ремонта, а времени не было.

Многие катера погибли в сражениях. Операции снятия десантников, как под Виртсу, проходили и на других островах, Абурка и Рухну. Также шло и разминирование полей. Задания БОБРа катера выполняли. Тринадцатого и четырнадцатого сентября противник подверг массированному налёту базу Триги. Прилетело сразу двадцать самолётов, бомбили эшелонами по четыре самолёта друг за другом. После бомбёжки на брешющих заходах зажигательными снарядами поджигали русские катера. Особенно свирепствовал самолёт с рисунком на борту, разбрасывая огненную смесь. На нашем катере загорелись бензобаки. При тушении получили ожоги, но сбить огонь не могли. Вплавь мы добрались до ближайшего берега. Спаслось пять человек, Агапов, Обухов, К.Горбунов и я, автор этих воспоминаний, Николай Горбунов. Почти все катера первого и второго звена погибли, менее пострадавшие катера 3-го звена были перебазированы на остров Даго.

На следующий день бомбёжка базы повторилась, посты ВНОС насчитали 164 бомбовых взрывов, но транспорт «64» не пострадал. Всех оставшихся без катеров и других плавсредств собрали по тревоге и сформировали сводный морской отряд. Туда вошли моряки береговой обороны, штаба и командантской части. Командиром этого отряда был назначен Д.А.Овсянников. Отряд был вооружён пулемётами, снятыми с обгоревших катеров, гранатами, винтовками старого образца, а комсостав пистолетами ТТ и револьверами «наган». Нам поставили задачу включиться в оборону острова Муху. На четырёх машинах мы переехали Ориссаарскую дамбу. На нас напали самолёты, но мы рассыпались по обе стороны дороги и вреда не получили. Меня и Жильникова вызвали на КП, поставили задачу разведки сил противника, его численности и вооружения. Всё это подтвердить взятием «языка». На КП присутствовал Овчинников, Барсуков и незнакомый мне подполковник,

которого я узнал потом. Это был Н.Ф.Ключников. На прощание командир отряда Барсуков сказал:

– Не подкачайте, братцы, ждём с успехом!

Со мной был верный товарищ Николай Жильников. Мы знали друг друга ещё по пятой школе НКВД. Это был смелый, ловкий и решительный боец.

Мы отошли около четырёх километров от расположения отряда. Шли очень осторожно, обходили кустарники и обомшелые камни – валуны. Неожиданно для нас появились четыре немецких солдата. Они шли парами. Мы замаскировались между валунов. Немцы перестроились, в сторону Жильникова пошёл один рыжий верзила, в мою сторону – трое. Николай быстро набросился на верзилу, но тот упредил и схватил Николая за обе руки и молча потащил в своё расположение. На меня шли трое. Они решили взять меня живым. Это я понял по их расстановке. Через несколько секунд мне пришлось вступить в схватку с тремя гитлеровцами, к тому же я имел ранение в левую кисть и был дважды контужен. На меня сзади напал солдат, пытаюсь произвести удушающий захват. Спереди напал бледно-рыжий солдат с бульдожьей мордой, сбоку – солдат с пухлой мордой и жирным брюшком. Мне было нелегко, но вспомнились слова учителей по французской и японской борьбе: «Надо победить! Действовать смело и решительно, применить все приёмы!». Мгновенно пришло решение перехватить инициативу. Бледно-рыжему с бульдожьей мордой я ударил ногой в солнечное сплетение, захватом за плечи бросил через себя солдата, нападающего сзади, солдата с брюшком встретил сильным ударом ноги в пах. Мой страх прошёл, я преодолел психический барьер. На меня напал солдат, которого я перекинул через себя, я выхватил свой маузер, подарок Тооминга, и не стал испытывать судьбу, застрелил его, решения приходили автоматически. Двум солдатам, которые ещё не пришли в себя после моих ударов я скомандовал «Хенде хох!», встал за дерево и приказал бросить оружие, сам держал их на мушке. Я бросил им нож, чтобы они срезали пуговицы с брюк. Мне на помощь прибежал Жильников.

– Николай, – сказал я ему, – наверное, чудо меня спасло.

– Не чудо, а твои упорные тренировки и мужество.

Мы повели «языков», а по дороге он рассказал:

– Немец – верзила, был слишком высокого роста и весом не менее 85 килограмм. Я оказался у него на горбу, и он нёс меня около 200 метров. Чувствую, что он устал, клонился всё ниже и ниже. Мне удалось вытащить у него нож, и этим ножом я подсёк фашиста под колени. Он упал, и мне ничего не оставалось, как прикончить фрица, зная, что надо идти к тебе на помощь.

Двух пленных привели на КП. При виде полковника у одного фрица упали штаны. Полковник рассмеялся и сказал:

– Пол-Европы прошагали, а штаны удержать не могут.

Пленным дали ремни, чтобы брюки не падали.

Мы получили благодарность. Наши судьбы с Николаем Савельевичем Жильниковым тесно переплелись. Он был храбрым командиром отделения мотористов, инициативным и умелым бойцом, инициативным командиром отделения. Преследуя противника, Жильников получил ранение в голову, и, несмотря на ранение, помогал товарищам отбивать атаку фашистов, в госпиталь идти отказался. Действуя в дозоре сводного отряда моряков, Жильников встретил немецких разведчиков на мотоциклах с автоматами. Он умело расставил своих подчинённых и уничтожил этих разведчиков.

На командном пункте допрашивали пленных, они оказались угрюмыми, показаний давали мало, но даже то, что они сказали, было очень важно. При очередном налёте фашистских самолётов пленные решили воспользоваться этим и убежать, но это им не удалось, от выстрелов убежать не успели.

Наш сводный отряд моряков занимал боевые позиции отражения врага до подхода наших основных сил. Я был командиром отделения пулемётного взвода. Мы сели в засаду возле Ориссаарской дамбы на случай, если враги обойдут правый фланг и будут двигаться к Ориссаарской дамбе. Недалеко от нас уехала артиллерия, слышались миномётные раскаты. Внезапно налетели «юнкерсы». Сначала бомбили, потом штурмовали на бреющем. Самолёты улетели, показались цепи фашистов. Сводный отряд поднялся во весь рост и устремился на врага. Началась рукопашная. Моряки со злобой и отвагой кололи фашистов штыками, били прикладами. Выданные каски куда-то исчезли и появились бескозырки. Мелькали чёрные бушлаты, парили ленточки бескозырок, зло ругались и втыкали штыки с криком, с уханьем. Фашисты отбивались, теснимые назад. Заговорили фашистские пулемёты и миномёты. Это их ободрило. Они снова пошли в атаку. Командир отряда Д.А.Овсянников сам повёл всех в контратаку. Ощувив мощный натиск, фашисты бросились отступать, а тут заговорили «максимы», фашисты падали сражённые, и это удваивало наши силы. После боя перевязали раненых, подобрали убитых.

У матросов появились трофейные автоматы, но и свои автоматы они не бросали. В моём полувзводе появился ручной пулемёт. Это пришли семь человек пополнения из третьей стрелковой бригады 46-го стрелкового полка. Вторая атака фашистов последовала после жёсткого миномётного обстрела. Скрываясь в складках местности, фашистские автоматчики целились в центр нашего сводного отряда. Мы отвечали плотным огнём из всех видов оружия. Наш огонь был прицельным, и фашисты несли большие потери. Пулемёты старшин Анатолия Гоненко, Ершова, Мельникова и сержанта из 46-го полка буквально косили немцев. Остервенелые от злобы фашисты продолжали лезть, но не выдержали, отошли. Когда они дрогнули, Д.А.Овсянников снова поднял всех в контратаку. Бой принял вид побоища всего живого. Враг был

больше по численности, но моряки сбросили бушлаты и фланельки, шли в тельняшках с боевым кличем «Полундра!», «За Родину!», «За Сталина!». И враг опять откатился, истекая кровью.

Снова послышался миномётный огонь, снова поднялась цепь фашистов. Это уже были новые фашисты, а моряки сводного отряда были всё те же. Многие имели лёгкие ранения, но не оставляли поле боя.

Последовала другая атака, третья, четвёртая, пятая. Шесть часов шёл неравный бой, в живых осталась треть отряда, но моральный дух не был сломлен. Это главное! Помощи не ждали, всюду отбивали немецкие атаки с тяжёлыми для них потерями. Сводный отряд уничтожил более двух рот противника. У защитников появились два трофейных пулемёта, все были вооружены трофейными автоматами.

Фашисты на правом фланге превосходили по численности в несколько раз, они угрожали обходом защитников с правого фланга, преграждающего путь к дамбе. Выставленный дозор отряда моряков сообщил, что на правый фланг продвигается передовой отряд фашистских автоматчиков. Овсянников доложил это на КП. Было приказано усилить правый фланг, отойти ближе к дамбе. Отход на новый рубеж прикрывался моим полувзводом автоматчиков. Овсянников приказал:

– Стоять здесь насмерть, пока мы не закрепимся на новом рубеже!

Свой полувзвод я разместил в нужных направлениях. Три пулемёта по обочине дороги на лесной поляне. Моим помощником был сержант 46-го полка. Фашисты послали в разведку двух мотоциклистов. Их пропустили, чтобы потом уничтожить при возвращении. Выставленные двое моряков с ручными пулемётами сняли этих разведчиков. Появились немецкие автоматчики. Их подпустили на близкое расстояние, а затем старшины Обухов и Гоненко, и с ними два бойца открыли огонь из ручных пулемётов. Фашисты закрутились на месте, как на горячей сковороде. В них летели гранаты. Уцелевшие фашисты пытались уйти назад, но кинжальный отсекающий огонь из пулемётов Гоненко преградил им путь. Взвод фашистов почти весь был уничтожен. Мы вооружились трофейными автоматами вместе с запасом патронов. Стало темнеть, похоронили убитых. Забрали двух раненных и отошли на позицию, занятую нашим отрядом у Ориссаарского плацдарма. Используя ночную передышку, Овсянников расставил бойцов и пулемётчиков, ожидая утром встретиться с врагом.

Я доложил Овсянникову о потерях. Погибли В.Мелехов, Н.Чернов, В.Чернышев, ранило в голову старшину Н.Жильникова и ещё трое были легко ранены. В рукопашном бою на наших глазах погиб командир 3-го звена лейтенант Миссерман. Он был командиром нашего взвода. Теперь командовать этим взводом приказали мне, Николаю Горбунову.

Как командир взвода, я доложил, что в боях проявили стойкость и отвагу старшины К.Мурашов, А.Обухов, А.Гоненко, Н.Чернов, Н.Жильников и два бойца 3-й стрелковой бригады, их фамилии я тогда назвал. Командир отряда Овчинников объявил всем благодарность.

Наступили следующие сутки. Ночная передышка кончилась. Снова началась бомбёжка и миномётный обстрел, снова атака гитлеровцев. Их было много, они шли цепью, как зелёная саранча. Овсянников приказал не стрелять:

– Пусть влезут в приготовленную ловушку.

Они шли уверенно. Им казалось, что после такой бомбёжки и миномётного огня от нас не осталось живого места. Просчитались.

По сигналу ракетой командира отряда всё ожило моментально. Кинжальный огонь наших пулемётов ошеломил фашистов. Их движение приостановилось, будто наткнулось на гранитную преграду. В цепи началась паника. Сначала сгрудились, потом повернулись и начали убежать. Их догоняли меткие залпы пулемётов и автоматов. Разневанные моряки выскочили и стали колоть штыками. Прогнали фашистов.

Снова началась бомбёжка и миномётный обстрел. Снова полезли новые цепи фашистов. Отряд не дрогнул, стоял насмерть. На левом фланге тоже лезли фашисты, и тоже их отбили. Их били, а они всё лезли. Под конец их атаки стали робкими и вялыми. Ряды защитников таяли. Бойцы третьей стрелковой бригады заняли позиции сводного отряда моряков, а нам было приказано отойти к Ориссаарской дамбе.

Подошла автомашина, и нам приказали следовать в Триги, там отражать наседавших фашистов. От моего взвода осталось шесть человек. В машину также сели раненые. По дороге напали на отряд парашютистов. С боем продвигались вперёд. Утром к машине подошёл эстонец Порц Мейнарт и сказал, что дорога на Триги занята фашистскими парашютистами. Мы повернули в сторону Курессааре. Вслед за нами двигалась одиночная машина. В кузове сидели моряки, в кабине лежал раненный морской командир. Лобовое стекло этой машины было изрешечено пулями. Мы доехали до Курессааре и сдали раненных в госпиталь. Следовавшая за нами машина тоже привезла раненых. Мы помогли санитарам снять тяжелораненного командира моряка. Я спросил его, куда ранили, он глазами показал на живот. Живот раненного был обвязан его рубахой и затянут кителем. Я пристально посмотрел на раненного и узнал в нём капитана 3-го ранга Николая Васильевича Овчинникова. Меня, раненого, тоже положили в госпиталь. Остальные пошли в комендатуру. Их направили на полуостров Церель строить оборону на реке Невести. /Подпись/

Мичман Н.К.Горбунов.

Вот уже пять дней продолжались кровопролитные бои на острове Муху. Оборонявшиеся потеряли тридцать – тридцать три процента всего личного состава. Много было раненых, часть из них не покидала поля боя. Руководил обороной полковник Николай Фёдорович Ключников. К обороне было приковано внимание всего командного и начальственного состава БОБР и Политотдела. Оборонявшиеся проявляли массовый героизм. Южнее города Ориссаари сражались моряки старшего лейтенанта И.В.Носика и военкома П.И.Ерёменко. Своим огнём они уничтожили более ста фашистов. На следующем участке фронта отличились секретарь комсомольской организации артиллерийских мастерских Кошельный и политрук И.Н.Богданов. Они соорудили установку на автомашине для стрельбы из 4-х пулемётов, а на другой машине – снарядами РС. Этими установками они сбили не один самолёт противника.

Особенно сильные бои проходили в районе дамбы. Фашистам хотелось отрезать путь отступающим. Дамбу обороняли сапёры 10-й роты, вооружённые пулемётами. Под руководством старшины Г.А.Егорычева, они в конце дамбы построили ДОТ. Много бомб было брошено фашистами по этому ДОТу, но он выстоял. Бои велись на всех участках, враг подбрасывал свежие силы. Ряды защитников таяли, пополнения не поступало. Под натиском превосходящих сил, патриоты теснились к дамбе, последнему кусочку земли на острове Муху.

Горькую участь познали защитники при отступлении. В ходе боёв стало ясно, что противника сдержать этими силами невозможно. А как быть дальше?

С этим вопросом собрались на совещание все руководящие командиры. Николай Фёдорович Ключников доложил обстановку, подвёл итог борьбы.

– Вопрос решается так: драться до последнего бойца, до последнего вздоха. Пополнения не ожидается. Другой вариант: оставшимися силами отступить на остров Эзель и сохранить силы для продолжения битвы. Последнее кажется более вероятным. Наши подразделения прижаты к дамбе, укреплений для укрытия людей нет. Мы несём большие потери. Враг превосходит в силе в три-четыре раза.

На совещании был одобрен последний вариант. Обсудили порядок отвода войск, выделили прикрытие.

Наступили сумерки. Теснимые врагом подразделения стягивались к переправе. Ночью стали переходить через дамбу. Трёхметровая в ширину, она не вмещала отходящих частей, пришлось переправляться не только по дамбе, но и по мелководью. Враг обнаружил отход и перешёл в наступление. На прикрытие стоял 46-й стрелковый полк и сводный отряд пограничников. Фашисты несколько раз прорывались к дамбе, и всякий раз отбрасывались штыковыми атаками бойцов прикрытия. Всю ночь шла переправа и закончилась к рассвету. Когда последние бойцы перешли через дамбу, полковник Ключников приказал заминировать дамбу. Это сделали бойцы 37-го инженерного батальона.

В этот момент, когда на дамбе скопилось огромное количество фашистов, её взорвали вместе с завоевателями, погибло не менее восьмисот убитых.

МУЖЕСТВО И ОТВАГА НА СОРОК ТРЕТЬЕЙ БАТАРЕЕ

На полуострове Кюбассар в западной части острова Эзель находилась береговая 43-я батарея под руководством командира батареи старшего лейтенанта Василия Георгиевича Букоткина и комиссара батареи старшего политрука Григория Андреевича Карпенко.

Много бед они принесли фашистам. Это они держали под прицелом северную часть Рижского залива и сковывали действия вражеских кораблей. Это они спасли от гибели плавсредства, на которых переправлялись защитники из Виртсу на остров Муху. Это на них посылали специальные силы полка «Брандербург», чтобы подавить «наиболее опасную береговую батарею». Чтобы уничтожить батарею, на них был сброшен воздушный десант численностью в 130 человек. Комиссар батареи Григорий Карпенко и комсорг батареи Иван Божко вместе с краснофлотцами хозввода уничтожили этот воздушный десант, несмотря на то, что фашистов было больше в шесть раз.

Батарею постоянно бомбили «юнкерсы», на уничтожение была послана группа вражеских кораблей. Мужественные сыны своей Родины не дрогнули. Это были самые жаркие и трагические дни. Их описал Ю.А.Виноградов в своей книге «Хроника расстрелянных островов».

ФАШИСТЫ НА ЭЗЕЛЕ

К полудню двадцатого сентября фашисты ворвались на остров Эзель. В районе пристани Ориссааре они зацепились за окраину Эзеля и повели наступление в трёх направлениях: по шоссе на город Курессааре, на север к бухте Триги, чтобы отрезать путь отступающим на остров Даго, на южном направлении вдоль побережья, чтобы подавить береговые батареи.

Остатки разрозненных подразделений защитников потянулись по просёлочным и лесным дорогам в сторону города Курессааре. В тот же день генерал Елисеев созвал совещание руководящего состава. Обсуждался вопрос: как быть дальше? Одни высказывались, что надо перебраться на остров Даго, он меньше в три раза острова Эзель и легче будет держать оборону. Другие предлагали закрепиться на полуострове Церели. Этот полуостров имеет длину двадцать километров, соединяется с островом узкой горловиной в два с

половиной километра, которую легко закрепить и держать стойкую оборону. В доказательство правильности второго варианта генерал привёл пример ханковцев, которые стойко держались на маленьком пятчке – Ханко. К тому же на Церели имеется взлётная полоса для самолётов, в бухте Менту – база катеров, мощная дальнобойная батарея 180-мм башенных орудий. После некоторых раздумий и обсуждений остановились на втором варианте. Командованию было ясно, что в сложившихся условиях этот вариант подобен подвигу, когда огонь вызывают на себя. Надо было оттянуть как можно больше фашистов, наседавших на Ленинград. Умереть, но спасти Родину.

После совещания к полуострову Церель потянулись обозы с боеприпасами и продовольствием. Узкий перешеек Мальди – Сальме был перерыт противотанковым рвом, установлены противотанковые надолбы, натянуты в несколько рядов проволочные заграждения, на оборонительных линиях строились доты и дзоты. Вся площадь к перешейку была заминирована, мины в основном были сделаны из авиационных бомб. Каждая эшелонированная линия имела глубину на случай отступления. Строительство укреплений делалось в основном местным населением. Они тоже готовились к отражению фашистов. Председатель Укома Александр Михайлович Муй, старый подпольщик, готовил партизанский отряд, устанавливал секретные связи. За рекой Насьвой в лесной местности они вырыли окопы, установили пулемёты и орудия. На полуострове Тахкуна, который был занят фашистами, они уничтожили склад с горючим.

Взлётная площадка для самолётов была в конце полуострова. Она была настолько мала, что взлёт производился вдоль длины площадки только в двух направлениях. Её едва хватало для разбега при взлёте самолётов и приземления при посадке. Обходились. Самолётов «Чаяк» осталось шесть от 12-й КОИАЭ. Никаких укрытий для самолётов и личного состава не было, укрывались в вырытых на незначительную глубину щелях. Глубже рыть было нельзя, появлялась грунтовая вода. Сухопутные части пробивались к Церели мелкими подразделениями, измученные отступлением.

Полковник Николай Фёдорович Ключников принимал доклады прибывающих групп и подразделений, давал распоряжения, а сам еле держался на ногах. Он вынес всю тяжесть боёв на острове Муху, руководил всеми операциями по отпору фашистов, делил с защитниками радость временных побед и горечь отступления. Бессонные ночи окончательно измотали силы. Это заметил начальник штаба бригады полковник В.И.Пименов. Он предложил Николаю Фёдоровичу выспаться, а сам остался за него.

В другом конце оборонительной линии находился начальник политотдела Лаврентий Егорович Копнов. Ему никто не предложил смену, и он заснул сидя. Но недолго пришлось ему отдыхать, разорвавшийся возле траншеи

*Заместитель командира 12-й КОИАЭ
3-й стрелковой бригады
полковник Николай Фёдорович Ключников*

снаряд оглушил и завалил глиной. Он проснулся, покачал тяжёлой головой, умылся фляжной водой и снова приступил к выполнению обязанностей старшего. Но всепобеждающий сон подкосил его ноги. Копнов лежал недвижим, заострённый нос на исхудавшем лице вздрагивал от тяжёлого дыхания. Около соседней траншеи взорвался артснаряд, немцы пристрелялись, можно было ожидать следующего снаряда. Тогда бойцы перенесли его на плащпалатке в другую траншею. Не прошло и часа, как он открыл глаза. Возле него сидел рядовой Котов, оставленный для его охраны. Копнов вскочил на ноги и посмотрел на поле боя.

– Не высовывайтесь, товарищ полковой комиссар! – сказал Котов и быстро стащил Копнова вниз, на дно траншеи.

– Почему ты один, где остальные, почему я оказался в другой траншее?

– Так было нужно, – ответил Котов, – остальные ушли в другую траншею, чтобы не разбудить вас оружием выстрелами. Я вас давно знаю, Лаврентий Егорович, это вы были среди нас при освобождении пристани Виртсу.

– Да, я там был, теперь скажите бойцам, что я проснулся, и чтобы они шли сюда, не скапливайтесь много в одной траншее. «Начпо» – так звали Лаврентия Егоровича бойцы везде, во всех подразделениях.

Он был старожилом на островах, первым прибыл сюда и находился среди личного состава до последнего дня. Он, как верный страж, руководил духовной жизнью бойцов и командиров, не давал им почувствовать безысходность их положения, поддерживал их боевой дух, делил с ними все победы и горести потерь.

Бойцы вернулись в свою траншею, фашисты предприняли вновь штурмовку оборонительных укреплений. После штурмовки началась яростная атака. Советские воины, познав горечь отступления, отбивались в рукопашной с яростью и отвагой. Атаки повторялись пять раз, фашисты лезли со свежими силами, поле буквально было перепахано снарядами, деревья выжжены, в воронках лежали изуродованные трупы.

За два дня пьяные фашисты предприняли сорок пять атак, и всякий раз возвращались обратно, не продвинувшись, оставляя массу трупов. Ряды защитников таяли. Вместе с сухопутными командирами и бойцами находились моряки БОБРа. В боях смертельно ранили во время атаки заместителя начальника политотдела М.М.Боровкова, ранили секретаря парткомиссии старшего политрука Г.Н.Николаева. И всякий раз, когда атака завершалась в пользу фашистов, в критический момент выручала батарея Стебеля. Её мощные залпы буквально уничтожали всё живое в рядах наступающих фашистов. Огонь корректировался с выносных постов переднего края обороны. Так было днём и ночью двое суток. На третий день фашисты прекратили атаки. Появился «юнкерс» и начал разбрасывать листовки. Оккупанты призывали сдать: «Вас мало, переходите к нам с белым флагом, сдавайтесь».

Полковник Ключников поднял листовку, прочитал, затем спокойно растёр её каблуком и невозмутимым тоном сказал: – Не дождётесь, мы не такие, не разбежимся!

В этом спокойном тоне была отвага и сила воли.

Героические защитники понимали, что отступить некуда и подкрепления не будет. Каждый защитник Родины молча клялся драться до последнего дыхания. Лучше смерть, чем позорный плен. Бесперывные атаки измотали силы защитников. Были разбиты все укрытия и траншеи. Пришлось отойти на вторую линию обороны. Это было через два дня непрерывных боёв. Теперь бы обновить силы защитников, сменить на поле боя, но такой возможности не было.

На передовую собрали всех, кого было можно, кладовщиков, поваров, авиационных специалистов всех рангов, весь личный состав политотдела, писарей БОБРа. Даже артисты, которые не смогли выехать вовремя, добровольно ушли с винтовками на передовую линию обороны.

Восемнадцатого сентября немцы подходили к аэродрому Кагул.

Поступило распоряжение командиру перебазироваться на площадку полуострова Церель. В воздух поднялись пять «Чаек», два И-16 и один учебный УТ-2. Вот и вся авиация.

На самолётах И-16 летали лётчики Е.П.Бадаев и П.А.Дорогов, которые прибыли в 12-й КОИАЭ из 13-го авиаполка в период оставления Таллина.

Моторист 12 КОИАЭ Алексей Петрович Уваров

Бывший моторист **А.П.Уваров** в своих воспоминаниях об этом периоде пишет:

«Пройдя через дамбу, мы снова очутились на острове Эзель. Фашисты неистовствовали, следовали по нашим пятам. Мы с боями отступали, они нас преследовали. Два дня мы ничего не ели. Пищу нам вёз рядовой Куля в полевой кухне. Немецкие фашисты налетели на повозку с кухней и разбомбили. Нас преследовали, мы приняли оборону. Наши командиры были из 46-го стрелкового полка. Поздно ночью в боях был ранен рядовой Куля. Фашисты нас окружили и не давали возможности к продвижению. Ночью стали выходить из окружения по топкому болоту. Куля не мог двигаться, он жалобно упрашивал не бросать его, в противном случае лучше пристрелить, говорил он. Разумеется, мы его не бросили, волокли по очереди, а по воде буксировали. К рассвету мы вышли из окружения. Вышли на дорогу, сдали раненых врачам, следующим на санитарной машине.

О дальнейшей судьбе Кули, этого 24-х-летнего парня, я больше ничего не знаю.

Мы держали курс в сторону города Курессааре. Встречались попутные автомашины, мы старались посадить на них слабых. На одной из машин мне удалось доехать до аэродрома Кагул.

На аэродроме самолётов уже не было, они перелетели на полуостров Церель. Встретился с майором Тереховым, он остался на Кагуле уничтожить оставленное имущество и боеприпасы. Я включился в эту команду по уничтожению. Мы разбивали телефонные аппараты, подрывали землянку вместе со штабной документацией. Протянули бикфордов шнур к штабелю

с бомбами. Шнур подожгли и стали удаляться на автомашине. Отъехав с километр, мы услышали страшный взрыв, увидели столб пламени и пыли высотой примерно сто пятьдесят метров. Машина ехала безостановочно до полуострова Церель.

Меня снова поставили мотористом к авиамеханику Николаю Волосевичу. Наш самолёт вылетал с боевым грузом не менее пятнадцати раз в сутки, возвращался пустой».

Из выписки послужной карточки Центрального ВМ архива:

Краснофлотец Куля Иван Петрович рождения 1919 года. Уроженец Черниговской области Иваницкого района с. Чмиревка. Социальное положение – рабочий. Был призван Евпаторийским ГВК. В 12-й КОИАЭ занимал должность повара. Пропал без вести в ноябре 1941 года.

ЧЕРЕЗ ИСПЫТАНИЯ АДА. РАССКАЗ АЛЕКСАНДРА МАЛОФЕЕВА

Когда-то бабушки рассказывали внукам о наказаниях в аду за грехи. Дети слушали, и у них от страха замирало сердце. Трудно поверить, но немецкие фашисты в войне против русских применяли методы пыток и издевательств страшнее адových. Весь мир считал немецкую нацию гуманной и цивилизованной. Как могло это быть с пытками, и было ли на самом деле? Только неопровержимые доказательства подтверждают, что всё это было. Вот об этом и пойдёт рассказ.

Молодой лейтенант Александр Малофеев был командиром 225-й зенитной батареи. В начале войны его батарея находилась в Таллине, отражая налёты вражеской авиации на бухту, где стояли балтийские корабли. Но вот фашисты оккупировали Таллин, и лейтенант получил приказ следовать на остров Муху и также отражать налёты вражеской авиации. Дальше будет рассказывать сам Александр Сергеевич Малофеев:

«В начале сентября я прибыл со своей батареей на остров Муху. О прибытии доложил капитану 3-го ранга Свирскому и комиссару Вайсману. Мне указали место нахождения моей батареи в Куйвасту в 200 метрах западнее пристани. Справа от меня находилась батарея Мартыненко, южнее – батарея Николая Потапочкина, севернее – батарея Николая Лукина. Задача была у всех одна: прикрывать стоянку наших кораблей от фашистских катеров и авиации. Мой личный состав был укомплектован в основном из города Горького, почти все были комсомольцами, хорошо обучены и натренированы.

После оставления флотом Таллина, налёты фашистов на Муху усилились. В моей батарее появились жертвы, был убит комендор Галкин, ранены командир орудия Емолдинов и наводчик Юргенов, повредили одно орудие и трактор. Лес вокруг батареи был иссечён осколками бомб. Было выведено из строя одно орудие, убиты Березин и Комаров, ранены Судариков и Зорин. Четырнадцатого сентября, когда фашисты приближались к острову Муху, моя батарея вела огонь по десантным войскам. Одновременно вели огонь батареи Мартыненко и Потапочкина.

Фашисты планировали высадку в 6.00 в районе пристани Куйвасту, но сильный огонь батарей помешал высадке. Тогда они разделились на северный и южный отряды. Им удалось зацепиться за берег, и они двинулись вглубь острова Муху. Мы уничтожали десант. В течении часа было израсходовано более тысячи снарядов. Краска на стволах обгорела. Из трёх комплектов осталось около 200 снарядов.

Батарея Мартыненко также уничтожала десантников, потопила массу плавсредств, расстреляла весь боезапас. Авиация разбомбила их орудия. В уничтожении десанта участвовали наши «Чайки». Наш лётчик сбил фашистский бомбардировщик, но и сам был сбит. На землю падали два самолёта, наш и фашистский бомбардировщик. Мои батарейцы нашли в болоте раненого лётчика, им оказался лейтенант Пётр Гузов.

Затем на батарею налетела девятка Ю-88. По ним открыла огонь установка сержанта Желтовского. Один «юнкерс» рухнул на землю, но успел искорверкать платформу орудия. На второй день налёт повторился. У нас снаряды кончились. Нам был дан приказ отходить к дамбе. Четыре орудия установили на шоссе. Из леса выскочила танкетка и подбила наше орудие, танкетку уничтожили. Поступило распоряжение взорвать орудия ввиду отсутствия снарядов, и пробиваться к дамбе.

Оставшихся в живых артиллеристов разбили на три группы, свернули по просёлочной дороге. Со мной был трактор, на котором сидел раненный П. Гузов. Трактор выработал горючее, и пришлось его уничтожить, а раненого Гузова понесли на руках краснофлотцы Красношлыков из Кубани и Иконников, помор. Мы натыкались на засады, нас бомбила авиация. К утру подошли южнее дамбы. Над дамбой целый день висела авиация, с материка была тяжёлая артиллерия. Нам предстояло прорваться через немецкое заграждение. Мы подползли к немецкой передовой на 70 метров и ночью открыли по ним огонь из всех видов оружия. Бесплитный миномёт, укрепленный на камнях, тоже стрелял. Наша стремительная атака ошеломила немцев. Через три минуты мы были в их окопах. Завязался бой. Мы неистово кричали «Ура!», «Полундра!». Перебив много фашистов, мы ринулись к дамбе. Так перескочили опасный рубеж. Фашисты опомнились, всю огневую мощь бросили на наш фланг.

Мы могли бы сбросить немцев в море, если бы нас поддержала артиллерия, но у неё не было снарядов. Этой ночью мы отходили со всеми по дамбе, и перешли её. Севернее Ориссааре нам отвели место обороны. Лётчика Гузова посадили на санитарный автобус. На прощанье он снял свой реглан и подарил красноармейцу Красношлыкову за спасение.

Защитой Ориссааре командовали командир ОВР Куйвасту капитан 3-го ранга Свирский и комиссар Вайсман. Стали укреплять линию обороны. Были вырыты окопы, противотанковые заграждения, заминированы подходы. Утром Свирский с Вайсманом ушли узнать обстановку, и не вернулись. Мне пришлось взять на себя обязанности командира батареи.

Фашисты не заставили себя долго ждать. Им срочно нужен был остров Эзель. На наш участок налетело много фашистских самолётов. С острова Муху летели мины, с материка била дальнобойная артиллерия. Наши окопы разрушались, появилось много раненых и убитых. Я перебежал с одного окопа к другому. Передо мной поднялся столб песка и огня. Меня подкосило, и больше я ничего не помнил. Очнулся на носилках в сарае. Меня принесли сюда бойцы. Ими руководил старшина Матрончик. Я был ранен в ногу и в пах. Говорили, что у меня шла кровь из ушей. Слух и речь отсутствовали.

Потом меня несли бойцы по топкому болоту и к рассвету добрались в тыл наших частей.

Шёл санитарный автобус, который меня довёз до Курессаарского госпиталя на улице Таллина дом 15.

В госпитале я находился до 20 сентября, мой слух восстановился, но зикание осталось. Меня выписали. У меня не оказалось мичманки, и мне её подарил начальник госпиталя военврач 2-го ранга И.И.Бондаренко. Это была фуражка старого образца, принадлежавшая старшей медсестре А.А.Пуховой. В штабе БОБР меня зачислили в 512-ю зенитную батарею.

На улицах города Курессааре встречался с жителями. Их лица выражали сочувствие к нам. Они со вздохом говорили:

– В 1918 году немцы оккупировали острова. Всё съестное отобрали, оставили нас на голодную смерть. Мы ели кошек, и теперь будет то же самое.

При мне в штаб привели сбитого немецкого лётчика. На его груди были кресты за Испанию. Он держался надменно, требовал показать позиции батареи Стебеля.

– Восемнадцать раз летал, бомбил, и не обнаружил! – Говорил он со злостью.

Рано утром шли бои на улицах Курессааре»...

Так предельно коротко изложил свой рассказ Александр Сергеевич Малюфеев. Он будет продолжать его в следующей главе «Через испытания ада».

БОИ В РАЙОНЕ САЛЬМЕ

Командир сводного отряда военных моряков БОБР, политрук Иван Петрович Денисов.

На санитарной машине политрук Иван Петрович Денисов вместе с ранеными попал в Курессаарский военный госпиталь. Его обмыли, перевязали рану на лице, сделали примочки на синие места спины и ног, дали успокоительное, и он уснул. Долго лежать не пришлось. Поступила команда начальнику госпиталя срочно эвакуировать госпиталь на полуостров Церель. Подогнали автомашины с открытыми кузовами и стали грузить раненых. Денисова посадили на скамейку в открытом кузове. Плохо то, что продувал встречный ветер, и хорошо, что ему было видно всё.

Проехав изрядное расстояние, машины остановились около сарая. Это и был полевой госпиталь. Раненых снимали санитары, а кто и сам потихоньку выходил. Не каждому досталась койка, многих положили на нары.

Денисову с каждым днём становилось лучше. На третий день пришёл известить Ивана Петровича капитан В.И.Ковтун. После всего пережитого встреча была трогательной. Политрук рассказывал всё, как было, но Ковтун слушал с нетерпением, ему хотелось скорее что-то сказать, и Денисов уловил это.

– Вы что-то хотели сказать, Василий Иванович? – спросил он.

– Да, Иван Петрович, жаль тебя, политрук, но ничего не поделаешь. Сейчас вставай, собирайся и выходи, тебя ждёт автомашина. Садись и поезжай до Сальмы, там много скопилось неорганизованных бойцов. Задерживай отступающих и формируй из них батальон. Этим батальоном занимай оборону, примерно, километр по фронту – это место перед надолбами. Если отсюда смотреть, то это будет левый фланг...

Денисову ничего не оставалось делать, как выполнить приказ. Прибыл на место и приступил к формированию батальона. Собрали около 400 человек, укомплектовали командирами. Пулемётов было достаточно, но личное оружие было не у всех, патронов и гранат тоже не хватало. Всё было приведено в порядок, и ждали приезда В.И.Ковтуна. Он приехал, ознакомился, остался доволен. На вторые сутки в 14.00 внезапно прилетели фашистские самолёты. Как всегда, они с низкой высоты стали расстреливать из пулемётов ходы сообщения, где находились бойцы. Летали так низко, что по ним стреляли из винтовок. Самолёты улетели, начался обстрел морской артиллерией. Над головами свистели мины, рвались снаряды, сплошной рёв и смерч огня, но никто не дрогнул, не издал крика ужаса, только некоторые матерно проклинали фашистов. На глазах у политрука Денисова краснофлотцу Попову оторвало обе ноги и распорол живот. Он поддерживал руками свои кишки и просил закурить. В траншеях появились раненые.

Показалась фашистская пехота.

– Не стрелять! – приказал Денисов, – пусть подойдут поближе, пусть думают, что здесь никого нет.

Немцы двигались на траншеи во весь рост. С приближением немцев на сто метров, защитники открыли огонь из пулемётов. Неожиданная встреча удалась, вскоре земля стала серо-зелёной от трупов. Уцелевшие отступили.

Более двух часов было тихо. Полевая кухня приехала с горячей пищей, обед прошёл в приподнятом настроении. Через два часа снова заработала немецкая артиллерия, обрушилась лавина огня, обстреливался каждый метр. Батальон стал нести большие потери. Были убиты командир пулемётного взвода Семён Шимарёв и первый номер пулемётного расчёта рядовой Касиков. Убили Михаила Голубева, прекрасного стрелка из Донбасса. Много было раненых, санитары едва успевали перевязывать. Но батальон не дрогнул! Твёрдо стоял на своих позициях и мужественно отстреливался от нападавших фашистов. После небольшого перерыва снова заработала артиллерия. На командный пункт по ходам сообщений пришёл комиссар батальона старший политрук Ром. С ним был связной правого фланга старшина Шереметьев.

Не успев с ним поздороваться, Денисов очутился в каком-то огненном шаре. Взрывной волной его выбросило из командного пункта. Когда он пришёл в чувство и, не поднимая головы, посмотрел на землянку КП, из неё шёл дым. Он вскочил туда, на полу лежали убитые комиссар Ром с рассеченной головой и телефонист Т.Зубков.

Сам Денисов еле держался на ногах, сильно болела голова. Он прижал руку ко рту, боль усилилась. Всё лицо было залито кровью, осколок снаряда повредил верхнюю губу и челюсть. Подбежали санитары, уложили на носилки, спрашивали о самочувствии, но он ничего не слышал, из ушей текла кровь.

– Сильная контузия, – сказали санитары.

Понесли на носилках к санитарной машине. Около машины стояли командиры и с ними капитан Ковтун.

Он наклонился, поцеловал Денисова и сказал:

– Крепись, Ваня, мы ещё повоюем!

В госпиталь пришла санитарная машина с очередной группой раненых. Среди них был Иван Петрович Денисов.

ЛЁТЧИКИ С ХАНКО ИДУТ НА ВЫРУЧКУ

Двадцать второго сентября на взлётную площадку Церели сели три «Чайки».

– Чьи они? Откуда? – спрашивали лётчики 12-й КОИАЭ, – наши все обедают.

Приземлились очень хорошо, будто здесь и летали. Старший лейтенант П.П.Смирнов подошёл к только что прирулившим лётчикам.

– Ба, да это же свои!

Три прилетевших лётчика с полуострова Ханко шутя назвали свои фамилии:

– Семёнов Григорий Петрович.

– Андреев Константин Григорьевич.

– Шабанов Никанор Лаврентьевич.

– Какими судьбами? – поинтересовался Смирнов, – ведь у вас тоже не густо с самолётами и обстановочка тоже не лучше нашей.

– Сам погибай, а товарища выручай! – ответил К.Андреев.

Тогда они ещё не знали, что воевать с фашистами будут всего десять дней, а там сама судьба их пошлёт кого куда.

– Начнём со столовой, – предложил Смирнов.

По дороге лётчики интересовались обстановкой, и Смирнов коротко их ознакомил.

– А как дела у вас? – спросил Смирнов.

– Командир нашей эскадрильи – капитан Л.Г.Белоусов, – сказал Шабанов.

– Летает с ампутированными ногами, – добавил Андреев, – командир базы Ханко – генерал-лейтенант С.И.Кабанов. Задача у нас с вами одна: не допустить фашистов к Ленинграду, как можно больше уничтожить их здесь.

– Так же, как и вы, охраняем корабли, ведём воздушную разведку, корректируем огонь береговых батарей, помогаем десантникам высаживаться на другие острова, – перечислял Семёнов.

– Уничтожаем батареи, аэродромы, суда фашистов, – дополнил Андреев.

– С фашистами ведём счёт по принципу «смерть за смерть!» – добавил Шабанов.

Они рассказали, как 24 июля лётчики Антоненко, Бринько, Лазуткин и Белорусцев в этот день уничтожили пять гидросамолётов. Когда возвращались на свой аэродром, их атаковали шесть «фоккеров». В завязавшемся бою наши лётчики сбили пять из шести. В этот раз Бринько сбил два самолёта. Потерь своих не имели.

– Наш аэродром каждый день обстреливают минами и снарядами. Самолёты укрыты надёжно, а лётное поле приходится ремонтировать.

– Вот такие пироги! – подытожил Андреев.

Пообедав, они сразу приступили к боевым вылетам. В этот день они сдвигали каждый по три вылета.

На следующий день ещё прилетели с Ханко на истребителях И-16 Цоколаев Геннадий Дмитриевич, Творогов Иван Леонтьевич, Власенко Николай.

Тридцатого сентября прилетели лётчики Лобанов Пётр Дмитриевич, Добряк Георгий Евдокимович, Белорусцев Константин Александрович.

С прибытием лётчиков – ханковцев – жизнь авиаторов Церели пошла веселее. Двадцать второго сентября, в день прибытия ханковцев, старший лейтенант Смирнов повёл своих лётчиков на «Чайках» в решающий бой.

Они увидели немецкую батарею и сбросили на неё смертоносный груз. В это время на них набросились десять Ме-109, четыре Ю-88, а внизу на бреющем пролетали два Хе-115.

Семёнову удалось сбить одного Хе-115 с первой очереди реактивными снарядами. В этот момент на него напали одновременно два Ме-109. Семёнов моментально развернулся на одного, как позволяла «Чайка», послал один снаряд РС, и «мессер» разлетелся на куски. Второй фашист не захотел разделить участь своего товарища, убрался восвояси.

Двадцать третьего сентября Цоколаев и Семёнов атаковали Ю-88, задний стрелок отстреливался, разбил верхний цилиндр мотора Семёнова, но это не помешало отправить гитлеровцев в гости к Нептуну. Их на самолёте было четверо.

На штурмовку передовой полетели вместе с лётчиками 12-й КОИАЭ ханковцы. Стало веселее на душе. Но каждый раз их преследовали немецкие истребители. В одной из штурмовок передовой в хвост к самолёту И.Творогова зашёл Ме-109. Творогов развернулся моментально правым боевым разворотом и пошёл в лобовую на врага. Разошлись в десяти метрах, оба промахнулись. Снова развернулись и пошли в лобовую. На короткой дистанции промелькнул фашист в линии прицела Творогова. Выстрел из пушек. Иван снова развернулся в атаку, но фашист уже беспорядочно падал вниз.

Так сражались лётчики с превосходящим противником.

Двадцать второе сентября был днём выдающихся побед. Было сбито в воздушных боях пять вражеских Хе-115, один Хе-126, один Ю-88.

ВТОРАЯ ПОПЫТКА ФАШИСТОВ ВЫСАДИТЬ МОРСКОЙ ДЕСАНТ

Гитлер торопил своих генералов ускорить захват острова Эзель. Ему крайне нужно было высвободить войска и пустить их на взятие Ленинграда. У генералов этого не получалось, русские оказывали яростное сопротивление, не хотели отдавать советский остров Эзель. Первая попытка высадки морского десанта на Эзель в районе бухты Лес провалилась и обошлась им дорого.

Двадцать седьмого сентября они решили повторить операцию высадки десанта, место высадки снова выбрали полуостров Церель.

Для встречи непрошенных гостей тщательно готовилась 315-я береговая батарея, островная авиация 12-й КОИАЭ, отряд торпедных катеров. Об этой операции вспоминали командиры торпедных катеров Герои Советского Союза **А.И.Афанасьев** и **А.И.Тарасенков**. Вот их воспоминания:

«Двадцать седьмого сентября 1941 года на остров Эзель была двинута целая эскадра фашистских кораблей. Во что бы то ни стало, они хотели прорваться в советские воды, неся смерть и разрушения. Вот идёт крейсер «Кельн», вот появился эсминец типа «Ганс Людерман», вот целая пятёрка миноносцев типа «Лабрехт Маас»...

Вот они врываются в бухту и начинают обстрел наших береговых батарей. Они пытаются сломить дух защитников Эзеля. Им отвечает мощная артиллерия капитана Стебеля. Идёт артиллерийская дуэль. Непоколебимым строем идут на врага торпедные катера. Немцы пускают в дело самолёты. Один, второй, третий раз налетают на катера немецкие «асы», тщетно пытаются заставить их отказаться от атаки. Напрасные усилия!

Катерные боцманы ведут жестокий пулемётный огонь. Бросаются в бой наши истребители. Авиация немцев вынуждена обороняться. Путь к кораблям противника очищен. Две торпеды Афанасьева уже стремительно идут на фашистский крейсер. Ещё одну торпеду в ту же цель направляет лейтенант Ущев. Попали!

Корма фашистского крейсера опускается вниз, нос его задирается вверх, корабль идёт на дно. Так был потоплен фашистский крейсер в шесть тысяч тонн водоизмещения. На вооружении его стояли девять 150- миллиметровых пушек, шесть 88-миллиметровых, восемь 37- миллиметровых, 12 торпедных труб и 4 пулемёта. Остальные торпедные катера прикончили ряд немецких миноносцев. Эта операция – блестящий пример победы советского катерного оружия».

Вот так А.И.Афанасьев и А.И.Тарасенков описали этот бой.

Катерники во взаимодействии с авиацией показали, что Балтийский морской флот может наносить удары и быть почти неуязвим.

В этой операции активно действовали лётчики: старший лейтенант П.П.Смирнов, старший лейтенант П.Г.Семёнов, лейтенант П.А.Дорогов и лейтенант А.А.Ильичёв.

Над советскими катерниками висели в воздухе девять фашистских самолётов Me-109. С появлением «Чаек» им пришлось больше думать о себе, они знали, что это плохо кончится.

Фашистский торпедоносец Хейнкель-115 тоже пытался нанести удар торпедами по нашим катерам, но увидев «Чаек» – уклонился. Полетав в стороне, он снова появился над нашими катерами, и тогда Семёнов атаковал его. От атаки завернулась вверх плоскость фашиста, и с такой плоскостью он падал до самой воды, пока не скрылся в ней бесследно.

В этом бою, по данным архива ОЦВМА, фонд 122, дело 13830, были уничтожены фашистские самолёты, один Хе-115, один Me-109.

О действиях катерников в этом бою пишет мичман Н.К.Горбунов:

«Двадцать седьмого сентября в бухте Лыу произошёл морской бой наших торпедных катеров с немецкими кораблями. Пять фашистских миноносцев и один крейсер начали обстреливать 315-ю батарею и боевые порядки защитников Церельской линии обороны.

Для ведения точной стрельбы фашистский крейсер встал на якорь. Поступила команда торпедными катерами атаковать вражеские корабли. Командовал торпедными катерами старший лейтенант В.П.Гуманенко. Своё место в бою он определил на катере Б.Ущева. Перед катерниками он поставил задачу: лейтенанту Ущеву и главстаршине А.А.Афанасьеву на катерах потопить крейсер. Катерникам лейтенанту В.Налётову и Н. Кременскому взять на себя корабли охранения.

В море катерники увидели вражеский ордер во главе с крейсером типа «Кельн» и с ним полдюжины кораблей охранения.

Крейсер стоял на якоре и вёл обстрел нашей обороны. Вокруг него ходили переменными курсами пять миноносцев.

Катер главстаршины А.Афанасьева стремительно вырвался вперёд и начал ставить дымовую завесу, фашисты открыли по нему огонь, вода закипела от фашистских снарядов. Увидев опасность, крейсер начал сниматься с якоря. Наши катера всё время ходили противортиллерийским зигзагом, дымовая завеса помогала сблизиться с врагом, всё это мешало фашистам вести прицельный огонь.

Первым устремился в атаку катер Н.Кременского, выпустил две торпеды в ближайший миноносец. Катер лейтенанта Б.Ущева пошёл в атаку на крейсер, и вдруг, из дымзавесы наперерез катеру выскочил лидер. Тогда Ущев выпустил одну торпеду по лидеру, вторую по крейсеру. Катер лейтенанта В.Налётова атаковал два миноносца, охранявших крейсер с веста. Кругом стоял сплошной дым. Катера повернули на обратный курс. На обратном пути следования они увидели подбитый вражескими снарядами катер лейтенанта Н.Кременского. Подошли и сняли всех с катера, а сам Кременский снял флаг и

с ним вплавь добрался до катера Ущева. Бой с вражескими кораблями длился всего семь минут.

Были потоплены два эсминца, вспомогательный катер, был подорван лидер. Оставшиеся суда фашистов повернулись обратно, унося свой позор».

ЗАБЫТАЯ ГАРМОШКА

*Воентехник 2-го ранга 12-й КОИАЭ
Григорий Иванович Запевалов, 1943г.*

На полуострове Церель вечерело. Уставшее солнце заходило за горизонт, бросая последние лучи на верхушки деревьев. Боевой день подходил к концу. Лётчики прилетали с передовой и ожидали машину для отправки на ночлег. К ним подошли свободные авиаспециалисты услышать рассказы о бое, но никто не начинал разговор. Все стояли молча, лица были суровые, уставшие. На земле лежала заброшенная всеми гармошка-хромка. Никто не дотрагивался до неё с тех пор, как немцы прорвали последнюю линию обороны.

Подожёл воентехник Григорий Запевалов. Никто не повернулся в его сторону, каждый думал о своём. Григорий увидел брошенную гармошку, и ему стало жалко её. Он поднял, ладонью смахнул пыль, посмотрел на кнопки, надел на плечо ремень и растянул меха. Гармошка подала голос, будто заплакала, жалуюсь. Григорию захотелось поднять боевой дух защитников. Он свободно развернул меха и заиграл «Раскинулось море широко». В вечерней тишине звуки усиливались и неслись прямо к морю. Оно было рядом, высокий маяк стоял в конце церельской косы, а дальше была необъятная синь. Горбатые волны на-

бегали на промытые камешки, они шуршали, двигались, как живые. Чудесница русская хромка болью отозвалась в сердце каждого, вспомнились деревенские вечера, голосистые песни девушек. Она разбередила забытые, огрубевшие чувства. Гриша заиграл мелодию другой русской песни «Славное море, священный Байкал». Моторист Запезалов постоянный участник художественной самодеятельности, широкоплечий русский парень, запел эту песню во всю мощь своего голоса. Песня, как кинжал, разрежала мёртвую тишину опалённого берега. Многие стали подпевать, кто голосом, а кто просто губами. Сила и отвага слышались в словах и музыке песни о мужестве и желании обрести свободу.

«Вот так надо бороться за жизнь!». – Подумали все стоявшие рядом защитники.

На звук гармошки пришла актриса Телегина. Она весь день не знала, куда себя деть, в шутку просила подполковника Кудрявцева подвесить её вместо бомбы и сбросить на цель. Все её знали по кинофильму «Учитель», где она сыграла роль простой женщины. Её активное участие в песне и добродушная улыбка поднимали настроение, она была единственной женщиной в хоре. Песня подходила к концу, простившись, сели в машину и уехали. Ушла и Валентина Петровна Телегина.

ПРОЩАЛЬНАЯ ВСТРЕЧА

Ночь. Свежий сентябрьский ветер покачивал рули и элероны «Чайки». От этого она становилась похожей на ночную бабочку, а ветер дул в уши и будто торопил: « Кончайте работу! Поздно! Заканчивайте скорее!». Много дел было у Егора и Жени Селецкого. Пробоин было много, и надо было проследить движение пуль и осколков, не нарушили ли они живучесть самолёта. Но дело двигалось к концу, Женя уже начал промывать бензофильтры.

– Слава аллаху! – сказал Егор, и вытер руки ветошью.

Погас мерцающий огонь миниатюрной лампы-переноски. К ним бесшумно подошли два матроса, ночью их было трудно узнать.

– Здравствуйте, стартех! Здравствуй, Женя!

– О, да это Саша Курамшин, Толя Орлов! Вот так встреча!

– Мы тоже не думали, что придётся встретиться, – сказал Саша, – а вот встретились.

– Рассказывайте, что там на передовой?

После того, как оружейники младшие мастера Курамшин и Орлов после реконструкции самолётов оказались не у дел, их отправили на сухопутный перешеек обороняться отседавших фашистов. Егору и Жене казалось, что пришли они с того света. Сообщили, что у оборонявшихся кончились боепри-

пасы, и яростные атаки фашистов отбиваются только штыками. Говорили без тени уныния и ропота на судьбу. Курамшин положил на плечи Егора свои широкие ладони, пристально посмотрел в глаза и сказал:

– Теперь не обидно и умереть, за мою одну жизнь фашисты отдали не менее сотни. Поплатились, в рукопашной колот штыком их нещадно!

– Мы с Сашей везде вместе, – сказал Анатолий, – и в атаку ходим плечом к плечу. С ним не страшно, он успеваает прикончитьседающих и на него, и на меня. И я стараюсь не отставать! Считайте, что Александр Курамшин национальный герой, русский богатырь! Расскажите об этом всем.

Он дружески толкнул Александра в плечо, тот и не шелохнулся. Егор вспомнил, как Курамшин в Липово сидел на занятиях. Широкоплечий парнище с волжским оканьем, с тёмными глазами и аккуратной причёской, всегда безукоризненно чистый и подтянутый. Очень ему шла краснофлотская форма. Отвечал неторопливо, рассудительно, а смех его можно было отличить от всех, так могут смеяться только дети. Наговорившись, Егор предложил остаться на ночлег на брезентах, но ребята отказались.

– Надо вернуться пока темно, – сказал Курамшин, – но у меня есть просьба.

– Какая, говори, всё сделаю, – ответил Егор.

– Если узнаете, что я больше не приду... напишите письмо по адресу: Куйбышевская область, Богданский район, село Русские Беденья, моему отцу Курамшину Илье. От них узнает обо мне жена.

– И мои данные запишите, – попросил Анатолий, – Орлов Анатолий Фёдорович, комсомолец, русский, 1920 года рождения, Калининской области Кировского района, деревня Сенище, призывался в Кировском РВК, рабочий.

– Будем надеяться на победу и на встречу после войны, адреса я сохранию, – ответил Егор.

После этой встречи война длилась почти четыре года, записная книжка претерпела все тяготы войны, побывала под дождём, истёрлась. Восстановить адреса удалось только через Центральный военный архив, и когда Егор послал письмо по этому адресу, пришёл ответ, что Курамшин Илье по данному адресу не проживает.

НА ЦЕРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ ТРИНАДЦАТЫЙ ДИВИЗИОН КМТЩ

Двадцать первого сентября старшего лейтенанта Д.А.Овсянникова принимали в партию. В жизни каждого это событие знаменательно. Вернулся с собрания Дмитрий Апекумович в приподнятом настроении. Всегда бодрый,

*Командир 2-го звена КМТЩ старший лейтенант
Дмитрий Апекумович Овсянников*

собранный, неунывающий по натуре, он вселял оптимизм и в окружающих. Его подчинённые из 13-го дивизиона КМТЩ знали, что в этот день, двадцать первого сентября его день рождения. Все тепло его поздравляли, а военком БОБРа П.Ф.Зайцев преподнес ему в подарок автомат. В блиндаже его окружили бойцы, он сидел рядом с автоматом, в руке держал трубку с головой Мефистофеля, всем хотелось услышать, что скажет их любимый командир. Тихо и задушевно он начал свой разговор:

– Товарищи мои дорогие, этот автомат мне дали в руки, чтобы я ещё крепче бил фашистов. Сегодня меня приняли в партию, теперь я не только командир Балтики, но и рядовой коммунист, и вместе мы будем биться с врагом до последнего вздоха. Спасибо вам за тёплые поздравления.

Он достал серебряный портсигар и всех угостил папиросами. Потом посмотрел на часы, и сказал:

– Пора подготовиться к встрече с незваными гостями.

Фашисты не заставили долго ждать. Появились бомбардировщики, затем артподготовка, и показались вооружённые головорезы. Бойцы третьей стрелковой бригады, которой командовал полковник Пётр Михайлович Гаврилов, а на поле боя полковник Николай Фёдорович Ключников, приняли бой, отбили вражеские атаки и бросились в контратаку. За ними пошли все сводные отряды и подразделения.

С левого фланга из огневой точки, оборудованной немцами в виде дзота, обрушился ливень огня. Все атакующие матросы и бойцы залегли. Наши артиллеристы не могли накрыть эту точку, атакующие оказались на ничейной полосе между нашей обороной и гитлеровской. Создалось кри-

тическое положение. Тогда командир отряда Овсянников приказал Н. Горбунову:

– Подбери людей из группы захвата, гранатами уничтожьте эту пулемётную точку.

Николай взял тех, которых знал: Н.Жильникова, М.Долгих, Г.Гаманюка. Разделились по два человека, справа и слева, и стали ползти к фашистскому дзоту. Их поддерживали огнём из оставшегося орудия. Время тянулось медленно, казалось вечностью. Наконец, достигли дзота. Бойцы ждали действий и делали отвлекающий маневр. Жильников и Долгих бросили гранаты в амбразуру дзота. Не давая врагу опомниться, забрасывают гранаты Гаманюк и Горбунов. Вражеский пулемёт заглох. Наши бойцы поднялись во весь рост и в неистовом атакующем порыве выбили фашистов с позиции, закрепились на отвоеванном рубеже. Георгий Гуманюк был убит, но его жизнь была отдана не зря. Фашисты понесли огромные потери. Недолго продержались бойцы на отвоеванном рубеже. Снова бомбёжки, миномётные обстрелы, грохот орудий и мощные взрывы. Защитникам нечем было ответить, при бомбёжке вышло из строя последнее орудие.

Двадцать пятого сентября на взлётную площадку полуострова Церель сели два транспортных самолёта. Они доставили из Ленинграда боеприпасы и продовольствие, на обратном пути взяли раненых. Это была последняя связь с материком. Она, как тонкая ниточка, оборвалась, и больше не восстанавливалась. На передовой шли упорные кровопролитные бои. Обречённые на неизбежную гибель, защитники героически отдавали последние усилия. В момент, когда силы защитников были на исходе, и отбить атаку было нечем, в бой неожиданно вступили моряки, прибывшие с острова Висланди. Это решило исход боя. Враги увидели моряков, которых они называли «Чёрная смерть», и сразу обратились в бегство. Во главе моряков шёл старшина первой статьи Осметченко. Моряки не только отбили атаку, но и прогнали врагов на их линию обороны. Семь раз фашисты врывались, но закрепиться на отвоеванных рубежах не могли. На поле боя лежало необработанными более шестисот фашистских трупов.

Тридцатого сентября защитники были оттеснены на последний рубеж Каймри-Рахуста. Кончились патроны, не стало артиллерии, нет снарядов, пища подавалась нерегулярно, окопные командиры ничего не могли сказать обнадёживающего. Каждый боец понимал безысходность положения, но никто никому не жаловался, не проявлял своей слабости. Принимали всё молча, как должное. Первого сентября не у всех были патроны. Фашисты просачивались через рубеж обороны, обстреливали бухту Менту. К вечеру этого дня фашисты вели бой с разрозненными группами. И всё же бои были жестокие, рукопашные. У каждого осаждённого было только одно желание – убить вра-

гов, и как можно больше. Если придётся умереть, то только на поле боя, только не плен. Эту участь делили все вместе, и бойцы, и их окопные командиры. Они ничего не могли сказать утешительного, подкрепления не ожидалось.

Мужественные, стойкие, непокорённые, чистые перед народом и Родиной, бойцы оказались на положении героев – одиночек. Суровое лихолетье войны захлестнуло их, и здесь им суждено было биться с врагом до последнего дыхания, спасая Ленинград, а с ним всю Родину.

УБИЛИ АВИАТЕХНИКА А.И.НОВИКОВА

26 сентября 1941 года. Авиаплощадка полуострова Церель.

К налётам фашистских самолётов многие привыкли. Смерть не казалась страшной и неизбежной.

– Будь что будет, – думал каждый, – что положено тебе, то и будет.

При налёте фашистских самолётов не все уходили в укрытия, которыми служили щели – небольшие канавки, вырытые в земле на глубину полметра. Глубже была грунтовая вода.

По стоянке самолётов, замаскированных сучьями деревьев, проходил инженер эскадрильи Степан Филимонов. Его приход к технике был связан с ремонтом самолёта, как при нехватке запчастей найти выход.

В небе появились фашистские самолёты. Они летели над кромкой берега и сбросили авиабомбы без стабилизаторов. Всем казалось, что бомбы упадут в море, не достигнув цели. Но при снижении ветер гнал их на сушу. Вот уже совсем близко. Техники и мотористы стали укрываться в щелях. Недалеко от самолёта Егора находилась щель, куда укрылся электрик эскадрильи воентехник Аркадий Иванович Новиков. Когда бомба была совсем близко, Аркадий закричал:

– Егор, скорей сюда, на тебя летит бомба!

– Будь что будет, – ответил Егор, не глядя на бомбу.

Земля вздрогнула, раздался оглушительный взрыв. Егора завалило камнями и землёй с грязью. Он хотел выбраться, но всё закружилось, и Егор снова уткнулся лицом в землю. Когда пришёл в себя, привстал на колени, чтобы преодолеть силу земного притяжения. Хотел смахнуть грязь с лица, увидел кровь, и только тогда понял, что ранен. Посмотрел в сторону щели, где укрывался Аркадий, перед ним была огромная воронка с вывернутыми корнями деревьев, и никаких признаков, что здесь был человек, только на дереве несколько клочков одежды. Кровь заливала глаза, лицо пылало от боли, в голове бил колокол. Он пошёл в сторону землянки медпункта.

– Ранение и контузия, – сказал военфельдшер В.Озёрный.

Удалить грязь и кровь ватным тампоном он не мог из-за сильного кровотечения.

– Надо ехать в госпиталь.

К воронке подошли авиаторы, сняли головные уборы в знак скорби о погибшем Аркадии Ивановиче Новикове, вспомнили его тёплую заботу о товарищах.

Военфельдшер В.Озёрный и раненный Егор подъезжали к большой палатке, которая называлась госпиталем. Вокруг стояла огромная вереница носилок с ранеными, некоторые стонали, другие ругались. Раненых в голову принимали в первую очередь, и Егор с Озёрным оказались в числе первых. Егора положили на стол, покрытый многоцветной простынёй, обработали рану на лбу, извлекли небольшой осколок.

– Вася, дорогой, не оставляй меня здесь, – попросил Егор Озёрного.

– Будем долечивать в санчасти, в госпитале мест нет, – внушительно сказал военфельдшер хирургу, и увёз Егора на аэродром.

Снова на аэродромной площадке, снова срочно надо готовить самолёт к боевому вылету, Егор пошёл к своему самолёту, голова кружилась, было трудно смотреть вверх, моторист Евгений Селецкий это понимал, и старался делать всё за двоих. Самолёт летел с полной боевой нагрузкой, возвращался пустым, и так повторялось несколько раз в день.

ПОСЛЕДНЕЕ СОВЕЩАНИЕ

В штаб БОБРа поступило донесение, что защитники отошли на последний оборонительный рубеж. Дальше отступать было некуда, дальше было море. Коменданту БОБРа генерал-лейтенанту А.В.Елисееву, военкому Г.Ф.Зайцеву, а так же всему руководящему составу было ясно, что войска обескровленного гарнизона могут продержаться всего два-три дня. Об этом они доложили шифровкой командующему КБФ вице – адмиралу В.Ф.Трибуцу. Ответ пришёл быстро. Военный совет приказал Елисееву вместе со штабом и политотделом переправиться на остров Даго, и оттуда возглавить оборону Моонзунда. Туда же переправить оставшихся бойцов и офицеров.

Это решение Военного совета надо довести до командиров и политработников БОБРа, до частей третьей отдельной стрелковой бригады. Совещание состоялось вечером. Прибыли ответственные командиры и политработники БОБРа. В целях безопасности при внезапном вторжении фашистов, многие были в форме рядовых. Генерал зачитал решение Военного совета, и дал разрешение выступать.

– Какие средства имеются для выполнения решения Военного совета по отправке на Даго бойцов и офицеров? – Спросили с места.

– На острове имеются четыре торпедных катера и три катера КМ, на острове Даго имеются катера КМ и некоторые другие плавсредства. Будем ждать прихода поддержки, – ответил Елисеев, – командующий КБФ об этом знает, и примет положительные меры. В течение двух-трёх дней всё решится, нам надо продержаться.

Далее генерал возложил свои обязанности по обороне Эзеля на командира 3-й бригады полковника П.М.Гаврилова, представителем от штаба БОБРа оставил майора В.М.Харламова, и на этом совещание закончилось.

Уходили с совещания молча, с тяжёлыми думами.

– Два-три дня продержаться можно, – говорили уходящие, – а смогут ли переправить? Надежды мало.

Многие считали, что уход генерала Елисеева на Даго будет правильным, оттуда можно руководить и организовать спасение оставшихся защитников. Другие считали, что уход дезорганизует защитников, генерал должен разделить тяжёлую участь со своими подчинёнными. Каждый понимал, что разговор бесполезен. Приказы надо выполнять, а не обсуждать.

Генерал приказал командиру дивизиона Богданову готовить катера для перехода на Даго. Богданов довёл это распоряжение до командиров катеров. Все эти распоряжения отдавались с тяжёлым чувством.

Физическое истощение сказывалось на душевном состоянии. У многих появилось чувство приглушённого безразличия. Все анализы положения и поиски выхода из этого критического положения сводились к одному выводу: «судьбе не прикажешь, что должно свершиться, то и свершится».

Наверное, у генерала были противоречивые чувства, он оставлял гарнизон в самую трудную минуту, зная, что на Даго нет плавсредств, и они не будут высланы на спасение оставшихся защитников. Этих плавсредств не было и близко, ждать издали бесполезно, кругом вражеская авиация, на море беснуются морские охотники, к тому же море штормило. Можно было раньше начать эвакуацию раненых, но время упущено. Эти вопросы обсуждались на совещании, но никто не смог предложить оптимального решения. Генерал, зная всё, выполнял постановление Военного совета.

– Пленить генерала вместе со своим штабом и политотделом, завладеть знаменем и всеми штабными документами – такой триумф врагам и позор нам допустить нельзя, – знали все.

Перед отплытием генерал решил посетить прославленную 315-ю батарею, которой командовал капитан А.М.Стебель. Сколько было потоплено кораблей! Семьдесят классных специалистов батареи сражались на сухопутной обороне, батарея прямой наводкой уничтожала ряды фашистов на рубеже, корректиро-

вала огонь прямо с выносных постов оборонительного рубежа. Боеприпасы кончились, капитан Стебель готовил батарею к взрыву, чтобы не досталась врагу. Об этом капитан доложил, когда генерал прибыл на батарею.

– Сегодня ночью, – сказал генерал, – мой штаб вместе с политотделом убывает на Даго, будем там продолжать борьбу за Моонзунд. Вам лично я разрешаю отбыть вместе с нами, оставьте за себя лейтенанта Червакова.

– Разрешите остаться, товарищ генерал, оставить подчинённых я не могу.

Генерал посмотрел в упор на командира батареи, и после некоторой паузы негромко сказал:

– Разрешаю остаться...

Генерал не стал кривить душой, обнадёживать обещаниями прислать плавсредства с Даго, нельзя говорить неправду этому командиру с кристально чистой душой. Уходя, генерал ещё раз пристально посмотрел на Стебеля, зная, что видит его в последний раз. Они простились по русскому обычаю.

В ночь на второе октября три торпедных катера убыли на Даго со штабом БОБРа и политотделом. Четвёртый торпедный катер остался в бухте в распоряжение полковника П.М.Гаврилова, исполняющего обязанности старшего представителя БОБРа. От политотдела старшим представителем остался полковой комиссар М.З.Шкарупо.

БАШНИ ВЗОРВАТЬ!

«315-я береговая батарея 180-мм башенных орудий, находящаяся на полуострове Церель, заканчивала своё славное существование. Много славных дел записано на её счету при защите острова Эзель. Она была опорой при отражении морских десантов, при охране Ирбенского пролива от вражеских кораблей и даже штабом БОБРа, когда он находился на острове Церель. Все ценности хранились последнее время на этой батарее. Теперь снарядов осталось только на один залп.

В боевой рубке находились командир этой батареи Александр Моисеевич Стебель и военком батареи старший политрук Николай Фёдорович Беляев. На их лицах не было прежнего воодушевления, сидели молча, каждый при своих думах.

– Зря вы не ушли с Елисеевым, – сказал военком.

– Не зря. Вместе пришли мы сюда, вместе батарею строили, вместе воспитывали классных специалистов, сплотили в единую боевую семью, вместе топили вражеские корабли...

После небольшой паузы он добавил:

– Вместе и уйдём отсюда или погибнем.

*Командир 315-й береговой батареи,
капитан Александр Моисеевич Стебель*

Он нажал на педаль электрического звонка и объявил боевую тревогу. С центрального поста доложили, что батарея к бою готова, на орудия поданы последние снаряды.

– Раньше срока приготовили батарею, – сказал военком, посмотрев на часы.

Командир был поглощён расчётами, последние снаряды не должны погибнуть даром.

– К бою, по фашистской пехоте! – скомандовал Стебель последний раз. – Батарея залп!

Вздрыгнул судорожно командный пункт, и где-то пронеслось эхо взрывной волны. Стебель психологически готовился подать другую команду.

– Башни взорвать! – приказал Стебель, – ничего не должно остаться врагу, это наш последний долг. Дальномер, стереотрубы, всё уничтожить. О выполнении доложить мне лично.

– Есть! – ответил принявший команду краснофлотец Овсянников и побежал на запасной командный пункт.»

(Ю.А.Виноградов. «Хроники расстрелянных островов»).

Затем Стебель приказал уничтожить все секретные документы, все ценности. На батарее хранились деньги, более пятнадцати миллионов, их тоже приказал сжечь. Кочегарам помогал интендант 2 ранга Фролов, которого генерал Елисеев обязал лично присутствовать и проверить.

В боевую рубку с трудом поднялся командир сорок третьей батареи Василий Георгиевич Букоткин. Его сорок третья 130-мм батарея когда-то стояла на полуострове Кюбассар, первая отражала натиск фашистов при обороне Виртсу, острова Муху, потом он был ранен, его батарея попала в окружение, и вышли из него в живых четырнадцать человек. Ему сообщили, что и эти последние погибли на перешейке. Ранее погибли военком батареи старший политрук Григорий Андреевич Карпенко и комсорг Иван Божко. Сам он едва передвигался на своих израненных ногах.

– Опять сбежал из госпиталя? – спросил его Стебель.

– Сбежал, – ответил Букоткин, – не могу там сидеть без дела.

– Тогда разделяй с нами последнюю и неизвестную участь, – сказал военком Беляев.

Букоткин смотрел на своих боевых товарищей, и ему было спокойнее с ними, в госпитале его мучила мысль, что больше никогда их не встретит. Внимательно посмотрев на Александра Моисеевича, он заметил много перемен, неизменными остались только его голубые глаза и добрая застенчивая улыбка. Всё в нём было от щедрой души, простоты, ума и деловитости.

– С ним не страшно идти в огонь и воду, и даже умереть, – подумал Букоткин.

В госпиталь он решил не возвращаться, и разделить участь своих товарищей, какая бы она ни была.

– Батарею взорвали... – сказал Стебель, – таков приказ начальника артиллерии БОБРа.

Букоткин заметил, что сказанное о взрыве батареи, Стебелю было подобно убийству родного ребёнка, губы его задрожали, и голос сорвался, глаза стали влажные.

Приказ был выполнен, искалеченные стволы неподвижных башен уже не смотрели в сторону Ирбенского пролива. Комендоры добивали пудовыми кувалдами механизмы, уцелевшие от взрыва. Стебель проверил сам лично, убедился, что немцы не смогут восстановить батарею.

От полковника Ключникова приехал начальник артиллерии БОБРа капитан Харламов проверить выполнение приказа об уничтожении батареи. Убедился, что всё сделано, как положено. Приказал Стебелю сформировать из краснофлотцев роту и послать её на оборону бухты Мынту.

НАДО РЕШАТЬ, ЧТО ДЕЛАТЬ ДАЛЬШЕ

На командный пункт, расположенный в помещениях 315-й батареи, приносили тревожные доклады. Героические защитники на перешейке отходят на последние укрепления обороны. Рапорт принимал командир третьей стрел-

ковой бригады полковник П.М.Гаврилов. Здесь же находился комиссар бригады И.П.Кулаков. Они отдавали последние распоряжения, зная неминуемую трагическую развязку. Они надеялись в критический момент уйти на остров Даго на четвёртом торпедном катере, который не ушёл со штабом и был в их распоряжении. Он был готов выйти в море, но бездействовал по причине отсутствия торпед. Вой снарядов и разрывы бомб на передовой, раскатистые крики «Ур-р-а» становились отчётливее и громче. Полковнику казалось, что они совсем близко. Поздно вечером, предвидя безвыходность положения, Церель покинули командиры 46-го и 39-го арtpолков. «Надо уходить», – промелькнуло в сознании полковника.

– Пора и нам, иначе будет поздно, – сказал комиссар.

– Передайте командиру запустить катер, – сказал Гаврилов.

Наспех собрали несколько командиров и рядовых. Посадка. Вышли на рейд. Их как будто поджидали немецкие самолёты. На первом заходе «юнкерса» катер загорелся и стал тонуть. Никто не спасся.

Теперь всю ответственность за судьбы людей взял на себя полковник Николай Фёдорович Ключников. На командный пункт приехал капитан Харламов и доложил, что 315-й батарее не существует. Принимая рапорт, Николай Фёдорович едва держался на ногах, его душил сухой кашель, на жёлтоватом лице выделялся неестественный румянец.

– Что делать дальше, Николай Фёдорович? – Спросил Харламов.

– Да, надо решать, что делать дальше, вы правы, – согласился Ключников, – решать надо сообща...

После этого на КП были собраны командиры и представители БОБРа. Ключников доложил обстановку, что снаряды кончились, артиллерия уничтожена, мин нет, патроны и гранаты в ничтожном количестве. Личного состава осталась четвёртая часть, из них половина раненых. Надежды на приход морских судов нет. Даже если и появятся корабли, то их не допустят к берегу сторожевые корабли и авиация фашистов. Сутки надо выдержать.

– А дальше что нас ожидает? – Спросили с места.

– А дальше всем командирам собраться на заминированном командном пункте и подорваться.

С ним не согласился полковник В.М.Пименов. Он спокойно и твёрдо заявил:

– Без командиров бойцы обречены на плен. Надо переходить на партизанское положение, организовано отступать в леса и вести борьбу с врагами.

– Лучше бы партизанить на материке, в Латвии, – подсказал Харламов.

Приняли решение удерживать фашистов, а тем временем собрать плоты и рыбацьи лодки для переправы на латвийский берег. Остальную часть лю-

дей, кому не хватит плавсредств, направить вглубь Эзеля. Когда вода в заливе покроется льдом, перейти на остров Муху, затем на материк. Казалось, всё было согласовано, принято к сведению и исполнению. Появилась какая-то надежда на выживание в яростной борьбе до последнего вздоха.

АВИАТОРЫ ПРОЩАЮТСЯ С ЭЗЕЛЕМ

Механик 12-й КОИАЭ Степан Иванович Дзюба

1 октября 1941 года.

Весь день летали лётчики на передовую линию обороны, чтобы уничтожить фашистов. Восемь раз Алексей Ильичёв вылетал на своей «Чайке» с полной боевой нагрузкой, а возвращался пустым. Благо, что передовая была совсем рядом. Девятый раз его проводили Егор Буранов и моторист Евгений Селецкий. Егор посмотрел на небо. Перистые облака виднелись то тут, то там, солнце спускалось всё ниже и ниже.

– Это, наверно, последний вылет, – сказал Егор.

На взлётной полосе стоял истребитель И-16, готовый к вылету. В конце полосы стоял большой белый маяк, возвещаая всем о крае Церельской косы и начале моря.

– Женя, ты был когда-нибудь около маяка?

– Был, – ответил Селецкий.

– А я вот не был, хоть он и рядом.

– Сходите, я останусь здесь. Если прилетит – встречу.

– Спасибо, я пойду.

По окраине взлётной полосы Егор приближался к маяку. Он показался ему большим и величественным. Недалеко от него было старое кладбище. Могильные холмики почти сравнялись с землёй, заросли травой, кресты старые и неухоженные. Посредине кладбища выделялись две большие насыпи с торчащими дубовыми обрубками. На этих обрубках Егор заметил пазы, в которые когда-то вставлялись перекладины, они лежали рядом. Егор поднял их и вставил в пазы, получился большой крест. Об этих крестах писалось в островной газете «На страже»:

«В сентябре – октябре 1917 года моряки революционного Балтийского флота сорвали попытку прорваться германскому флоту к революционному Петрограду. Здесь немцы сосредоточили свыше 320 судов. В числе этих судов были десять новейших линкоров, их охраняли свыше ста самолётов. У балтийцев было 116 кораблей различных классов, среди них два старых линкора. Прилагалось тридцать самолётов. Балтийцы героически сражались в неравном бою. Интервенты потеряли тридцать кораблей, вынуждены были отойти к своим базам, попытки подавить революцию не удалась».

Погибшие защитники были похоронены на этом кладбище в двух братских могилах, поставлены деревянные кресты. Буржуазная Эстония не поставила хорошего памятника, а Советская власть в Эстонии существовала недолго.

– Может, я приду им на пополнение, – печально подумал Егор, глядя на заросшие могилы.

Самолёты возвращались, шли на посадку, Егор вернулся на аэродром.

Вечером всех мотористов построили и строем увели, Егор не знал, куда. Уже темнело, лётный состав не уезжал на ночной отдых. Недобитая армада фашистских кораблей подошла к берегу и стала производить обстрел защитников на линии обороны. Теперь им никто не угрожал, торпедные катера стояли без торпед, батарея капитана Стебеля была взорвана, несколько самолётов-истребителей стояло без реактивных снарядов и бомб.

Через лётное поле стали перелетать снаряды, оставляя огненные трассы. На взлётной полосе начали рваться мины. Всем лётчикам, оставшимся в живых, поступила команда перелететь на полуостров Ханко. По этой команде прибежал к своему самолёту Алексей Ильичёв и приказным тоном сказал:

– Егор, быстро снимай бронеспинку, сейчас полетим на Ханко, ты сядешь сзади меня.

– Это чья команда? – спросил Егор, – мне не было такой команды.

– Снимай, тебе говорю, немедленно снимай, не веди время!

– Алексей, я не полечу.

– Воентехник Буранов, немедленно снимай бронеспинку!

– Лёша, я останусь.

– Пожалеешь. Я Любе дал слово спасти тебя в трудную минуту.

– Остаюсь.

Тогда Алексей сел в кабину, запустил двигатель, ветер начал трепать одинокое дерево, стоявшее недалеко. Егор вскочил на подножку, проверил в кабине приборы, Алексей подтянул его к себе и обнял. Это было прощание навсегда. Больше они не встретились.

Самолёты взлетели, собрались в условленном квадрате и взяли курс на Ханко. В числе улетевших были лётчики Г.П.Семёнов, А.А.Ильичёв, Е.П.Бадаев, Г.Д.Цоколаев. Последним взлетал Г.Цоколаев вместе со своим техником Н.И.Волосевичем, на одноместном самолёте они использовали вариант со снятой бронеспинкой.

Из прилетевших с полуострова Ханко на Эзель в числе погибших значатся лётчики: П.А.Дорогов, К.А.Белорусцев, Г.Е.Добряк, П.Д.Лобанов, М.Т.Леонович, Н.Л.Шабанов и Власенко. Долго считали погибшим Константина Георгиевича Андреева, но он оказался живым. Прошёл все ужасы унижительного плена, фашисты его пытали, отбили память. После войны он возвратился к своей семье в Ленинград, его посещали друзья-фронтовики, но он многих не узнавал, не помнил. Это был старый, дряхлый, больной человек.

В числе первых с полуострова Ханко прилетел Иван Леонтьевич Творогов на самолёте И-16. В самую критическую минуту он оказался без самолёта, летал на передовую линию обороны больше всех ханковцев и прилетел последний раз, как говорят, на честном слове. Его техник В.Г.Мальцев принимал все меры, чтобы восстановить самолёт для перелёта на безопасный аэродром острова Даго. Вместо мотора М-25 он поставил М-62 и тоже с разбитого самолёта. Все питающие провода он соединил, а капоты не подходили, мотор был больше по габаритам. Лобовое кольцо «нака» он стянул проволокой, воздушный винт оказался мал по мощности. Мотор развивал большие обороты, а тяга была маленькой. Решался вопрос лететь, или не лететь.

Ночь. Порывистый осенний ветер чувствительно предупреждал о приближении холодов. Оставшись наедине с темнотой и сыростью, Егор не замечал ни того, ни другого. Ему казалось, что самолёт улетел и унёс с собой всю его жизнь, все его надежды. Какая-то страшная могучая сила опустошила душу, сделала тело невесомым и чужим. Над головой летали с оглушительным визгом снаряды. Одна мина разорвалась совсем рядом и привела Егора в осмысленное состояние. Он вспомнил про своего моториста Женю Селецкого.

– Куда его увели, почему так долго держат? – Возникла в голове тягучая мысль.

Он не знал, что Женя больше не придёт, его послали в резерв для отражения внезапного нападения фашистов. Вторая мина разорвалась совсем близко и будто отрезвила Егора, заставила принять решение. Он стал надевать ремень с прикреплёнными гранатами, взял в руки винтовку, которую держал

в запасе на чёрный случай. Она была с оптическим прицелом, опробована, была метко. Теперь он думал только об одном, убивать фашистов и как можно больше. Смерть за смерть. Вдруг откуда-то издали донеслось протяжное «Ур-р-а». Это стойкие защитники на перешейке шли в рукопашную атаку. Днём их косили пулемёты и автоматы, прижимая к земле, а ночью они навёрстывали упущенное. Егор решил идти на этот гул. Бросил прощальный взгляд на пустое место, где стоял его самолёт, запах минерального масла казался родным. Тормозные колодки разбросаны по сторонам, их не надо больше подбирать, но Егор отнёс их в положенное место. Из баллона сжатого воздуха торчала заряжающая трубка. Неожиданно его осветила фара автомашины.

– Егор, где ты? – услышал он знакомый голос Ивана Усатова.

– Здесь я.

– Садись в автомашину!

– На передовую, с комфортом, – подумал Егор и сел в машину.

Приехали к морскому причалу, увидели стоящие у пирса два катера КМ.

– Произвести посадку! – приказал командир катера.

По досчатому трапу стали садиться, а Усатов развернулся и уехал за очередной партией оставшихся техников. Шофёра не было, машиной управлял лично сам. Долго ждать их было опасно, катера были переполнены и отошли от пирса. Иван привёз людей, а катеров уже не было. Им сказали, что больше катеров не будет, они развернулись и поехали обратно.

Волею судьбы техники оказались на маленьких судёнышках КМ. Куда их перебрасывают, они не знали. Катера обогнули южную конечность полуострова вместе с маяком, стали отходить от берега. Огибая полуостров Церель, техники увидели, как огненные трассы снарядов, мин, вылетающих из стволов корабельных орудий, направлялись на беззащитных обороняющихся на сухопутном перешейке. Огромные морские волны приняли в свои холодные объятия эти безобидные судёнышки. Осенняя ночь была кромешно чёрной, катер карабкался на вершину огромной волны и стремительно проваливался вниз. Казалось, не вынырнет, а он снова карабкался на очередную волну. Спустя некоторое время сухопутные техники начали страдать от «морской» болезни. Егор посмотрел на актрису Валентину Телегину. Эту мужественную женщину судьба бросала по трудным военным дорогам. Она сидела неподвижно, напоминая Егору родную мать. Егор вышел из трюма на палубу. Стало легче дышать, но брызги холодных волн окатили его всего холодным душем. Китель в одно мгновение стал мокрым.

– Лишь бы сохранился комсомольский билет и Любушкины письма, – подумал Егор.

Наступил рассвет, никто не сомкнул глаз. Ветер пронизывал мокрую одежду, но люди холода не замечали. В полдень показался берег острова

Даго. Причалили. Первой сходила на берег Валентина Петровна Телегина, ей все уступали дорогу. Она шла, цепляясь за подвернувшиеся предметы, чтобы не упасть. Подошла к командиру катера, низко ему поклонилась и тепло поблагодарила. Подошедший краснофлотец подал ей фляжку. Последним сходил на берег коренастый Евгений Складаный. Твёрдая земля под ногами, чистый песочек, пригретый солнышком, ласкали души.

– А где же второй катер? – спросили у командира катера.

– Он отстал ночью, и больше его не видели, – ответил лейтенант.

Прибывших увезли в какое-то помещение, накормили, но ничего не радовало, все были встревожены, второй катер не выходил из головы. Вспомнились оставшиеся защитники на Церели. Было очень тяжело на душе. Только на второй день прибыл второй катер. Егор встречал Бориса Безрукова, как с того света. Борис рассказал:

– Ночью в море мы потеряли из виду ваш катер, сбились с курса и долго бродили в море. Наконец, увидели берег и подумали, что это Даго. На берегу нас встречали люди, махали руками, называли славными защитниками. Подошли ближе. Бросив швартовый конец, краснофлотец услышал немецкую речь. Стало ясно, что прибыли в лапы фашистов. Швартовый конец стали подбирать обратно, катер повернул назад. Отойдя недалеко от берега, заглох двигатель. Из машинного отделения сказали, что отказала водяная помпа. Катер остановился на рейде. Немцы недоумевали, наверное, подумали: «Не уйдут», дали время на размышление. А катер стоял. Теперь им было ясно, что русские не собираются сдаваться в плен. Вылетел самолёт «Дорнье», решил поугагать, прострочил пулями борт катера. Пули попали в вещмешки. Атака самолёта перепугала, стали искать выход. На палубу вышел механик Степан Дзюба, снял мохнатую шапку и стал ею размахивать. Лётчик прекратил заходы. Обманный номер получился, к Дзюбе присоединился другой механик, Пётр Федоткин. Вместе они махали шапками, прикладывали руки к сердцу, разыгрывали спектакль, отвлекали фашистов, а в это время шёл упорный ремонт водяной помпы. Прошло немного времени, а казалось, целая вечность, помпу исправили, мотор заработал, катер потихоньку стал отходить в открытое море. Штормовые волны маскировали его, не давая обнаружить противнику, на поиск вылетали вражеские самолёты, но обнаружить не смогли. Только на второй день к вечеру наш катер прибыл на Даго.

ПОСЛЕДНИЕ БОИ НА ПОЛУОСТРОВЕ ЦЕРЕЛИ

Второго октября на полуострове Церели фашисты напали на последнюю линию обороны. Вражеская авиация буквально висела над защитниками, ар-

тиллерия била с суши и с моря. Автоматчики в яростных атаках применяли разрывные пули. Всё горело, со всех сторон раздавались стоны раненых, вой снарядов, гул летающих самолётов. Шесть дней шли такие неравные бои. Герои не сдавались, они поклялись: «Драться будем, пока есть оружие, кончатся патроны – пойдём в рукопашную, не останется сил – вцепимся зубами в глотку врага!».

Когда закончились патроны, осталось последнее. Шли в контратаки с винтовками без патронов, со штыками наперевес. И не смотря на это, враги их боялись. Услышав крики «Ур-р-а!» бежали с поля боя. Так продолжалось шесть дней. Горячей пищи защитники не получали несколько дней. Днём 4-го октября враги прорвались на последние рубежи. Защитники были обескровлены, средства внутренней связи нарушились. Радист Федоренко находился на вахте в бывшем штабном укрытии 12-й КОИАЭ. Он увидел, как со всех сторон его окружили фашисты, но успел передать в эфир радиограмму:

– Мы прижаты к воде, отступить некуда. Помощи не ждём. Радиовахту закрываю, идёт последний решительный бой.

Её приняли на материке 4 октября в 16 часов 10 минут.

Флотская газета «Красный Балтийский флот» сообщила крупным заголовком о героях Моонзунда:

«Оборона острова Эзеля – пример массового героизма. Любите Родину, как славные эзелевцы, и так же упорно защищайте её!»

А в это время майор В.М.Харламов с группой сапёров пытался перебраться на латвийский берег на рыбацкой моторной лодке. Налетели фашистские самолёты и сожгли эту лодку. Тогда было решено пробиться вглубь острова Эзель. На пути зашли в госпиталь, который не успели эвакуировать. Там уже были фашисты. Завязался бой, многих ранило, остальных пленили.

В бухте Мынту фашисты вели бой с группой бойцов 315-й батареи. Бой шёл смертельный, до последнего дыхания защитников. Оставшуюся горстку раненых живых фашисты взяли в плен. С ними был командир батареи капитан А.М.Стебель. Полковник Николай Фёдорович Ключников находился на передовой линии перешейка до последних сил. С небольшой группой оставшихся в живых он попал в плен, испытал все ужасы плена, после войны вернулся к семье совершенно больной. Каждый оставшийся в живых прошёл свой страшный, тернистый путь.

После боя с фашистами около госпиталя майор В.М.Харламов остался жив. Вместе с начальником штаба БОБРа майором И.П.Шахаловым они ушли на передовую. Там у красноармейцев и краснофлотцев не было оружия и патронов, некоторые имели трофейные винтовки и автоматы, но к ним не было патронов. Помочь им были бессильны. Они знали, что защитников осталось ничтожное количество, раненых эвакуировать некуда, пристань Мынту заня-

та врагом, прибывшим шхунам пристать будет негде. Помощи для спасения оставшихся защитников не ждали.

В ночь на пятое октября бои велись разрозненными подразделениями в районе аэродрома и по дороге на Церель. Бойцам было приказано действовать по своему усмотрению. День не по сезону был тёплым. Небесное светило обогревало раненых и выбившихся из сил героических защитников. Они мастерили плоты, приделывали к ним паруса из плащ-палаток.

Многие ушли на север острова Эзель, чтобы как-то добраться до острова Муху, а там на материк. Лучше было просачиваться мелкими группами по пять – семь человек. Вечером вокруг командира пограничных катеров А.В.Василенко, комсорга дивизиона Николая Трошина и старшего политрука Сергея Свинухова собрались люди. Их посадили на грузовые машины, установили пулемёты и на большой скорости повезли на север. Только где-то у Сальмы им преградил путь фашистский пулемёт. Машины с ранеными шофёрами полетели в канавы, многие находящиеся в кузовах погибли. Оставшихся фашисты забрали и отправили в лагерь для военнопленных.

Капитан Двойных, который предлагал на совещании уйти вглубь острова Эзель, собрал группу из сорока человек. В неё вошли капитан Яцук и полковник В.М.Пименов. Они подошли к проливу Вяйке – Вяйн и попытались переправиться на остров Муху с помощью рыбацких лодок. Их обнаружили фашисты, завязался рукопашный бой. Фашистов было много, оставшихся в живых защитников в количестве двадцати человек взяли в плен. Виктор Матвеевич Пименов был ранен и доставлен в Курессааре на допрос. После девятидневных пыток его расстреляли. В Курессааре было расстреляно немцами около 600 человек, из них 300 – политработников. Всех их загнали в деревянный клуб 34-го инженерно-строительного батальона, который находился в районе бухты Мынту. Было много раненых политработников и оставшихся бойцов с оборонительной линии. Фашисты облили керосином этот клуб и сожгли вместе с людьми. Подробнее об этом написано в книге «Таллин в огне». Истребительный отряд под руководством старшего лейтенанта Грядунова готовили плоты для ухода в тыл врага через Рижский залив. Собрали брёвна, а перевязать их не хватило времени. Попытка оказалась незавершённой. Если бы им удалось выйти на плотях, им предстояло бы пройти 30 – 40 километров до латвийского берега через Ирбенский пролив, затем по оккупированной территории пройти ещё 500 километров и, в лучшем случае, воевать вместе с латышскими партизанами. В числе погибших в боях за остров Муху и на полуострове Церели были все младшие авиаспециалисты 12-й КОИАЭ. Часть из них попала в плен. Небольшой группе авиаспециалистов во главе с мотористом А.П.Уваровым пришлось выйти в открытое море на рыбацкой лодке. Их настиг сторожевой корабль, всех подняли на палубу и сдали в лагерь военно-

пленных. О Жене Селецком ничего неизвестно и поныне. Их всех отправили на передовую, и никто оттуда не вернулся.

В ночь на пятое октября на рыбацкой лодке с полуострова Церель вышли в сторону острова Даго сотрудники редакции газеты «На страже». В лодке находились редактор газеты политрук М.Д.Крылов, его помощники Максимов и Введенский, политрук Егоров, интендант Борисов и шофёр Смирнов. Подвесной мотор лодки оказался ненадёжным и вскоре заглох. Шли на вёслах. Прошли полпути и оказались около Кихельконы, заблудились. Днём пробыли в кустах, ночью снова вышли в море, шли всю ночь и думали, что дошли до Даго, а это оказалась конечность острова Эзель. Они постучались в бедный дом, их пустила хозяйка, накормила, высушила мокрую одежду. Когда все сидели за столом полураздетые, зазвенели разбитые стёкла и высунулись стволы фашистских автоматов. Связанных и избитых балтийцев бросили в автомашину. Началась жизнь в фашистском плену.

Эшелоны с пленными уходили в фашистские лагеря смерти.

НАМ БЫ ДОЙТИ ДО ОРИССАР

Два дня пробыл И.П.Денисов в Церельском полевом госпитале. Кровотокающая рана начала затягиваться коркой, боли стали утихать. Утром четвёртого октября главный врач госпиталя Владимир Николаевич Табаков встал посредине сарая – госпиталя, и громко всем сказал:

– Немцы через час будут здесь! Пожалуйста, вставайте, кто может, и уходите! Уходите!

Несколько раненых и вместе с ними Денисов встали с коек.

– Возьмите меня, я тоже с вами! – Упрашивал с забинтованными глазами больной. Это был Михаил Дмитриевич Артюгин, ему сделали операцию на глазах.

– Мы узнаем, что к чему, и придём за тобой, – сказал Денисов.

Они вышли из сарая, куда идти, не знали. Где-то недалеко рвались снаряды, слышались приглушённые крики «Ура!». Решили пойти на 315-ю батарею. Пришли в кубрик, Денисов хотел что-то сказать, но у него с лица свалилась повязка.

– Перевязать! – распорядился капитан Стебель.

Состав батареи был занят своими делами, им было не до них. Они почувствовали, что были лишние и ушли. Пошли к заливу. Там творилось что-то невероятное. Маяк горел чёрной копотью, кто-то строил плот, кто-то чинил дырявую лодку. Группа людей поднимала буксир, который лежал на боку. Капитан пограничник собирал отряд, чтобы уйти в тыл.

– Возьмите нас, – сказали раненые.

Им никто не ответил. Это было равносильно отказу, было обидно. Один из бойцов подошёл к Денисову и сказал:

– Не огорчайтесь, мы соберём свою группу. У меня есть карта острова, и я хорошо ориентируюсь на местности.

– Нам бы только незаметно перейти линию обороны, – сказал один боец.

– А где она, эта линия обороны? – Спросил другой.

Решили пойти группой из шести человек. Пошли на склад батареи, сумки противогазов набили патронами и тушёнкой. Гранат оказалось четыре. Не разговаривая шли вдоль залива. Шли долго, стало светать. Дальше идти было опасно, могут заметить фашисты. Решили передневать в лесу. Зашли в кустарник и начали знакомиться.

– Кравцов Виктор со СНИСа, родом из Калинина.

– Михалёв Иван, из Кинешмы.

– Васильев Иван, авиатор, из Рязани.

– Денисов Иван, из Ленинграда.

В целях соблюдения конспирации Денисов звания не указал. Они снова поднялись в поход вглубь острова. При переходе узкого места в районе Сальме, их обстреляли кайтселиты. В перестрелке двух кайтселитов убили, но и одного своего потеряли.

На третьи сутки бойцы примкнули к отряду из 60 человек, которым руководил майор Григорий Григорьевич Спица, бывший начальник связи БОБРа. Они рассказали о себе, и их приняли.

Командир отряда понравился своей энергией и решительностью. Он всё время был в движении, давал указания, но чувствовалось, что он болен. Липкие от пота волосы в прохладную погоду говорили о повышенной температуре. Заместителем отряда по политчасти был комиссар 24-й батареи старший политрук Д.И.Беляев, комсоргом отряда – И.В.Кочепасов, бывший комсорг той же 24-й батареи. Вместе с другими бойцами Денисова послали в разведку. Было холодно, утренний заморозок посеребрил траву, в дырявых ботинках хлюпала вода. Добытые сведения были точные и очень нужные.

Отряд с боями продвигался вперёд. По плану он должен прийти в условленное место, встретиться с двумя такими же отрядами и объединённо пойти на пристань Ориссаар, обезоружить охрану, захватить силой самоходный паром и на нём дойти до латвийского берега. А дальше с боями пройти по территории, занятой врагом, и там с помощью партизан связаться с частями Советской Армии. Частые нападения немцев и кайтселитов изматывали силы, скудел запас патронов и питания. Пришлось пополнять боезапас и продовольствие за счёт проезжающих по дороге гружённых фашистских автомашин и мотоциклов. На поворотах дороги натягивали проволоку, мотоциклисты падали, и их уничтожали.

С наступлением холодов появились простудные заболевания, чирьи, радикулиты, истощённые и голодные бойцы теряли силы. Двадцать шестого октября пришли к условному месту. Отрядов там не оказалось. Ночью выпал снег, чёрная морская форма резко выделялась на фоне белого снега. Снова напали кайтселиты, завязался бой. Враги были вооружены автоматами, а у бойцов отряда не у всех были патроны к винтовкам. Появились убитые и раненые.

– Не отступать! Уничтожать гадов! – Громко крикнул майор Спица, но, сражённый вражеской пулей застонал и упал.

К нему подполз связной Паша Сизов, посмотрел в лицо и сказал:

– Убит.

Из шестидесяти человек осталось в живых восемнадцать. Патронов не было ни у кого. Стали отходить в чащу тростника, их заметил фашистский самолёт. Чтобы замаскироваться, вошли в воду, но долго продержаться не могли, судороги сводили ноги. Вскоре их окружили фашисты, и безоружные, они оказались в плену. Об этом трудно писать без содроганий. Денисов отрастил бороду, чтобы его не опознали и не выдали, как политрука. Это грозило расстрелом. Унижения, побои, тиф, побег, второй побег. После избиения Денисов стал инвалидом, не мог ходить, были перебиты ноги. Освобождение принесли наши советские воины.

ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА В ГОСПИТАЛЕ. РАССКАЗЫ ОЧЕВИДЦЕВ

Сержант Михаил Дмитриевич Артюгин в своих воспоминаниях рассказывает:

«После того, как я попал в госпиталь, меня положили на операционный стол. Военврач Борис Сигизмундович Лёвин, военврач Золотинин и главврач Владимир Николаевич Табаков сделали мне операцию на глазах. Им я обязан жизнью. Комиссар госпиталя Седов всё время находился среди раненых. Эстонские девушки заботливо ухаживали за ранеными. В госпитале я встретил знакомых товарищей, зам. политрука В.Г.Нестерова и старшину В.М.Степаненко, вместе мы вспоминали всех. Сержант Худобин Григорий Митрофанович, родом из Алтайского края, храбро сражался под Виртсу и погиб геройски.

Пятого октября на полуострове Церель прозвучали последние выстрелы. Это фашисты расстреливали наших раненых бойцов.

Весь госпиталь оказался в плену. Медицинский персонал госпиталя всё время был с нами – ранеными, и мужественно переносил голод и страдания. Фашисты несколько дней не давали нам воды и пищи. Врачи тайком под страхом

смерти ухищрялись подкармливать нас. Военврач В.Н.Табаков тайком приносил хлеб и по кусочку делил среди раненых. Немцы узнали и посадили его на несколько суток в карцер. Врачи В.С.Лёвин, А.А.Никифоров, Т.Н.Широхинов, операционные сёстры Клава Кузина, Тамара Петрова и другие работали круглые сутки, делая сложные операции раненым. Над врачом Лёвиным немцы ежедневно издевались, называли его «иудой», били, ставили лицом к стенке и вскоре куда-то увезли. Он всё это мужественно переносил и спокойно им говорил:

– Вы можете меня убить, но сделайте это немного позже, сейчас я нужен раненым.

Фашисты поднимали с кровати всех раненых, ставили вместе с врачами в строй. На переднем фланге стоял главврач В.Н.Табаков, за ним врачи А.А.Никифоров, Тамара Николаевна Широченко, С.В.Черёмухин, фельдшер В.В.Буш, фармацевт Иванов. Тяжёлое испытание выпало на их долю.

Военврач В.Н.Табаков принял решение отравить пищу охранников и организовать побег. Его выдали шпионы из гестапо. Его пытали, били, сажали в карцер, он чудом остался жив. Долго среди раненых находились врачи В.В.Черёмухин, Бондаренко, А.А.Никифоров, П.П.Степанов, фельдшер Сердюк, Клава Кузина. Они, рискуя жизнью, спасали нам жизнь. Неоценимую помощь оказывали поэт Г.А.Ладонщиков и матрос Б.Кочетов. Низкий им поклон. Они никогда не сотрутся из памяти, будут жить с нами до конца жизни».

О деятельности 19-го подвижного полевого госпиталя (ППГ) вспоминает бывшая санитарка операционного блока Клара Сальмовна Приске:

– Я воспитывалась на острове Саарема в тихой религиозной эстонской семье. Как и во многих семьях, моим воспитанием руководила моя бабушка. Она владела пятью иностранными языками, в том числе и русским. Она научила меня разговаривать на русском языке.

В 1940 году на острове Саарема появились русские воинские части. Эстонские девушки встречались с русскими военными на танцах, в кино. Эстонским девушкам нравились русские парни, весёлые, простые и некорыстные. У многих завязалась дружба, а некоторые и поженились. Неожиданно началась война. Многих девушек призвали служить в Советскую Армию, в том числе и меня. Мы приняли присягу, я была зачислена санитаркой в хирургическое отделение 19-го ППГ.

В период войны в городе Курессааре (теперь он называется Кингисепп) было два военных госпиталя, военно-морской и подвижно-полевой № 19, входивший в 3-ю отдельную стрелковую бригаду. Находился госпиталь на улице Сур Саарема. Я попала в блок к хирургу Тамаре Николаевне Широченко. Мы с ней свободно разговаривали на русском языке. Начались боевые дей-

ствия, стали поступать раненые. Со страхом смотрели мы на окровавленных парней, первая партия произвела на нас страшное впечатление. Я дрожала от страха, робко смотрела на Тамару Николаевну. Передо мной была молодая стройная женщина среднего роста с пышной причёской светлых волос. Она спокойным, умным взглядом вселяла в меня уверенность и терпение, с ней мне не так было страшно. Правильные черты лица, спокойный добрый взгляд, нежные длинные пальцы рук, всё в ней было божественно. От светлых волос, казалось, исходили невидимые лучи, и мне казалось, что она была послана Богом исцелять храбрых воинов, защитников своего народа. Перед операцией она надевала маску на лицо, волосы покрывались хирургическим колпаком, её было не узнать, и только ровный, спокойный голос слышался в тишине: «скальпель!», «зажим!», «тампон!».

Хирургических медсестёр не хватало, и нас привлекали помогать медсёстрам. Раненых поступало так много, что едва успевали их обрабатывать, делать операции. Многих после операции отправляли на лечение вглубь страны, но после взятия фашистами Таллина, эвакуация по железной дороге прекратилась, стали отправлять морем, но и эта возможность скоро исчезла. А раненых всё прибавлялось и к пятому августу доходило до трёх тысяч. Хирурги стояли около операционных столов по двенадцать и более часов. Круглые сутки в операционной горел свет, над ранеными склоняли головы хирурги Широченкова, Хаскин, Баландина. Я постоянно находилась возле Тамары Николаевны. На операционном столе лежал парень со светлыми волосами и голубыми глазами. Широченкова быстрыми движениями рук обрабатывала окровавленную рану, сшивала повреждённые места. Я держала голову раненого и молила Бога, чтобы он остался жив. После операции мы с ним встречались, ему с каждым днём становилось легче, мои молитвы ему помогли.

Работы было очень много, мы постоянно были в госпитале, домой уходили редко. Мои родители замечали усталость и утомление, но помочь ничем не могли. На смену дню, полному тревог и напряжений, приходила гнетущая ночь со стонами раненых, с выносом трупов.

В тот момент, когда около госпиталя образовалась вереница носилок с ранеными, и их некуда было поместить, в госпиталь пришла страшная весть: фашисты окружили госпиталь! Это было страшнее самой смерти. Тамара Николаевна с тревогой посмотрела на меня и сказала:

– Иди домой, немцы могут надругаться над тобой!

– Это невозможно, – ответила я, – никуда отсюда я не уйду! Я приняла присягу и не могу оставить беспомощных раненых, это грешно.

Так поступили все девушки. Мы продолжали помогать оперировать раненых и ухаживать после операции. Однажды мы с одной санитаркой пошли на склад за хлебом. Нас увидел немецкий патруль. На напарнице он заметил ре-

мень с большой звездой. Увидев звезду, фашист стал бешеным, кричал, тыкал пальцем в звезду, потом поставил санитарку к стене, хотел расстрелять. Подоспел второй немец, стал нас избивать, а потом повёл в тюрьму. Мы кричали, плакали, требовали отправить нас в лагерь для советских военнопленных, чтобы там оказывать им помощь, но фашист был неумолим. В тюрьме нас держали под строгим контролем, моим родителям ничего не сообщили. Каждый день приносил пытки и унижения, от этого мне не жаль было умереть. Только хотелось, чтобы меня похоронили мои родители и приходили на мою могилку. Нас продержали в тюрьме до 1942 года, потом выпустили. Много было пролито слёз при встрече с родителями. При немцах жить было очень тяжело, мы старались избегать их всеми силами, но с родителями мне они были не так страшны. Наконец, в один светлый день мы узнали, что фашистов на острове больше нет!

В день Великой Победы над лютым врагом весь народ ликовал, началась мирная жизнь. Я вышла замуж, появилась новая эстонская семья, дети. И только могильные холмики да памятники напоминают суровые прожитые годы войны. Народ скорбит о воинах, которые отдали свою жизнь за победу, но не дожили до неё».

О работе в 19-м Полевом подвижном госпитале (19-й ППГ) вспоминает Антонина Дмитриевна Жукова (Меркулова):

Старшая операционная медсестра 19-й ППГ, военфельдшер Антонина Дмитриевна Жукова (Меркулова). 1941г.

– Тяжело вспоминать суровые годы Великой Отечественной войны. Они врезались в память до конца моей жизни.

Я работала старшей операционной сестрой 19-го ППГ. В госпиталь прибыла до начала войны сразу же после финского фронта. В госпитале я помню

врачей, начальника госпиталя по фамилии Лазебый, и хирургов Хаскина, Широченкову, Баландина, Мильштейн.

На островах Моонзунда проходили ожесточённые бои, было много жертв. Убитых хоронили, а раненых везли в госпиталь. Хирурги госпиталя проводили все операции, черепно-мозговые, полостные, всё, что требовалось для спасения раненых. Работать было трудно, врачей и медицинского персонала явно не хватало на такое огромное количество раненых, а пополнения не прибывало. После того, как острова были отрезаны от железнодорожного сообщения при взятии Таллина, эвакуация раненых в тыл не производилась. Госпиталь был переполнен, многие изуродованные воины оставались лежать на носилках, их некуда было положить. Прямо на носилках их размещали в сараях, палатках и просто под навесами. Электрического света не было, освещались керосиновыми лампами, а стерильный материал готовили на примусах и керосинках. Автоклавы работали тоже на примусах. Во время боя машины с ранеными подходили одна за другой, раненые ждали своей очереди, истекая кровью, мучаясь от боли. Каждому предстояло перенести операцию, которая длилась по 2 – 3 часа. В операционную брали в первую очередь с угрожающими ранениями. Каждому больному казалось, что его рана была смертельной, просили о немедленной помощи. Об отдыхе не могло быть и речи, мы отдыхали, сидя за операционным столом. Перевязки раненым делали в перерывах между боёв, когда поступление новых раненых прекращалось.

Мне запомнился случай. В госпиталь привезли Черёмухина, врача 39-го арtpолка, ему было 25 лет. Тяжёлое ранение в ногу. Он умолял врачей спасти ему ногу, и хирург Хаскин решил не ампутировать. Стерильно обработали, зашили рваные места, а через некоторое время началась гангрена, на третьи сутки ногу пришлось ампутировать, но врач Черёмухин остался жив.

В операционной работала лаборантка Н.Г.Корнилович. В критический момент работы госпиталя она стала хирургической сестрой, и с обязанностями прекрасно справлялась. Своим чутким вниманием к раненым она согревала их души, вселяла уверенность в выздоровлении, перевязывала, готовила перевязочный материал. Хорошо было то, что перевязочного материала был большой запас.

Старшим фельдшером работала Ольга Васильева Афанасьева. Её обязанностью было принять и разместить раненых, во время операции давать наркоз. Очень чуткий человек! Бывало так, что раненые прямо на носилках лежали вокруг госпиталя, благо, что стояла сухая погода. На просьбы подойти, она успевала ко всем, беседовала, писала письма, выполняла все просьбы.

О себе мы забывали, для себя не жили. Всё было подчинено одной цели, выздоровлению наших пациентов – славных защитников Родины.

Самые тяжёлые дни были для нас, когда пришли фашисты. Бежать было некуда, да и незачем, всюду подстерегали убийцы. Всех медицинских работников госпиталя фашисты стали рассылать по лагерям для военнопленных. С этого момента наша жизнь закончилась. К нам относились, как к низшим рабам, творили над нами издевательства и надругательства, от которых стыла кровь в жилах. Меня поместили в лагерь для военнопленных, который находился в Эстонии в городе Вильянди. Этот лагерь немцы называли «Дом Пастернака».

В лагере меня держали до июня 1942 года. Вместе со мной в этом лагере находился поэт Г.А.Ладонщиков. Этот душевный человек много помогал узникам, вселял в нас веру в победу над фашистами. Много горя и страха мы натерпелись. Находились в бараке на многоярусных нарах в антисанитарных условиях. Нас заедали вши, блохи, появился сыпной тиф. Остановить эту заразу невозможно, не уничтожив насекомых. Я заболела тифом.

В критические моменты со мной был Ладонщиков, а потом и сам заболел. Но, наверное, не суждено мне было умереть, я выжила. Еле держалась на ногах, сильно болела голова, дальше оставаться в лагере было невозможно. Мне удалось выйти с территории лагеря, охрана меня не заметила. Оставалось только бежать, но сил не было. Я свернула с дороги, шла напрямик и набрела на хутор. Волею судьбы нашла добрых людей. Они меня приняли и приласкали. Это были эстонцы по фамилии Пикаль. За укрывательство им грозила смерть.

Они меня держали в сарае в подвале. Супруг Пикаль служил в церкви, играл на органе, а его жена была учительницей. С наступлением зимы я перешла жить в дом, как их прислуга. У них было четыре дойных коровы, и я им была нужна. Так я жила у Пикалей почти два года.

Шла война, и я всё время жила надеждой, что придут наши и освободят меня из плена.

Ждала и молилась со слезами.

Наступила осень 1944 года. Советские войска освобождали Эстонию от фашистов. Приближался час победы, сердце моё наполнялось радостью, становилось легче дышать. Дальше оставаться у Пикалей не было сил, я понимала, что в военном госпитале была более необходима.

Посоветовалась с моим покровителем, и он дал мне план, как найти своих. Казалось, я всё сделала как надо, но нарвалась на немцев. Они меня приняли за шпионку и посадили в одиночную камеру. Пять дней ко мне никто не приходил и не кормил. В тёмной комнате стояла солдатская кровать, покрытая байковым одеялом с засохшими пятнами крови.

Окна не было, свет дневной не проникал, могильная тишина сдавливала грудь. Мне казалось, что я похоронена заживо. Я не знала счёта времени, в голову лезли страшные мысли, кошмары. Я прислушивалась к каждому шороху, ждала, что умру от ужасных пыток.

На шестой день пришёл немец, принёс еду. Он думал, что я наброшусь на еду, но я не дотрагивалась.

Немец немного постоял, затем жестами показал, что надо бежать, «шнель», то есть «быстро». Он показал, куда надо бежать, русские – там, немцы – там, пропилил ладонью по горлу и сказал «капут».

Я выбежала из камеры, было темно, ноги не повиновались. Страх меня гнал в том направлении, куда показал немец. Набрела на отдалённый хутор, и снова меня выручили простые эстонские люди, накормили и помогли найти своих.

Я нашла медико-санитарный батальон, меня накормили, переодели в белый халат.

В этом медсанбате 26-го стрелкового полка я прослужила до 15 сентября 1945 года. Вместе с героической Красной Армией по дорогам войны дошла до Восточной Пруссии и там встретила День Победы. Пятого сентября 1945 года была демобилизована из рядов Советской Армии. Поехала жить в Ленинград, стала искать работу. До войны я успела закончить только один курс медицинского института. Пошла работать в детские ясли старшей медсестрой, потом заведующей. Вышла замуж, появились сын и дочь. В детских яслях проработала тридцать шесть лет, оттуда ушла на пенсию.

Будучи пенсионеркой, скучать без дела не стала: включилась в общественную работу в Совете ветеранов войны. Веду патриотическую работу среди молодёжи.

НА ОСТРОВЕ ДАГО

Третьего октября на остров Даго прибыли с Эзеля три торпедных катера со штабом и политотделом БОБРа. На этих катерах люди стояли на маленьких палубах, крепко держась за штормовые лиера. Стояли и не шевелились, стоило только ослабить руки, как штормовой ветер вместе с огромной волной подхватили бы и унесли в разбушевавшее море. Стояли вплотную друг к другу, чтобы больше поместилось, даже в торпедных желобах лежали люди.

Комендант БОБРа генерал А.Б.Елисеев и военком Гавриил Фёдорович Зайцев разговаривали мало. По всему было видно, что им было тяжело. Коренастая фигура генерала когда-то была важной и невозмутимой. Теперь в его движениях чувствовалась болезненная усталость, неутешное горе, утрата своего личного достоинства. На бледно-сером лице выделялась поседевшая бородка клинышком.

Показался берег острова Даго. Пришвартовались. За ними прислали автомашины и увезли на командный пункт Северного укрепленного сектора. Туда прибыли командир и штурман ОБРа.

Коменданта и военкома переодели в сухую форму, полковник А.С.Константинов доложил обстановку. Его внимательно слушали, затем генерал задал вопрос:

– Сколько в вашем распоряжении имеется плавсредств?

– Семь катеров КМ, катер МБЛ-3 и буксир «Эта», – ответил капитан-лейтенант Оленицкий

– Пошлите их всех на Церель, – приказал генерал.

– Товарищ генерал, – сказал Константинов, – эти катера очень старые, непригодные для такого перехода в штормовую погоду. Мы это пробовали, глохнут моторы.

– Но ведь оттуда пришли два КМ, и ничего с ними не случилось, – возразил генерал.

– Там люди гибнут, – сказал военком Зайцев, – их надо спасать.

Приказ был выполнен. На острове собрали восемь катеров КМ, им следовало дойти до Церели, забрать бойцов и командиров и вернуться обратно. Расстояние до Церели было 70 морских миль, то есть более 125 километров по прямой, а морем это расстояние увеличивалось в два раза. Старые моторы, выдавшие виды, выходили из строя, их ремонтировали на ходу, становясь на якорь. Многие имели повреждения при налётах вражеской авиации и были отремонтированы на скорую руку. В пути это всё отразилось, за ночь они прошли четвертую часть пути. Утром катера были замечены вражеской авиацией и подверглись ожесточённым налётам. Часть их стала неспособна двигаться дальше. Им преграждали путь вражеские морские охотники и сторожевые корабли. Они не смогли пробиться до Церели. Послали торпедные катера, которые доставили штаб и политотдел БОБРа, их встретили у западного побережья миноносцы. Для увеличения дальности плавания на катера взяли запас бочек с бензином. Эти бочки при резком повороте снесло в море, ночью их найти было невозможно. Четыре часа пытались катера пробиться, но безрезультатно. Утром вернулись пустыми.

Буксир «Эта» шёл в открытом море, из трубы вырывались искры от сгорания дров. Утром его заметил противник и потопил. Фашисты выловили из воды девять человек команды во главе с лейтенантом Петровым и командиром катера Васильевым и отправили в лагерь для военнопленных.

Катер МБЛ-3 шёл вдали от берега, чтобы быть незамеченным. Его заметили гидросамолёты, требуя опознавательные. Маленький катер в ответ начал стрелять из пулемётов. Фашист атаковал, взорвался топливный бак. Большими усилиями команды пожар удалось потушить, но катер сел на камни. Снова появился гидросамолёт, взорвал второй топливный бак. Надежд на возвращение не было, раненые и обожжённые сошли на берег. Их пленили автоматчики.

Оказать помощь в спасении героических защитников Эзеля не было возможности.

Гарнизон острова Даго готовился к отражению фашистов. Генерал А.Б.Елисеев, полковник А.С.Константинов, военкомы Г.Ф.Зайцев и М.С.Быленко готовили людей и оборонительные сооружения Северного укрепленного района. Начальник политотдела Л.Е.Копнов вникал в партийно-политическую работу. Вся цель была направлена на укрепление оборонительных рубежей. Старались в первую очередь вывести на Большую землю семьи военнослужащих и раненных. Всем было ясно, что гарнизон Даго длительного сопротивления фашистам оказать не сможет, но без боя сдать им остров никто не собирался.

Группа командиров во главе с генералом Елисеевым проехали по всем укрепленным точкам.

– Маловато дотов и дзотов, – сказал генерал.

– Сколько есть, – ответил Константинов, – целыми сутками идёт работа по их увеличению.

Так они побывали во всех подразделениях.

Проезжая через аэродром, они увидели идущего на посадку ободранного истребителя И-16. Его никто не встречал, посадочного полотна не выкладывали. Подъехав к месту посадки самолёта, они увидели лётчика небольшого роста и с ним человека в морской фуражке. Поздоровались и установили, что это был лётчик Иван Леонтьевич Творогов и воентехник Василий Григорьевич Мальцев.

Они рассказали следующее. На взлётной площадке Церели никого не оставалось из авиаторов, кроме них. Василий Мальцев «слепил» самолёт на скорую руку кое из чего, всё время доделывал, устранял неполадки. Фашисты прорвались на аэродром. На глазах у них взлетел И-16.

Моторное кольцо «нака», стянутое проволокой, не выдержало лобового сопротивления и развалилось по частям. Воздушный винт давал минимальную тягу, а мотор развивал огромные обороты. Масло начало греться катастрофически. Мальцев сидел на корточках сзади Творогова, и ему была видна вся эта картина. Он не знал, сколько осталось пути, но гибель наступала молниеносно.

– Лети, Левонтович! – закричал Мальцев прямо в ухо Творогову, – кругом вода!

– Сам вижу, – тихо сказал Иван.

Курс он держал правильный, а где этот аэродром, он не знал. Никогда на Даго не садился. Самолёт тянуло вниз от падения подъёмной силы. Наконец показалась суша и ровная площадка. Иван немедленно принял решение идти на посадку. Сели. Оба выпрыгнули из кабины, не веря, что живы.

– Такое в жизни раз бывает, – сказал Василий Мальцев.

Генерал Елисеев с группой командиров заканчивали осмотр всех частей. Они побывали на шести береговых и двух зенитных батареях, двух стрелковых и двух инженерно-строительных батальонах, в нескольких подразделениях обслуживания.

– Сколько же всего человек в гарнизоне? – спросил генерал.

– Около четырёх тысяч, – ответил Константинов.

Поехали дальше. В Кярдлу вернулись только вечером. Начальник штаба СУСа полковник Савельев протянул Елисееву текст радиogramмы. Там было сказано, что послезавтра придут представители из Ханко от генерала Кабанова для разработки плана боевого взаимодействия.

– Наконец-то, – облегчённо и с укором сказал Елисеев.

– А вот шифровка командующего флотом, – сказал Савельев и протянул текст шифровки.

Елисеев прочитал и некоторое время сидел молча.

– Что-то серьёзное? – спросил Константинов.

– Меня вызывают в Ленинград на новое назначение, – сказал Елисеев.

Это было так неожиданно для Константинова, что он не нашёл больше слов. Ему казалось, что горькую участь обороны они будут делить вместе с генералом. Теперь придётся всё хлебнуть только со своими командирами.

– Тяжело вам будет, Александр Сильвестрович, – посочувствовал Елисеев.

Полковник Константинов равнодушно посмотрел на генерала и ничего не ответил на это сочувствие. На аэродром генерала провожали Л.Е.Копнов и Г.Ф.Зайцев. Через три дня после отлёта генерала в Ленинград отозвали Л.Е.Копнова и в Политуправление Г.Ф.Зайцева.

В скором времени прилетели с Ханко посланцы героического гарнизона, капитан 1-го ранга П.Г.Максимов и дивизионный комиссар А.Л.Раскин. Вместе со штабом гарнизона Даго они разработали план боевого взаимодействия.

К захвату острова Даго немцы готовились тщательно. Урок им преподнесли при обороне Эзеля правильный, сбили спесь молниеносного наступления. Только оборона Церели длилась четырнадцать дней, погибло огромное количество солдат и офицеров Рейха, много военной техники. Это не французы и не румыны, с теми было куда легче. Так думали их офицеры, вспоминая французские вина и духи, голландские сыры и колбасы, норвежские рыбные окорока.

Утром двенадцатого октября фашисты начали обработку мест высадки десанта. На западную часть острова двигался морской десант на тридцати катерах. В бой с фашистским батальоном вступили бойцы поста наблюдения и связи. Задержать противника они, конечно, не смогли.

С востока острова в районе Теркма противник начал высадку усиленного полка на самоходных баржах. Высаженные войска старались зайти в тыл 44-й батареи старшего лейтенанта М.А.Катаева, далее развить наступление на север острова. Эта батарея не давала возможности фашистам подбросить подкрепление. Военком этой батареи И.В.Паршаев руководил сухопутной обороной по отражению нападавших фашистов. Фашисты двигались к пирсу Сыру на переполненных катерах. Высадиться им не удалось, их настигли снаряды батареи и пули бойцов из дотов. Беспомощные фашисты вызвали на помощь авиацию.

Снова полезли фашисты на сторожевых кораблях и тральщиках. Только дымовая завеса спасла их от снарядов 44-й батареи. Ценою больших потерь они зацепились за небольшой плацдарм в районе обороны инженерным батальоном. Много их подрывалось на минах, но они продолжали расширять отвоёванный участок. Их было много. На одного защитника приходилось не менее пяти фашистов. Шёл смертный бой. Защитники не побоялись, что их мало, штыковыми атаками отбивали армаду. Через некоторое время с потерей защитников и прибытием новых десантников – фашистов этот перевес в людях был 8 – 10 раз. То же самое было на других участках. Они пытались подавить сопротивление защитников молниеносно, но не получилось. Батареи защитников не прекращали огня ни днём, ни ночью.

На седьмой день боёв у некоторых батарей кончился боезапас. Он не пополнялся, орудия стали перевозить вглубь или подрывать, чтобы не достались врагу. Появилось много раненых и убитых. Положение оборонявшихся становилось критическим. Тогда военный совет Ленинградского фронта усиливает воздушную связь с осаждёнными.

Тёмной ночью на грузовом самолёте прилетел на Даго лётчик ГВФ Алексей Васильев со своим экипажем из четырёх человек. Они доставили боеприпасы и продовольствие, обратно забрали раненых и семьи с детьми. Перегруженный самолёт едва оторвался от земли.

На следующую ночь прилетели два самолёта экипажей Василия Шутова и Романа Хасаева. С этими рейсами улетели авиаспециалисты 12-й КОИАЭ. Двадцатого октября Василий Шутов сделал последний рейс. Аэродромную площадку захватили фашисты.

Ряды защитников таяли, на третий день боёв их оставалось меньше в два раза.

Огромную поддержку оказал защитникам майор С.С.Навагин, начальник инженерной службы БОБРа. Он сооружал укрепления на путях передвижения фашистов, устраивал завалы из стволов деревьев. Это помогало вести оборону. Береговые батареи в то время едва сдерживали наступление фашистов. Восемнадцатого октября защитники отошли на последний оборонительный рубеж. Этот рубеж заканчивался маяком Тахкуна, отступать было некуда,

дальше было море. С нетерпением ждали прихода спасательных кораблей ханковцев. К пристани Лехтма подвозили и подносили раненых. А море свирепствовало восьмибальным штормом.

Девятнадцатого октября ночью прибыли для спасения корабли с Ханко. К причалу они не могли подойти из-за шторма. Раненых доставляли на шлюпках. Руководил эвакуацией майор Навагин. Всю ночь грузились и только к рассвету взяли курс на Ханко.

К вечеру всё побережье полуострова Тахкуна было в руках противника. Только у самого маяка, прижатая к воде, отбивалась горстка моряков. Последнему из них, Николаю Чижу, пришлось забраться на вышку маяка. Оценив обстановку и осознав, что плен неизбежен, он с сорокаметровой вышки прыгнул вниз. Это произошло на глазах у гитлеровцев. Они поражались храбрости и самоотверженности русского моряка. Командир 61-й пехотной немецкой дивизии генерал Хенеке приказал три дня не убирать тело моряка. Его показывали солдатам, как пример безукоризненного выполнения своего воинского долга.

Двадцать первого октября прибывшие ханковцы спасали последних защитников, стоявших по грудь в холодной воде. Всю ночь шла борьба за спасение и только на рассвете отбыли нагруженные людьми тральщики, буксиры, морские охотники. Всего на Ханко было доставлено около 600 воинов-защитников. Многие на мелких судах ушли на остров Осмуссаар.

Десять дней героические защитники острова Даго вели с фашистами ожесточённые бои, нанося им смертельные удары, проявляя массовый героизм.

ТРАГИЧЕСКАЯ СУДЬБА ЗАЩИТНИКОВ

Юрий Иванович Чернов в книге «Война погасила маяки» пишет о гибели командира 315-й береговой батареи Александра Александровича Стебеля.

«Эшелоны с пленными моонзундцами уходили в лагерь под Ригу, в Вильянди, Саласпилс. Но, пожалуй, больше всего их отправляли в Валгу.

В числе тех, кто оказался в Валге, был и капитан Стебель. Рассказывали, что немцы длительное время разыскивали командира 315-й батареи, так сильно насолившей им. Когда его опознали, капитана схватили. Стебель вырвал руку, вышел из строя и пошёл к яме, у которой стояло несколько босых людей, ожидающих расстрела. Капитан тяжело опустился на землю и стал стаскивать сапог.

Подбежал немецкий офицер, затряс головой. Что-то приказал солдатам. Они увели Стебеля, а вечером он вернулся в барак к товарищам и сообщил,

что его уговаривали вернуться на батарею и восстановить её. Обещали помочь собрать всех артиллеристов с 315-й. Когда он отказался, фашисты начали агитировать Стебеля принять новую батарею на Ла-Манше. Сулили чины, ордена, высокий оклад. И это предложение капитан отверг. Тогда с допросов его стали приводить окровавленного, избитого. Товарищи рассказывали, что вернувшись с одного из допросов, Стебель сказал: «Фрицы хотят нашу батарею восстановить. Пусть попробуют, для этого им придётся перекачать всё Балтийское море». Это были не просто красивые слова. Когда в 1944 году советские части освободили острова и попытались осушить затопленные помещения 315-й, им не удалось это сделать даже большим трудом. Лишь в июле месяце 1987 года акванавты из города Ворошиловограда осушили командный пункт и первый артблок батареи.

С именем Стебеля связывают попытку массового побега военнопленных. Произошло это в конце 1941 года. Вот как об этом вспоминает сержант 39-го артиллерийского полка с Сааремаа Н.М.Зорин: «Говорили, что пленными во время побега будет руководить капитан Стебель. Мы должны были сломать ворота, преодолеть проволоку и уйти в лес партизанить. Но кто-то нас выдал и предупредил немцев. Сигнала начать побег не последовало, а к утру лагерь был окружён войсками»...

Сейчас трудно определить, в какой тюрьме погиб отважный балтиец. Разные люди называют различные места в Прибалтике. Гидрограф Т.М.Кудинов слышал от товарищей, что Стебеля видели в одной из тюрем Риги, видели опухшего, отёчного, но не сломленного. Его рассказ дополняет командир роты с Сааремаа А.Н.Борисов: «Стебеля гитлеровцы замучили в рижской тюрьме. Капитан Стебель был волевым и боевым командиром. Не ошибусь, если скажу, что мы могли так долго продержаться на Ирбене только благодаря поддержке его батареи. Это был стойкий патриот Родины. Ни голод, ни пытки в плену не сломили его воли, не поколебали уверенности в деле партии, в деле своего народа».

О судьбе Карла Карловича Томинга есть такие сведения.

После взятия фашистами острова Эзель, Тооминга оставили работать в подполье на острове. Он жил в землянке в лесу возле хутора Кауззама. Его снабжал всем необходимым крестьянин Ваппер, отец многодетной семьи. На острове находились командиры штаба БОБРа В.М.Харламов и И.Г.Фролов, которые не смогли уйти на торпедных катерах на Даго. Они узнали о месте прибывания Тооминга и присоединились к нему жить в землянке. Тооминг советовал им выждать время, фашисты выловят всех оставшихся в живых защитников на Эзеле, ослабят контроль на дорогах, и тогда можно будет по льду перебраться на материк. Карл Карлович познакомил их с подпольщиками. В землянке зимой стало холодно, и они перешли жить к Вапперу на чердак.

Мичман Николай Константинович Горбунов

При очередном обходе фашисты обнаружили на хуторе Тооминга и прямо во дворе дома убили Карла Карловича. Фролов и Харламов были на чердаке, услышали выстрелы и скрылись. Утром у Ваппера был обыск. Арестовали семью Ваппера, и с ней вместе увезли подпольщиков Минни Коэля и Арнольда Сеппа.

По следам на снегу выследили Фролова и Харламова. Их отправили под конвоем в лагерь.

Это было перед новым 1942 годом.

Мичман Н.К.Горбунов рассказывает о последних днях пребывания на полуострове Церели и делает выводы об эвакуации на острове Даго:

«После трагических событий, пережитых на острове Церель в 1941 году, многие считают, что жертв было бы меньше, если бы было своевременно эвакуировано некоторое количество защитников с острова Эзель. Мнение об этом противоречиво. Анализируя события тех дней, я считаю, что массовая эвакуация была невозможна. Расстояние до Большой земли было более 400 километров, это по прямой и только морем. Для эвакуации нужен был большой морской транспорт, которого не было. Эвакуировать транспортной авиацией такое количество тоже не представлялось возможным, такой авиации не было. На море и суше фашисты сосредоточили большое количество авиации и кораблей, они наносили бы удары по эвакуации, многие погибли бы бесцельно. Остров Даго постоянно подвергался опасности захвата фашистами. Если удалось ханковцам спасти небольшое количество людей в самый последний момент защиты Даго, то большего они и не могли бы сделать, время было упущено. Для спасения Ленинграда, второй столицы Родины, нужно было задержать стремительное продвижение фашистов. Гарнизон Моонзун-

да численностью в 24 тысячи бойцов и командиров пал жертвой, без этой жертвы было бы ускорено продвижение фашистов в опасный для Ленинграда момент. Трудно сказать, устоял бы Ленинград без этой жертвы.

Перейду к рассказу о последних событиях на полуострове Церели.

Третьего – четвёртого октября бои на Церели велись разрозненными группами. Отдельные очаги сопротивления были в районе бухты Мынту. Защитники прорывались из одного кольца окружения и попадали в другое. Немцы просочились вглубь обороны, небольшая группа во главе с полковником А.Ф.Ключниковым отбивалась от яростных атак фашистов, отбивалась винтовками без патронов, как дубинками. В нашей группе осталось восемь человек. Солнце уходило на закат. В районе 315-й батареи шли бои. В полночь батарея была взорвана, было три взрыва. Этими взрывами закончилась оборона острова Эзель окончательно. Ночью мы перешли на другую сторону батареи.

Утром пятого октября мы сидели на камнях по пояс в воде, вокруг нас рыскали фашистские солдаты. Выбрав момент, мы пробрались к маяку. Перед нами раскрылась морская картина: необъятное море, штормовые волны с рёвом бились о большие камни, чайки металась с криком, раздирающим душу.

Мы пошли на хутор. На берегу моря обнаружили рыбацкую лодку, переправили её в другое место между камней и замаскировали травой. Зашли в одиночный домик, попросили хлеба и воды. Пожилой рыбак дал буханку хлеба и воды. Узнав, что его лодку мы замаскировали, расстроился. Очень жалко ему было лодку, но человек оказался добрый, посочувствовал нам, дал три ведра керосина и автола. Мы ему отдали все свои деньги, но они его не интересовали. Пришли к лодке, устранили водотечность, наладили работу мотора. Снова пошли на хутор просить еды. Нас накормили и дали хлеба буханку на всех, предупредили, что видели немецких солдат и катера на море.

Седьмого ночью мы отошли от берега. Держали направление на Даго, компаса не имели, курс взяли наугад. Лодку сразу же подхватили штормовые волны и понесли в неизвестность. Мы погрузились в кромешную тьму. Мотор стал глохнуть и заводился с трудом. Впереди нас прошёл немецкий катер, лучи его прожектора миновали нас. Трое суток нас болтало и уносило в открытое море. Солнце было за тучами, и мы не могли ориентироваться. Хлеб и вода кончились, мокрая одежда продувалась насквозь. Но мы боролись за жизнь.

Девятого октября шторм прекратился, лодку трясла морская зыбь, мы уснули. Проснулись от разрыва снаряда одного, второго, третьего. На горизонте заметили крестики мачт удаляющегося корабля. Наступила третья ночь.

Утром проснулись и увидели маяк. Наша лодка неслась к этому маяку. Мы боялись, что она может разбиться о прибрежные камни. Берег оказался пологим, возле маяка стояли два домика. Нас встретили шведские матросы, помогли сойти на берег и вытащить лодку.

На ломанном русском сказали, что заметили нас давно и собирались взять на буксир катером.

В субботу одиннадцатого октября мы попали к шведским властям. Двенадцатого за нами пришёл миноносец «Ремус» и доставил в Стокгольм. В гостиницу, куда нас поместили, пришли сотрудники советского посольства, поверенный в делах Советского посольства в Швеции В.С.Семёнов и посол Ветров. Они объяснили нам, как себя вести. Из гостиницы нас перевели в лагерь для интернированных «Бюренги». Там оказалось 158 интернированных русских. Через три дня прибыли на лодке три человека вместе с командиром нашего дивизиона Барсуковым, теперь нас стало 161 человек. Всего на лодках прибыло двадцать два человека. Об остальных, как они попали в Швецию, может рассказать бывший комиссар 39-го артполка Г.В.Тычкин. Он был комиссаром лагеря, а старшим лагеря был полковник Анисимов».

Полковника в отставке Гаврила Васильевича Тычкина просили рассказать о пребывании в Швеции, но он не смог это сделать, шестого октября 1986 года после болезни он умер на 80-м году жизни от инфаркта.

И.А. Усатов

В ФАШИСТСКОМ ПЛЕНУ

(Из тетради воспоминаний)

После того, как два катера КМ отошли второго октября на остров Даго, Иван Усатов привёз вторую партию на погрузку, но катеров уже не было. На пирсе сказали, что катеров больше не будет. Ничего не оставалось, как вернуться обратно на аэродром. Приехали ночью, зашли на командный пункт 12-й КОИАЭ, от которой осталось три самолёта, не улетевших на Ханко по разным причинам. Иван обратился к командиру отряда старшему лейтенанту Петру Петровичу Смирнову. Тот оторвался от разговора с отлетающими лётчиками, выслушал внимательно и сказал:

– Какой же ты, Иван, невезучий!

– Да не только я, нас много.

– Ну подождите, что-нибудь придумаем.

В это время прозвучал телефонный звонок. Смирнов взял трубку, выслушав внимательно, повеселел и сказал Усатову:

– На пирсе в Кехельконе стоят девять самолётов МБР-2, присланных для отправки авиатехников. Берите машину, забирайте всех и летите.

– Есть, спасибо, – заторопился Иван.

*Заместитель инженера 12-й КОИАЭ
воентехник 1-го ранга
Иван Андреевич Усатов*

Обрадованные техники быстро сели в автомашину. Приехали на пирс. Действительно, стоят девять МБР-2. Обратились к командиру этой группы.

- Самолёты неисправны, – ответил командир, – их разбило штормом.
- Техники вышли из машины, осмотрели самолёты.
- Мы их отремонтируем, – сказал Усатов.
- Я буду только рад, – ответил командир.

Неисправности были в основном из-за разрушения поплавков. Техники достали фанеру, клей, перкаль, гвозди. Часть инструмента дал эстонец, живший недалеко от гидростоянки. К вечеру все самолёты были готовы к вылету и заправлены горючим. Группа авиатехников стояла около самолётов, ожидая посадку. Командир авиагруппы дал команду:

- Произвести посадку!

В это время приехал командир 12-й КОИАЭ подполковник Е.А.Кудрявцев. Его самолёт УТИ-2 был готов в любое время улететь. С ним вместе запланирован лететь инженер 12-й КОИАЭ М.Н.Мишук. Кудрявцев приказал:

- Всем авиаспециалистам покинуть самолёты, освободить места.

Все специалисты забеспокоились, но команду выполнили. Когда весь технический состав покинул самолёты, Кудрявцев посадил других людей, неизвестных техникам. Самолёты улетели. Техники опять поехали на КП к Смирнову. Он выслушал Усатова, поморщился и сказал:

- Ты, Иван и Парамонов садитесь вместо бронеспинок на «чайки».

Сам же взял своего техника С.И.Филимонова. Остальной технический состав смотрел на Смирнова, как на спасителя, но он был бессилён помочь,

самолётов больше не было. Техники стояли в углу землянки и слушали последние указания, которые давал Смирнов отлетающим лётчикам.

– По команде вылетать немедленно, над аэродромом круг не делать, это нас демаскирует, фашисты заметят и расстреляют. Сбор будем производить в этом квадрате, – он показал на карте условный квадрат, – строго идите по компасу, ориентиры аэродрома Даго я вам рассказал.

Отлетающие покинули землянку. Усатов сел в самолёт с молодым лётчиком Иващенко, техник Парамонов с лётчиком Власовым, Журганов – с Добряком. Первым на старт вырулил П.Смирнов с техником Филимоновым. Минута, другая, самолёты ведомых задерживаются, Смирнов летит в условленный квадрат. Самолёты ведомых не прилетели. Смирнов летит на Даго. Иващенко с Усатовым вылетели с опозданием. Чтобы посадить Усатова, надо было снять бронеспинку, и это отняло время. В условленный квадрат они не прилетели. Их обстреляла вражеская зенитка, Иващенко уклонялся от разрывов и потерял ориентировку. Затем летели по компасу, ориентиров аэродрома Даго не видели, летали до полной выработки горючего и упали на полуостров Нуки, который уже был занят врагом. Добряк с техником Жургановым пропали без вести.

В болоте, в обломках самолёта кайтселиты нашли Иващенко и Усатова, посадили на мотоциклы и увезли в плен. Их поместили в тюрьму города Хапсалу, держали тринадцать дней. Ушибы и раны немного зажили. В тюремном бараке спали на цементном полу, питались водой с небольшим куском хлеба. Из тюрьмы их перевели в концлагерь города Пярну. Однажды Усатов шёл по территории лагеря, еле переставляя ноги от голода. Увидел военнопленных, которые на носилках несли больного. Им оказался техник Парамонов. Он кратко рассказал Усатову:

– Я лежал в гаргроте самолёта. На вынужденной посадке самолёт разрушился, меня в гаргроте переломило, ноги поломаны, позвоночник тоже.

Больше с Парамоновым не встречались. Усатова перевели в лагерь Вилянды. В бывшей конюшне сделали шестиэтажные нары, это была казарма, куда поместили военнопленных. В их числе был Иван Усатов. Обращались с узниками зверски, придирались ко всему, даже к взгляду. Подозрительных травили собаками, били дубинками, а по пяткам – поленом. На нарах заедали блохи. Из Вилянды перевели в Польшу в город Лодзи. Те же шестиэтажные нары, те же блохи. Иван сидел на нарах с болью в голове, зажав виски ладонями. К нему кто-то подошёл, потрогал по плечу. Подняв голову, Иван увидел майора С.А.Гольберга, начальника штаба 12-й КОИАЭ. Иван уступил ему место на краешке нар. Майор торопился сказать Ивану:

– Наш самолёт обстреляли зенитки. Вынужденно сели на воду. Документы утопили. Фашисты узнали, что я еврей. Иду на телесный осмотр. Вот моё место на нарах. Если не приду, знай, что меня прикончили.

Иван ждал с тревогой, но не дождался. Больше они не встретились.

Из Лодзи Ивана перевели в Хамельбург. Лагерь был в горах, режимный. Каждый барак был обнесён колючей проволокой, а затем по три барака вместе проволокой в несколько рядов. Через проволоку шёл электрический ток.

Голодные, измождённые узники, истощённые до неузнаваемости возили на себе арбу с мертвецами. Охрана была строгая, весь лагерь был обнесён траншеями. Утром проверка длилась не менее четырёх часов на ветру и холоде. Каждый узник не имел своего имени и фамилии, его звали только по номеру. Из Хамельбурга перевели в Штраубинг на осушку болот. Работали в воде, на ногах были деревянные колодки. Работали лопатами, ломом, киркой. Кормили брюквенной ботвой и опилочным хлебом. Приходили наниматели и отказывались от такой «рабочей силы».

Лагерь строили невольники, немецкие коммунисты. На Нюрнбергском процессе установлено, что там было замучено много немецких коммунистов.

В лагере много было итальянцев, не согласных с фашистами. Их возили на строительство бункера под усиленной охраной СС. Переводчиком у них был русский Николай, его кормили так же, били так же. В этом лагере Усатов был до 1945 года. Затем немцы хотели этапом перегнать всех на юг, довести до Альп и там всех уничтожить. Этап двигался медленно, кто не мог передвигаться, того пристреливали. Их вели по холмистой местности. Воспользовавшись сумерками и скрытостью дорог, Иван Усатов, Земцов и Нагибин совершили побег. Пересекли холмистую местность, речку, картофельное поле, зашли в кустарник овражка и там провели ночь. Утром на Ивана надели зелёную куртку Земцова, берет Нагибина, и он стал немного похож на француза. Он вышел в открытое поле, хуторов было не видно. Появилась отара овец. Подойти к пастуху было опасно, Усатов не знал иностранных языков. Всё-таки решил подойти, будь что будет.

– Геноссе, бите, сколько километров до посёлка? – спросил Иван.

Пастух скрыто улыбнулся, пошевелив палкой по земле.

– Не менее четырёх километров, – ответил пастух по-русски, – но вам не следует туда идти, там вас заберут.

– А что нам делать? Мы голодные...

Иван проговорился, сказав слово «мы». Пастух вынул из сумки хлеб и сало, протянул Ивану. Тот судорожно схватил и положил в карман.

Пастух сказал, что в империалистическую он был в плену у русских, научился говорить по-русски. В ложбине послышался гул моторов, Иван побежал к своим товарищам. Прежде всего накормил их и сам поел. Появились машины с белыми звёздами. Был апрель, снега уже не было, но деревья стояли ещё голые, и люди на машинах легко их обнаружили и забрали. Переводчик по национальности поляк, переводил разговор. Это были американцы. В селе их передали бургомистру,

приказали накормить. Бургомистр определил их к одному крестьянину, но тот не вызывал доверия, жить у него они опасались, поэтому сбежали. Их снова поймали и посадили в лагерь за колючую проволоку. Но это был лагерь не немецкий, а американский. Лагерь Пассау. Это был сборный пункт русских пленных. В этот сборный пункт приехал представитель советского командования, всех военнопленных посадили на пять грузовых машин и увезли в Австрию, в город Линц, здесь они и встретили радостную дату – День Победы.

В мае 1945 года все офицеры Советской Армии проходили проверку в городе Вене. В бывших немецких казармах они жили до октября. Затем их направили в войсковую часть на переподготовку. В октябре 1945 года прибыли на Родину в город Вышний Волочёк Калининской области. Туда пришло личное дело на Ивана Андреевича Усатова. В деле звание числилось «воентехник 1-го ранга», на один ранг выше того, что было на Эзеле. С этим званием его демобилизовали. Он поехал в Кировскую область на свою родину, там работал учителем, окончил институт, ушёл на пенсию с должности директора образцовой средней школы.

ЧЕРЕЗ ИСПЫТАНИЯ АДА

(Продолжение рассказа А.С.Малофеева)

*Лейтенант
Александр Сергеевич Малофеев,
май 1941 года*

Командир батареи Александр Сергеевич Малофеев рассказывал нам о своей службе на острове Эзель. Остановился на том, что после тяжёлой контузии лечился в госпитале в городе Курессааре. После выписки из госпиталя в

штабе БОБРа получил назначение в 512 зенитную батарею. Вот продолжение его рассказа.

– К месту назначения я добирался попутной машиной. На середине пути услышал гигантский взрыв. Это подрывали бомбы на аэродроме Кагул и в Ромассааре. Прибыл на огневой рубеж батареи. Её командир Казаков был в госпитале, обязанности командира исполнял Мартьянов. Комиссаром батареи был выпускник нашего училища П.М.Жуков. Мы с Чепраковым заняли фланг танко-опасного направления.

Двадцать первого сентября сюда на Церель переехал штаб БОБРа. К великому сожалению, не все сюда могли прорваться. Гарнизон Кихелькона был отрезан немцами и прорваться на Церель не мог.

Наша задача была – прикрытие с воздуха батареи Стебеля. Здесь скопилось огромное количество раненных, около пяти тысяч, больше, чем здоровых. Эвакуировать их было не на чем. Двадцать восьмого сентября нами был сбит фашистский самолёт. Я пошёл к месту его падения. Бензобак был наполнен бензином, он мог бы продолжать расстреливать оборонявшихся воинов. На груди лётчика было много орденов и крестов, с его плеча я снял планшет с картой, на ней была обозначена вся линия обороны. Бои шли круглыми сутками, и мы находились возле своих орудий, отражая налёты вражеской авиации, теряя своих товарищей. У нас не хватало артснарядов. Их доставляли на самолётах МБР-2 с Большой земли.

Третьего октября сражение на Церели достигло кульминационного накала. С утра до вечера рвались авиабомбы, мины, снаряды. Враг превосходил нас во всём. Мы могли только противопоставить своё мужество, злость и хладнокровие. В наших рядах не было уныния, признаков обречённости и паники. Четвёртого, пятого и шестого октября происходили разрозненные бои в отдельных очагах сопротивления. Защитники, прижатые к морю, начали искать пути к спасению, уходили в море на чём только можно, лишь бы держаться на воде. В ходу были рыбацкие лодки, плоты, спасательные круги. Полуостров Церель был объят пламенем и едким дымом. Вечером пятого октября по приказу командира батареи Мартьянова была взорвана батарея. Он выстроил весь личный состав, поблагодарил за стойкость в упорных боях. Затем все командиры попрощались со своим личным составом, жали руки, обнимались со слезами на глазах. Командир дал распоряжение просачиваться группами в два-три человека через немецкие позиции на север полуострова и там в лесах продолжать борьбу.

Я с Чепраковым пошёл на хутор Тамуна. Там на южной окраине нашли в зарослях кустарника рассохшуюся рыбацкую лодку. К нам присоединился комиссар батареи П.М.Жуков и моторист катера батареи Стебеля краснофлотец Романов. Взяли с собой два одеяла и моток провода. Спустили лодку на воду,

спешно законопатали, мотком провода закрепили два одеяла, получился парус. У меня была японская винтовка «Арисака» с тесаком. Из досок этим тесаком выстрогали подобие вёсел. Вместо компаса послужит артбуссоль, карта немецкого лётчика тоже пригодилась.

Погрузились и двинулись на запад полуострова. Мы обогнули полуостров, где стояла немецкая эскадра, взяли курс на Ханко. Один грёб, другой правил, третий вычерпывал воду из лодки каской, четвёртый отдыхал. Была темень, густая облачность заволокла чернильное небо. Со стороны моря полуостров казался кровоточащей раной, пылали деревянные здания, освещая тьму красными языками. Всюду зловещий дым, даже на море. Во многих местах слышалась стрельба. Это фашисты добивали отважно сопротивляющихся моряков. На море штиль, редкий на Балтике в такое время года. Грустно было покидать берега истерзанной Родины и её защитников, но мы были уверены, что придёт время отомстить захватчикам. Нелегко немцам досталась победа. Они побывали во многих странах победителями, наслаждаясь награбленным. Здесь же их заставили зарываться в землю, испытывать ужасы рукопашных боёв, хоронить и просто закапывать в землю трупы своих близких.

Пройдя некоторое расстояние в море ночью, мы стремились держать путь на запад. Самодельные вёсла не позволяли развить скорость, прямоугольный парус из двух одеял был надёжнее. Всю ночь мы боролись со стихией. Утро оказалось пасмурным, свинцовые волны набегали на борт нашего спасительного судёнышка. Мы поменяли курс и всеми силами старались держать на север, чтобы обойти Моонзунд. К вечеру ветер посвежел, море вспенилось. Седьмого октября утром ветер усилился, лодка понеслась быстрее, но в половине дня двигаться под парусом стало невозможно, лодка кренилась и черпала носом воду. Спустили парус и стали держать лодку против ветра. Нас погнало на юго-восток. Ветром срывало гребни волн, и нас окатывало волной. После перенесённых ранений я почувствовал в себе силы, даже мог сидеть за рулём, морская болезнь не тяготила. Всем составом мы вычерпывали воду со дна лодки, я держал курс вразрез волнам. Одни в безбрежном море, мы оказались во власти стихии. Ждать помощи было бесполезно, это подстёгивало и утраивало силы. А ветер упорно гнал лодку на юго-восток. Всмотриваясь в морскую пучину, справа по борту увидели очертания берега.

– Друзья мои, – сказал кто-то, – может это берега Латвии?

– Надо бороться с волнами, – сказал я, – не дать им прибить нас к берегу в светлое время суток.

В стороне от нас прошёл немецкий самолёт. Заметив его, мы попадали на дно лодки и в неестественном положении пролежали на дне, пока не стих шум мотора. Сосредоточив всё своё внимание на берег, мы обнаружили две нарастающие чёрные точки. Это были два немецких сторожевых корабля, которые

приближались к нам, видимо, по сигналу с самолёта-разведчика. Видя, что плена не избежать, политрук П.Жуков вынул пистолет, приложил к виску, выстрелил и мёртвым опустился на дно лодки. Мы с Чепраковым тоже вынули пистолеты.

– Что вы делаете! – закричал Романов, – неужели мы на суше не убежим от немцев?

В секундном замешательстве каждый подумал о себе, затем в сумку противогаза мы вложили комсомольские билеты и пистолеты, и в скорбном молчании опустили сумку за борт.

Неуправляемая лодка быстро наполнялась водой, красной от крови комиссара, и медленно погружалась в воду. Мы схватились за её борта и вместе с ней медленно погружались в холодную воду. В голове каждого была одна мысль, «что дальше?»

Один из сторожевых кораблей приблизился к нам и сбросил в лодку трап. По трапу спустились в лодку два немецких матроса, прикрепили трап к передней банке и скомандовали нам подняться на палубу. Мы с трудом выполнили приказ, матросы подняли на палубу корабля тело комиссара Жукова и уложили его в парусиновый мешок.

Мы сидели на корме, прижавшись друг к другу, дрожа от холода и страха неизвестности. Несколько часов никто к нам не подходил. Причалили. Нас высадили где-то севернее Либавы. Там мы похоронили Жукова. В деревянном домике, куда нас поместили, было уже более десяти краснофлотцев, высадившихся и пленённых на берегу Латвии. Утром нас повели на север вдоль берега моря. Через каждый километр мы видели доты и там немцев с пулемётами. Затем нас посадили в автомашину, привезли в Митаву и загнали в паровозное депо. Там было наших моряков человек 350 – 400.

Утром девятого октября нас погрузили в полувагоны и отправили через Ригу в Саласпилс, это в восемнадцати километрах от Риги по Двинскому шоссе. В Саласпилсе выгрузились, и нас погнали пешком по шоссе Рига – Двинск. Остановились перед участком рожи, обнесённом колючей проволокой. Здесь за колючей проволокой под открытым небом находились русские военнопленные. В корнях деревьев было вырыто множество нор, входы прикрыты плащ-палатками. Пленные стояли бледные, угрюмые, обросшие, в грязной форме, обгоревшей от искр костров. Пилотки натянуты на уши от холода. Мы смотрели на них с ужасом, а фашисты откровенно издевались, кивали на беспомощных, голодных людей: «Смотрите, вас тоже это ждёт!». Затем нас раздели догола и стали обыскивать, поторапливая ударами резиновых палок. Я посмотрел на деревья, они были общипаны на высоту вытянутой руки, очевидно, для костра. Мы от холода жались друг к другу.

Подъехала группа немецких офицеров. Нас снова выстроили. Толстый немец в гражданской одежде вызвал из строя Евгения Курца. Высокий Курц со

шрамом на левой щеке вышел из строя и поздоровался с ним рукопожатием. Позже стало известно, что Курц был переброшен на Эзель из Литвы, как шпион, но его там не разоблачили.

Из строя вызвали Чистякова и Калинина, и увели в неизвестном направлении. Больше их никто не видел. Чистяков был оперуполномоченный 315 батареи, Калинин – работник штаба БОБРа. Потом я узнал, что они сидели в одиночном карцере, затем зимой были расстреляны.

Нас разместили в казармах. Настроение у всех было подавленное, сотни наших людей погибали от голода, холода и побоев, их никто не учитывал. Моряков поместили в отдельный барак. Ежедневно вдоль колючей изгороди с вышек вели стрельбу из пулемётов и автоматов, а утром на изгороди висели трупы, матросские шинели и бушлаты. Некоторым удавалось сбежать. Я бежать не мог, на ногах открылись раны, ходил с трудом.

В лагере военнопленные были лишены всякой жизни, на каждом шагу их убивали физически и морально. Постоянно говорилось, что Москва и Ленинград пали. Расстрелы шли по всякому поводу, за медленное движение, подозрительный взгляд, убивали без всякой жалости. Рискую жизнью, русские командиры разъясняли, что это всё враки, немцы говорили о падении Ленинграда ещё на Эзеле.

Командиром лагеря был полковник Карамзин, позже переведённый немцами в Псков. Полиция состояла в большинстве из казахов во главе со старшим лейтенантом Разумоновым. Перед тем, как завести нас в лагерь, немецкий полковник высказал такую речь:

– Господа русские военнопленные! Вы счастливы тем, что война для вас закончена, и вы находитесь на территории, освобождённой Великой Германией. Вам здесь будет предоставлена работа, хорошее обращение и питание. Но не сейчас, а немного позже. Война окончится через 2 – 3 недели, а пока отдыхайте здесь, ведите себя хорошо, тем скорее вас отправят домой. Соблюдайте порядок, мы любим дисциплину. За порядком следят они, – он указал на строй полицейских, – а это ваш высший начальник, господин полковник Карамзин. Слушайте и повинуйтесь ему.

Он пальцем указал на высокого сидящего мужчину в командирской форме.

– А это его помощник, господин старший лейтенант Разумонов, – он показал на толстого казаха, – за подход к проволоке – расстрел, за подстрекательство к побегу – расстрел, за оскорбление чинов – расстрел. Расстрел, расстрел, перечислял он дальше.

Расстреливали евреев и всех обрезанных татар и мусульман, политработников. Утром давали булку хлеба на шесть человек, ведро кофе-эрзац на двадцать человек. В обед – ведро баланды на двадцать человек. Баланду

варили из нечищенной картошки и брюквы. Постоянный голод действовал на психику даже больше, чем угрозы расстрела.

В ноябре я работал в трёх километрах от Саласпилса в летнем лагере Рижского пехотного училища, готовя его под лазарет. Мне с краснофлотцем эсминца «Смелый» по фамилии Смолин удалось спрятаться в яме. В этой яме нас забросали вырубленными деревьями, забыв о нас. Ночью мы оттуда вылезли и бежали. Шли лесом вдоль шоссе Рига – Двинск. Через три дня зашли на один из хуторов. Вошли в дом, там нас накормили, дали продуктов на дорогу, а у калитки нас ждали вооружённые айсерги – латышские националисты. И снова Саласпилс.

Стало холодно, бараки не отапливались. Они были с деревянными крышами без потолков, с многоярусными нарами через каждые 60 сантиметров. Ночью внизу замерзали, а наверху нечем было дышать. С нами были морское лётчики: Медведовский, Голубь, Барышев, Коровин, Виноградов. Были командиры с Моонзунда: Пожарный, Глухов, Чепраков, Коган. Ещё был военфельдшер Закржевский и фельдшер, назвавшийся Васильевым. Были командиры из 46-го стрелкового полка: Елиневич, Герасименко, Сидельников, начальник артиллерии 46 СП капитан Говорков, командиры: Вишняков, Драницын, Мортирасян, Сакаев и другие. В лагере под открытым небом начались простуды со смертельным исходом, ангины, радикулиты. Пленные стали строить полуземлянки. В декабре я заболел тифом и меня вместе с другими увезли в лазарет. Там мне спас жизнь старшина тифозного барака краснофлотец с острова Даго Василий Орёл. Он заменил мне вшивое бельё, прожарил одежду и через матросов, работающих на кухне, поддерживал пищу.

В этом лазарете умер осетин **Бацазов**, который до конца своей жизни сохранял свою звёздочку Героя Советского союза. Вернувшись из лазарета в Саласпилс, я не застал половины узников, из тысячи человек едва осталось человек пятьсот. Большинство моих товарищей не стало, умерли под открытым небом. Весной 1942 года прибыло пополнение. Среди узников я встретил земляка И.А.Масленникова, военрука Меловской средней школы, и раненого авиатора Ф.П.Громоклова, который вскоре умер от голода.

Однажды краснофлотцы указали мне на высокого человека и сказали, что это капитан с Моонзунда, которого привезли из Риги. Я узнал его, это был Дима Овсянников, командир катера МО. Я встречал его на пристани Кувайсту в 1941 году. Нам после войны посчастливилось встретиться с ним в Таллине на встрече балтийцев в 1966 году.

Среди прибывших в Саласпилс был командир «Орла», старший лейтенант И.Д.Фёдоровский и военный инженер 1-го ранга Филиппов, потерявший в Либаве ногу. Филиппов стал для нас, молодых флотских офицеров, идейным

руководителем, вселял в нас веру в победу над фашистской Германией. Скоро его из лагеря увезла жена, как инвалида.

Из лагеря Валги Эстонской республики были привезены узники, они рассказали, что там встречали капитана А.М.Стебеля. Немцы предлагали ему восстановить 315-ю береговую батарею, но он отказался и погиб от пыток. Из морских защитников острова Эзель, взятых в плен и вместе со мной попавших в Саласпилс, не осталось почти никого. Все они или умерли, или увезены в Германию.

Из армейцев остался почти весь командный состав артиллеристов 46-го СП во главе с начальником артиллерии полка капитаном Говорковым. Это В.Вишняков, Мортирасян, Сидельников, Драницын и другие. Все они, кроме Говоркова, служили в лагерной полиции. Рядом со мной на нарах лежал капитан В.Потапов, артиллерист. Ему было лет тридцать пять, но на вид лет пятьдесят пять – шестьдесят. Он оброс длинной бородой, носил какой-то зипун, подпоясанный верёвкой. Зимой бежал, долго пробирался на восток, но был пойман айсоргами. Начальником полиции был капитан Кривошеев, танкист из Сталино. Летом в лагерь привезли украинцев из Риги. Гимнастёрки и фуражки они носили советские, брюки – французские, а на руках зелёные повязки с надписью на немецком языке «на службе у немецкого командования». Днём их где-то обучали, на ночь привозили в отдельные бараки. Поступил в лагерную полицию и мой спаситель, краснофлотец Орёл, он вошёл в доверие к немцам, а потом сбежал.

В лагере была команда могильщиков. Они рыли траншеи – могилы напротив лагеря. Трое из них убили часовых, и вся команда разбежалась. Удалось сбежать далеко тем, кто был покрепче, слабых поймали и всех расстреляли. Я сильно ослабел, опухшие ноги еле передвигались. Но от лагерного начальства пощады не было, они заставили меня перетаскивать тяжёлые камни. Всех обессиленных на этой работе каратели приканчивали прикладами. Некоторых военнопленных водили в лес рубить дрова. Ослабленных узников оставляли на обочине дороги, живых заваливали сучьями деревьев.

Вечером в казармы приносили газеты, в них писалось всякое. Газета «Правда» была такого же формата, как настоящая, только с призывом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь на борьбу с большевизмом».

В начале октября 1942 года пленных офицеров погрузили в вагоны и увезли в Германию. На перегоне около Шауляя группа пленных сделала дыру в полу вагона и сбежала. Уже в Германии такую же дыру сделали в другом вагоне. Немцы её обнаружили и всех пленных расстреляли на перроне какой-то станции. Привезли в Нюрнберг, из вагонов вышли узники, а потом стали выносить трупы. Нас построили и повели в лагерь. Мы шли измученные, оборванные, грязные. Немецкие мальчишки, встретив нас, затыкали носы, называли «русские свиньи». Нас не признавали людьми. Гнали нас долго, около

города Кассиль поместили в лагерь 1ХА Цыгенгейм. Этот лагерь был построен во времена первой мировой войны. Он имел изолированные секторы, в которых размещались узники из Польши, Югославии, Франции, СССР. На наши груди повесили чёрные фанерные квадраты, мелом написали номера. Отныне для меня фамилия Малофеев была потеряна, от неё осталось только воспоминание, её заменил номер 45645.

Лагерной полицией командовал Дворецкий. Было известно, что он был директором в одном из сочинских санаториев. Он ненавидел своих соотечественников, издевался над пленными, как только мог. Шли бои за Сталинград, а мы здесь были в полной изоляции. Меня направили на работу в каменный карьер, он находился в 200 – 250 метрах от лагеря. В этом карьере работали гражданские немцы, инвалиды и старики. Меня поставили на ручную помпу откачивать воду из карьера. Я всё время мечтал о побеге, присматривался к узникам, подыскивал единомышленников. Так подружился с членом кип-команды лейтенантом Виктором Квашко. В Прибалтике он был на батарее 76-миллиметровых орудий. Вдвоём мы стали готовиться к побегу, составили план. В десять часов вечера в бараках производили проверку. После этого лагерь закрывался на замок, и никто ворота не охранял. Если раздобыть ключ, то можно открыть замок и выйти за ворота, а там и в лес.

Утром кип-команда выгружала породу около барака. Один из пленных попросился сходить в туалет, который был на территории лагеря. Охранник дал ему ключ от лагеря. Пленный сходил в туалет и принёс охраннику ключ. Квашко сообразил и тоже попросился в туалет. По дороге Виктор взял кусок глины, размял и сделал оттиск ключа. Затем он попросил П.Фриза, работавшего на станции Лизинген по ремонту вагонеток, принести напильник, причину указал другую. Квашко нашёл железку и сделал ключ. Во время проверки в казарме мы должны были открыть ворота и сбежать. Около ворот нас оказалось четверо, В.Квашко, Т.Бибииков, Фриз и я. Ради конспирации мы не знали всех.

– Ну, Витя, иди, пробуй! – сказал я.

Если бы замок не открыли, мы бы вернулись на проверку незамеченными. К нашему счастью, замок был открыт и брошен в кусты, а мы ушли в лес. Первую длинную ночь мы прошли около 20 километров. Тимофей Бибииков заранее изготовил компас. Для этого намагнитил швейные иголки, воткнул их в пробку и опустил в банку с водой. Этот компас был хорош только днём, ночью мы ориентировались по Полярной звезде, расположением крестов на кладбище, мхом на деревьях, а так же дорожными указателями. Тимофей Бибииков оказался прекрасным путеводителем. Он был командиром батареи в звании старшего лейтенанта, служили вместе с Виктором Квашко. Его брат генерал-майор служил в Генеральном штабе.

Мы шли на восток к Хемницу (Карл-Маркс-Штадт), там намеревались перейти в Чехословакию к партизанам. Шли ночью, днём отдыхали, питались овощами с полей, картофель варили в котелках. Потом осмелели, за что и заплатились. Шли вдоль реки к какому-то селу, нам дорогу перешла женщина. В конце села мы заметили погоню, бегом свернули вправо, и не добежав до леса, залегли в пахоте. Погоня нас не заметила, устремилась к лесу. С наступлением сумерек фашисты просвечивали кусты фонарями. После затишья мы поднялись, среди нас не оказалось Фриза, его нагнали в начале пахоты. Отдохнули и осторожно пошли дальше.

В лесах Тюрингии встречали оленей, бурого медведя. Прошли Эрфурт, Веймар, шли медленно, осторожно. Наступил ноябрь, пошёл снег, в горах стало холодно. Однажды в лесу увидели стог сена, залегли в него и заснули. Рано утром проснулись от крика «поус, поус!» – выходи. Наш стог был окружён полицейскими, нас выдали следы на снегу. Мы не были вооружены, нам оставалось одно – сдаться в плен. При обыске они обнаружили пластинки на наших шеях с номером лагеря 1ХА. Нас забрали и отправили снова в этот лагерь. Там нас допрашивали с пристрастием, бросили в камеры. В моей камере было уже трое, я четвёртый. Она была настолько мала, что не помещала всех. Трое сидели на топчане, четвёртый стоял.

Познакомился в камере с узником. Это был младший лейтенант Иван Сухов по национальности мордвин. Он тоже был пойман во время побега. Каждый день нас вызывали на допросы, избивали. Потом нас перевезли в лагерь Бухенвальд. Нас сковали наручниками по двое. Я оказался с Суховым. Нам казалось, что нас везли на расстрел. (Иван Сухов позднее был казнён немецкими фашистами в Северной Франции).

С Веймарского вокзала нас везли в гору «чёрным вороном». Выгрузили у ворот с надписью по-немецки «Каждому своё». У ворот нас повернули лицом к стене, велели скрестить руки на затылке. В таком виде стояли долго. С вышки кричали нам не шевелиться, откроют огонь. К нам подошёл гражданский немец и объяснил через переводчика, что нас привезли в Бухенвальд. Отсюда уходят только мёртвые. Мы начали протестовать, но немец ответил, что он такой же заключённый, коммунист, находится здесь с 1939 года. Это был Хейц Шеффер, руководитель Кассельской партийной организации. Он повёл нас на санобработку. Нас раздели, велели сложить все документы в мешочек. В следующей комнате два дюжих немца бросили нас в бассейн с холодной водой, пахнущей дезинфекцией, потом мылись под душем. В коридоре выдали полосатые куртки, приказали нашить номера и красные треугольники с латинской буквой «R», что означало «русский». Потом завели в карантинный барак №16. Утром была на апель – плац поверка с перерасчётом. Эта унижительная процедура длилась часами в мороз. Мы стояли на снегу с непокрытыми головами в ветхой одежке.

День и ночь работал крематорий. Из его трубы шёл коричневый дым, отравляя всё окружающее. Провинившихся вызывали к браме. Там стоял специальный станок, заключённого клали на этот станок и били резиновыми палками или хлыстами из бычьих жил. Но это был лучший исход, чем попасть в «ревир», госпиталь, где над пленными проводили разные изуверские опыты по прививке разных болезней. Обычно оттуда живыми не уходили.

В январе меня направили в филиал Бухенвальда в г.Кёльн. Там мы расчищали город от бомбёжки союзниками. Это был 1943год. Вокруг сосновых веток в развалинах откапывали трупы. Съестное, если находили, поедали, а ценности из золота бросали в вагонетки. Здесь я впервые почувствовал сочувствие городского населения. Бывало, что нас охраняли не эсесовцы, а солдаты «люфт-ваффе» /ПВО/. Проходящие мимо женщины оставляли нам хлебные карточки, солдаты заводили нас после работы в хлебные магазины и там выкупали для нас хлеб. Потом у нас появились свои деньги, которые мы находили в разбитых квартирах. Интересно то, что союзники бомбили выборочно, рабочие кварталы, разбомбили автомобильные заводы «Гумбальт», «Клёкнер», «Дейтц». Рядом стоял завод Форда, его не тронули. Одна неразорвавшаяся бомба попала в Кёльнский собор. Немцы в газетах завопили, что союзники занимаются уничтожением исторических культурных ценностей. Они забыли тогда о зверствах фашистов на нашей оккупированной территории, где уничтожались исторические и архитектурные памятники. Им пришлось возмездие, мы переживали в Кёльне двойные чувства. С одной стороны союзники уменьшали немецкий военный потенциал, приближая час победы, с другой стороны – гибли невинные люди, разрушения вызывали жалость. Такова природа русского характера.

При подходе к разбитому мясокомбинату на откосах туннеля видели несколько дней надпись крупными немецкими буквами «РОТ ФРОНТ!»

В лагере я подружился с немецким моряком торгового флота Рихардом. Вся команда их торгового транспорта готовилась к побегу в Англию. Их кто-то предал, и они были отправлены в концлагерь. Работавшая команда по расчистке мясокомбината помогала им с питанием. Среди них был Андрей Оленич.

В начале апреля из Кёльна увезли большую группу заключённых во Францию, а 19 апреля и я попал туда со второй группой. Французов и владеющих французским языком туда не брали.

Везли через Голландию, Бельгию. Привезли в местечко Эден в департаменте Па-де-кале и разместили в наполеоновских кавалерийских казармах. На пути встречались большие немецкие кладбища времён первой мировой войны с чёрными мраморными крестами. Здесь же были заключённые, увезённые из Кёльна раньше.

Слева длинные кавалерийские двухэтажные казармы, в которых расположили нас на вторых этажах. Стены забора трёхметровые с колючей проволокой

по всему верху. Справа – плац. В глубине двора – гараж. К казармам примыкают дома французов. Их чердачные двери на уровне окон второго этажа казарм. Это было удобно для связи с внешним миром, которую наладил польский узник Томаш Кириллов через французских девушек по заданию подполья. Томаш с семьёй жил в этом департаменте до 1939 года, учился во французской школе, отец работал в шахте. Здесь узники работали по извлечению неразорвавшихся бомб на строительстве площадок по запуску ФАУ-1, строили доты, ставили острые столбы в удобных местах высадки воздушного десанта.

Среди заключённых были специалисты, которые подсказывали, как сделать брак в каждом деле. При строительстве дотов югослав Гуина Мот рекомендовал при заполнении металлических балок бетоном в середину сыпать землю, а по краям бетон. Это в момент, когда отвлекут охранника. Всем французам объявили, что мы уголовники со всей Европы, но они узнали, кто мы и старались помочь нам в питании. Здесь я снова встретился с моряком Рихардом. Он взял меня к себе в бригаду по ремонту автомобилей. Там работал польский автоинженер Юзеф, наш механик танкист старший лейтенант Я.Лебедев и другие поляки автоспециалисты. Каждому давали кусочек сахара и шило, чтобы в нужный момент бросить сахар в бак с горючим или проколоть иголкой бабину (катушку высокого напряжения).

Однажды в середине мая меня ночью вызвал к себе старший лагеря Хейц Шеффер, долго со мной беседовал и предложил работать в подпольной интернациональной военно-политической организации старшим адъютантом командира батальона. Я согласился. Шеффер познакомил меня с командиром батальона Василием Шустером, работавшим сапожником. Его задачей было завоевать авторитет среди молодых поляков и югославов, проживающих в одной казарме, и на случай восстания в лагере – командовать личным составом батальона. Он снабжал сведениями на фронтах, сообщал о партизанском движении во Франции, Греции, Югославии. После работы он всегда был с югославами и поляками, сообщал им сведения.

Установить связь с французским Соппротивлением было поручено Томашу Кириллову. Я его страховал. Установив связь с партизанами, Томаш ушёл к ним и по указанию руководителей подполья, помогал ухаживать другим товарищам. Политическим руководителем подполья был немецкий коммунист Хейц Шеффер, военным – советский капитан А.Некрасов. В целях конспирации были пятёрки. Я знал подпольщиков Шеффера, Некрасова, Василия и Томаша.

Шестого июня в Нормандии высадились войска союзников. Всех заключённых Эдепа перевели в соседний департамент Сомме в средневековую крепость Дулои. К этому времени немцы заподозрили Шеффера в подпольной деятельности и перевели его в бомбокоманду, где он вскоре погиб при взрыве извлечённой авиабомбы. Некрасов бежал. Меня с командой послали

на фосфатную шахту Бувале, где я работал на поверхности по разгрузке породы в команде из югославов. В карьере было две штольни, в одной добывали фосфат, в другой закрывали на ночь заключённых для ночного отдыха. Днём карьер охранялся СС, а на ночь охрана снималась и охраняли только штольни. Подпольная связь нарушилась.

Однажды в июле к разгрузочной команде обратился француз, машинист паровоза, возившего с шахты породу. Он просил вызвать меня к нему. Мне передали это югославы. Я подошёл к французу. Он убедился, что перед ним Малофеев и сообщил мне, что ему поручено организовать побег мой и Ивана Доценко. Я сказал французам, что Доценко находится в другой команде. Француз звали Леон Блоискор. Леон мне показал помещение, где раньше была установлена паровая машина для подъёма вагонеток из шахт, и открыл план побега. Я должен залезть в топку, пробраться в дымовую трубу, а ночью, когда охрана уйдёт к штольням, вылезть и пойти на ферму, и условным знаком постучать в калитку, там меня будут ждать. Он дал точное описание фермы. В 16 часов 30 минут я так и сделал, зашёл в котельную, открыл топку и залез в печку.

Через час эсэсовцы начали меня искать всюду, зашли в помещение, всё перерыли. Видимо, у них не было фонаря, и они стали жечь в топке бумажные мешки из-под цемента. Я стал задыхаться. Вспомнил историю в первую мировую войну, когда немцы применили газ против русских, солдаты спасались носовыми платками, смоченными мочой. В полосатую шапку положил шарф, помочился и приложил ко рту. Дышать стало легче и спокойнее. Немцы ушли. В ту ночь, с шестнадцатого на семнадцатое июля, я из топки не вылез, боялся, что немцы оцепили шахту и карьер. Днём слышал, как работали югославы. На следующую ночь вылез из топки и с большой предосторожностью переполз в соседний сад, затем поднялся на ноги и осторожно пошёл. Через каждые пять, шесть шагов останавливался и прислушивался. Потом бежал, выбежал на скошенное пшеничное поле, отдышался и залез в копну. Крепко уснул, а утром увидел, что ушёл в противоположную сторону от заветной фермы. Если бы меня кто-нибудь встретил, то сказал бы, что видел чёрта. Я вынул из кармана кусочек хлеба и доел, помял колосков и пожевал. Очень хотелось пить. Днём отсиделся в копне, а вечером пошёл на ферму. Постучал, калитку открыла женщина и завела в дом. Вскоре пришёл Леон, он уже подумал, что выдал меня своим приходом на карьер. На работу он не пошёл, где-то скрывался, ждал результата. Здесь я вымылся, покушал и лёг спать. Я предложил сжечь мою полосатую одежду, но жена Леона возразила. Она сказала, что Де-Голь в листовках просил французам помогать пленным в побегах и за каждого спасённого обещал сто тысяч франков, одежда была доказательством.

Я так же, в доказательство, написал свой адрес жительства и положил в карман своей полосатой куртки. С Леоном мы говорили на немец-

ком языке, он был в Германии в плену и сбежал. Потом он сражался в «Мекки».

После войны я разыскивал Леона. Мне сообщили, что он умер в 1977 году. Его жена сообщила, что сохраняет до сих пор его прострелянную фуражку. А тогда сестра Леона увела меня в соседнюю деревню и по эстафете переправили меня в партизанский отряд «Тысяча». Командовал отрядом капитан Руссел. Офицером связи с центром был журналист, коммунист Павленко, сын белоэмигранта. Руководитель группы отряда севера Франции был Анри Пьерард. Соседним партизанским отрядом командовал француз русского происхождения Шабанов. Отряд действовал между городами Аррес и Амьенс. Специализировался на уничтожении бензоаправочных колонок, но не гнушался и подрывом мостов и железнодорожного полотна.

Жили в сёлах на чердаках, операции производили только ночью. Транспорт предоставляли французские жандармы, которые днём сотрудничали с немцами, а ночью с партизанами. Самой крупной операцией было занятие города Амьена 30 августа 1944 года. В операции участвовало несколько отрядов, они удерживали город до подхода войск союзников. У партизан была артиллерия. Ими был освобождён лагерь русских военнопленных, где бараки уже были подготовлены немцами к взрыву вместе с пленными. Русские пленные вошли в состав этого отряда. Отступающие немецкие воинские части были вынуждены обходить Амьен и бросали тяжёлое вооружение.

Союзники продвигались сначала четыре-шесть километров в день, а здесь до десяти километров. От места высадки в Шербурге до Амьена 360-380 километров совершили к вечеру первого сентября. Отряды вместе с союзниками освобождали север Франции. А в середине сентября отряды влились во вторую армию Делотр да Тасиньи. Советских граждан отправили в Англию для репатриации. Во Франции я встретился с капитаном В.И.Потаповым, знакомого по Саласпилсу. Он командовал группой советских военнопленных в партизанском отряде. В Англии советская военная миссия назначила Потапова старшим офицером лагеря репатриированных советских граждан, командиром полка, а меня, Малофеева, начальником штаба полка Бромхем-1.

Полк занимался военной подготовкой и работой в сельском хозяйстве в фонд обороны Советского Союза. В феврале 1945 года вернулись на Родину, в марте прошли госпроверку в Южноуральском военном округе, а в апреле направили меня в действующую армию, 12-ю прорывную дивизию. В июне 1945 года переведён служить в Военно-морской флот. В декабре месяце 1946 года по приказу № 0911 из Каспийской флотилии, где я служил, уволен в запас. Причиной увольнения, очевидно, послужил мой плен, перестраховщики не захотели вникать в подробности, легче всего уволить. После увольнения из флота я поехал по Украине, был на Севере, везде жить было плохо после пе-

ренесённой войны. Я снова возвратился в Баку, работал в Азербайджанском отделении государственного Союзного геофизического треста. В 1949 году переехал в Ворошиловоградскую область к месту моего рождения. Так мне посоветовали врачи, сменить климат ввиду болезни. Здесь я работал техником в геофизической экспедиции. В 1958 году закончил Московский нефтяной институт имени Губкина. Работал и учился одновременно. В экспедиции прошёл трудовой путь от техника до главного инженера. Здесь же в 1959 году стал коммунистом. В течение длительного времени был секретарём бюро партийной организации экспедиции. Там я работал до 1987 года, а затем ушёл на заслуженный отдых. Но моя трудовая деятельность не оборвалась, она только приобрела другой характер. Веду большую патриотическую работу среди молодёжи школ и институтов. Данные воспоминания я начал писать в 1944 году по свежей памяти. Фамилии близких мне людей запомнились, а вот имена многих не знал или запаматовал.

До настоящего времени сохранились записи тех лет, хрупкие и пожелтевшие от времени. Перелистываю их, и глаза становятся влажными. Приходится вспоминать все муки и страдания, переживать всё заново.

*А.С.Малофеев.
г. Ворошиловоград, 1988 год.*

В ПАМЯТИ ОСТАВШИХСЯ В ЖИВЫХ

Юрий Андреевич Ряйн – первый секретарь Кенгисеппского горкома КПЭ получил вот такое письмо:

«Уважаемый первый секретарь!

К Вам обращается с Украины **Иван Васильевич ЧЕРНИКОВ**.

В период обороны острова Эзель в 1941 году я был начальником боепитания авиации, базирующейся на аэродромах Кагул и Астэ. Обеспечивал авиабомбами группу Е.Н.Преображенского, летающую на Берлин. Второго октября я был ранен в ногу. Лежал в госпитале в лесу в землянке. Восьмого октября фашисты захватили остров, на котором был наш госпиталь. Весь медперсонал госпиталя вместе с ранеными фашисты пленили. Я не буду Вам писать о зверствах и надругательствах, которые чинили фашисты с пленными. Об этом трудно писать, заново всё переживать. Вам наверно пишут ветераны. Помогите встретиться с кем-нибудь, кто остался жив, пришлите мне их адреса».

Далее следует домашний адрес и подпись.

Черников Иван Васильевич, рождения 1917 года.

1937 – 39 гг. – курсант ВМАТУ г. Пермь.

В 1939 году участвовал в событиях с белофиннами старшим техником по авиавооружению 5-го ИАП. С 1941 года – начальник боепитания 12-й КОИАЭ.

Вместе с авиаэскадрилей перебазировался в начальный период войны на остров Эзель. Будучи начальником боепитания в труднейших условиях обеспечивал боеприпасами и авиабомбами всю островную авиацию, в том числе летающую на Берлин.

В конце сентября 1941 года вместе со всем свободным от обслуживания самолётов техсоставом ушёл на передовую, в том числе с майором Тереховым.

2-го сентября был ранен в ногу осколком мины и был доставлен в госпиталь.

8-го октября госпиталь попал в плен. Раненые держались достойно, поддерживали друг друга. Дальше пошли скитания и издевательства в концлагерях. Был в лагерях в Риге, Восточной Пруссии, дальше в лагере Штербугольц.

В июле 1945 года вернулся из лагерей в запасной 55-й полк.

В 1946 году демобилизовался, работал учителем с присвоением звания «Отличник Народного просвещения». Член КПСС с 1939 года. В настоящее время – пенсионер.

Ответом на письмо Ивана Васильевича Черникова послужат воспоминания участников сражений на Моонзундских островах. Им было суждено пройти через все страдания и ужасы, и остаться живыми.

Пишет письмо **СИДОРОВИЧ Иван Зиновьевич** из города Хабаровска.

«Уважаемый первый секретарь Кенгисеппского ГК КПЭ !

Я служил на 6-й батарее 76-мм пушек старого образца. Был на должности командира орудия. Когда фашисты заняли Ригу, нашу батарею послали защищать остров Муху. Высадились в порту Кувайсту, и с боями гнали врага на 30-40 километров вглубь материка. Приходилось бить в упор прямой наводкой, и мы разбили немецкую группировку наголову. Захватили трофеи, много личного оружия и велосипеды. Немцы бежали, оставляя убитых и раненых. Затем немцы подтянули резерв, во много превосходящий наши силы. Началось их яростное наступление. Под натиском превосходящего врага мы стали с боями отступать. Били их беспощадно, но отступали под натиском сил, превосходящих нас. Все помещения наших штабов и два госпиталя были переполнены ранеными.

В штыковой атаке я получил ранение в грудь. Поступил в военно-морской госпиталь. Меня оперировал доктор Левин. Вскоре госпиталь заняли фашисты, и меня с открытыми ранами немцы вышвырнули в лагерь для военнопленных. Раненых гнали пешком на переправу, отстающих расстреливали. До места довели половину раненых и погрузили в вагоны. Набили битком. Никакой медицинской помощи не оказывали, ехали почти без еды. По дороге

много умерло. Привезли в военный лагерь «Винляндия», выгружали истощённых, полураздетых, полуразложившихся от ран и грязи. Началось физическое уничтожение. Их зверства не поддаются никакому описанию.

Дальше пошли скитания по лагерям смерти: Рига, Саласпилс, Эссен (западная Германия).

Я был освобождён французами. Прибыл на родную землю. Продолжал служить в рядах Красной Армии до мобилизации в 1946 году.

Сидорович, г. Хабаровск.

Пишет **Мария Яковлевна ЩЕРБАКОВА**, жена пропавшего без вести **ЩЕРБАКОВА Ивана Дмитриевича**, защитника Моонзундских островов:

«Хочу поведать Вам нелёгкую судьбу матери двоих детей. Начну сначала. Со своим мужем, Иваном Дмитриевичем Щербаковым я познакомилась на строительстве бумажного комбината и посёлка Мечкостроя. Он был направлен сюда после окончания Вологодского педтехникума во вновь открывшуюся школу учителем начальных классов. Я работала табельщицей на строительстве посёлка. Вскоре мы поженились и были бесконечно счастливы. Жили в старой коммуналке. В апреле 1938 года у нас родилась дочка Лора. В октябре этого же года Ваню призвали в армию. Первые полтора года он служил в Усть-Луге, а когда Эстония стала советской, его направили служить писарем шифровального отдела при штабе БОБРа на остров Эзель.

В 1940 году я приехала к нему с дочкой и его матерью. Он находился на срочной службе, и мне надо было сразу устраиваться на работу, чтобы зарабатывать средства на содержание семьи. Работала в КЭЧ при штабе БОБРа. У нас появилась вторая дочка Зина.

Время было беспокойное, но о войне у меня не было и мысли. Она нагрянула неожиданно. Семьи военнослужащих стали эвакуировать на материк. Мне Ваня предлагал эвакуироваться, но мне казалось, что это временно, и эвакуировали свекровь со старшей дочкой, а я осталась работать и воспитывать меньшую дочь. Муж мне позволил распорядиться своей судьбой. Для дочки я нашла няню, эстонскую девушку. Жила на улице Копле, 10, в Курессааре. Этот дом попал под бомбёжку, и дочка с няней уцелели чудом. Я обратилась в Горисполком об устройстве дочки в детское учреждение. Мою просьбу удовлетворили. Неожиданно стали эвакуировать раненых и мне Ваня посоветовал уйти с ними, а дочку оставить в учреждении под его присмотром. Раньше я не смогла с дочкой улететь самолётом, их не было.

– Поезжай и разыскивай мать с Лорочкой, – сказал Ваня, – я послезу за эвакуацией Зиначки.

В ночь на третье октября на катерах вместе со штабом БОБРа я прибыла на Даго. Оттуда на самолёте долетела до Тихвина. Начались поиски старшей дочери. Я искала их везде и нашла в Ивановской области в городе Меленки. Младшую дочь Зиначку я искала двадцать лет. От мужа я не получала ни одного письма. Меня он проводил с последней оказией, и больше не было возможности ему эвакуироваться, он там остался воевать с врагами. Жив ли он, я не знаю и поныне. После победы стали приезжать мужья, горько было оставаться вдовой. Мне казалось, что Ваня жив и приедет, найдёт меня. Я искала его во всех архивах, расспрашивала сослуживцев. Всюду искала младшую дочь Зиначку. Много получала писем от оставшихся в живых, кто прошёл через ужасы плена, позора, унижений. Ивана никто не встречал. Запросы, ответы, поиски на братских могилах, на кладбищах разных городов. Нашлись четыре Ивана Дмитриевича Щербакова, год рождения у всех был одинаков. Ездил к ним в Киров, Иваново, к двоим сразу в Воронеж. Все четверо оказались тёзками моего Вани.

Многочисленные запросы письменного стола оказались утешительными, мне нашли младшую дочку Зину. Я летела к ней в Таллин, будто на крыльях. Смотрю на неё, девушку двадцати лет, и вижу себя двадцать лет назад, те же черты лица, только причёска другая. Это же моя родная дочка Зиначка! Я целовала её головку, пальчики рук. Я была счастлива! Она чудом уцелела в оккупации, воспитывалась в эстонской семье.

Теперь все смотрим на фотокарточку нашего дорогого Ивана Дмитриевича. Для меня он вечно молодой. На постаревшей от времени фотокарточке остались нестареющие глаза, тёмные вьющиеся волосы, открытое доброе лицо. Всё тот же взгляд, сосредоточенный и немного тревожный. Он для меня незабываем. Два его внука отслужили в армии и женаты, есть наша правнучка.

Дорогие славные воины! Дорогой Яков Михайлович! Помогите мне найти моего дорогого мужа Ваню. Напишите о нём хоть что-нибудь.

Мой адрес: г. Новодвинск Архангельской области, Улица Славы, дом № 3 а, кв. 41. Щербакова Мария Яковлевна.

От **Бориса Петровича БЕЗРУКОВА**, старшего авиатехника 12-й КОИАЭ, моего дорогого старого друга пришло такое письмо:

«Здравствуй, дорогие друзья, Яша и Люба! Наконец-то мне посчастливилось получить от вас весточку. Ведь прошли десятки лет, а вы не меркните в моей памяти. Я представляю вас так ясно, что будто встречал вчера. Очень хочется встретиться, даже не верится, что это возможно. Может, вы приедете на родину Ленина, в город Ульяновск? Для меня это было бы большим праздником. Живём мы с Валею хорошо. Только бы жить, да разъезжать по родным и друзьям, но, увы, болезнь держит. Яша, дорогой друг,

хоть бы голос твой услышать. Прошу тебя, позвони мне домой по номеру Т-4-58-85. Буду очень рад».

Встретиться с Борисом так и не довелось. Звонили по телефону домой, его не застали, он находился в больнице. Затем нам сообщили телеграммой, что Борис умер. Так и не встретились после войны. Так и не поговорили по телефону. Думали, что успеется, а судьба распорядилась по-своему.

Пришло письмо от **Григория Александровича ЗАПЕВАЛОВА** из Ейска. Он пишет:

«Здравствуйте, дорогие друзья Яша и Люба! Спасибо вам, что нашли меня и сообщили о себе. Нас жизнь разбросала в разные стороны, как лёгкие скорлупки. Теперь прибила к берегу. Яша, тебе наверно прислали приглашение на встречу ветеранов в Ленинграде. Мне прислали, вот там и встретимся, в городе нашей молодости. Вспоминаю твои слова: «Гриша, после войны постараемся обязательно встретиться. Посидим за праздничным столом и споём: «Так вспомним, товарищ, как вместе сражались, как нас обнимала гроза»... Приезжайте в Ленинград, мы с Верой приедем обязательно. Яша, ты пишешь воспоминания, это очень хорошо. Молодец. Когда-нибудь напечатают, а если нет, то всё равно потомству пригодятся твои рукописи. Им будет интересно узнать о нас из первых рук. Я тебя очень понимаю, в своей работе над рукописью ты изливаешь свою душу, для тебя писать – то же, что для меня музыка. Меня жизнь не баловала, я не стал настоящим музыкантом, но музыка постоянно живёт со мною и в горе, и в радости, только она может утешить, и только с ней жизнь кажется полнее и глубже. Приезжайте, дорогие друзья, ждём вас в Ленинграде или в Ейске».

Письмо получено от бывшего командира звена 13-го дивизиона малых катеров **ОВСЯННИКОВА Дмитрия Апексимовича**. Он прислал официальный документ, заверенный круглой гербовой печатью. Вот содержание этого документа:

Подтверждение о ранениях старшины, мичмана Горбунова Николая Константиновича, полученных при защите Родины от немецко-фашистских захватчиков в боях за Моонзундские острова в период Великой Отечественной войны в 1941 году.

Я, бывший командир звена 13-го дивизиона малых катеров – тральщиков RVNO водного района БОБРа КБФ, Овсянников Дмитрий Апексимович, проживающий по адресу: город Ленинград, улица Будапештская, дом 3а, квартира 28, был командиром сводного морского отряда на острове Сааремаа с 14 (четырнадцатого) сентября по 4 (четвёртое) октября. Моё звено КМТЩ, а потом сводный отряд моряков принимали активное боевое участие в операциях на

море и на островах Вормси, Муху, Сааремаа (Эзель), Хийумаа (Даго). Мичман Горбунов Н.К. был на катере КМ стрелком-пулемётчиком, а в сводном отряде моряков – командиром отделения захвата.

Во время боёв Горбунов Н.К. был дважды ранен и тяжело контужен в голову с кратковременным онемением конечностей ног и левой руки. Находился в госпитале две недели в июле и неделю в сентябре 1941 года. Первое ранение получил на катере в море, находясь у пулемёта по боевому расписанию при уничтожении торпедного катера противника.

В одной из атак вражеского самолёта Горбунов Н.К. увидел приближение неминуемой гибели своего командира звена, меня, Овсянникова Д.А., закрыл своим телом и броневой плитой и принял на себя очередь вражеского пулемёта. Этим спас мне жизнь. Сам получил тяжёлую контузию головы, сквозное ранение щёк и левой руки с оторванным средним пальцем. Это было в первых числах июля 1941 года. Я лично сам раненого Горбунова поместил в Курессаарский госпиталь.

Второе ранение Н.К. Горбунов получил при выполнении Вормской операции по снятию нашего десанта с острова Вормси, маяка, окружённого фашистами. Из госпиталя вернулся недолечившись, слабым, глухим и сильно заикающимся, с незажившими ранами на простреленных щеках и левой руки. Он был допущен к операции по обеспечению десанта пулемётным огнём. В момент пулемётного единоборства взрывной волной от мины Горбунова сбросило в холодную воду залива и вторично контузило. По возвращению на базу Триги он был госпитализирован. Врачи поставили диагноз онемения конечностей ног и левой руки, глубокую контузию. Через шесть дней госпиталь Триги эвакуировали, а Горбунов Н.К. прибыл в сводный отряд моряков. Не долечившись в госпитале, слабый и заикающийся, Горбунов продолжал сражаться за Родину.

Для нас тогда был дорог каждый защитник.

После 4 октября 1941 года я был направлен на работу в тыл противника на остров Сааремаа (Эзель), и расстался со своими боевыми товарищами на полуострове Сырве.

Основание для подтверждения: моё личное участие и документальная книга Ю.А. Виноградова «Хроника расстрелянных островов», страницы 61 – 63, 157 – 158, а также книга: «Эстонский народ в Великой Отечественной войне Советского Союза», страница 227.

Подписал Овсянников Д.А. 8.06. 1980г.

Службу тов. Овсянникова Д.А. в 13-м дивизионе малых катеров подтверждаю.

Фрунзенский райвоенком полковник Попов

Письмо пишет пенсионер **МАКОВЕЕВ Александр Иванович**, г.Москва.

В 1917 году к революционному Питеру и Кронштадту рвались немецкие боевые корабли.

С этой армадой иностранных кораблей сражались насмерть моряки революционных кораблей «Слава», «Диана», «Гражданин» и другие. Они первыми приняли тогда на себя удар противника. Эти события описаны в романе В.Пикуля «Моонзунд».

У меня в памяти остались довоенные рассказы моего отца И.В.Маковеева. В том бою мой отец корректировал артиллерийский огонь с фок-мачты «Славы». В этой смертельной схватке осколками вражеских снарядов ему раздробило правую руку от плеча до кисти, перебило обе ноги и обожгло всё тело. Он был снят с высоты на палубу с помощью канатов.

Более года он лечился в Гельсингфорсе (Хельсинки). Левая рука осталась сухой. В свои 24 года матрос-сигнальщик И.М.Маковеев остался инвалидом. Но не упал духом боевой матрос революции, стал работать, обзавёлся семьёй. Вырастил шестерых детей, двое из них сражались на фронтах Великой Отечественной войны.

В селе Котельники Люберецкого района Московской области он возглавлял культурно-массовую работу среди крестьян. Дом богача, бежавшего от революции, оборудовали под библиотеку. Набрали книг, начал работать самодеятельный театр, устраивались громкие чтения.

В войну я шёл по стопам отца. Воевал в Прибалтике, на Ленинградском фронте до Великой Победы. Отмечен правительственными наградами.

Маковеев. г. Москва.

ВОСПОМИНАНИЯ АНАТОЛИЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАШОВА

В начальный период Великой Отечественной войны я служил в 15-й отдельной авиаэскадрильи, которая базировалась на острове Эзель в бухте Михельконе. Был в должности старшего техника звена самолётов МДР-6 (Ща-2). Во время полётов на Берлин группы Е.Н.Преображенского, капитану Усачёву, командиру авиазвена из двух самолётов МДР-6, было дано задание оказывать помощь экипажам самолётов Ил-4 при вынужденной посадке на воду во время полётов на стратегические объекты Германии, а так же летать на разведку погоды по маршруту Кагул – Берлин.

В начале сентября полёты в логово фашистов прекратились, группа Преображенского покинула Кагул, и звено самолётов МДР-6 распалось. Я принял обязанности старшего техника авиазвена управления 15-й ОАЭ, командиром

*Старший техник лейтенант
Анатолий Николаевич Мурашов, 1945 г.*

моего звена стал старший лейтенант Новосёлов, он же был заместителем командира эскадрильи по лётной части. Начальником штаба был старший лейтенант Г.С.Репин, начальником строевой – П.И.Усачёв. Восемнадцатого сентября 1941 года 15-я ОАЭ получила приказ перелететь на своих самолётах из бухты Кихельконне на аэродром в районе Новой Ладоги. Перелёт планировался в несколько дней, только ночью и одиночными самолётами. Командир моего экипажа старший лейтенант Новосёлов получил задание перелететь двадцать первого сентября ночью.

С нами определён лететь начальник штаба 12-й КОИАЭ капитан Гольберг Самуил Аронович. Я должен лететь за стрелка радиста, а на моём месте, на правом сидении рядом с командиром корабля будет Гольберг. Всего на самолёте должно разместиться шесть человек, Новосёлов – командир экипажа, Г.С.Репин – начальник штаба, А.Н.Мурашов – техник звена, начальник секретной службы, начштаба С.А.Гольберг, и я, техник самолёта.

Мне Гольберг был незнаком. На нём был кожаный реглан и морская фуражка, среднего роста, очень подвижный, инициативный. Двадцать первого сентября в 22 часа мы покинули Кихельконну. Весь маршрут предстояло совершить над территорией, занятой немцами.

В конце маршрута, ближе к Ленинграду, нас обстреляла вражеская зенитка. Снаряд попал в самолёт, разворотил всю плоскость. Была выведена из строя левая группа бензобаков, элероны не действовали, запахло гарью. Началась борьба за живучесть самолёта. Старший лейтенант Новосёлов с великим трудом удерживал самолёт в горизонтальном полёте, рассчитывая перелететь линию фронта и сесть на своей территории. Бензин вылился, моторы

заглохли, самолёт беспорядочно плюхнулся в воду. Все получили сильные ушибы.

Тонувший самолёт мы покинули на резиновой шлюпке, которую успели вытащить. Я успел снять пулемёт ШКАС вместе с патронным ящиком, Новосёлов снял второй. На шлюпке мы пробивались к берегу. Гольберг отобрал у нас все документы. Лично я в руки Гольберга отдал комсомольский билет и удостоверение личности. То же сделали все остальные. Я видел, как Гольберг привязал все документы к пулемёту и сбросил всё в воду. Было темно. Мы выбрались на берег, нас окружили фашисты, завязался бой. Фашисты были вооружены автоматами. Новосёлов отстреливался из пулемёта, остальные расстреливали обоймы пистолетов. В этом бою меня ранило в левую ногу. Боль была сильная, я не мог передвигаться. Наша группа с боями отходила на сушу, отдаляясь от меня. Я слышал, как Гольберг кричал:

– Не стреляйте! Не стреляйте!

Перестрелка продолжалась, потом голос Гольберга затих. Мне показалось, что его убили. Огонь и хлопки от выстрелов удалялись от меня. Я не мог пошевелиться от боли. Самое жуткое состояние почувствовал в тот момент, когда понял, что остался один. Пролежал на одном месте до рассвета и весь день. Вечером меня обнаружили фашисты и забрали в колеску мотоцикла.

Вначале меня привезли в лагерь под городом Поповым, местечко Кресты, в 1943 году перевели в концлагерь Радвилишкис в Литве. Из этого лагеря мне удалось бежать и попасть в партизанский отряд района города Шадова (Литва). В августе 1944 года партизанский отряд соединился с частями Советской Армии. Так я остался жить и продолжать служить в Советской Армии, уничтожать фашистов, изгонять их с родной земли.

В 1945 году я узнал о судьбе членов экипажа нашего самолёта. Новосёлов и Репин остались живы, об остальных сведений не поступало. На этом кончаю свой рассказ.

А.Мурашов

«Уважаемый Яков Михайлович!

Пишет Вам Мурашова Тамара Александровна, жена Анатолия Николаевича.

Вашего товарища по оружию Анатолия Николаевича больше нет.

Он умер 14 октября 1986 года. Пошёл в сад ненадолго, а остался навсегда. Я не могла с ним пойти в сад, четыре дня как вышла из больницы, лежала пять недель с сердцем. Он же был болен стенокардией, вероятно не смог достать из костюма нитроглицерин. Сын нашёл его в саду уже холодным.

*Я.М.Вьюгин (слева направо)
и А.Н.Мурашов.
Встреча ветеранов в 1986 г.
У памятника в Кагуле (Козуле).
Памятник открыт 11.10.1969 г.
К 25-летию освобождения Сааремаа. До сегодняшнего дня не сохранился.*

Нет слов выразить наше горе. Хоть он и готовил меня к этому. И всё же это произошло неожиданно. В этот день его многие видели, он со всеми разговаривал, ходил на завод, был жизнерадостен. Мне сказал, что скоро вернётся, просил приготовить обед. Думала, что он скоро вернётся, и вдруг... это было не вдруг, он десять лет жил на нитроглицерине. Я очень боялась, что не вернётся из Эстонии, где он был с вами на встрече. Он много рассказывал о тех памятных минутах. С тех пор прошло два месяца, как его не стало. Да. Горе моё неизмеримо. Трудно смириться, что его больше нет.

Хоронили Анатолия Николаевича всем заводом. Развитие Лысковского электротехнического завода, его превращение из кустарных мастерских в крупное современное предприятие проходило при его непосредственном и самом активном участии, где он был начальником цехов: прессового, литейного, №14, начальником производства, а с 1973 года до ухода на пенсию трудился заместителем директора завода. С работы приходил усталым, но довольным и энергичным. Остались в памяти многих его высокие качества, которые проявлялись на протяжении многих лет, простота, скромность, исключительная добросовестность. За внесённый вклад в развитие производства, он был награждён Орденом Трудового Красного Знамени. На пенсии он не терял связи с заводом, проявлял глубокую заинтересованность и ответственность делами предприятия.

Так было написано в некрологе, так вспоминали его друзья и сослуживцы. Всем вам он желал долголетия. Высылаю его фотографию.

До свидания. Будьте здоровы на долгие годы.

*С уважением
Т.Мурашова*

Иван Петрович ДЕНИСОВ, бывший политрук роты, неожиданно получил такое письмо:

«Дорогой Иван Петрович, милый мой политрук, ты жив. Я об этом узнал из книги бывшего Командующего Балтийским флотом адмирала В.Ф.Трибуца «Балтийцы идут в бой». Он там пишет о тебе. Нет слов, чтоб выразить мою радость, я готов немедленно ехать в Ленинград, но прежде решил написать письмо. Звонил Ивану Кочетасову, он тоже очень рад, что ты жив. А ведь мы тебя похоронили в 1943 году»...

Это было письмо от **Дмитрия Ивановича БЕЛЯЕВА**, который прошёл с боями вместе с Иваном Петровичем самые тревожные дни на Эзеле. Со своим отрядом они пробивались к Ориссааре. Вместе делили горькую участь. Ивану Петровичу сразу вспомнилась добродушная улыбка Беляева, густая чёрная шевелюра, крепкая фигура и по-мужски красивое лицо.

Иван Васильевич КОЧЕТАСОВ был комсоргом в его 24-й батарее.

Через некоторое время пришла телеграмма Ивану Петровичу:

«Встречай тринадцатого поезд 22 вагон 7, Беляев, Кочетасов».

Всю ночь не спал Иван Петрович, сверлила мысль, узнает ли он их. Волнения были напрасны, они узнали друг друга сразу. В крепких объятиях плакали, целовались, радовались. Пассажиры, видя эту встречу, останавливались, а кондуктор объясняла:

– Фронтовики, не виделись тридцать лет!

Так они шли по Невскому, держась друг за друга. Пришли на квартиру. Их встречала добродушная хозяйка, участница обороны Ленинграда, Ада Сергеевна Денисова. За праздничным столом то и дело слышалось:

– А помнишь,... а помнишь!

Почти каждый год они встречались на острове Сааремаа. Возлагали цветы на священную землю, могилы павших товарищей.

Жители острова священно чтут память погибших защитников, содержат могилы в образцовом состоянии, радушно встречают живых ветеранов.

КОМБАТ А.Т. ЗАХАРЧЕНКО

И от пуля невредим и жарой не палим,

Прохожу я по кромке огня.

Видно, мать непомерным страданьем своим

Откупила от смерти меня.

А.Сурков

О героических сражениях на острове Эзель вспоминает бывший командир батальона 79-го стрелкового полка 3-й стрелковой бригады капитан Андрей Трофимович Захарченко:

*Командир пулемётного батальона
79-го стрелкового полка
Андрей Трофимович Захарченко. 1941 г.*

«Прошло много лет после жарких сражений на острове Эзель, но в памяти сохранились боевые подвиги защитников, о которых я расскажу.

Командиром 3-й стрелковой бригады был полковник П.М.Гаврилов, командиром 79-го стрелкового полка был майор Ладеев. Формировалась 3-я стрелковая бригада в городе Кингисепе Ленинградской области. Двадцатого августа 1940 года прибыли в город Курессааре на острове Эзель. Местом дислокации был мыс Малев в 11-ти километрах от Курессааре.

Командир бригады дал распоряжение своим батальонам выбрать место расположения и доложить свои соображения.

Выполняя распоряжение, я с командирами рот вышел на местность. Штаб батальона предположили разместить в доме бывшей помещицы Лепихе. Приступили к строительству помещений для всего личного состава и к выполнению программы учебно-боевой подготовки. Седьмого мая 1941 года, несмотря на плохую погоду с дождём и сильным ветром, мы приступили к строительству укреплений Балтийского района на восточном побережье Ирбенского пролива.

Надо было построить укрепления для 33-х пулемётных точек и 4-х артиллерийских установок. Работали по две смены. Жили в палатке в лесу. Двадцать первого июня вечером смотрели кинофильм «Богдан Хмельницкий» и не успели сделать отбой ко сну, как услышали сигнал боевой тревоги. Из штаба поступила команда перейти на боеготовность № 1. По тревоге батальоны заняли оборону в районе бухты Тагалахт. Мой батальон разместился в роцке, восточнее города Курессааре. Это было началом боевых действий. Мы начали строить укрепления по восточной окружности города Курессааре, вдоль побережья залива до реки Насва.

Начали пробную пристрелку по Рижскому заливу, окапывались и тщательно маскировались. В ходе подготовки каждая пулемётная точка знала свой сектор обстрела и боевую задачу. В батальоне три пулемётные роты, в каждой роте 12 станковых пулемётов. При умелом действии – это огромная сила. Командиром первой роты моего батальона был лейтенант Окунев, политруком – Погребной, второй роты – Шварцбург, политруком – Иванов. Командиром третьей роты был лейтенант Федченко, политруком – Поляков. Во всех подразделениях чувствовалась слаженность и взаимовыручка. Год упорной подготовки положительно сказался на выучке личного состава, который мог отлично выполнить любую задачу. Как ни пытался противник овладеть островом со стороны моря, это ему не удалось. Родовались победам катерников и успехам дальнобойной 315-й батареи, они за одни сутки уничтожили четырнадцать транспортных средств противника. Фашисты поняли, что со стороны моря им не удастся овладеть островом, и стали вести бои со стороны материка.

Это было 16-го августа. Обстановка изменилась. Я получил приказ занять оборону в районе Сальме. Там сапёры вырыли противотанковый ров, установили проволочное заграждение в два кола, вырыли траншеи и заминировали некоторые места. К вечеру батальон был переброшен и расположился в следующем порядке: вторая рота – справа, первая – посередине и третья – на левом фланге. Усовершенствовали траншеи и пулемётные площадки, произвели тщательную маскировку. Каждой пулемётной точке был определён сектор наблюдения. Через шесть дней приехал генерал Б.А.Елисеев. Его провели по переднему краю участка, он одобрил и, пожав руку, сказал:

– Товарищ Захарченко, здесь вы будете стоять насмерть. Отходить некуда, дальше вода. Все отступающие одиночки и группы будут поступать в Ваше распоряжение. Тяжелораненых отправлять в тыл.

В ходе жарких сражений стали поступать одиночки и группы бойцов, многие были ранены. Пришлось строить оборону в два эшелона. В моём подчинении оказалось 670 своих бойцов, 36 станковых пулемётов своих и 11 поступивших от 46-го стрелкового полка, винтовок было с избытком. Образовался такой укрепрайон, что вселяло уверенность в победе. Прибыла группа моряков с потопленного катера. Лейтенант Сорокин доложил:

– Поступаю в Ваше распоряжение, и со мной одиннадцать моряков.

Вскоре они приняли бой. Из одиннадцати осталось трое. Сорокину оторвало миной руку.

Бои были жаркие. Атаки следовали одна за другой. Наши ряды таяли. Впереди нашей обороны был кустарник, где накапливался противник для следующей атаки. Мы были замаскированы, и противник не знал о нас. Когда фашисты подползли к нам на 50 метров, мы встретили их шквальным огнём. Когда они стали отползать снова в рощу, это уже были одиночки.

Нас стали бомбить «юнкерсы», потом снова полезли фашисты. В этот день мы отбили четыре атаки. Враги усеяли трупами поле боя. Мы потеряли три расчётные точки вместе с расчётами.

Уважаемый Яков Михайлович!

Я дошёл до такого места, что дальше писать не могу. Вот на столько у меня хватило сил. В следующем письме возможно закончу».

Долго не было писем от Андрея Трофимовича, и, наконец, он прислал продолжение своего рассказа:

«Прошу прощения за такой длительный перекур. На второй день после того, как я отправил вам письмо, пришёл доктор и выписал направление в стационар. Я отказался идти туда, стал лечиться выписанными им таблетками. Итак, продолжаю свой рассказ.

Вам уже известно, что немецкие войска ночью не наступали. В это время мы приводили в порядок подразделения и восстанавливали маскировку. Но вот однажды ночью со стороны Финского залива они высадили десант и зашли в тыл первой и второй роты. Пришлось организовать из резервов ударную группу и ликвидировать этот десант, затем восстанавливать оборонительный рубеж. В этих боях и мы имели потери. В ночном бою погиб командир второй роты Шварцбург, командир первой роты Окунев и политрук первой роты Погребной, политрук третьей роты Поляков и младший лейтенант первой роты Штыков, много погибло рядового состава. Наши ряды поредели, но без приказа мы не отходили. Утром получили приказ отойти на запасной рубеж в районе Каймри. Пришла санитарная машина за ранеными, в машине находился начальник санитарной службы нашего 79-го полка доктор Зыков. В это время разорвалась мина, и осколком снаряда ранила в живот рядового Левченко. Погрузили раненых.

– Садитесь в машину, – сказал мне доктор Зыков, – я довезу вас до нового оборонительного рубежа.

– Нет! – сказал я, – я буду отходить только с боями и только со своими людьми, которые верили и верят в меня.

Мы отходили с боями. Станки Соколова отсоединили, тяжеловато было их тянуть, приспособлялись нести на сучках и багорках. Люди были очень усталые, но вели огонь по противнику, который преследовал нас. Осталось одиннадцать пулемётов. Дал бойцам немного отдохнуть, усилив наблюдение и безопасность с флангов и установив фланговые пулемётные точки. Я сел, прислонившись к сосне, меня окружили бойцы, курить ни у кого не было. У меня остался один связной, второй погиб. Над нами просвистела мина, разорвалась и убила одного бойца по национальности узбек.

– Кончай курорт, – скомандовал я, – пошли дальше.

Стали подходить к оборонительной линии. Это была большая поляна. Была видна дорога, по которой ушла машина с ранеными и с начмедом Зы-

ковым. Увидели машину, она лежала опрокинутой в кювете, прямым попаданием были убиты все раненые и начмед. Волею судьбы, я отказался тогда поехать в ней и остался жив.

Мы подошли к оборонительной линии, прошли по обозначенному проходу, вся поляна была заминирована. В наспех построенных дзотах приняли оборону. Меня вызвали на командный пункт. За себя я оставил начальника штаба батальона Макарова. По дороге меня встретил командир полка Ладеев. Он не находился на одном месте, его всё время перебрасывали на разные участки.

– Ты куда, Захарченко? – спросил он.

– Меня на командный пункт вызывают, – ответил я.

– Скажи там, чтобы меня освободили, – просил Ладеев.

Оказалось, что он руководил этой обороной до нашего прихода.

Пришёл я на командный пункт, там был батальонный комиссар Шатров.

– Ладеев просил его освободить, – сказал я.

– Ничего, – ответил Шатров, – пусть побудет там, а ты будешь на командном пункте формировать резервы ему на пополнение.

– Мне как-то неудобно, – сказал я.

– Так надо, – ответил Шатров, – тебе надо отдохнуть и привести себя в порядок. Ты оброс щетиной, тебя не узнать.

– Разрешите забрать начальника штаба Макарова?

– Разрешаю, – ответил Шатров.

Два дня мы собирали с Макаровым резервы. Это были бойцы хозяйственных подразделений. Обучали их стрельбе из винтовок, бросать гранаты. Макаров был чем-то озадачен, ему было не по себе. Он сказал:

– Комбат, давайте уйдём к своим бойцам, они скучают без нас, а мы без них.

– Я тоже бы хотел этого, поговорю с Шатровым.

Разговор состоялся.

– Вы здесь больше нужны, – ответил Шатров.

Мы стали настоятельно просить его, и после долгих колебаний он сказал:

– Идите крошить фашистов, вы это доказали своими делами.

Мы ушли. Ряды наши убывали с каждым днём и часом. Командный пункт переместился с Кайми к Ирбенскому проливу. Фашисты наступали, разбомбили все наши дзоты, и нам пришлось отойти. Там уже не было запасных позиций. У нас всё было на исходе, люди и боеприпасы. Враг был уверен в разгроме наших сил, смело преследовал малочисленные подразделения. Мы собрались в единый кулак, поклялись драться до последнего патрона, до последней капли крови.

На рассвете третьего октября сформировали около роты в 150-200 бойцов и пошли в наступление. Нас встретили фашисты сильным заградительным огнём. Мы залегли. Мне пришлось дать команду:

– Отойти на исходный рубеж!

Мы ползли 600 метров по полю, усаженному картофелем, а проклятые «мессера» преследовали нас до самой опушки леса. В спасительном лесу я сосчитал живых. Снял шинель, отряхнул пыль и обнаружил в ней четыре пулевых пробоины.

– Наверно, сама судьба меня хранит, – подумал я тогда. Жалко было планшет, который незаметно оборвался и был потерян. Там была карта и семейная фотография, жена и две дочурки, они были всегда при мне.

– Теперь их нет возле меня, может быть и судьба мне изменит, – подумал я с грустью.

Посмотрел на своих бойцов. Говорят, на войне страшно, в их лицах я не видел страха, и это меня отрезвило, придало больше сил и ненависти к врагу. Мы опять пошли в наступление. С криками «Ура!» мы гнали фашистов без передыха два километра. Они бежали и оставляли всё своё снаряжение. Нас остановил их заградительный огонь. Мы залегли. Рядом со мной лежал политрук второй роты 3-й отдельной бригады Иванов.

Слышу выстрел... лежавший рядом со мной Иванов захрипел. Я тронул его, он не проронил слово. Пуля попала в голову. Горько стало на душе.

– Наверно, судьба меня хранит для грядущих битв, – подумал я.

Стали собирать раненых, среди них лежали убитые фашисты, из них два офицера. Один был одет в наше обмундирование командного состава. Я приказал снять с него наше обмундирование. Подобрали их оружие, ещё оказалось четыре длинных фугона, доверху набитых. Награбленное имущество мы направили в тыл. Они не ожидали нашего наступления, их пугало наше громкое «Ура!» по всему фронту. Мы не ожидали подкреплений и дрались отчаянно. Я был горд тем, что на всём протяжении боёв не терялся боевой дух. Чтобы экономить патроны, мы шли врукопашную. В одной из штыковых атак мне штыком пропорили левую руку. В другой атаке поцарапали грудь. Спасибо ребятам, которые шли рядом со мной, перевязали, помогли, им я благодарен до конца своей жизни. И здесь я остался жив.

С боями и контратаками пятого октября мы вышли к Ирбенскому проливу. Нас осталось одиннадцать человек, вооружённых тремя станковыми пулемётами без боеприпасов. Эти трудяги-пулемёты мы разобрали и по частям сбросили в воду. Мы оказались одиночками и безоружными. Мои подчинённые смотрели на меня и ждали моих решений. С ними расставаться было очень тяжело. Мы с грустью смотрели на материк через Ирбенский пролив, там было наше спасение. А как туда проникнуть? Решили сообща пробиваться мелкими партиями, так будет легче пройти незамеченными. Я остался с воентехником нашего полка Паниным. Он был тоже ранен, в ногу. Мы решили пройти камышами. Измотанные до предела, изнемогли от усталости и усну-

ли. Утром при прочёске леса нас обнаружили фашисты и схватили. У Панина оставался один патрон в пистолете для себя, но он не успел выстрелить. Нас избили и забрали в лагерь, находившийся в Валге, в Эстонии. Панин умер от ран и голода.

В этом лагере нас, командиров Советской Армии, оказалось пятьдесят человек из Моонзунда. Нас направили в Германию на станцию Вюльниц на шпалопропиточный завод. Переводчиком у нас был Леонид Фёдорович Андрианов, который наладил связь с подпольщиками немцами. Через него мы знали о действиях фашистов, знали, что 22 июня 1944 года готовилось покушение на Гитлера, имелась связь и с другими лагерями. В день покушения узники должны были восстать, разоружить фашистскую охрану и завладеть складами с оружием и боеприпасами. Был разработан план действия, о нём знали только Леонид Фёдорович и я. В неволе мы продолжали вести борьбу с фашизмом. Каждый пленный на своей подпольной работе имел задание и строго его выполнял. Мы часто выводили из строя кабель высокого напряжения. Неправильно привёртывали пластинки к шпалам, в буксы колёс вагонов насыпали песок, собирали пайки хлеба и готовили к побегу наших товарищей. К сожалению, бежать было очень трудно, всех ловили и возвращали обратно в лагерь, сажали в карцер и сильно избивали. Из всех, кто совершил побег, только один не вернулся, вернее сказать, его не вернули в лагерь. Это Анатолий Рогов, его судьба осталась неизвестной и поныне.

Когда линия фронта приближалась, нас стали перегонять подальше. Привели к реке Эльбе. Там стояло много железнодорожных транспортов, не успевших переехать на ту сторону Эльбы. Мост был разрушен, нас переправили на маленьком понтонном мостике и погнали дальше. Пригнали в какой-то город, разместили в домах, где жили американские и французские военнопленные. Союзные войска освободили этот город, и мы оказались на территории, занятой американцами. Голодные русские пленные успели побывать на продовольственном складе, прихватили питания и курева. Узнав об этом, американцам не понравились такие самовольства. Нам с Леонидом Фёдоровичем пришлось отвечать. Среди военнопленных я был старшим, а Леонид Фёдорович – переводчиком. Меня с Леонидом Фёдоровичем вызвали к американцам. Мы зашли в кабинет и увидели четырёх американских офицеров. Они сидели за столом, около каждого стояла бутылка виски и маленькая рюмка на тонкой ножке. Стол был заставлен всякой закуской. К нам они отнеслись дружелюбно, пригласили за стол. На столе лежали сигареты и пепельницы. Судя по тому, что американцы разговаривали с нами на английском языке и жестами, я понял, что они не знают нашего русского языка. Я сказал Леониду Фёдоровичу:

– Попробовать бы виски, сроду не пил.

Они поинтересовались у Леонида Фёдоровича, что я говорю. Он им пережёв, тогда они налили нам по рюмочке.

– Нам бы по гранёному, – сказал я Леониду Фёдоровичу.

Когда они услышали перевод этих слов, громко рассмеялись, один позвонил, и им принесли гранёные стаканы. Себе они налили по рюмочке, а нам по гранёному стакану. Выпили, закусили. Хотя мы были слабыми, но хмельное нас не брало, мы чувствовали ответственность, не могли ударить в грязь лицом. Русские всегда прикидываются простачками, но дело знают. Им казалось, что такая порция крепостью в сорок градусов нас моментально сшибёт с ног, но мы держались достойно и продолжали беседу. После такого радушно-го приёма мы поблагодарили за гостеприимство и ушли к своим.

Нас было много, теперь мы оказались главнее немцев. Они бежали, а мы преследовали и вооружались их оружием. Здесь на реке Эльбе мы встретились с нашими регулярными частями Красной Армии. Это были самые счастливые минуты в моей жизни. Сдали оружие. Нас собрали, распределили по железнодорожным эшелонам и направили в распоряжение Смоленского военного округа. Пятого декабря 1945 года я был уволен в запас.

Уехал в Орехово-Зуево к своей семье. О встрече писать не буду, она была трогательной. Началась мирная гражданская жизнь. Побывав в аду, посмотрев смерти в глаза, только тогда сможешь оценить эту жизнь, величие, красоту души русского человека и его добродушие, которые остаются загадкой для иностранцев.

Долго работал на предприятиях Народного хозяйства, был Ударником коммунистического труда, членом профкома. Вместе со мной по трудным дорогам и ухабам жизни шла моя верная жена Мария Васильевна. В 1941 году она эвакуировалась с острова Сааремаа с двумя маленькими дочками, Галочке было четыре года, Ниночке одиннадцать месяцев. Никаких сумок и чемоданов на пароход не принимали, под обстрелом и бомбёжками они семнадцать суток ехали до Гусь-Хрустального, голодные и грязные. Все пережитые ужасы не описать и не рассказать без слёз. В Гусь-Хрустальном она не остановилась, поехала в Орехово-Зуево к своим родителям. На вокзале их встретила сестра Василиса Васильевна. Началась борьба за спасение детей. Врачи сказали, что девочки в безнадежном состоянии. У родителей была своя корова, бабушка стала отпаивать внучек парным молочком. Великая сила выживания победила – в родном доме и стены помогают, а тем более, когда рядом близкие и добрые родители и сестра.

Девочки выжили, стали прилежно учиться, вышли в люди. Галочка сейчас преподаёт английский язык в Яхромском техникуме, а Ниночка – историю и политэкономия в Дулёвском техникуме. После войны у нас появился сынок Леонид. Работает шофёром. Жизнь стала прекрасной, только мучают болез-

ни. Мне дали инвалидность. Мария Васильевна до сих пор видит во сне, как с детьми спасается от бомбёжки, над головой воеет мотор, по щекам бьют стебли кукурузы, на руках Ниночка, к ногам жмётся Галочка, и нет спасения. Просыпается в холодном поту, принимает лекарство, до утра не заснуть. Перенесла четыре операции.

Большую радость нам приносят внуки. Их у нас пятеро, четыре внучки и один внук. Им продолжать наш род, строить прекрасное будущее».

А.Т.Захарченко.

Примечание автора: Мария Васильевна Захарченко умерла в 1988 году.

ЗВЕРСТВА ДВУНОГИХ ЧУДОВИЩ

*Красноармеец Константин Михайлович Мороз
1941 г.*

Константин Михайлович Мороз начал так свои воспоминания:

«Шёл второй месяц Великой Отечественной войны. Я служил в первом отделении первого взвода 34-го отдельного инженерного батальона береговой обороны Балтийского района БОБРа. Мы находились на эстонской пристани Виртсу, занимались переправой груза и людей. К нам прибыл железнодорожный эшелон из Таллина. Он был последним, шли бои под Таллином. Никто из нас не знал, где находится противник. Командир взвода лейтенант В.Богомоллов поставил нас троих на охрану пристани, а сам с сорока бойцами пошёл на разведку по направлению к Таллину. Была полная тишина, гражданское население переправлялось через залив и возвращалось с острова Муху, а мы проверяли документы. Над нами пролетел наш советский самолёт, сни-

зился, и лётчик стал махать рукой. Мы решили, что он нас приветствует, и отвечали тем же.

Через некоторое время послышались одиночные винтовочные выстрелы. Это наш взвод встретился с противником и с боями отступал к пристани. Противник был вооружён танками, мотоциклами, мотопехотой. Наш взвод прошёл с боями десять километров и потерял двадцать пять человек. Прибыло на пристань Виртсу шестнадцать человек, из них пять раненых. В их числе был командир взвода. Мне было приказано просмотреть прибывший груз. Он оказался не военным, и было приказано взорвать вагоны. Мы подложили тол и зажгли бикфордов шнур. Меня, не успевшего далеко отойти от вагона, сбросило в воду, двоих ранило. На пристани стоял пароход, которому следовало идти на остров Муху. Остатки взвода, в их числе и мы, подрывники, сели на этот пароход и направились в открытое море. Противник к пристани не подходил, там рвались вагоны. Нас обстреляли из танков, но стоявшие наши малые военные катера взяли огонь на себя, маневрируя возле пристани, дали возможность отойти пароходу. Он несколько раз загорался, но пожар тушили. Израненные и контуженные, мы дошли до острова Муху. Остатки нашего взвода передали второму взводу, которым командовал лейтенант В.Попов. Так закончилось наше первое боевое крещение. Нам стало ясно, почему наш лётчик кружился над нами и махал рукой. Он предупреждал нас о движении немцев в нашу сторону.

С острова Муху нас перебросили на полуостров Кубассаар, где находилась 43-я батарея под командованием Букоткина. Наша рота вступила в бой с большой силой наступавшего противника, высадившегося воздушным десантом. После кровопролитных боёв с десантами мы потеряли половину бойцов. Выданные обоймы патронов были израсходованы, бойцы стали вооружаться трофейными автоматами. На плавсредствах подходили фашистские десантники, батарейцы топили их. Кровопролитные бои продолжались более трёх суток. Израненные подразделения теснились к дамбе, а потом ночью её прошли и оказались на Эзеле. Здесь на полуострове Церель сражались днём и ночью. На второе октября от роты осталось около взвода, затем около сорока человек. Пятого октября мы приняли оборону в лесу около 315-й батареи. Она уже молчала. Ночевали в блиндаже, рано утром прилетел самолёт, обнаружил наш блиндаж и сбросил бомбы. Одна попала в блиндаж и весь разворотила. Много бойцов было убито. Это было шестого октября в 7 часов 20 минут. В 11 часов ночи бойцы кавалерийского взвода откопали блиндаж, высвободили оставшихся в живых и ушли в лес. Я не приходил в сознание. Пришли немцы, пленили живых, раненых расстреляли на месте. Меня бойцы спасли от расстрела.

В плену моя контузия стала понемногу отходить, и я стал разговаривать. Меня заботливо окружали трое бойцов, которые стались в живых из общего количества бывших в блиндаже. Нас привезли в лагерь Валги, который на-

ходил на границе Эстонии и Латвии. В этом же лагере находился капитан А.М.Стебель. Нас мучили голодом, холодом, очень много умирало. В мае 1942 года некоторых из нас стали раздавать крупным земельным крестьянам – кулакам. Я угодил к очень богатому хозяину – латышу. Он был богат и жесток, над пленными издевался. Кормили плохо и много заставляли работать. Его сын был полицаем.

С одним узником по имени Алексей мы договорились сбежать. Заготовили немного продуктов, табаку и ночью сбежали. Бежать не было силы, пользуясь темнотой, добрались до леса. Не зная дорог, вскоре мы напоролась на немцев, нас схватили, отправили в Рижскую тюрьму. Мы сказали, что сбежали из вагонов по перевозке пленных. Нас пятьдесят дней держали в тюрьме, затем направили конвоем в лагерь Саласгрива. Это в семидесяти километрах от Рижского залива. В этом лагере нас с Алексеем Зинченко держали до ноября 1943 года, потом отправили в австрийский лагерь Вайдена.* Австрийский концлагерь был огромный. Там были собраны пленные всех национальностей, русские, поляки, французы, евреи, чехи, болгары и многие другие.

Ввиду переполненности нас отправили в Польшу в концлагерь «Верхняя Силезия». Этот концлагерь был в десяти километрах от города Катовицы. Было нас не менее 500 человек.

Утром меня направили в угольную шахту, которая называлась шахтой Бис. Голодных и истощённых, нас опускали в подземелье, мы еле держались на ногах от головокружения. По разговору в шахте я определил национальность шахтёров. Это были поляки, немцы, шлёнские поляки, фольдюги. Фольдюгами назывались шахтёры, у которых отец был еврей, а мать немка, или наоборот. Меня завели в лаву, где были два немца и один поляк. Я рухнул на грунт от бессилия. Тогда они набросились на меня и начали избивать. Затем,

* Фашистских концлагерей было много. В годы второй мировой войны фашистская Германия поставила задачу политического и экономического закабаления Европы и всего мира, физического уничтожения целых народов, в первую очередь славянских, а так же тотального истребления евреев и цыган. Об этом чётко изложил Гитлер в своей книге «Майн кампф», об этом говорят стенограммы совещаний у Гитлера и соответствующие приказы. По данным органов СС, которые вели управление и охрану концлагерей, к апрелю 1942 года насчитывалось 15 основных концлагерей и 100 филиалов, к апрелю 1944 года 20 основных и 1000 филиалов, к концу войны примерно 1650 наименований. Концлагеря были двух типов, исправительно-трудовые и «лагеря смерти», оснащенные лабораториями для «медицинских экспериментов», газовыми камерами и крематориями, позволявшими проводить невиданное по масштабам массовое уничтожение людей. Освенцим, Трешлинка, Майданек, Бухенвальд, Собибор, и другие «фабрики смерти», в которых люди проводили несколько часов. Ликвидация узников шла непрерывным, ускоренным темпом по несколько тысяч человек в сутки. Из 18 миллионов граждан СССР, Польши, Франции, Чехословакии, Румынии, Венгрии, Югославии, Бельгии, Нидерландов погибло 11 миллионов человек (по данным Б.С.Э.)

окровавленного бросили в вагонетку, присыпали углём и отправили вагонетку к стволу. Мой стон услышал гиленский поляк по имени Роман. Он вытащил меня из угля, отряхнул, обтёр кровь на лице, посадил возле себя, дал кусочек хлеба и налил из фляги чаю. Он спросил меня о случившемся, я рассказал. Появился начальник участка шахты. Он пристально посмотрел на меня, но ни о чём не стал спрашивать. Было видно, что немцы, которые меня избивали, сказали ему, что я не захотел работать, и они меня проучили. Роман отвёл начальника в сторону, и они долго о чём-то разговаривали. Начальник ушёл, Роман подошёл ко мне и сказал:

– Будешь работать со мной, вместе будем отправлять до ствола вагонетки с углём и подавать пустые.

Так мы работали, я подменял Романа. Но это было редко, он сам всё делал. У нас был сменщик, фольдюг, звали его Оскаром. Он вёл себя надменно, на польском языке не разговаривал, к пленным относился пренебрежительно, всегда был чем-то недоволен. На вид был тощий, злой. Он всё передавал начальству, и мы его постоянно остерегались. Много я от него натерпелся. Как-то он закурил и бросил недокуренную папиросу, и когда я за ней потянулся, он наступил мне на руку.

Пленных опускали в шахту первыми и поднимали последними.

Шёл август 1944 года. Погода стояла прекрасная, природа щедро дарила радость людям, в саду зрели румяные яблоки, головки подсолнухов гнулись от тяжести. Нам это было недоступно, мы находились в шахте по 10 – 12 часов. Потом под конвоем приходили в грязный, вонючий барак. И так каждый день.

Однажды утром нас привели на работу. Я ожидал Романа, чтобы с ним спуститься в шахту. Он пришёл, и мы начали спускаться. Опустились на 800 метров, затем 40 метров прошли по лестнице. Время было достаточно, чтобы поговорить. Роман мне доверял, рассказал о событиях на фронте, какие города освобождены, где находятся русские войска. Русские войска находятся в Катовицах, и скоро будут здесь, сказал Роман. Потом я узнал, что Роман был польским коммунистом. На наши головы падал ливень воды, и Роман дал сигнал. Пришла вагонетка гружённая, затем пустая. Когда Роман ушёл, ко мне подошёл Оскар. Он стал разговаривать со мной на польском языке, что никогда не делал до этого. Он стал заискивающе добрым, угощал хлебом и чаем, меня это удивило и насторожило. Неожиданно он задал вопрос:

– Что сделают со мной русские, когда придут?

– Лично я бы тебя повесил, – ответил я спокойно.

Он никак не отреагировал на мои слова, старался войти ко мне в доверие.

– Русские недалеко, есть приказ немцев и поляков поднять из шахты, а военнопленных оставить и затопить, – сказал он мне на ухо, понизив голос.

Наш разговор прервался с появлением Романа. Зазвенел телефон, Роман взял трубку.

– Слушайте приказ, – кричал в трубку фашист, – немцам и полякам подойти к главному стволу, пленным оставаться на месте.

Роман положил трубку, я спустил его на сорокаметровую. На пульте остался Оскар. Всех немцев и поляков он переправлял к главному стволу, затем попросил меня спустить его к стволу. Пришла с углём вагонетка, он встал на уголь, и я опустил эту вагонетку в ствол. Когда вагонетка дошла до половины, я дал полный, и вагонетка рухнула, обратно пришёл оборванный конец семидесятиметрового троса. Так Оскар ответил за всё.

Когда все немцы и поляки подошли к главному стволу, они с Романом уже были осведомлены о плане затопления военнопленных. Ни один немец и поляк не захотели подниматься до тех пор, пока не поднимут всех пленных. Они не хотели отвечать вместе с фашистами за это злодеяние. Всех военнопленных подняли из шахты и повели в барак.

Там разрезали хлеб, одну буханку на десять человек, разделили, построили всех в колонну и погнали в Карпаты. Фашисты не хотели, чтобы военнопленные попали к русским войскам.

Огромная колонна из двадцати тысяч человек двигалась в сторону Чехословакии. По пути многих расстреливали за подозрение к побегу. Днём эта колонна двигалась, а ночью всех загоняли в воду. Мы стояли в воде, а с гор нас расстреливали из пулемётов. Утром всех раненых добивали. И это длилось на протяжении восьми – десяти дней. Нас оставалось всё меньше и меньше. Потом всю эту колонну вывели на асфальтовую чехословацкую дорогу. Чехи и словаки узнали об этом, стали выносить куски хлеба и варёную картошку и оставляли на обочине дороги. Пленные проходили и с жадностью голодных набрасывались на пищу, гитлеровцы не разрешали брать и расстреливали всех, кто осмеливался нагнуться. Истощённые и голодные стали падать, их добивали из автоматов. Примерно 25-го марта нас загнали в большие кирпичные сараи в какой-то деревне и закрыли двери на всю ночь. Утром через щели стал проникать свет, но нас никто не выпускал. Нас было так много, что мы могли только стоять. Тяжело было дышать. Мы стали стучать, бить в двери ногами, но никто к дверям не подходил. Начали выламывать дверь, и она открылась. Из охраны никого не было. Это были оставленные хозяевами баурские хутора. Мы начали находить оставленные продукты и сразу их поедали, многие погибли от заворота кишок.

Мы были в десяти – пятнадцати километрах от города Вайден, который находился в ведении американских войск. Через восемь – десять дней нас всех собрали и отправили в Вайденский лагерь, который охраняли американцы. В апреле месяце произошёл обмен русских и американских военноплен-

ных. Нас привезли в город Хиров в Западную Украину на фильтрационный пункт. Оттуда я попал в 105-й запасной полк, который вёл борьбу с бандитами. Там я служил до апреля 1946 года, оттуда демобилизовался.

Прошло много времени, но вспоминается это как жуткий кошмар. Видно, судьба меня наградила выносливостью и невероятным терпением, что я чудом уцелел и дожил до настоящего времени».

К.Мороз

ПАРТИЗАНСКИМИ ТРОПАМИ НА ПОЛЬСКОЙ ЗЕМЛЕ

*Командир группы партизан в Польше
Анатолий Леонтьевич Гоненко 1945 г.*

Рассказ поведёт Анатолий Леонтьевич Гоненко.

Имя этого славного патриота упоминалось, когда описывались бои на островах Муху и Эзель, там он был пулемётчиком в морском отряде Д.А.Овсянникова.

Этот рассказ был записан на магнитную ленту в институте истории партии при ЦК ПОРП.

«Я, Гоненко Анатолий Леонтьевич, гражданин Советского Союза, родился 11 мая 1920 года в деревне Каменка Локтевского района Алтайского края.

В нашей деревне в 1920-м году была образована коммуна «К свету».

10-го июня коммунары ежегодно праздновали день коммуны.

Учился в сельской школе, которую окончил в 1937 году и пошёл работать бухгалтером.

В 1939 году был призван служить в Военно-Морском флоте в Ленинграде. Здесь окончил специальную школу моряков пограничных войск, был послан служить у границ СССР на Балтийском море.

В 1941 году вспыхнула война. Наше подразделение участвовало при защите города Таллина. После его захвата был направлен на защиту Моонзундских островов: Эзеля и Муху. В ходе ожесточённых боёв наши силы были разбиты, на полуострове Церели был ранен в плечо. Попал в госпиталь, там меня пленили. Со связанными руками погрузили в железнодорожный эшелон и привезли в город Ригу, в 350-й немецкий лагерь для военнопленных.

Много горя мы здесь хлебнули. Нас заставляли носить дрова со станции в лагерь. На болезнь и ранение скидок не было. Многие умирали. Мои близкие товарищи стали организовывать побег. Меня включили третьим.

Намечаемый побег с подкопом под проволоку кончился неудачей, всех троих заключили в карцер. В невероятных условиях мы просидели в карцере всю зиму. Весной погрузили в эшелон и направили в Германию. До Германии не довезли, привезли в Силезию, сформировали специальную команду и направили в угольные шахты.

Я попал в шахту в городе Бытом. Там был небольшой лагерь с названием «Лагерь 100». В этом лагере находилось 100 военнопленных. Каждый день после работы умирало по пятнадцать и более человек, снова пополнялось до ста. Наша тройка снова начала готовиться к побегу. Мы изучали ошибки неудачных побегов. Общаться с заключёнными в карцере было невозможно, всюду была слежка. Как-то на меня наскочил полицейский, который разносил пищу заключённым. Он внезапно задал мне вопрос:

– Анатолий, ты офицер, и хочешь бежать из лагеря?

Я имел звание морского старшины.

– Откуда ты это взял?

– Вот я так думаю, – ответил полицейский.

Я смотрел на этого провокатора, и мне хотелось раздавить его, как тифозную вошь. Надо было иметь великое терпение, чтобы удержаться.

– Конечно, каждый настоящий человек должен стремиться сбежать отсюда, – ответил я.

Этот полицейский, пожилой человек, почти старик, после нашего разговора стал относиться ко мне с какой-то симпатией. Сказал мне, что он из Винницкой области, назвал свою фамилию. У меня было к нему по-прежнему отвращение, но он этого вроде не замечал. Свои чувства ко мне он не выражал на людях, скрывал, но при раздаче хлеба старался дать мне горбушку, баланды налить побольше. Через него я стал иметь доступ к товарищам, которые томились в карцерах. От них я узнал нужные данные о побеге, что можно использовать трёхкилометровый запасной ход из шахты, где можно переходить

колючую проволоку. Втроём мы решили совершить побег новым, неизвестным немцам способом.

Стали изучать территорию шахты. Наверху работали слабые узники, не способные спускаться в шахту. Эта работа называлась «на гора». Через этих людей мы узнали, какой высоты забор, охрану шахты снаружи и внутри. Узнали, что конвой находился в основном в проходной. Снаружи охраняли шахту вольнонаёмные, вооружённые винтовками.

Нас было трое: Андриющенко Иван Никитович, бывший директор средней школы Киевской области деревни Митьки, Хорхалев Георгий, шофёр из Минска и я. На Хорхалева надеялись, если придётся воспользоваться по дороге автомашиной.

Мы готовили продукты на дорогу, нашли нож. Знакомому полицая я сказал:

– Я готовлюсь бежать, ты мне помогай.

Он выкраивал лишнюю порцию хлеба, лишний черпак супа. Я проверял его, сказал, что бежим завтра, можешь доложить администрации. Он не донёс.

Работа на шахте велась круглосуточно, мы узнали порядок смен, в какую неделю нас будут спускать ночью, в 23 часа. В это время из шахты выезжали наверх штатские «цивильные» шахтёры. Они носили шахтёрскую шапку с козырьком, а мы, пленные, без козырька. К этому времени мы подготовили себе шапки с козырьками, пришили кожу от ботинок.

Иван Андриющенко, «Андриюшка», работал по электрике узкоколейной дороги в шахте с поляком. Я был приставлен к поляку по фамилии Тундера. Это был очень хороший человек. Он делился со мной хлебом, наливал из своей бутылки кофе. Во время его обеда я отходил в сторону, он мне оставлял тонкий кусочек хлеба, помазанный маслом. Для голодного человека запах пищи ощущался на расстоянии, он это понимал, и со своими товарищами складывал по маленькой крохе хлеба и приносил нам. Я признался ему, что мечтаю сбежать. Они достали нам штатскую одежду, на нашей были выведены жёлтой краской буквы «SU».

Был в шахте надзиратель Паулюс. Он часто бил меня, посылал на плохую, опасную работу, такую, как вытаскивание бампера, металлического столба с сердечником. Надо было выбить клин, после этого выгрести уголь.

У нас всё было подготовлено к побегу.

В день побега мне пришлось много поработать, я выкопал большую гору угля и получил похвалу от Паулюса. Приблизившись к нему, я ударил со всей силы карбидной лампой его по голове, он свалился, я схватил его за горло и задушил. Потом закопал в уголь его труп и убежал в условленное место встречи.

Третьего не оказалось, Хорхалев, видимо струсил, ссылаясь на плохое самочувствие. Мы пришли к выводу, что Хорхалев нас не выдаст. С «Андриюшкой»

мы быстро переоделись в приготовленную и спрятанную одежду. Пошли по главному входу в лифт. Мы были последними, за нами шёл только один шахтёр из этой смены. Возле лифта нас заметил один наш товарищ, который обслуживал гружёные углём тачки. Он покраснел, побелел и вспотел, когда узнал о нашем побеге. Подошла клеть, и мы выехали наверх. Мы подошли к забору, лампы-карбидки были с нами на случай самообороны. «Андрюшка» наклонился, я забрался на его спину. Он выпрямился, я подпрыгнул и достал руками верх забора. Потом он, держась за мои ноги, перевалился вместе со мной на другую сторону забора. Мы переползли на четвереньках открытое место, затем встали на ноги, начали уходить. Дошли до широкой речки со шлюзами. На мосту стояла полосатая будка, в которой был пост. Из неё вышел человек с винтовкой.

– Стуй, кто идзе? – крикнул постовой по-польски.

По его сутулости и голосу мы поняли, что постовой был старик.

Иван Никитович, «Андрюшка», ответил на польском языке;

– Свои, мы идзёмы с копальни.

Мы подошли к нему ближе. Он сказал;

– Я вем яцы з вас гурницы, тацы не раз пшеходили тутай».

Мы ничего не ответили и пошли дальше. Сошли с насыпи и пошли в другую сторону. С левой стороны дороги была гора. Отсюда мы искали на местности чёрные пятна. А чёрные пятна ночью – это леса. Вдруг мы обнаружили на горе зенитные орудия немцев. Мы быстро спустились с горы, пошли по дороге. Мы знали, что нам предстоит перейти границу в Генеральную губернию, которая охраняется немцами.

Напали на хуторок, в окно домика увидели шахтёра, который что-то чинил. Я зашёл в дом, сказал хозяину, что я шахтёр, сбежал из шахты. Он стал объяснять, как идти, я его не понимал. Понял только одно, что если мы собираемся дойти до Ченстоховы, мы должны идти на восток.

Пошли дальше. Наткнулись на проволоку. Границу переходили поодиночке. Перешли удачно. Кусты и заросли кончились, стало светать. Нашли воронку от взорвавшейся бомбы и там укрылись.

Весь день мы просидели в этой воронке. Съели все запасы и были голодные. Вечером двинулись на восток, шли лесами, прятались в кустарниках и зарослях.

Поздно вечером заходили к крестьянам, они нас кормили. Мы были истощены, ноги в нарывах. Однажды, когда вышли из крестьянского дома, «Андрюшка» еле держался на ногах.

– Полежать бы, – сказал он, – но потом не встать, пешком далеко не уйдёшь, надо искать железную дорогу.

Долго шли и набрали на какой-то полустанок, на путях стоял длинный эшелон. Мы подошли к вагону, достали паспорт из кармана вагона и

установили, что состав идёт на восток. Без шума открыли дверь вагона и, помогая друг другу, залезли в этот вагон. Там оказались снопы ржи. Мы укрылись в этих снопах и заснули. Ехали долго. Остановились на станции Кельце.

К вагону стали подъезжать подводы, слышалась польская и немецкая речь. Потом в вагон залез человек и стал выбрасывать вилами снопы. Он увидел нас. Мы дали знать, чтобы он молчал. Спросили его, где немцы. Он показал направление, куда бежать.

Мы незаметно юркнули из вагона. Добежали до леса и спрятались. Прислушались, погони не было. Ночью снова зашли к крестьянам. Сказали откровенно, кто мы такие. Хозяева оказались добрые люди, мы прожили у них целую неделю. Пошли дальше.

В районе Страховиц, Суходнева узнали о партизанском отряде «Сашка». Это было весной 1943 года. Тот, кто сообщил нам о партизанском отряде, сказал нам, чтобы мы ждали «Сашку».

Поздно ночью за нами пришёл «Сашка» и повёл нас к партизанам. Ночью мы не видели своего командира, только в отряде разглядели. Это был молодой мужчина, сухощавый, среднего роста, с вьющейся шевелюрой и чёрными, как уголь, глазами. Он не выглядел, как большой руководитель, у которого за плечами большой опыт партизанской борьбы. Удивило и то, что он не был поляком. По-польски он говорил не плохо, но некоторые слова употреблял чисто русские. Только в лесу мы узнали его биографию.

Он, Василий Петрович Войченко, родился в деревне Калиновка Оренбургской области в семье украинца. В 1937 году стал комсомольцем. В Красную Армию вступил добровольно. В 1938 году окончил авиатехническую школу, выпущен в звании младшего лейтенанта.

С 30.11.39 года по 13.03.40 года воевал на Финском фронте.

Перед началом Великой Отечественной войны находился на Западной границе.

Двадцать пятого июня 1941 года был ранен под городом Двинск и захвачен в немецкий плен. В числе узников попал в немецкий лагерь усиленного режима для советских военнопленных офицеров. Лагерь находился в Польше в бывшем монастыре Святого Креста на Лысой горе.

В первых числах ноября 1941 года младший лейтенант Василий Войченко совершил побег из лагеря. В ноябре того же года он организовал партизанский отряд, состоящий из русских военнопленных, бежавших из разных лагерей. Отряд получил наименование «Сашка».

Весной 1942 года отряд «Сашка» вступил в состав 7-го Радомского округа, а затем Армии Людовой. Командование округа представляло документы на присвоение звания В.Войченко поручика, затем капитана Армии Людовой.

В июне 1944 года отряд партизан с командиром Войченко насчитывал 117 человек. Необходимо было вооружить отряд, для этого их направили на базу советско-польского партизанского соединения, база находилась в Линских и Яновских лесах.

Их визит на базу совпал с карательными действиями немцев против партизан. Здесь отряд был вынужден задержаться на Любельщине до половины июля 1944 года. Это совершится потом, а сейчас прибывшие «Андрюшка» и я, «Только», сидели возле костра и слушали рассказ партизанского вожака. «Сашка» рассказывал о дисциплине лесных отрядов, о задачах партизан при выполнении операций. Его напутствия очень пригодились действующим партизанам. Им предстояло много совершить дел.

Партизаны проникли на бумажную фабрику в Витулине, там захватили несколько тысяч золотых, необходимых для покупки продовольствия и медикаментов. Позднее подожгли немецкое бюро, сгорели списки «неблагонадежных» и реестры невыполненных поставок.

Немцы решили ликвидировать партизан, согнали крестьян с окрестных деревень, у каждого крестьянина был привязан пучок соломы на левой руке. За крестьянами укрывались каратели.

Приказ «Сашки» был коротким: подпустить немцев ближе, а затем расстрелять всех прицельным огнём из автоматов и винтовок.

Партизаны хорошо замаскировались в лесу, раскидистые сучья и кроны елей и пихт надёжно скрыли их от глаз противника.

Наступил грозный час, шеренга в серых мундирах двигалась в сторону партизан. Всё ближе и ближе подходили упитанные фигуры «швабов». Вот они уже упёрлись в дула винтовок и автоматов партизан. Раздались длинные и короткие очереди выстрелов, слышались стоны умирающих фашистов. Крестьяне разбежались, никто не пострадал. Немцы оказались открытыми, устилая землю серыми трупами. Но их было много, пришлось отступить в страховицкие леса.

В начале сентября 1943 года отряды «Сашки» и «Сокола» разоружили немецкую жандармерию в имении Писары, Пшезводы. В этой операции участвовала польская крестьянка Юлия Нагай, «Ханка», из деревни Юлианов.

В сентябре 1943 года в сражении около Ипатова был убит шеф районной жандармерии Донат и несколько жандармов. В других операциях пустили под откос железнодорожный эшелон, подрывного материала не было, откручивали гайки рельсов. Была операция по освобождению наших товарищей из лагеря для военнопленных г.Кельцы.

Мне, как старому разведчику, потом начальнику разведки отряда, поручали задания с вылетом на самолёте с аэродрома г.Кобрин, летал в г.Ворцлав с нужными поручениями. Отряд младшего лейтенанта Войченко, а после присвоения ему

звания польского капитана, входил в состав двух последних групп Оперативного центра. Оба отряда с началом действий Красной Армии были отозваны с переднего края и стали искать переход через линию фронта через Вислу.

Штаб оперативного центра был переброшен на станцию Кобрин. Отряд Войченко должен был перейти с линских лесов в воеводство Вроцлавское на Одере. Им, группе из девяти человек, предстояло перелететь на самолёте.

Во время ночного полёта с девятнадцатого на двадцатое августа 1944 года самолёт с лётчиком старшим лейтенантом Саркисовым, был сбит немцами в районе Скаржиско-Каменное, экипаж самолёта, за исключением второго пилота, погиб. Десантники выпрыгнули из горящего самолёта и остались живы, за исключением второго радиста Максима, у которого не раскрылся парашют. Разведчиков долго не могли собрать, лишь в сентябре 1944 года командованию 1-ой бригады Армии Людовой Хендриком Полозняком удалось их собрать. Они вместе с отрядами польских партизан продолжали сражаться против немецких фашистов.

Многие отряды перешли через линию фронта и вошли в состав Советской Армии. Только некоторые, как отряд Войченко, остались на месте продолжать борьбу. Партизанский отряд Войченко славился подвигами в Калецком воеводстве. В октябре 1944 года немцы бросили на борьбу с партизанами карателей, жандармерию, полицию. Засылали в отряды провокаторов и предателей. В начале декабря 1944 года отряд нёс большие потери от карателей. Одиннадцатого декабря около деревни Мазяжи, в районе Опатув, погибли в бою с карателями В.Войченко и В.Поздняков. Их окружили немцы, кто-то указал место расположения партизан. Партизаны Белек, Цимель и я, Анатолий Гоненко вынесли с поля сражения любимого командира Войченко и несли на руках около двух километров, на этом пути он скончался. Его тело упрятали в лесу, прикрыли листьями, сами ушли с боем. Нам трудно было перемещаться по местности, немцы преследовали на каждом шагу. О гибели «Сашки» узнали польские товарищи, нашли тело отважного партизанского вожака и похоронили.

Возле деревни Дорсуки ранним утром завязался бой с жандармами. Они подожгли термитными снарядами сарай, в котором находились партизаны. В неравном бою погиб Михаил Чупеткин, который был начальником штаба, а после смерти Войченко стал командиром отряда. Вся группа партизан ушла мелкими группами в лес. Потом я собрал их и взял командование на себя. Жандармы продолжали преследовать отряд, и первого января 1945 года я, Гоненко Анатолий Леонтьевич, был тяжело ранен в местечке Грабовец, район Страховицы. После этого отряд практически прекратил свою деятельность. В деревне Александрове старик Холода с сыновьями Адамом и Янеком спрятали меня в своей семье. В эти трудные дни советским разведчикам пришли на помощь поляки. Радистка Вера с радиостанцией и несколько десантников

были спрятаны у крестьянина Михаила Невадий под наблюдением солтыса – старосты этой деревни, защищающего интересы своих жителей-крестьян. Другие партизаны укрылись в других хуторах.

Через несколько дней мы снова собрались, радистка Вера Григорьева восстановила связь со штабом Первой бригады Армии Людовой. Она оказалась в единственном числе после гибели второго радиста Максима, погибшего при катастрофе самолёта. Вере потом суждено было стать моей женой. Нам давали задания, в основном разведывательного характера, мы выполняли и передавали по радиации в штаб центра. Деревня Антонув стала нашим партизанским пристанищем, основная наша квартира была у крестьянина по фамилии Невадий. Рядом с ним жил солтыс, который весь период сотрудничал с польскими партизанами, лечил раненых, обеспечивал документами и продовольствием. Вера скрывалась с документом «кузынки» Невадия, никто её не беспокоил.

Здесь на польской земле семнадцатого января 1945 года мы встретились с частями Советской Армии, которая громя немцев, продвигалась на запад. Нас было шестнадцать человек.

В феврале 1945 года нас отправили в Москву. Нам создали все условия для хорошего отдыха. После отдыха все здоровые снова поехали воевать, а больные разъехались по местам прежнего жительства.

Часто я вспоминаю своего верного друга, Ивана Никитовича Андриющенко. Он был переведён в отряд Донцова, который нёс большие потери в сражениях. Во время боёв Иван Никитьевич погиб. С болью в сердце вспоминаю о нём.

Меня, как инвалида, служить в Армию не взяли. Я списался с Верой, и мы поженились. Поехали жить в город Пушкин Ленинградской области. Оба поступили на работу, теперь уже в народном хозяйстве. Подал заявление в автоколонну. Здесь я стал членом Коммунистической партии, заочно окончил автодорожный техникум, был назначен заместителем начальника автоколонны. Во время торжеств меня награждали «Почётными грамотами». Радостно было сознавать, что я Гражданин Советского Союза, свободного и независимого от врагов. На моей груди и моей жены Веры Фёдоровны прикреплены медали «Партизану Отечественной войны первой степени», медали «За победу над Германией». У меня два ордена «Отечественной войны», у Веры тоже два, а так же юбилейные медали и трудовые награды.

По приглашению Польского Союза борцов за свободу и демократию мы ездили в Польскую Народную республику. В торжественной обстановке нам были вручены польские ордена «Крест Грюнвальда». Побывали на памятных местах, встречались с боевыми друзьями, помянули погибших героев.

Правильность изложенного скрепляю подписью

А.Гоненко

СПРАВКА

Настоящей свидетельствую, что гражданин Советского Союза старшина первой статьи, уроженец Алтайского края Гоненко Анатолий Леонтьевич сражался в партизанских отрядах Гвардии Людовой на территории Польши (Келецкое воеводство) с июня 1942 года до момента освобождения Келецкого воеводства Советской Армией в январе 1945 года. Товарищ Гоненко Анатолий (партизанская кличка «Только») вступил в партизанский отряд после бегства из лагеря военнопленных в Бытоме, вместе со своим товарищем Иваном Никитьевичем Андриющенко (партизанская кличка «Андриюшка»). Оба они были в состоянии полного истощения в результате тяжёлых работ в шахтах, были одеты в лохмотья, обуты в деревянные башмаки. Товарищ «Только» участвовал в многочисленных боях с немцами и в нескольких крупных сражениях. Лично руководил несколькими боевыми операциями против гитлеровцев и польских фашистских банд. Был тяжело ранен в руку. Пронимал участие в минировании нескольких военных транспортов, что причинило большие потери врагу в живой силе и оснащении. Товарищ Гоненко принадлежал к числу отважных, самоотверженных, дисциплинированных и полных инициативы бойцов. Принимал активное участие в политической жизни, участвовал в собраниях и совещаниях партийной организации.

15.06.1944 года по приказу Белорусского штаба советских партизан был откомандирован в распоряжение на территорию Люблинского воеводства с большой группой советских партизан – бывших военнопленных под командованием капитана «Сашки» – В.П.Войченко.

Группу из девяти человек во главе с «Сашкой» посадили в самолёт, вылетели: Василий Войченко, Михаил Чупеткин. Анатолий Чувелов, радисты: Максим и Вера, Валентин Поздняков, Вася Романов, Анатолий Гоненко, Чеслав (польский товарищ). Во время полёта их сбили фашистские зенитками. Самолёт, охваченный пламенем, упал в лесах Свиной гурой, там находилась 1-я бригада Армии Людовой имени Земли Келецкой, которой командовал я.

Группа партизан стала выполнять задания командования, приносили ценные сведения. Одиннадцатого декабря погиб в неравном бою «Сашка» – командир группы. После этого разведывательской группой стал руководить «Только» – Анатолий Гоненко в течение всего времени, до освобождения Келецкого воеводства победоносной Советской Армией.

Бывший командир 1-й бригады Армии Людовой имени Земли Келецкой полковник /подпись/ Генрик Зигмунт.

Подлинность подписи полковника Генрика Зигмунта подтверждает Главное правление Союза борцов за свободу и демократию.

Круглая печать. Подписал полковник Половняк.

Варшава. 19.11.1964 год.

СЛАВНЫЕ ИТОГИ

Повествование о славных подвигах моонзундцев заканчивается.

Не всем посчастливилось дожить до конца войны и вместе со всеми отметить славную победу над коварным врагом, отметить светлую память погибших. Многие погибли на поле брани, расстреляны в Курессааре в 1941 году, сожжены живыми в клубе строителей, умерли в застенках тюрем и концлагерей. Поименно перечислить всех трудно.

При оккупации островов фашистами, все штабные документы были уничтожены, чтобы не достались врагу, фашисты учёт пленных не оставили.

Сто двадцать дней шли оборонительные бои на островах Моонзундского архипелага, славные патриоты защищали дальние подступы к Ленинграду. Стояли насмерть.

Это было в начальный период Великой Отечественной войны. Весь мир восхищался тогда отвагой и мужеством непокорённых. Немцы бросили на захват островов сухопутные дивизии, огромное количество плавсредств, авиации, боевой техники. Их расчёт на блицкриг, на скорую победу провалился, более половины солдат и офицеров полегли в русскую землю бесславно.

С тех пор прошли десятки лет.

С годами начинают меркнуть подвиги моонзундцев.

После войны прибывших из фашистского плена причислили ко всем, кто побывал там по разным причинам. Гребёнка оказалась одинаковой для всех. У моонзундцев не было вины, что они попали в плен и прошли все ужасы фашистской неволи.

Историкам и работникам военкоматов всех рангов следовало бы подойти к пленным моонзундцам с чувством глубокого уважения, отдать должное исторической правде, найти героев Моонзунда, отметить их подвиги наравне со всеми участниками войны.

Следует напоминать молодым советским воинам пример отваги и мужества моонзундцев, их самоотверженную любовь к Родине, народу, взаимовыручку в бою. Им защищать Родину, а без этих качеств не может быть победы. Оборона Моонзунда – это наше бесценное достояние, которое не забудется. В этой книге были отмечены подвиги многих. Но не все они были отмечены правительственными наградами.

Перечисленные поименно достойны звания Героя Советского Союза (посмертно) :

Лётчик 12-й КОИАЭ старший лейтенант **ГОДУНОВ Борис Александрович** за героические подвиги в воздушных боях, штурмовки вражеских аэродромов, за ценные сведения воздушных разведок.

Лётчик 12-й КОИАЭ лейтенант **ГУЗОВ Петр Фомич** за таран вражеского самолёта в 1941 году на острове Эзель.

Лётчик 12-й КОИАЭ младший лейтенант **КОНКИН Степан Михайлович** за уничтожение фашистского корабля путём тарана (сам погиб).

Старшина оружейник 12-й КОИАЭ **КУРАМШИН Александр Ильич** за дерзкие штыковые атаки при обороне островов Муху и Сааремаа.

Командир 43-й береговой батареи капитан **БУКОТКИН Василий Георгиевич** за уничтожение плавсредств фашистов при обороне островов Муху и Сааремаа в 1941 году.

Командир 315-й батареи капитан **СТЕБЕЛЬ Александр Моисеевич** за героическую оборону острова Сааремаа в 1941 году.

Заместитель командира 3-й стрелковой бригады, руководитель оборонной островов Муху и Сааремаа в 1941 году за его личный героизм в руководстве, полковник **КЛЮЧНИКОВ Николай Фёдорович**.

Достойны награды орденом Красного Знамени:

Воентехник 1-го ранга **УСАТОВ Иван Андреевич** за бесперебойное обеспечение горюче-смазочными материалами авиацию, находящуюся на острове Сааремаа в 1941 году. В сложных условиях топливо поступало бесперебойно, авиация совершала полёты на Берлин – в логово врага.

Воентехник 2-го ранга **ЧЕРНИКОВ Иван Васильевич** за бесперебойное обеспечение авиабомбами и снарядами авиацию острова Сааремаа.

Мичман 13-го дивизиона КМТЩ **ГОРБУНОВ Николай Константинович** за проявленный героизм и мужество при обороне островов Вормси, Муху, Сааремаа в 1941 году.

Героические подвиги совершили тысячи воинов, и у каждого своя история. Для описания их подвигов не хватит одной человеческой жизни. Пусть будет им благодарность людей всей планеты за спасение от коричневой чумы – фашизма, за спасение от порабощения и геноцида.

ЧАСТЬ III

СТОЙКОСТЬ И ОТВАГА НЕПОКОРЕННЫХ

УМРЁМ, НО ЛЕНИНГРАД НЕ ОТДАДИМ!

Это был подвиг не одиночных героев,
Это был массовый героизм советского народа.

Одной из ближайших целей своей агрессии при нападении на нашу Родину фашисты ставили захват Ленинграда.

Гитлер считал, что с захватом Ленинграда «будет утрачен один из символов революции, являвшийся наиболее важным для русского народа на протяжении последних двадцати четырёх лет. С падением Ленинграда может наступить полная катастрофа». (*Военно-исторический журнал, 1966 год, №1, стр. 76*).

Захват Ленинграда фашисты связывали с господством над всей Прибалтикой и Балтийским морем. Уничтожить наш Балтийский флот, установить связь с белофиннами, высвободить войска для удара по Москве – таков был их план.

Для захвата Ленинграда они поставили 42 дивизии (до 725 тысяч солдат и офицеров), более 13 тысяч орудий и миномётов, около 1500 танков, 1070 самолётов. На северных границах финны сосредоточили две полевые армии.

Все ленинградцы поднялись на защиту Родины. Только на сборные пункты 22-го и 23-го июня явились с повестками и без повесток около 100 тысяч.

До первого октября на фронт было отправлено около 180 тысяч человек, не считая бойцов народного ополчения, истребительных батальонов и партизанских отрядов. Военную форму надели 29 тысяч коммунистов и 18 тысяч комсомольцев.

В начальный период война шла за несколько сот километров от Ленинграда, а ленинградцы шагали по улицам в военных колоннах, двигались оружейные установки, в ночное небо поднимались аэростаты.

На второй день войны со стороны Карельского перешейка пытались проваться восемнадцать бомбардировщиков, но самолёты и заградительный огонь зенитных установок не допустили их до Ленинграда. При попытке этого налёта прозвучал по городу впервые голос диктора:

– Внимание! Внимание! Говорит штаб местной противовоздушной обороны города. Воздушная тревога! Воздушная тревога!

Голос диктора подхватывал вой сирен, гудки фабрик и заводов, кораблей и паровозов. Потом это повторялось по нескольку раз в сутки и запомнилось ленинградцам на всю жизнь.

На уничтожение вражеских самолётов на аэродромах вылетели 236 советских бомбардировщиков и 224 истребителя. Шесть дней они летали на вражеские аэродромы и уничтожили более 130 самолётов противника.

Двадцать девятого июня финны начали наступление на Карельском перешейке.

Советские лётчики смело вступали в бой, уничтожая бомбардировщики и танки. В одном из боёв лётчик 158-го авиаполка младший лейтенант Пётр Харитонов на самолёте И-16 атаковал «юнкерса», израсходовал весь боезапас, но «юнкерса» не сбил. Тогда он приблизился вплотную и отрубил воздушным винтом хвостовое оперение. Фашист потерял управление и камнем упал на землю. За совершённый таран вражеского самолёта Харитонову было присвоено звание Героя Советского Союза. Это были первые тараны, лётчики Балтики совершили 36 раз этот подвиг. В числе первых, совершивших таран, был лётчик 12-й КОИАЭ Пётр Фомич Гузов. Это было далеко от центральных городов на острове Эзель, поэтому этот подвиг не получил большой огласки.

Фашистские войска шли по Прибалтике, на захваченной территории горели дома, уничтожалось всё живое. Враги не щадили детей, женщин и стариков.

А в это время глубоко в тылу врага сражались герои на Моонзундских островах и на полуострове Ханко, оттягивая от Ленинграда огромное количество войск, не пропускали морским путём озверелых фашистов и топили их вместе с кораблями. Это позволило выиграть драгоценное время для организации обороны Ленинграда, перестроить жизнь города на военный лад.

Ленинградские коммунисты во главе с А.А.Ждановым и А.А.Кузнецовым сплотили в единый боевой лагерь почти трёхмиллионное население города, воодушевили людей на ратные и трудовые подвиги. Началось строительство Лужской оборонительной линии. Её протяжённость была 250 километров, линия опоясывала город инженерными укреплениями.

Её строили войсковые подразделения вместе с тружениками сёл и городов, прилегающих к Ленинграду. Строительство не прекращалось

круглыми сутками. Протяжённость вырытых окопов достигла 1000 километров. Здесь были укрытия для пехоты и орудий, окопы, траншеи, ходы сообщения. Сооружённая линия препятствий продвижению вражеской пехоты и танками была в три раза длиннее расстояния между Москвой и Ленинградом. Здесь было 626 километров противотанковых рвов, 49600 надолб, 306 километров лесных завалов, 35 километров ходов сообщений, 15000 дотов и дзотов, 22000 огневых точек в городе, 2300 командных и наблюдательных пунктов. Эти данные опубликованы в книге В.Е.Зубакова «Героический Ленинград».

Это мощное кольцо обороны строили трудармейцы, труженики тыла, которых называли «окопниками». Они постоянно подвергались смертельной опасности. Вражеские самолёты прорывались к городу, сбрасывали бомбы, расстреливали из пулемётов. Работали в основном женщины, вместе с подростками они дежурили на крышах домов, тушили пожары от зажигательных бомб, учились стрелять и оказывать помощь пострадавшим.

27 июня Военный совет Северного фронта и Ленинградский городской комитет партии приняли решение о создании Ленинградской армии народного ополчения (ЛАНО). Во второй половине июля три дивизии ЛАНО уже вели бои на Лужском оборонительном рубеже. Ленинград дал фронту всего 10 дивизий ЛАНО и 14 пулемётно-артиллерийских батальонов, 7 партизанских полков и 67 партизанских отрядов, 179 истребительных и рабочих батальонов. Коммунисты направлялись, как правило, на самые опасные и ответственные участки.

Город Ленинград принял военный вид. Все памятники и достопримечательные места были укрыты от варварского разрушения, закладывались мешками с песком, обшивались щитами. Знаменитые кони на Аничковом мосту были зарыты в землю.

Началась эвакуация детей и престарелых 29 июня. Последние эшелоны с эвакуированными прошли через станцию Мга 29 августа. В этот день железнодорожное движение было прервано. Было вывезено более 636 тысяч человек, из них 220 тысяч детей. Было эвакуировано 86 фабрик и заводов. На площадях эвакуированных заводов стали выпускать военную продукцию. Во второй половине 1941 года ленинградцы дали фронту тысячи миномётов и автоматов, более трёх миллионов снарядов и мин, свыше 40 тысяч реактивных снарядов, около 42 тысяч авиабомб. Здесь было отремонтировано и снова отправлено фронтовикам 491 танк и 317 орудий. Рабочие не выходили из цехов по две и три смены в сутки. Жертвовали все свои сбережения и драгоценности.

В эти дни ленинградцы дали клятву Родине:
Пусть ни одна минута времени не пройдёт зря!

До конца выполним свой священный долг перед Родиной!
Пусть земля наша станет для врагов могилой!
Умрём, но Ленинград не отдадим!

Шли ожесточённые бои на всём советско-германском фронте.

Фашисты рассчитывали войну закончить молниеносно, но встретив упорное сопротивление, несли огромные потери, «блицкрига» не получалось. На некоторых участках наступление было приостановлено. Основные силы они бросили на северо-западное направление, на захват Ленинграда. Их численное преимущество в пехоте было в полтора раза, в танках – в два раза, а на Кингисеппском направлении танков было больше в пятнадцать раз.

Гитлер отдал приказ захватить Ленинград, стереть его с лица земли, истребить всё население города. Основной расчёт был на авиацию. В воздух поднималось 1614 самолётов. Нашими лётчиками и войсками ПВО было сбито 232 самолёта. В город прорвалось только 28 бомбардировщиков.

Десятого июля на Карельском перешейке наступала сотысячная армия финнов. Они вышли к реке Свирь, но форсировать её им не удалось. Захватили город Петрозаводск. Сражение шло сорок пять дней. Их наступление было приостановлено, фронт стабилизировался.

Основные бои шли на Лужском направлении с численным превосходством врага в три раза.

Двадцатого августа гитлеровцы заняли железнодорожную станцию Чудово. Связь с Москвой по Октябрьской железной дороге была прервана. Ленинград оказался в окружении полукольцом фашистов.

В этот критический момент собрался партийный актив Ленинграда в Смольном.

Было принято решение, направленное на превращение города в неприступную крепость. Коммунисты дали клятву, что нога фашиста не ступит на священные улицы города.

Обратились с воззванием ко всем трудящимся города:

«...Над нашим родным и любимым городом нависла непосредственная угроза нападения немецко-фашистских войск. Враг пытается проникнуть к Ленинграду...

Но не бывать этому! Ленинград – колыбель пролетарской революции, мощный промышленный и культурный центр нашей страны – никогда не был и не будет в руках врагов... Встанем, как один, на защиту своего города, своих очагов, своих семей, своей чести и свободы! Выполним наш священный долг советских патриотов».

Воззвание подписали: главнокомандующий войсками Северо-Западного направления Маршал Советского Союза К.Е.Ворошилов, секретарь областно-

го и городского комитетов партии А.А.Жданов и председатель исполкома Ленинградского Совета депутатов трудящихся П.С.Попков.

Прочитав это воззвание, воины обещали матери – Родине быть твёрдыми, бесстрашными, отважными, а трудящиеся города – крепить трудовую дисциплину, увеличивать выпуск вооружения и боеприпасов, пополнять ряды народного ополчения.

В августе стояла необычная для Ленинграда жара. Там, где ступала вражеская нога, горели города, сёла, несжатый хлеб и лесные массивы. Шли по дорогам беженцы, а с воздуха их расстреливали фашисты. Линия фронта приближалась к Ленинграду. Наши войска мужественно оборонялись, но под натиском превосходящих и вооружённых по последнему слову военной техники фашистов были вынуждены с горечью отходить.

На участке Копорья враги прорвались между Стрельной и Урицком, выйдя к Финскому заливу. В районе Ораниенбаума их остановили моряки с фортов «Красная Горка» и «Серая Лошадь», а так же береговая артиллерия Балтийского флота. Этот участок фронта оставался в наших руках до дня победы. Овладев станцией Чудово, враги устремились на захват Ленинграда, одновременно двинулись к Волхову и станции Мга. Двадцать девятого августа захватили Колпино. Считанные километры оставались до Ленинграда. В трудную минуту встали на защиту города войска народного ополчения и рабочие Ижорского завода. Яростными атаками они выбили немцев из нескольких населённых пунктов, освободили Красный Бор. Целый месяц они сдерживали натиск врага днём и ночью. Вражеские танки уничтожались всеми доступными средствами, и артиллерией и бутылками с горючей смесью, стрелковые части переходили врукопашную. Каждый наш боец сражался за десятерых, даже раненые не уходили с поля боя. Их героические усилия увенчались успехом. Обескровленный враг перешёл к обороне.

В районе станции Мга шесть дней шли упорные бои. Кровью истекали наши воины. Ценою больших потерь немцы заняли крепость Шлиссельбург. Ленинград оказался заблокированным с суши. С выходом фашистов к Колпино и Шлиссельбургу, а финнов к реке Сестра на Карельском перешейке, они поставили Ленинград в критическое положение.

Город стал упорно готовиться к уличным боям. Строились усиленные баррикады, способные выдержать огонь и разрушение танками и артиллерией. Укрепления строили из брони, железобетона, из каменной и кирпичной кладки. В канализационных смотровых колодцах оборудовались точки засад истребителей танков.

Балтийскому флоту грозила смертельная опасность оказаться в руках врага. Верховный Главнокомандующий Сталин послал телеграмму о заминировании и уничтожении кораблей, если не будет другого выхода.

В угаре побед фашисты зверели. Для устрашения ленинградцев, чтобы сломить веру в победу, было брошено огромное количество авиации.

В честь «предстоящей победы» они готовились провести военный парад на Дворцовой площади, в гостинице «Астория» – грандиозный банкет. Каждому немецкому офицеру был обещан дом в Ленинграде, а солдату – квартиру.

С четвёртого сентября немцы стали обстреливать улицы города дальнобойной артиллерией.

Восьмого сентября был массовый налёт на Ленинград. От фугасных и зажигательных бомб рушились дома, горели деревянные хранилища Бадаевских продовольственных складов. Пять часов боролись пожарники и части МПВО с огнём. На последний штурм фашисты бросили двадцать свежих дивизий. Фронт растянулся почти на четыреста километров от Капорского залива до Ладожского озера.

Девятого сентября они пытались захватить Красногвардейск. Четыре дня шли бои, но прорваться к Ленинграду они не смогли.

После провала наступления они решили обойти город с юго-запада и севера, захватить Урицк, Красное село, город Пушкин. Нашими войсками принимались срочные меры. В подкрепление были брошены только что сформированные части и подразделения Народного ополчения. Сражались они героически, но не имели боевого опыта, не хватало орудий, пулемётов и даже винтовок. Они были вынуждены отходить. Фашисты вышли к Пулковскому оборонительному рубежу. Линия фронта вплотную приблизилась к Ленинграду.

Чтобы остановить врага, требовалась непреклонная воля, моральное и физическое напряжение сил защитников, огромный авторитет руководителя и его полководческий талант. Ставка ВГК посылает командующим Ленинградским фронтом генерала армии Г.К.Жукова. Он был в то время заместителем Верховного Главнокомандующего. Генерал Жуков собрал видных деятелей: А.А.Жданова, А.А.Кузнецова, адмирала флота И.С.Исакова, командующих и начальников родов войск и служб фронта. Всю ночь с десятого на одиннадцатое сентября обсуждались дополнительные меры по мобилизации всех сил и средств на оборону Ленинграда. Войсками 4-й армии, которая прикрывала южные подступы к городу, стал командовать опытный и волевой генерал И.И.Федюнинский.

Гитлеровцы предпринимали яростные атаки, чтобы прорваться к Ленинграду, но защитники свято выполняли приказ Военного совета фронта: «Ни шагу назад!» и выстояли. Они как бы вросли в землю, политую кровью их отцов в годы Гражданской войны. На Пулковских высотах громили врага орудия войсковой артиллерии, орудия кораблей и фортов, железнодорожных батарей, а так же орудия, снятые с легендарного крейсера «Аврора». Стойкая обо-

рона с энергичными контратаками и контрударами обескровили врага, вынудили его отказаться от штурма Ленинграда и перейти к длительной осаде. Враги прошли семьсот километров по нашей земле, но преодолеть последние пять – шесть километров они так и не смогли.

Важную роль в защите Ленинграда с моря сыграла героическая оборона Моонзундских островов, полуострова Ханко, военно-морской базы Таллина, Ораниенбаумского плацдарма и Кронштадта. Вражеское тотальное наступление захлебнулось, но положение в городе было тяжёлым. Началась блокада. (Данные из Энциклопедии Отечественной войны 1985 года, стр. 402).

Далеко за полночь на командном аэродроме Ленинграда ожидали прилёта транспортных самолётов с острова Даго. Оперативному дежурному аэродрома было известно, что пассажирами на этих самолётах были раненные бойцы и командиры, семьи военнослужащих и часть личного состава 12-й КОИАЭ.

Было известно, что полёт совершался в труднейших условиях, и поэтому самолётов ждали с волнением. Расстояние около четырёхсот километров надо было преодолеть на предельно малой высоте, только ночью и с потушенными аэронавигационными огнями. Всё было рассчитано на маскировку от вражеских самолётов и зениток.

Пролетая над сушей, занятой врагом, они были обстреляны зенитками. Раненые смотрели в иллюминаторы и видели, как вокруг самолёта рвались снаряды. Даже монотонный гул двигателей и поздний час не могли усыпить их, нервы были напряжены до предела. Все почувствовали облегчение, когда самолёт стал идти на снижение. Как только он коснулся грунта и немного пробежал, сразу же выключили освещение. Всюду был мрак, соблюдалась строжайшая светомаскировка. Пассажиры выходили из самолёта в непроглядную тьму. Только в небо, будто острые кинжалы, вонзались лучи прожекторов. Они искали вражеских бомбардировщиков.

Над тёмным городом, будто вымершим, висели на парашютах фашистские осветительные бомбы, чтобы можно было вести прицельное бомбометание. В воздухе был сплошной гул самолётов наших и вражеских, рвались зенитные снаряды, раздавались оглушительные взрывы бомб. Вот куда прилетели раненные и все остальные пассажиры с острова Даго.

– Мы уже привыкли к этому, – сказал техник Д.П.Богомолов, – а вот како-во ленинградцам?

– Детей жалко, – сказал Егор.

Со стоянки самолёта, куда он зарулил, все пошли в тёмное помещение. Холодный ветер пронизывал легкоодетых, женщины и дети ускорили шаг. Пошли к помещению, открыли дверь, увидели светомаскировку на окнах.

– Мама, здесь холоднее, чем на Даго, – послышался детский голосок.
– Потерпи, доченька, надо всё пережить, – ответила мать в утешение.
За группой из 12-й КОИАЭ пришла автомашина и увезла в Приютино.

12-Я КРАСНОЗНАМЁННАЯ НАБИРАЛА СИЛЫ

На второй день после прилёта с Даго техники 12-й КОИАЭ направились на аэродром Угловая. Там их ожидала та же задача: обслуживать самолёты и готовить к боевому вылету. Самолёты И-16 стояли замаскированными по окраине лётного поля. Заместитель инженера 12-й КОИАЭ воентехник С.И.Филимонов распределил всех техников по числу самолётов.

Дело привычное, техники, не трогая маскировку, сняли чехлы и капоты и стали осматривать и устранять мелкие неисправности. Их оказалось немного. Послышалась работа двигателей, техники прислушивались к ритмичности, как врачи слушают пульс своих пациентов.

Вскоре пришли лётчики этих самолётов. К Егору подошёл лейтенант, протянул руку и назвал свою фамилию:

– Петров Алексей.

– Буранов Егор, – ответил Егор, пожимая протянутую руку, – надеюсь, не обидитесь, если буду вас звать по имени?

– Конечно, нет.

– Алексей, вчера мы прибыли с острова Даго, не успели узнать обстановку, не трудно будет познакомить меня с положением в Ленинграде?

– Время пока есть. Идут ожесточённые бои на всех участках. Наши воины оказывают фашистам яростное сопротивление. Численное превосходство на стороне фашистов. Они заняли город Чудово и перерезали железную дорогу, соединяющую Ленинград с Москвой. Но им не удалось прорваться сходу в Ленинград, хотя подошли вплотную. Это было двадцатого августа, а тридцатого августа они прорвались к станции Мга и перерезали последнюю железную дорогу, соединяющую нас с Москвой. Артобстрелы города начались с четвёртого сентября. Восьмого сентября немцы захватили Шлиссельбург. Прекратилось сухопутное сообщение с Большой Землёй. Запасы продовольствия не велики, нам, лётчикам, сообщили, что не более чем на полтора месяца. В городе введена карточная система. С первого октября рабочие стали получать хлеба по 400 грамм. Нам поставлена задача охраны грузовых самолётов Ли-2, которые будут доставлять продовольствие в Ленинград, производить эвакуацию заводов и гражданского населения.

В этот день лейтенант Петров сделал три боевых вылета. Полёты продолжались каждый день по нескольку раз. После войны стало известно, что Ле-

нинградский обком партии ставил строжайшую задачу довести ежесуточную норму переброски продуктов по воздуху в Ленинград до 150 тонн. И это было выполнимо.

Истребители И-16 часто меняли место нахождения, были и на аэродроме Смольном, расположенном недалеко от станции Ржевка. Комендантский аэродром оставался главным.

Суточная норма продовольствия для технического состава была урезана, после длительного пребывания на воздухе и исполнения ответственных работ на материальной части самолётов, голод резко давал себя знать.

Шёл второй месяц осени. Утренние заморозки серебрились инеем на промёрзшей земле и ветках деревьев. Надо бы технический состав переодеть в тёплые куртки и шапки, но старший лейтенант А.Н.Панин не мог их получить на интендантских складах, возможно, там их не было. А техникам предстояло каждый день с утра до позднего вечера находиться возле самолётов и готовить их к боевым вылетам. Каждый день они приходили на аэродром и уходили пешком из Приютина на Угловую, и от сумерек до сумерек готовили самолёты к боевым вылетам. Машины не ходили, экономился бензин.

Придумали подкладывать газеты под хлопчатобумажные комбинезоны, это в какой-то степени задерживало тепло хотя бы возле спины. Срыва полётов по вине технического состава не было.

Однажды Егор со своим мотористом шли ночью до аэродрома, говорили мало.

– Где теперь наши лётчики 12-й КОИАЭ? – спросил Складаный.

– Говорят, в деревне Богослово, переучиваются летать на новых самолётах.

– Их же осталось мало в живых.

– Прибыло из училищ новое пополнение.

На этом их разговор прервался, наверное, каждый вспомнил бои на Эзеле, победы и неудачи. А может, обдумывали, с чего начать свой трудовой день. Поздно вечером авиатехники возвратились в общежитие. Мерцала коптилка, сделанная из гильзы снаряда. Койки Егора и Бориса Безрукова стояли рядом.

– Боря, а всё-таки «Чайки» лучше, чем И-16, – сказал Егор.

– Новой модели И-16 не хуже «Чаек», а может быть и лучше, но мы обслуживаем старой конструкции, вроде И-16 бис.

– Я скучаю по «Чайке», будто она улетела навсегда.

– Получим новые, не хуже «Чаек», – ответил Борис.

Дверь резко открылась, и в общежитие вошёл возбуждённый инженер эскадрильи Борис Акимович Срыбник.

– Есть новости, – сказал Срыбник, едва переступив порог, – будем эксплуатировать временно И-16 и одновременно изучать новый самолёт ЛаГГ-3.

– А как это получится? – спросил Филимонов, – там же будем допоздна, а когда заниматься изучением?

– Самолётов И-16 мало. Будем заниматься и обслуживать по очереди. Всех разобьём на две группы, одна занимается – другая на эксплуатации, будем чередовать.

– Но ведь это будет в нарушение «Наставления по эксплуатации самолётов», – возразили техники.

– У нас техники с большим опытом, и я за них ручаюсь, – сказал Срыбник таким тоном, что стало ясно, возражений он не принимает.

– Трудновато будет, – сказал Егор, – но справиться можно.

На второй день всё было так, как принял решение инженер.

Новый самолёт, истребитель ЛаГГ-3, был с мотором водяного охлаждения, который резко отличался от мотора воздушного охлаждения М-62. Истребитель-моноплан смешанной конструкции, названный по фамилиям главных конструкторов Лавочкина С.А., Горбунова В.П. и Гудкова М.И. с повышенной скоростью 455 км/час и усовершенствованным вооружением. В серийном выпуске он был дешёв. Строительным материалом фюзеляжа и крыльев была фанера и бруски дерева, пропитанные смолой. Немцы узнали об этом и прозвали наш новый самолёт «рус-фанер».

Занятия по изучению проходили оживлённо и с большим вниманием. Преподавателем прислали воентехника М.А.Куприянова, который проходил стажировку на заводе. Чтобы занятия проходили интереснее, Срыбник придумал проводить технические конференции. Для этого он распределил весь учебный материал по докладам и дал время на подготовку докладчикам. Егору, как опытному преподавателю, он дал самую сложную тему: «Карбюрация и система нагнетания рабочей смеси». Немного проще тему, «Зажигание», он поручил воентехнику Н.И.Волосевичу. На подготовку отведена неделя, заниматься возле «секретной части», и только вечером. Дальше секретной части выносить описания не разрешалось. Для проведения конференции выбрали нелётную погоду.

Егор беспокоился за Николая Волосевича, как он справится с такой трудной для него задачей. В авиационных школах Николай не учился, перед войной ему присвоили звание младшего воентехника, готовился экстерном. В 1938 году он приехал в Липово к брату Ивану, лётчику-истребителю. Ему понравилось, и он остался на сверхсрочную, работал мотористом, потом повысили на механика. Немного сутуловатый, со светлыми волосами и неторопливой походкой, он был похож на своего брата Ивана настойчивостью и упорством. Закончив Грозненское горнопромышленное ФЗУ, работал бу-

*Воентехник 12-й КОИАЭ
Николай Иванович Волосевич. 1944 г.*

рильщиком нефтепромысла, затем служил срочную службу в бронетанковых войсках. Об авиации слышал только от брата. К обязанностям воентехника относился со всей ответственностью и трудолюбием. Вот финал его настойчивости и терпения: на конференции он преподнёс материал наравне с опытными техниками. В октябре Николай Волосевич получил страшное известие – 29 сентября 1941 года оборвалась жизнь самого близкого, самого любимого человека, старшего брата, Героя Советского Союза, заместителя командира 11-го истребительного полка капитана Ивана Ивановича Волосевича.

Это известие надломило Николая, он очень переживал, ни с кем не мог разговаривать, перед глазами постоянно был брат, не верилось в его гибель. Он вспоминал рассказы матери о их жизни в селе Тахны-Картуз Березовского района Гродненской области.

В 1914 году началась Первая Мировая война с Германией, и в этот же год Белоруссию постигло стихийное бедствие – невиданная засуха. Люди покидали целыми сёлами свои жилища и уходили вглубь страны, чтобы не умереть с голоду. Перед глазами Николая встали родные места, пыльные дороги, и по ним шли лошадиные повозки, гружённые домашним скарбом и детьми. За повозками шли взрослые члены семьи. Шли молча, угрюмо. Рядом с матерью шла молодая женщина и, чтобы нарушить это мучительное безмолвие, спросила:

– Сколько лет вашим хлопчикам?

– Васеньку Бог дал в 1905 году, – ответила мать тихим, мягким голосом, – Ванюшку в 1909, а Коленьку – в 1912-м.

*Герой Советского Союза комиссар 13-й КОИАЭ,
капитан Иван Иванович Волосевич. 1940г*

На этом разговор закончился. Больше всего мучений доставалось им, женщинам. Голодные дети просили есть, надо было всё время думать, как их накормить.

Дошли до Кубани и остановились на постоянное место жительства. Нелегко было обживаться на новом месте, пришлось идти батрачить у богатей. Жизнь того времени протекала бурно, стремительно. Военные действия на фронтах Первой мировой, Февральская революция, Октябрьская революция, Гражданская война, и в этом круговороте оказались дети. Своим пытливым умом они жадно впитывали всё окружающее.

В 1920-м году семью Волосевичей постигло неутешное горе – умерла Соломея Тимофеевна, мать троих детей. Васе было 15 лет, Ивану – 11, а Коле – 8 лет. Горько оплакивал Иван Дорофеевич потерю своей верной подруги жизни, с которой делил горе и радость. Теперь одному надо было воспитывать троих детей. Умные дети в семье не помеха, сыновья стали помогать отцу зарабатывать средства на существование. Вася пошёл работать на завод учеником токаря, Ваня и Коля нанялись в подпаски к сельскому пастуху. В школе учились прилежно, от отца брали пример честности, прилежности, настойчивости. Когда Ваня подрос и набрался силёнок, пошёл работать столяром. Молодая Советская республика заботилась о судьбах молодёжи, которая стремилась к знаниям. Для них были открыты двери рабфаков – рабочих факультетов. Василий и Иван пошли туда учиться и успешно закончили. Рано познав голод и холод, ребята учились старательно. Жизнь заставляла думать о существовании на свои заработанные средства, а это немало для выработки жизненной позиции. После окончания

рабфака они пошли учиться дальше, Василий в Рыбинский авиационный институт, а Иван – в геологоразведочный. Большая общественная комсомольская работа, интересные лекции заполнили всю сознательную жизнь молодых ребят. В геологоразведочном институте двадцатилетнего студента Ивана Волосевича приняли в ряды Коммунистической партии. Но, окончив институт, Ивану не пришлось работать геологом, по зову партии его направили учиться в первую военную школу пилотов, которая находилась на Каче, возле Севастополя в Крыму.

Кто не мечтал в ту пору стать лётчиком! Стремительная, прекрасная вольная жизнь влекла парить в небесных просторах любимой Родины. Иван отдаёт все свои силы и способности лётному делу. После окончания лётной школы Ивана Волосевича направили служить в авиацию Черноморского флота. Почувствовав себя настоящим лётчиком, он продолжал совершенствовать своё боевое мастерство, настойчиво отрабатывать все элементы программы. Способного пилота заметили, его собранность и волю, умение вести за собой. Ивана повысили в должности до старшего пилота, а затем до командира звена. В 1937 году его перевели служить в авиацию Краснознамённого Балтийского флота. Он прибыл в Липово в 12-й КОИАЭ на должность командира отряда, а вскоре стал заместителем командира эскадрильи. Своей скромностью, трудолюбием и отвагой он заслужил уважение всего личного состава. Перед финскими событиями его перевели служить комиссаром 13-й отдельной истребительной авиаэскадрильи, которая базировалась в Купле. На должности комиссара раскрылись все его прекрасные душевные качества. Он буквально вкладывал душу в обучение лётному делу и сам продолжал выполнять учебные полёты наравне со всеми лётчиками, подавая собственный пример. Его беседы с личным составом были нравоучительны и полезны, молодым помогали познать жизнь. Служебные обязанности были у него не первом месте, но он находил время и для семьи, нежно заботился о детях. Его жена Анна Егоровна всегда с теплотой говорила о нём своим подругам:

– С Ваней мы живём дружно. В доме у нас всегда тихо и спокойно, он всегда уходит на работу бодрым и весёлым. Но он во всём строг и справедлив, поблажек не делает ни себе, ни другим.

Вместе с командиром 13-й ОИАЭ майором Г.П.Губановым они вывели эскадрилью в число передовых.

В Финскую компанию полёты на боевое задание проходили двумя группами. Первую вёл командир АЭ майор Губанов, вторую – комиссар И.И.Волосевич. Много было побед на их счету.

В один боевой день вылетела на боевое задание группа Волосевича в составе лётчиков: Волосевич, Войтенко, Якушев, Потапов, Лукьянов, Евсеев,

*Герой Советского Союза Иван Иванович Волосевич,
Его жена Анна Егоровна, дети Юра и Луиза. 1940 г.*

Князев. На высоте 3500 метров завязался бой с финскими лётчиками. Иван Волосевич принял бой и в первую же минуту, сблизившись на пятидесятиметровую дистанцию, в упор расстрелял головной самолёт противника. Тот вспыхнул и рухнул на землю. Отважный пример комиссара воодушевил лётчиков. Второй самолёт противника сбил Войтенко, третий – Евсеев. Остальные пытались уйти от преследования, но групповой огонь краснозвёздных истребителей преградил им путь. Это данные из Центрального Гос. архива ВМФ, ф.1549, оп.1, д.188, лл.68-69. И таких эпизодов боевой жизни было много.

За боевые успехи отважного комиссара И.И.Волосевича награждают орденом «Красного Знамени».

После окончания финской компании стали отмечать боевые подвиги награждением. 13-ю ОИАЭ наградили орденом «Красного Знамени», майору Г.П.Губанову и комиссару И.И.Волосевичу присвоили высокое звание Героя Советского Союза с одновременным вручением ордена Ленина. Остальные лётчики были награждены орденом «Красного Знамени», а технический состав – медалями. После заключения мира с Финляндией, И.И.Волосевича перевели служить на Краснознамённый Черноморский флот, на должность заместителя командира 11-го авиаполка. Он продолжал летать на боевые задания вместе со всеми лётчиками.

Комиссар И.И.Волосевич лично водил в бой с фашистами подчиненных лётчиков. По-другому он не мог, в слишком большой опасности был народ, само существование Советского государства, социалистического строя, которое ему дало возможность чувствовать себя человеком. Чувство долга заставляло направить все силы на главное – выдержать удары, а затем сокрушить озверелого врага, который приносит столько горя.

Для Ивана Ивановича понятия «Родина», «Народ» были не пустым звуком, за них он был готов отдать всего себя без остатка.

29 сентября 1941 года капитан И.И.Волосевич погиб при выполнении боевого задания, вместе со своим самолётом он был погребён в водах Чёрного моря.

– Теперь больше не увижу своего брата, – тихо сказал Николай Волосевич, – как будет теперь воспитывать малолетних детей Анна Егоровна? В начале войны она с Луизой и Юрой жила в Петродворце. Где они теперь, что с ними?

В БЛОКАДНОМ ЛЕНИНГРАДЕ

Город Ленинград оказался отрезанным от страны. Все сообщения по суше были перерезаны. Лишь узенькая полоска воды по Ладожскому озеру была надеждой на связь с Москвой.

Потеряв уверенность взять Ленинград штурмом, гитлеровское командование приняло решение отрезать огромный город с населением около трёх миллионов от продовольствия и топлива, сломить волю и дух ленинградцев, заставить отказаться от сопротивления. Помимо этого, постоянно и планомерно разрушать город с помощью авиации и артиллерии, и так держать город всю зиму. Решение Гитлера от 7-го октября – не принимать капитуляцию Ленинграда, а позднее Москвы.

«Весной мы проникнем в город, вывезем всё, что осталось живое вглубь России, или возьмём в плен, сравняем Ленинград с землёй и передадим район севернее Невы Финляндии» – планировалось в директивах немецкого командования. Вот такая судьба предreshалась Ленинграду гитлеровцами.

Ленинградцы готовили город к жестокой длительной обороне.

По данным исследователя-писателя В.Е.Зубакова «с первого сентября 1941 года по первое января 1942 года на оборонные работы было затрачено около девяти миллионов человеко-дней, из которых 88% приходилось на долю гражданского населения. Только в 110 узлах обороны ленинградцы возвели 570 артиллерийских и около 3600 пулемётных дотов, проделали 17

тысяч амбразур в зданиях, построили более 25 километров баррикад и 300 наблюдательных пунктов, открыли 12 тысяч стрелковых ячеек».

Ленинград с его пригородами превратился в мощный укрепленный район. Кроме баррикад на площадях и перекрестках грозно высились доты. Противотанковые ежи и надолбы перекрывали все въезды в город. Окна домов и витрины магазинов были заложены мешками с песком и кирпичами, виднелись амбразуры огневых точек. Зенитная артиллерия города, кораблей и фортов Балтийского флота готовились обрушить на противника лавину огня. Все стремились победить врага, что бы это ни стоило, никто не хотел попасть в рабство к фашистам.

«За три осенних месяца 1941 года враг обрушил на Ленинград почти 25 тысяч снарядов, около 65 тысяч зажигательных бомб и более 3 тысяч фугасных бомб. От воздушных бомбардировок и артиллерийских обстрелов в городе за это время погибло 2063 и ранено 10569 человек.

Почти непрерывно рвались снаряды на улицах и площадях. Запасов продовольствия по состоянию на первое сентября 1941 года было не более чем на 30 – 60 суток. Почти отсутствовали картофель, овощи, фрукты. С первого октября рабочие и инженерно-технические работники стали получать 400 граммов недоброкачественного хлеба в сутки, а все остальные – по 200 граммов. Резко сократилась выдача других продуктов», пишет В.Е.Зубаков в своей книге «Героический Ленинград».

Связь Ленинграда со страной осуществлялась только через Ладожское озеро, небольшие баржи и суда преодолевали сильные осенние штормы, самолёты отбивали атаки вражеских самолётов, которые постоянно висели в воздухе. Только благодаря мужеству и бесстрашию моряков доставлялось продовольствие, медикаменты, вооружение, боеприпасы, топливо и многое другое. На обратном пути баржи загружались людьми, заводским оборудованием и рабочими, которые направлялись к эвакуированным предприятиям. За этот небольшой срок было доставлено в Ленинград 60 тысяч тонн продовольствия, боеприпасов и горючего. Вывезено из Ленинграда 39 тысяч человек, включая престарелых, детей и раненых.

С 16 ноября для вывоза людей стали применять транспортные самолёты. В Ленинград ими было доставлено пять тысяч тонн продовольствия, десятки тонн медикаментов и почты. Из блокадного Ленинграда самолётами были переброшены специалисты эвакуированных заводов, раненые и дети. Подробнее об этом можно прочитать в сборнике очерков и воспоминаний «Воздушный мост над Ладогой». Экипажи транспортных самолётов понимали, что каждая тонна доставленных продуктов спасала жизнь тысячам горожан. Перевозками грузов и людей непосредственно занимался Ленинградский Областной комитет партии во главе с секретарём обкома

Заместитель инженера 12-й КОИАЭ, старший техник, лейтенант Степан Иванович Филимонов. 1942 г.

Терентием Фомичом Штыковым. Охрану самолётов в воздухе осуществляли лётчики 12-й КОИАЭ. Аэродром Смольный недалеко от железнодорожной станции Ржевка стал важным после Комендантского. Сюда прилетали ежедневно до семидесяти транспортных самолётов. Ввиду перегруженности аэродрома, 12-й КОИАЭ перевели на аэродром Гражданка. Теперь Егор стал жить не в Приютино, а в Котлотурбинном институте. Задача оставалась та же – обслуживать самолёты, которые охраняют с воздуха «Дорогу жизни».

В первых числах декабря техники совсем ослабли от недоедания. Им приходилось всё время находиться на морозе, а питание не соответствовало физической нагрузке. На суточный паёк они получали 400 грамм хлеба и очень жидкий суп из крупы.

Блокадный хлеб. Трудно определить, из чего он выпекался. Основным компонентом был жмых (дуранда), потом всякие примеси мучного. На вид был чёрным и рассыпчатым.

В 5.00 подъём. Инженер объявил список идущих на аэродром по обслуживанию самолётов. Опять те же: В.Богунец, Е.Буранов, М.Глебов, С.Попов, Е.Складаный. Остальные настолько ослабли, что появилась отёчность, работать не могли, медики считали их полными дистрофиками. Егор и Евгений Складаный работали вместе по старой привычке. Прогрели мотор большой подогревательной лампой, заправили горячим маслом, и Егор сел в кабину, чтобы запустить мотор. Несколько витков стартёром, и мотор заработал. Складаный показал большой палец, это означало, что мотор работает исправно. После пробы на всех оборотах стали чехлить.

Вот тут-то и загвоздка. Чехол из брезента и ваты стал слишком тяжёлым для ослабевших от голода. Он им был не под силу, а надо спешить, мотор остывал быстро. Тогда пошли на хитрость, выручила природная смекалка. Егор забрался на верх мотора, привязал к ноге лямку от чехла и упал вниз. При падении лямка потянула чехол, и он встал на своё место. Этот способ потом использовали все техники. Вверх смотреть было нельзя, кружилась голова. Поглощённые обязанностями, техники забывали о еде, и это их спасало. Самолёты регулярно вылетали на боевые задания.

Вечером, когда пришли в общежитие, поужинав, Женя сказал:

– Ещё бы пять раз по столько.

Однажды секретарь парторганизации В.Г.Мальцев принёс билеты на концерт в цирк. Это было ново, до этого никуда на зрелища не ходили. Егор вспомнил, как он с молодой женой Любой ходил в цирк. Это было незабываемое зрелище, праздник, на всю жизнь запомнились воздушные акробаты, наездники, фокусники.

Складаный тоже решил поехать. Было холодно, шинелей пока ещё не получили и поехали прямо в техническом обмундировании. В цирке было холодно, сидели в шапках. На сцену вышел оркестр под руководством Вадима Коралли. Аплодисменты. Вышла всеми обожаемая Клавдия Ивановна Шульженко. Аплодисменты. Она исполнила всеми любимые песни: «Синий платочек», «Давай закурим», «Мама». Неожиданно раздался вой сирены. Голос диктора звучал по радио: «Воздушная тревога! Воздушная тревога! Всем перейти в бомбоубежище!»

Через две минуты цирк опустел, будто всех ветром сдуло. Егор и Женя оказались в толпе в каком-то подземелье. Никто не говорил и не спешил. Через полчаса прозвучал тот же голос диктора: «Отбой тревоги! Отбой тревоги!»

После этого сигнала никто не захотел досматривать цирковые представления. Группа техников покинула бомбоубежище, сели в свою автомашину и уехали в общежитие. В мерцании коптилки каждый молча нашёл свою койку.

Авиатехники продолжали обслуживать самолёты И-16. Труднее было собрать оставшихся в живых лётчиков 12-й КОИАЭ. Они были прикомандированы по разным частям. Многие возвращались из госпиталей. Так, Григорий Григорьевич Бегун, прежде чем попасть в свою 12-ю КОИАЭ, прошёл многие передвижения. С острова Эзель они с Александром Александровичем Шитовым прилетели в Петергоф для замены моторов. В Беззаботном они получили эти самолёты, но их не пустили на Эзель. Положение в Ленинграде было тяжёлое, и их оставили для боевых действий в 71-м авиаполку в Кронштадте, где командиром полка был А.В.Коронец. Там они воевали с

фашистами и только 20 сентября их отправили на Эзель. Их самолёты достались другим лётчикам, а они ночью второго октября вместе со штабом БОБРа ушли на торпедных катерах на остров Даго. Затем на транспортном самолёте улетели в Ленинград, и оттуда их снова направили в действующие авиаполки.

Александр Шитов героически погиб при штурмовке Гатчинского аэродрома, направив свой горящий самолёт на скопление фашистских «юнкеров», готовых для взлёта. Сам сгорел, и с ним сгорело много вражеских самолётов.

Николай Хромов прибыл из 71-го авиаполка.

Вернулись в свою 12-ю КОИАЭ молодые лётчики, воспитанники И.К.Полях: Борис Копьёв, Иван Королёв, Виталий Корнилов, Михаил Масленников.

Иван Гореликов вернулся из госпиталя. Двенадцатого сентября он был ранен в воздушном бою под Низино.

Всех лётчиков направляли в Богослов на переучивание и тренировку на новых самолётах. Там они встретились, с грустью вспоминали погибших. Долго не спали вечером, при мерцании копилки слышался разговор:

– А где похоронили Бориса Середу?

– Он погиб в Липово в начале войны. Взлетел с полной нагрузкой бомб, на низкой высоте сделал боевой разворот, и самолёт упал на своём аэродроме. Сгорел Борис Сергеевич. Сначала похоронили в Липово, но потом он был перезахоронен на кладбище в Краколье. Там же похоронен Н.А.Казаков и мототрист Л.Г.Киселёв, которого убили в Липово при штурмовке аэродрома.

– А где погиб Анатолий Григорьев?

– Анатолий Борисович Григорьев и Борис Константинович Панкратьев были ранены в бою при защите Таллина.

– Жалко мне друга, Бориса Панкратьева, – сказал Павел Шевцов. – Борис жил в Ленинграде. Как лучшего производственника, его послали учиться на лётчика. После училища попал в отряд Бориса Годунова. Он принял все лучшие качества Годунова, закалял характер, отработывал лётное мастерство.

– А где погибли Яков Иванович Ёхин и Константин Сергеевич Сельдяков?

– Они погибли в воздушном бою над аэродромом Котлы в конце августа 1941 года.

– А где видели Юрия Залеева и Николая Аниськина?

– Они погибли в воздушном бою под Кронштадтом.

Так вспоминали друзей, их боевые подвиги.

Шли дни и ночи лишений и упорного сопротивления блокаде.

Рушились дома от артобстрелов и бомбёжек, ленинградцам всё чаще приходилось отсиживаться в бомбоубежищах. Наши самолёты обнаруживали вражеские артиллерийские установки, разрушающие город, старались подавить их, но этого было недостаточно, чтобы уничтожить полно-

стью. Днём улицы были пустынные. После артобстрелов лежали трупы. В конце октября начались морозы, а в ноябре они достигали до 40 градусов. Выбитые окна квартир без стёкол заложены фанерой, подушками или картоном. Волховская электростанция прекратила функционировать, местные электростанции были без топлива. Не стало электроэнергии, а значит и нарушилась подача воды, работа канализации. Жители потянулись с вёдрами к Неве. Центральное отопление перестало работать, в квартирах стали устанавливать жестяные печки, трубы для вывода дыма ставили прямо в окна. Дров и угля не было, чтобы согреться, сжигали мебель, паркет и даже книги. Остановились трамваи и автобусы, рабочие на предприятия ходили пешком. Благодаря героическим усилиям и стойкости, люди не бросали свои заводы, шли и выполняли нормы. Ранним утром они пешком тянулись с Васильевского острова на Нарвскую заставу, с Выборгской стороны на свои рабочие места. После работы многие падали и уже больше не вставали, отдав свой последний долг. В цехах было холодно. Рабочие по нескольку суток не выходили из цехов, выполняя срочные фронтовые заказы.

Фашисты обстреливали и бомбили заводы: «Кировский», «Большевик», «Электросила», многие другие предприятия. Снаряды рвались внутри зданий, убивали рабочих. На их места вставали другие.

«Лучше умереть стоя, чем встать перед врагом на колени! Камни будем есть, а Ленинград не сдадим!» – так решил каждый рабочий.

Осенью 1941 года, когда шли оборонительные бои под Москвой, ленинградцы изготовили и послали туда сотни артиллерийских установок, десятки тысяч автоматов и других видов оружия. Командующий Западным фронтом генерал армии Г.К.Жуков 28 ноября 1941 года прислал телеграмму на имя А.А.Жданова: «Спасибо ленинградцам за помощь москвичам в борьбе с кровожадными гитлеровцами». Ленинград доставил более трёх миллионов снарядов и мин, свыше трёх тысяч полковых и противотанковых орудий, 713 танков, 480 бронемашин, 58 бронепоездов и бронеплощадок, и много другой техники, инженерного имущества и средств связи. Огромное количество оружия и боевой техники было отремонтировано и отправлено на фронт. (Е.Зубаков «Героический Ленинград»).

Большой силой в обороне Ленинграда были женщины. В голодном, холодном городе они освоили «мужские профессии» на производствах, тушили на крышах домов зажигательные бомбы, ухаживали за ранеными, отдавали им свою кровь, шили обмундирование.

«В Ленинграде нет грани между фронтом и тылом, – говорил А.А.Жданов, – все живут одной мыслью, одним духом – всё сделать для разгрома врага...»

БОЕВАЯ ЖИЗНЬ 12-Й КОИАЭ

Теоретическое изучение самолёта ЛаГГ-3 лётчиками закончилось. Надо было техникам посмотреть его и пощупать своими руками, а их не было. Егору дали задание – получить самолёт ЛаГГ-3 в мастерских Комендантского аэродрома.

Ранним утром Егор направился в авиамастерские. Когда он вышел из здания бывшего котлотурбинного института, где они были расквартированы, мороз прощупал его куртку и ватные брюки на прочность и теплостойкость. Снег хрустел под ногами, но это не придавало бодрости. Не было сил передвигать ноги. Давало себя знать блокадное питание. На трамвайной остановке никого не было, пути занесены снегом. Где-то стоял трамвай, заснеженный и брошенный месяц назад из-за отсутствия электроэнергии.

Приказ надо выполнять, Егор пошёл пешком. Маршрут не знал, пришлось расспрашивать у прохожих. Люди шли молча, еле передвигаясь к магазину и обратно. Возле колонны серого дома стоял без движения дворник, опираясь на метлу, далее улица была перегороджена колонной людей, тянувших за собой детские санки со свёртками из простыней. Свёртки не все помещались в санках, волоклись, оставляя на снегу рыхлую полосу.

Егор дошёл до проходной Комендантского аэродрома, вахтёру предъявил документы.

Вахтёр позвонил по телефону и сказал:

– Самолёт не готов к сдаче, придите завтра.

Обратный путь был знаком, Егор снова встретил колонну людей со свёртками на санках.

– Что они везут? – спросил он.

– Мертвецов, – равнодушно ответил угрюмый попутчик.

Егор шёл, едва переставляя дрожащие от бессилия ноги.

– Иду правильно, – про себя сказал Егор, – вот этот серый дом с колоннами.

Возле колонны стоял тот же дворник. Он не отступил ни на шаг от прежнего места, всё так же опираясь на метлу, как на винтовку.

– Он целую неделю так стоит оледенелый, – сказала шедшая рядом женщина едва слышным голосом на вопросительный взгляд Егора.

Впереди шёл пожилой мужчина в драповом пальто, тяжело опираясь на палку. Шёл, и упал прямо Егору под ноги.

– Помоги, милый, я здесь рядом живу, помоги! – умолял он, вцепившись руками в полу куртки Егора.

– Поднимайся, батя, вот так, – сказал Егор, – держись за палку!

Пожилой мужчина поднялся, сделал несколько шагов и снова упал. Руками ловил прохожих. Егор начал его поднимать, от напряжения закружилась

голова, и он упал рядом с мужчиной. Немного отлежавшись, Егор поднял голову и посмотрел на упавшего мужчину. Тот лежал вверх лицом с заострённой седой бородкой, лежал без признаков жизни, открытыми глазами смотрел в серое блокадное небо. Егор потрогал плечо, ответа не последовало. Опираясь на палку, Егор с трудом встал, положил рядом с мужчиной его палку и пошёл, медленно переставляя ноги, чтобы не упасть.

Обратный путь оказался очень длинным. Дошёл до Котлотурбинного, когда уже стало темнеть. В столовой поел «суп из редких круп», как его называли техники, и маленький кусочек хлеба.

– Ну как, самолёт получил? – спросил авиатехник Сергей Попов.

– Не готов, – ответил Егор, – велели придти завтра.

– Когда пойдёшь по тёмному коридору, – сказал Сергей, – смотри не споткнись. Там мертвец лежит.

– Почему не уберут? – спросил Егор.

– Когда он упал, я хотел отнести, но не смог, тяжело. Я отодвинул его в сторону, чтобы не спотыкались.

Егор остался в столовой последним. Когда подошёл к кубрику, увидел на двери объявление:

«Сегодня 22 декабря 1941 года в 19.00 состоится партийное собрание.

Повестка дня:

Приём в кандидаты ВКП/б т.т. Буранова Е.М., Богунца В.И., Богомолова Д.П., Запевалова Г.А.

Секретарь парторганизации 12-й КОИАЭ В.Мальцев».

Собрание состоялось. Много добрых слов было сказано в адрес поступающих. Они же давали обещание партии быть достойными сынами Родины, отдавать все силы и знания на разгром ненавистного врага.

СЕСТРА МИЛОСЕРДИЯ

С давних времён первую помощь пострадавшему воину на поле брани оказывала сестра милосердия, которую стали проще называть медсестрой.

На Ленинградском фронте эту обязанность выполняла девушка по имени Женя, по фамилии Максимова. Воспитывалась она в крестьянской многодетной семье последним ребёнком. При её появлении на свет матери было 48 лет, отцу – 49, а потому своих родителей молодыми Женя не видела.

В 1927 году Женя окончила семилетку и поехала учиться в Рокковскую медицинскую двухгодичную школу. После окончания школы многие выпуск-

ники были направлены на работу в Ленинград и Ленинградскую область, в их числе была Женя, ей было семнадцать лет.

Приехали в Ленинград зимой 1940 года. Выйдя из вагона, молодые медики почувствовали жуткий холод, на Жене было старенькое пальто матери из толстой байки, сшитое деревенским портным. Пальто было велико, висело на Жене, как на вешалке, на ногах ботинки, сшитые отцом из самодельной кожи. Во время учёбы Женя подрабатывала санитаркой, пытаясь заработать на пальто, но денег не хватило. По распределению Женя попала в Ленинградский Дом малютки № 8 в Пулковском районе. Воспитание в многодетной семье было на пользу, она привыкла к коллективу, была покладиста, приветлива, и вскоре была избрана секретарём комсомольской организации. Работы было много, но ещё больше планов. Женя поступила на подготовительные курсы в медицинский институт. На свои заработанные деньги в первую очередь купила себе пальто и в обновке поехала в отпуск к родителям. При встрече радости было через край. На Женю домочадцы смотрели, как на взрослую, а ей хотелось шутить, беззаботно смеяться, танцевать. Отпуск прошёл быстро, Женю снова ожидала работа, курсы, обязанности комсомольского вожака. В воскресенье двадцать второго июня вышла погулять по Невскому проспекту и вдруг по радио услышала страшную весть: фашисты бомбили советские города, началась война.

Двадцать третьего июня она получила повестку прибыть в военкомат с вещами. Женю переодели в военную форму и направили служить в 47-й батальон аэродромного обслуживания, который сокращённо назывался 47-й БАО. Военный аэродром находился в пяти километрах от Невской Дубровки. Через Неву из-под железнодорожной станции Мга, где шли кровопролитные бои, доставляли раненых в их батальон. Там их первично обрабатывали и на автобусах направляли на лечение в больницу имени Мечникова. В одну из поездок на автобус с ранеными напал фашистский самолёт. Несмотря на то, что автобус был с красными крестами, фашист стал расстреливать тяжелораненых. Автобус остановился, раненые, кто мог, залегли в дорожные кюветы. В автобусе остались двое тяжелораненых, которые не могли передвигаться. Женя тоже осталась в автобусе, она считала своё присутствие там необходимым.

– Уходи, Женя, уходи скорее! – говорили ей раненые, но Женя не смогла их оставить.

К счастью, всё обошлось благополучно, раненые остались невредимыми после пулемётного обстрела, а бомбу фашист не стал тратить.

С сентября 1941 года фашисты начали постоянно бомбить Невскую Дубровку и восьмую ГЭС. Это было ужасно, на земле, казалось, не осталось живого места. Восьмого сентября фашисты захватили восьмую ГЭС и крепость Шлиссельбург. Ленинград оказался в блокадном кольце. С севера финны,

с юга немцы, остался один проход через Ладожское озеро. Пришёл приказ на перебазировку 47-го БАО в посёлок Янино, где был построен новый аэродром. Всех девушек из БАО отчислили в распоряжение санитарного управления Ленфронта (СУЛФ). Женю направили в 95-й эвакуогоспиталь, который находился на Площади Труда в городе Ленинграде. Здесь Жене пришлось пережить самые трудные дни почти девятидневной блокады.

При скудном пайке, без отопления и света надо было жить, работать в госпитале и защищать город. Фашисты бомбили, расстреливали из дальноточных орудий, сбрасывали по нескольку раз в день зажигательные бомбы. Один снаряд попал в госпиталь, упал на пол, но не разорвался.

В декабре стали умирать люди от голода и холода. Умирали везде, на производствах, на улицах во дворах, в подъездах, на лестницах домов и в квартирах. Воды не было. Топили снег, чтоб добыть воды или носили её из Невы. Отапливались печками «буржуйками» с выведенными железными дымоходами в окно. Сжигали всё, что горит, а вот питаться было нечем. Стёкла окон были выбиты при артобстреле, вместо стёкол виднелись куски фанеры и свёрнутой материи. Женя узнала, что на Петроградской стороне имеется немного целлофана, она с несколькими медсёстрами поехали туда, привезли и заделали окна. Начальник госпиталя Крымский, секретарь парторганизации Куль и секретарь комсомольской организации Соколов отметили инициативу девушек и объявили благодарность в приказе по госпиталю Жене Максимовой, Деменковой и Фёдоровой. Пришёл приказ о присвоении Евгении Александровне Максимовой звания младшего лейтенанта медицинской службы.

Наступила весна 1942 года. Снег начал таять, обнажая грязь и нечистоты после суровой зимы. Городу угрожала эпидемия от загрязнения, надо было немедленно убрать трупы, которые начали разлагаться. Девушки из госпиталя – Женя Максимова, Женя Деменкова, Мария Фёдорова, Оля Иванова, Маша Кобуева, Наташа Клёпикова и другие добровольно согласились и начали вытаскивать из квартир трупы, выносить в подъезды. Оттуда их на машинах отвозили на кладбище. Однажды Оля и Женя открыли дверь в одну из комнат и услышали разговор. На койках лежали умирающие от голода мать и сын. Десятилетний мальчик говорил матери:

– Мама, плохо, что я умираю в конце месяца, лучше бы в начале, мои карточки остались бы, ты бы питалась на них.

Им помогли собраться и выйти в подъезд, потом пришла санитарка и забрала в больницу.

Девушки переходили от одного дома к другому. Трупы были везде, даже на чердаках.

На бульваре Профсоюзов и площади Труда, на улице Красной и улице Труда образовались глыбы льда. Девушки взяли ломы, стали их колоть и на

волокушах из фанеры увозить к мосту Шмидта и сбрасывать в Неву. Откуда брались силы у этих тружениц? Они были настолько слабы от голода, что их качал ветер. Были случаи, когда они умирали на глазах у всех с лопатой в руках.

В 1942 году госпиталь закрылся, и всех девушек откомандировали в распоряжение СУЛФа.

Женю Максимову направили в 104-й погранполк, который нёс службу по охране Ладожской «дороги жизни» от Краськово, побережья Ладожского озера на фронте с финнами, до Шлиссельбурга, немецкого фронта. Штаб полка размещался на станции Ириновка. Это, можно сказать, была тыловая часть. Женя выполняла обязанности санинструктора.

Девушки стали ходить на занятия по изучению стрелкового оружия, а затем на стрельбы. По стрельбе из винтовки Женя показала хорошие результаты, её похвалили. Обращаясь к бойцам, старший лейтенант Н.И.Куликов сказал:

– Баба и та лучше вас стреляет!

Жене показалось обидным, что её назвали «бабой». После стрельбища она ушла в лес и там плакала, пока её не нашёл старший лейтенант Г.А.Кулакин.

– Не сердись, Женя, – успокаивал её Кулакин, – ведь он только хотел взбодрить бойцов, сказал, что девушка лучше их стреляет.

На вечерней поверке старший лейтенант Куликов извинился и приказал всем относиться к санинструктору почтительно. Женя начала тренироваться по стрельбе из снайперской винтовки. Долго не получалось и, наконец, она выполнила отлично все упражнения. Её зачислили санинструктором в снайперскую команду. Впервые взяли её на боевое задание в район Белоострова за Медным озером. Жене вручили снайперскую винтовку.

– Я же медик, призвана лечить, а не убивать людей, – мучили сомнения Женю.

Но она вспомнила своих родителей, трупы на улицах Ленинграда, умирающих детей и решительно взяла в руки винтовку.

Вместе со знаменитым снайпером Ленфронта Беляковым ходили в тыл врага, убивали вражескую разведку, одиночных офицеров, не давали врагу почувствовать себя хозяевами на чужой земле.

Наступила осень. От летних солнечных дней остались только воспоминания. Сумерки наступали рано, настали долгие ночи.

Утром Женя вышла из землянки и не узнала прежнего леса. Голые сучья и трава покрылись серебристым инеем, сухая подмороженная земля стала звонкой. Далеко было слышно каждое движение, каждый шорох мёрзлых листьев под ногами. Всего за одну ночь опали все листья с деревьев. И только один листик клёна на сухой ножке трепетал при каждом дуновении ветра.

– Вот и я, как этот лист, мотаюсь по фронтовым ухабинам, – подумала Женя, – сегодня жива, а завтра меня не будет. Будут вспоминать Женю, но смерть никого не удивит, это война. Только родители будут долго помнить.

Женя пришла в землянку. Возле печки сидели парни в зелёных ватниках. С финской стороны начался артобстрел, с потолка землянки посыпалась сухая земля. Снайпер Беляков сказал:

– Опять, гады, бьют беглым!

Много раз она слышала про этот беглый огонь, но ни разу не видела его. Захотелось посмотреть. Она вышла из землянки, залезла на бруствер и стала наблюдать. Снаряды рвались на территории соседней роты. Разрывы как бы катились по земле. Женя так увлеклась увиденным, что забыла обо всём на свете. Вдруг кто-то схватил её за кирзовый сапог и стянул в траншею. Это был младший лейтенант Васильев, её командир.

– Куда тебя чёрт загнал, лезешь под разрывы и нас демаскируешь! – ругал он Женю.

Но Жене не страшно было, теперь она видела беглый огонь. Долго ещё пришлось ходить ей под разрывами снарядов, слышать свист пуль, смотреть смерти в глаза.

СЫН РОДИЛСЯ!

– Воентехник Федоткин! Воентехник Федоткин! – кричал дежурный по стоянке.

– Что там такое? – спросил Пётр Васильевич Федоткин.

– Вас на командный пункт вызывают, – ответил дежурный.

Федоткин вытер масляные руки ветошью и поспешил на КП.

– Сейчас звонила на КП ваша жена, – сказал начальник штаба капитан Аниканов, – просила отпустить вас к ней по поводу родов, собирайтесь и поезжайте. Помочь в транспорте не могу.

– Можно отпустить со мной старшего воентехника Безрукова?

– Сейчас позвоню Срыбнику, – ответил Аниканов.

Снова телефонный звонок дежурному по стоянке, чтобы найти инженера Срыбника. День был не лётный, и Срыбник ответил положительно. Федоткин нашёл Бориса Безрукова при заполнении документации.

– Борис, Шура рожать собралась, ты сможешь поехать со мной? – спросил Пётр.

– Начальство разрешит?

– Всё улажено.

– Тогда поедём, может Егора прихватить?

– Не стоит, вдвоём управимся.

Они быстро вымыли руки бензином, протёрли снегом, переоделись и зашли в столовую. Попросили накормить обедом. Им налили жиденький суп и дали по кусочку хлеба. Суп съели, а хлеб попросили завернуть с собой. Всю дорогу они молчали, обдумывали, как быть дальше.

Осенью 1941 года Шуре Федоткиной, как беременной женщине, предложили эвакуацию, но она отказалась. Жалко было бросать ленинградскую квартиру, налаженный быт, всё время казалось, что война будет не долгой. Потом ей привезли из гарнизона Липово вещи эвакуированных жителей на сохранение. Когда наступил блокадный голод, ей разрешили менять эти вещи на продукты. Не много можно было выменять на них, золотые часы меняли на булку хлеба.

Приехали вовремя, у Шуры уже начались схватки. Вызвали скорую помощь, но им ответили, что бензина нет, и приехать не могут. Борис растопил печку «буржуйку», вскипятил чайник воды, сварил суп из остатков крупы. Накормили Шуру, пригодились принесённые кусочки хлеба. Пётр заботливо ухаживал за женой, выслушивал последние указания.

– Когда ребёнок будет в твоих руках, но не заплачет, его надо пошлёпать по спинке, заставить плакать, чтобы начал дышать.

И вот настал этот момент. Борис услышал плач ребёнка, поспешил с тёплой водой. Обмыли новорожденного, положили на чистую простыню. Ребёнок поджимал крохотные ножки, был очень худ и мал. Хорошо, что комнату успели протопить.

– Боря, – радостно сказал Пётр, – посмотри, сын родился!

Мужчины смотрели на ребёнка, и на их огрубевших, измученных лицах сияли счастливые улыбки. Заботливый отец нежно завернул сына в пелёнку, подошёл к жене и помог переодеться. Около дома просигналила автомашина. Борис посмотрел в окно и увидел автофургон с красными крестами. Это приехала «скорая помощь». В комнату вошли две женщины в белых халатах, помогли Шуре собраться и вместе с ребёнком увезли в больницу. Пётр хотел поехать с ними, но Шура остановила его.

– Поезжайте в свою часть, бейте фашистов. Тебе, Боря, спасибо за помощь.

Обняла мужа и тихо сказала:

– Ступайте...

Машина ушла. Пётр закрыл пустую квартиру, хотел отдать ключи соседке, но никто не отозвался на стук и не подошёл к двери.

Пётр и Борис прибыли к месту службы, доложили о прибытии. Аниканов поздравил Петра с рождением сына. Служба продолжалась. Вскоре Пётр получил от Шуры известие, что её с сыном эвакуировали в тыл. Мальчик выжил, несмотря на невзгоды блокадного Ленинграда.

В газете «Ленинградская правда» описывался случай хирургической операции новорожденному ребёнку с извлечением осколка авиабомбы из крестца.

ПОЧЕМУ НЕМЕЦКИЕ ФАШИСТЫ ОДЕРЖИВАЛИ ПОБЕДЫ В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ?

В период кровавой битвы с немецкими фашистами никто из советских воинов не задавал вопрос, почему фашисты одерживают победы. Тогда этот вопрос не возникал. У каждого была цель и задача изгнать ненавистных захватчиков с родной земли, уничтожить как можно больше и победить. Помнили пословицу: «Врагов не считают, врагов бьют». И только после войны стали анализировать свои действия, выявлять ошибки, задаваться вопросом: почему за первые три недели войны фашисты продвинулись вглубь страны на 350 – 600 километров, заняли Литву, Латвию, южную часть Эстонии, почти всю Белоруссию, Молдавию, территорию почти в 700 тысяч квадратных километров, что больше территории Польши почти в три раза. Почему практически вся техника и тяжёлое вооружение приграничных округов достались врагу? Почему были такие громадные людские потери?

В советской и зарубежной военной литературе историки, писатели и публицисты дают противоречивые ответы на эти вопросы, но все, несомненно, говорят об одном. Немецкие фашисты очень тщательно подготовились к войне, вся экономика Германии была полностью подчинена военным целям, разрабатывались новые виды вооружения, изобретались новые химические средства уничтожения людей. Природные ресурсы, стратегическое сырьё и промышленность двенадцати стран Европы, оккупированных, где был установлен «новый немецкий порядок», и присоединившихся к немецко-фашистскому блоку, были подчинены тем же целям. Австрийские железные рудники, чехословацкие марганцевые и серого колчедана, польский уголь, свинец и медь, румынская медь, венгерские бокситы и серый колчедан, итальянские бокситы, свинец и цинк, французский уголь, железная руда – всё было в полном распоряжении гитлеровских фашистов. В портах Голландии, Франции, Бельгии лежали громадные запасы металлов, горючего, резины и другого стратегического сырья. В 1939 году Германия вышла на первое место в мире по производству алюминия для изготовления качественных самолётов.

Сталелитейные, танковые, авиационные, оружейные, судостроительные заводы оккупированных стран достались Германии почти невредимыми, в том числе трофейное оружие, самолёты и танки 180 разгромленных дивизий. Об этом можно подробнее прочитать в различных источниках.

Нацистская немецкая пропагандистская машина работала в том же направлении, фашисты широко проводили идеологическую обработку населения и армии, пропагандировали расизм, крайний шовинизм, «превосходство арийской расы», завоевание «жизненного пространства».

Своё расистское мировоззрение, идеологию нацизма и антисемитизма, идеи мирового господства Гитлер подробно изложил в книге «Майн Кампф». Все расы, кроме арийской, объявлялись неполноценными и подлежали порабощению или истреблению. Оправдывались крайне жестокие методы уничтожения евреев, цыган, народов, населяющих восточные земли, т.е. славян, чтобы освободить земли для представителей арийской расы. С 1936 года книга дарилась, как библия, «товарищам по партии», выпускникам учебных заведений, молодожёнам при бракосочетании, была переведена на английский, французский, русский и другие языки. Идеология нацизма расползлась по всему миру.

Под фашистскими знамёнами со свастикой, под бодрые немецкие марши к началу Второй мировой войны маршировали 3 млн. 214 тысяч человек. На 22 июня 1941 года уже было 7 млн. 234 тысячи, дисциплинированных, с большим боевым опытом, хорошим техническим оснащением, вооружённых фашистской идеологией головорезов. Всего с 1939 года по 1945 год в вооружённые силы Германии было призвано 21 млн. 107 тысяч, в нарушение Версальского мирного договора 1919 года, завершившего Первую мировую войну, по которому вооружённые силы Германии ограничивались 100 тыс. сухопутной армией и 15 тыс. военных моряков. К 1941 году в Германии накопился громадный военный потенциал, которому уже не смогли противостоять армии Франции и Англии. С захватом фашистами Австрии, Чехословакии, Дании, Норвегии, Бельгии, Голландии и Франции, появилась угроза для Америки.

После оккупации Франции фашистам досталось военное вооружение от 92 французских дивизий, Чехословакии – 30 дивизий, Бельгии – 22 дивизий, 18 голландских, 12 английских, 6 норвежских дивизий. Только во Франции было захвачено 3 тысячи самолётов и около 5 тысяч танков. Трофейными французскими машинами были оснащены 92 немецкие дивизии.

Все факты говорили о том, что война с Германией неизбежна и, чтобы выиграть время для роста сил и укрепления позиций, 23 августа 1939 года с Германией был заключён договор о ненападении, известный как пакт Молотова – Риббентропа. Это стало неожиданностью для всего мира, в Париже и Лондоне возмущались двойной игрой Сталина, на что можно было ответить, что годом назад, в 1938 году Мюнхенской сделкой Франция и Англия купили себе мир, отдав на растерзание Чехословакию.

Из речи Молотова на сессии Верховного Совета СССР следовало, что Договор был призван ограничить масштаб военных действий в Европе. Но это оказалось просчётом, Договор развязал Гитлеру руки и послужил толчком к началу войны.

1 сентября 1939 года немецкие войска вторглись в Польшу, 17 сентября вошли советские войска, 28 сентября был подписан Договор о границе. Позже к СССР были присоединены Литва, Латвия, Эстония, часть Финляндии, Бессарабия и Северная Буковина, что отодвинуло границы СССР на запад, увеличило их протяжённость, не дало времени на создание транспортной системы и укрепления, способных противостоять ударам противника.

Сталин, занимая ряд постов в Правительстве и считая себя главным стражем, мало считался с мнением военных специалистов. 16-17 июня Черчилль и Рузвельт прислали Сталину телеграмму, предупреждая его о готовящемся нападении. Также была получена телеграмма военно-морского атташе в Берлине Воронцова. Он не только сообщал о приготовлениях немцев, но и назвал почти точную дату начала войны. Рихард Зорге, самый известный разведчик Второй Мировой войны, в своих донесениях назвал дату наступления фашистских войск. Ошибочно оценивая планы Гитлера, заключившего Договор о ненападении, Сталин запретил советскому военному командованию приводить в боевую готовность войска приграничных округов, осуществить перегруппировку, провести мобилизацию. Артиллерия находилась вдали от оборонительных рубежей, войска были в летних лагерях, авиация не была сосредоточена по аэродромам. В приграничные районы свободно проникали под разными предлогами вражеские лазутчики, изучали местность, наносили на карты военные стратегические объекты, подготавливали к диверсиям линии передач, телефонные узлы. Отвергались донесения разведорганов и информация немецких коммунистов о начале войны. Приносившие эти сообщения люди объявлялись пораженцами, провокаторами и преследовались, вплоть до расстрела. Это явилось причиной того, что для Советских войск в западных районах нападение гитлеровской армии оказалось внезапным.

В результате фашистская авиация смогла нанести сокрушительные удары по аэродромам, железнодорожным узлам, воинским частям, штабам и прочим важным объектам, городам Белоруссии, Украины, Прибалтики, были захвачены мосты, узлы связи, нарушилось управление войсками. Находящиеся в боевой готовности пограничные войска, оказавшие яростное сопротивление, были смяты и уничтожены, сотни тысяч людей были убиты, ранены, взяты в плен. В первый день войны было разбомблено 66 аэродромов, уничтожено 1200 самолётов, 800 из них на земле, разгромлено 28 дивизий, множество боевой техники осталось врагу. Только военно-морской флот по приказу наркома ВМФ СССР адмирала Н.Г.Кузнецова был заблаговременно приведён в

боевую готовность и смог дать решительный отпор, но без значительной поддержки авиации нёс большие потери.

Поспешили вступить в войну, чтобы успеть к дележу добычи, страны – союзники Германии Венгрия, Румыния, Финляндия. У границ СССР они развернули 29 дивизий и 16 бригад, что составило 20% армии нападения, к концу июля с примкнувшими итальянскими и словацкими группами войск их стало 30 % . На востоке была угроза нападения Японии, союзника Гитлера, это не позволяло дислоцировать войска на западный фронт.

В первые дни войны из-за отсутствия связи командование не знало обстановки на фронте, приказы были нечёткие, противоречивые и часто не доходили до командиров из-за отсутствия связи. Войска были разобщены, не могли согласовывать действия, приходило на помощь друг другу. Избежать этих просчётов можно было только с профессионально образованным командованием. Массовые чистки и репрессии командного состава 1926 – 1938 годов привели к разгрому профессиональных военных кадров. Были арестованы, сосланы в лагеря, расстреляны более 40 тысяч политработников и командиров высшего и среднего командного состава, военных инженеров и специалистов, ликвидировано почти всё руководство советской военной разведки. Оставшиеся в живых военачальники и все чиновники были парализованы страхом перед Сталиным.

Высокие посты занимали соратники Сталина со времён Гражданской войны. Семён Михайлович Будённый, командующий Первой Конной армией, один из маршалов Советского Союза с 1935 года, член Главного военного совета с 1939 года, во время Великой отечественной войны проявил полную безграмотность, был отстранён от своих должностей.

Климент Ефремович Ворошилов, второй из оставшихся в живых маршалов Советского Союза, был в числе организаторов Первой Конной армии, 10 июня 1941 года был назначен Сталиным главнокомандующим войсками Северо-Западного фронта. Отличался недоверием к военным специалистам, за время боевых действий не проявил способностей полководца в современных условиях, 31 августа был отстранён от командования, в сентябре направлен командующим фронтом под Ленинград, потерпел полное поражение и был заменён Г.К.Жуковым.

Эти просчёты и, возможно, со временем откроются другие, явились причиной поражений Красной Армии в начале войны и принесли столько бедствий советскому народу.

Только благодаря мужеству и героизму советских воинов на всех фронтах, командиров и политработников, сумевших сохранить боевой дух армии, всегда первыми показывавших пример стойкости и бесстрашия, сумевших выстоять, благодаря титаническому труду работников тыла, произошёл

перелом в ходе войны. Был приобретён практический опыт в организации обороны, наступления и обеспечения войск, боевого применения оружия и взаимодействия между родами войск. В Генеральном штабе Вооружённых сил СССР разрабатывались планы операций окружения и уничтожения гитлеровских войск. Советская армия стала более сильной и опытной. Организовывались народные ополчения, в тылу врага организовывалось партизанское движение.

Сталин, чтобы отвести вину от себя и своих соратников за поражения Красной Армии в начале войны, устроил судилище, по приговору которого была расстреляна большая группа генералов, среди них командующий авиацией Северо-Западного фронта Рычагов. За недалёковидность Сталина расплатились жизнью высшие офицеры советских войск. Всех, кто пытался объективно разобраться в причинах поражений, обвиняли в пораженчестве, ссылали в лагеря, сажали в тюрьму, осуждали и расстреливали. Защитников Моонзунда, попавших в плен, претерпевших все муки и выживших, осудили и выслали в лагеря.

«ДОРОГА ЖИЗНИ» – ДОРОГА СПАСЕНИЯ

К двадцатым числам ноября 1941-го года запасы продовольствия Ленинграда подошли к концу. Хлеба могло хватить лишь на несколько дней. Фашистское командование было уверено в капитуляции города в ближайшее время.

Восьмого ноября Гитлер заявил:

«Ленинград сам поднимет руки. Никто оттуда не освободится, никто не прорвётся через наши линии. Ленинграду суждено умереть голодной смертью». (Великая Отечественная война. Издание 1970 г. Стр. 104).

Но ленинградцы были уверены, что их не оставят в беде. Военный совет Ленинградского фронта по указанию Государственного Комитета Обороны принял постановление о введении в действие автомобильной военной дороги через Ладожское озеро, как только толщина льда достигнет пятнадцати сантиметров. Начались разведки местности будущей трассы, делались аэрофотосъёмки, с помощью старожилов и рыбаков выбирались места для будущей магистрали.

Семнадцатого ноября 1941 года на лёд Ладожского озера спустился отряд разведчиков, возглавляемый командиром роты воентехником 2-го ранга Л.Н.Соколовым. Падающий снег порошил тонкий лёд, он скрежетал и ломался от ветра. Бойцы в целях безопасности обвязались между собой верёвками, и, опираясь на пешни с железными наконечниками, шаг за шагом продвига-

лись вперёд. Миновали остров Зеленец, достигли села Кобона, по дороге ставили вешки для обозначения будущей трассы. Этим же маршрутом обратно возвратились в Кокарево. Согласно их разведке через пять дней был утверждён план трассы. Она начиналась от Осиновца и Кокарева, шла по льду бухты Петрокрепости, минуя остров Зеленец, до берегового села Кобоны.

От Кобоны до станций Заборье и Подборье Северной железной дороги трасса проходила через лесистые и болотистые места. Начальником трассы был назначен генерал-майор А.М.Шилов, военным комиссаром – бригадный комиссар И.В.Шишкин. Первым по трассе пустили конный обоз. Подводы шли медленно и доставили шестьдесят три тонны муки. Двадцать второго ноября прошло 60 автомашин с продовольствием. Одна машина утонула в полынье, водитель успел выпрыгнуть. Тонкий лёд не выдерживал полностью гружёные автомашины. Тогда стали загружать наполовину, вторую часть на санный прицеп.

«Седая Ладога издревле отличалась непостоянным, коварным нравом. Представим себе зеркальную поверхность огромного озера. Свирепый северный ветер гонит по льду снег, наметая высоченные сугробы, ломает и торосит лёд, образуя разводья и полыньи. В пургу и метель их трудно заметить. Бывали случаи, когда автомашины на полной скорости шли под лёд вместе с водителями и грузом. Сложность на трассе усугублялась сильными морозами, непрерывными воздушными налётами и артиллерийскими обстрелами дороги, проходившей всего в 12-15-ти километрах от южного побережья Ладожского озера, где находился противник. Водителям автомашин приходилось по нескольку раз в сутки совершать рейсы в тридцать шесть километров с западного берега на восточный и обратно, ежеминутно рискуя провалиться под лёд или погибнуть под разрывами бомб и снарядов. Но воинский долг, сознание ответственности за жизнь ленинградцев помогали преодолевать чувство страха и самоотверженно выполнять задания командования.

За состоянием и эксплуатацией военной автомобильной дороги внимательно следили ЦК ВКП/б и ГКО. По их указанию, когда противнику удалось занять Тихвин, была проложена автомобильная трасса от станции Заборье до Ладожского озера. На трассу направили дополнительный автотранспорт, построили несколько новых железнодорожных веток и станций. Железные дороги стали пропускать эшелоны с продовольствием для Ленинграда вне очереди. Повседневное руководство работой «Дороги жизни» осуществляли А.А.Жданов, А.А.Кузнецов, Н.В.Соловьёв, П.С.Попков, Т.Ф.Штыков. Сутками, без сна и отдыха находились на трассе генерал-майор А.М.Шилов и бригадный комиссар И.В.Шишкин». (Полковник Е.Зубаков. «Героический Ленинград»).

Систематические налёты вражеской авиации затрудняли передвижению автомашин. Враги безнаказанно с бреющего полёта расстреливали автомашины, обогревательные и санитарные палатки, взрывали лёд на трассе. Для борьбы с фашистскими самолётами были установлены зенитные орудия и большое количество пулемётов. Самолёты – истребители фронта и Краснознамённого Балтийского флота стали вести борьбу с фашистской авиацией. В числе авиации от КБФ была 12-я КОИАЭ. Её перебазировали на аэродром Новая Ладога. Технический состав был перевезён на автомашинах через Ладожское озеро по проложенной трассе.

ТЕБЯ ВИДИТ РОДИНА!

Опять боевой вылет. Лётчик уже сидел в кабине самолёта, привязанный ремнями, воздушный винт крутился на малых оборотах. Всё в порядке. Егор вскочил на крыло, посмотрел в кабину на показания приборов, нагнулся проверить открытие пожарного крана, коснулся комбинезона лётчика и уловил лёгкий запах неба, чистого, как после грозы. Самолёт взлетел. Егор посмотрел на свой комбинезон, промасленный и пробензиновый, и тихо про себя сказал:

– Стирал недавно, опять грязный.

Запах неба остался в его ощущениях, навёл на раздумье:

– Не с того конца начал изучать авиацию, – укорял себя Егор, – надо было приложить все старания, чтобы учиться на лётчика. Наверно, обо мне сказал Горький: «Рождённый ползать – летать не может».

Запах неба не давал покоя, и Егор продолжал казнить себя:

– Придавят фашисты где-нибудь в щели, как таракана, и отдашь концы, чёрная букашка. Уж если умереть, то в воздухе, как вольная птица, как горный орёл... И продвижения по службе нет, все техники давно выросли до повышения, а где взять вакантные должности? Начальство решило поставить меня на должность старшего техника звена, но узнал об этом Иван Мурзак, подсуетился, и его повысили. Я же не пойду выпрашивать должность, хоть убей меня. Вот и торчи Егор, как в проруби багор.

Егор может быть долгод ещё продолжал бы упрекать себя, но его перебил подошедший почтальон.

– Вам письмо, – сказал он и протянул руку с конвертом.

Письмо было от Любушки, жены. Наспех развернул треугольник и начал читать:

«Милый Егорушка, как всегда пишу тебе с волнением, здоров ли? О нас не беспокойся, над нами не летают самолёты и не бросают на нас бомбы. Живём с Ниночкой в школе, работаю одна за заведующего и за учителей, все

на фронте. Учеников собираю в один класс, так легче топить, дрова берегу. Но не все дети ходят в школу, нет обуви. Егорушка, в любое время, пусть будет дождь, буран, мороз, день или ночь, пусть рвутся бомбы или свистят пули, но ты готовь самолёт так, чтобы пилот мог целиком на него положиться, чтобы бил фашистов крепко. В этом будет и твоя великая заслуга, и твоя гордость. Скорее бы война кончилась»...

Егор не сразу понял важнейшее значение своей специальности. Только потом, когда начались бои, пришло сознание исключительной ответственности за жизнь лётчика и, как следствие, – за исход войны. Он ещё больше проник во все мелочи, не давая расслабиться и допустить недоделки. Прошли месяцы, Егора наградили двумя медалями «За боевые заслуги», позднее он был награждён двумя орденами Красной Звезды, орденом Красного Знамени, медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», «За победу над Японией», Орденом Отечественной войны 2 степени, и т. д.

О своих сомнениях в важности своей специальности Егор написал статью в «Комсомольскую правду» от 18-го августа 1942 года в праздник «День авиации». Вверху абзаца был лозунг: «Хозяева советского неба, крепче удары по врагу, сталинские соколы! Сшибайте с неба вражеские самолёты, громите фашистскую нечисть на земле!». Под этим лозунгом были три статьи: «Слово нашему шефу», написанная дивизионным комиссаром Л.Руденко, «Гордость комсомола» – стихотворение Демьяна Бедного и статья Егора «Тебя видит Родина». Демьян Бедный стихотворение посвятил экипажу самолёта: Дивиченко, Журавлёву, Мысикову и Ежову, которые повторили подвиг капитана Гастелло. Подбитый самолёт спикировал на вражескую автоколонну, раздался мощный взрыв, все решили, что экипаж погиб смертью храбрых. Но через несколько дней командир экипажа сержант Дивиченко Николай Иванович, штурман лейтенант Журавлёв Владимир Владимирович, сержант стрелок-радист Мысиков Николай Михайлович вернулись на свой аэродром. Силой взрыва самолёт был отброшен в сторону, и трём членам экипажа удалось спастись. Погиб воздушный стрелок сержант Ежов Николай Яковлевич.

В своей статье Егор писал, как ему хотелось летать, но потом он понял, что и его неприметная работа техника тоже очень важна и необходима в авиации. Его наградили «от имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом отвагу и мужество». В конце статьи Егор писал: «Дорогой товарищ, к которому я обращаю эти строки! Помни: Родина видит всех. И независимо от того, летаешь ли ты на самолёте, ведёшь ли огонь из танка или ремонтируешь выведенную из строя материальную часть, ты всюду воюешь. Родина видит всех, друзья!»

ИНФОРМАЦИЯ КОМИССАРА П.В. КРУТОВА

Это было в бывшем Ленинградском котлотурбинном институте, где размещался личный состав 12-й КОИАЭ. Комиссар Павел Васильевич Крутов собрал личный состав на очередную политинформацию. Техник Анатолий Бакшаев, как и некоторые другие, пришли отёчными от голодной дистрофии. Комиссар стоял с палочкой – указкой в руке возле развёрнутой карты Московской области и поджидал прихода остальных. Вид комиссара был бодр, подтянут и опрятен. Всем казалось, что его энергия была неистощима. Пришёл последний, и комиссар начал политинформацию о военных событиях на Московском направлении.

– Дорогие товарищи, – начал он, – хочу вас порадовать, советские войска под Москвой, измотав сильного врага, перешли в контрнаступление.

Слушающие его оживились, выпрямились, ждали с нетерпением продолжения. Он подошёл к карте. Электростанции не работали, и керосиновая лампа тускло освещала контуры карты. Все знали, что столица находится в трудном положении. Фашисты считали, что падение Москвы будет означать конец войны, и на завоевание столицы бросили почти половину всех своих войск, две трети танковых и моторизованных дивизий.

– Да, наша столица является крупнейшим экономическим и культурным центром, важнейшим транспортным узлом страны, важнейшим нервом промышленности, – продолжал Павел Васильевич. – На выполнение фронтовых заказов работают около двух тысяч промышленных предприятий. Огромные заводы, автомобильный «ЗИС», «Серп и молот», «Динамо», «Калибр», «Фрезер», «Красный пролетарий» и другие, были и продолжают быть флагманами промышленности страны.

Политинформация продолжалась, и по мере того, что говорил комиссар, у слушателей укреплялась решимость бороться и росла уверенность в победе.

Двадцать второго июня 1941 года в Московском военном округе было объявлено военное положение. За первые шесть месяцев войны ушли из Москвы на фронт около 100 тысяч коммунистов и 260 тысяч комсомольцев – это половина комсомольцев города. Воздушные фашистские налёты на Москву начались 22 июля 1941 года. За первые девять месяцев войны на Москву было сброшено около 1600 фугасных и около 100 тысяч зажигательных бомб. В городе было убито свыше тысячи двести человек и около пяти тысяч четыреста человек было ранено. Москвичи готовились к решающим сражениям. Летом и осенью на подступах к Москве и в самом городе строились оборонительные сооружения, в которых принимали участие шестьсот тысяч москвичей. На улицах и площадях Москвы были сооружены свыше тридцати километров надолб, около десяти километров баррикад, двадцати четырёх тысяч противо-

танковых ежей, сорока шести километров проволочных заграждений, свыше двухсот артиллерийских и около пятисот пулемётных точек.

Тридцатого сентября 1941 года гитлеровские войска перешли в наступление на всех участках фронта. Огромный фронт от Ладожского озера до Азовского моря был в непрерывных боях. Седьмого октября в районе Вязьмы были окружены советские войска частично Западного и Резервного фронтов. Окружённые войска испытывали лишения, мужественно отражали яростные атаки фашистов. Многие бойцы пали смертью храбрых. Враг захватил города: Калинин, Волоколамск, Можайск, Орёл, вплотную подошёл к Туле. Фашисты готовились отметить парад на Красной площади. Гитлер заявил, что парад будет принимать сам.

На всех фронтах шло изматывание и уничтожение отборных фашистских войск.

Деятнадцатого октября Верховный Главнокомандующий объявил Москву на осадном положении. Войска Западного и Резервного фронтов были

Комиссар 12-й КОИАЭ (слева) П.В.Крутов и командир 12-й КОИАЭ В.А.Рождественский разъясняют личному составу обстановку. Аэродром Гражданка 1942 г.

объединены в один Западный фронт под командованием генерала армии Г.К.Жукова. Вновь сформированным Калининским фронтом стал командовать генерал-полковник И.С.Конев. Была образована Московская зона обороны.

Шестого ноября в Москве на станции метро «Комсомольская» состоялось традиционное торжественное собрание Моссовета, посвященное 24-й годовщине Октября. С докладом выступил председатель ГКО И.В.Сталин.

Весь советский народ слушал по радио его выступление. Народ верил, что наступит момент, когда фашисты потерпят крах.

Седьмого ноября 1941 года в Москве на Красной площади состоялся Парад Советских войск. Мимо мавзолея прошли в суровом молчании воины Советской армии и прямо с парада уходили на фронт. Он находился в нескольких десятках километрах от столицы.

Пятнадцатого ноября, получив подкрепление, фашисты возобновили наступление на Москву. В некоторых местах они подошли к столице на 25–30 километров.

Советские воины проявляли массовый героизм. Вся страна узнала о героизме лётчика младшего лейтенанта Виктора Васильевича Талалихина. Он первым применил ночной таран, сбив под Москвой вражеский бомбардировщик, за что был награждён званием Героя Советского Союза. В последующих боях сбил ещё пять самолётов противника. Погиб в воздушном бою около Подольска.

Героически сражались воины 316-й стрелковой дивизии под командованием генерал-майора И.В.Панфилова. Фашисты рвались к Москве по Волоколамскому шоссе. Шестнадцатого ноября в семи километрах от Волоколамска на разъезде Дубосеково произошёл героический бой с фашистскими танками. В ходе четырёхчасового боя воины под командованием младшего политрука В.Г.Клочкова подбили восемнадцать вражеских танков и не пропустили противника. Большинство бойцов вместе со своим политруком Клочковым пали смертью храбрых, остальные пять бойцов, Д.Ф.Тимофеев, Г.М.Шемякин, И.Д.Шадрин, Д.А.Кожубергенов и И.Р.Васильев были тяжело ранены. Этот бой под Дубосеково вошёл в историю, как подвиг 28-ми панфиловцев. Всем его участникам было присвоено звание Героев Советского Союза.

«Велика Россия, а отступать некуда – позади Москва». Эти крылатые слова принадлежат политруку В.Г.Клочкову.

С регулярными частями Советской Армии бок о бок шли советские мстители – партизаны. Они наносили врагу ощутимые удары. В одном из партизанских отрядов сражалась московская школьница Зоя Космодемьянская. Она ходила в глубокий тыл врага и приносила ценные сведения о противнике, выполняла боевые задания. В ноябре 1941 года, выполняя задание, Зоя была схвачена фашистами у деревни Петрищево Верейского района Московской области. Фаши-

сты пытали её, чтобы она выдала сведения о партизанском отряде. Она ничего не сказала, даже своё имя скрыла, назвала себя Таней. Двадцать девятого ноября она была публично повешена у деревни Петрищево. Ей, первой женщине, было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, её подвиг вдохновлял бойцов. Имя Зои Космодемьянской стало легендарным.

Защитники Москвы проявляли массовый героизм, многие остались безымянными.

Фашисты считали, что советские войска сражались из последних сил, но они в этом глубоко ошибались. Именно в это время разрабатывался и уточнялся план разгрома гитлеровских войск.

Двадцать девятого ноября фашистам нанесены контрудары по южным и северным группировкам. Тогда же противник был отброшен за реку Нарва, были отбиты атаки севернее Тулы. Инициатива стала переходить к советским войскам. Попытки противника прорваться к Москве были сорваны. Советские войска выстояли и обескровили врага. С шестнадцатого ноября по пятое декабря немцы потеряли под Москвой свыше 155 тысяч убитыми и ранеными, около 800 танков, 300 орудий и до 1500 самолётов. Моральный дух фашистов был надломлен. Самым трудным периодом в боях под Москвой был, когда враг подходил Истре. Именно тогда было сформировано двадцать пять батальонов и рот, на три четверти состоящих из коммунистов и комсомольцев, именно они спасли Москву.

(После войны об этом писалось в «Правде» 15 июля 1993 года). Готовились войска Западного фронта, Калининского и правого крыла Юго-Западного фронта. Вся авиация была подчинена этой единой цели.

Фашистские войска были растянуты на тысячекилометровую линию фронта. Стояла суровая зима с сорокаградусными морозами. Враги не рассчитывали воевать в зимних условиях. Им предстояло сражаться с Советской Армией, решительно настроенной защитить свою Родину, свой народ, родных и близких от фашистской чумы.

Настало пятое декабря. Наступление началось внезапно для врага. Заговорили гвардейские миномёты – зенитные «катюши». Их поддержала артиллерия всех калибров. Обрушились на врага краснозвёздные танки, в бой ринулись с автоматами сибирские дивизии.

Это был мощный, сокрушительный удар! Это было первое поражение гитлеровцев за время всех злодеяний в Европе.

Восьмого декабря Гитлер подписал директиву о переходе к обороне на всём советско-германском фронте, включая Московское направление.

Девятого декабря советские войска освободили Рогачёво. Одиннадцатого декабря – Истру, двенадцатого – Солнечногорск, пятнадцатого – Клин, шестнадцатого – Калинин, двадцатого декабря – Волоколамск. Свыше одиннадцати ты-

сяч населённых пунктов были освобождены от фашистского рабства. Была ликвидирована опасность окружения Тулы. Противник был отброшен от Москвы на 100–250 километров. Советские войска разбили одиннадцать танковых, четыре моторизованных и двадцать три пехотных дивизии. Перед войсками западного направления оставалась задача окружить и разгромить главные силы группы армий «Центр». Но для этой цели наличных средств было недостаточно. Перешли к подготовке сил для дальнейших сокрушительных ударов.

Вот об этом поведал личному составу комиссар П.В. Крутов. Тезисы его выступления, конечно, не сохранились, но события того времени были такие.

В январе–феврале 1942 года противник находился от Москвы в 100–350 километрах. Были освобождены Московская и Тульская области, многие районы Калининской, Смоленской, Рязанской и Орловской областях. Были выведены из строя шестнадцать дивизий и одна бригада врага. План «молниеносной войны» был сорван, рассеян миф о «непобедимости» германской армии, вырвана инициатива у врага, война приняла затяжной характер.

В гитлеровской армии появилось дезертирство, неповиновение, самовольный отход. Были освобождены от должностей тридцать пять генералов, в их числе были генерал фельдмаршал Браухич, Бок, генерал-полковник Гудериан. Произошло ослабление блока фашистских государств. Правящие круги Японии и Турции воздержались от выступления на стороне Германии.

Для советских войск стала возможность подготовить и скрытно сосредоточить резервы. Был накоплен опыт крупного ведения наступательных операций. Разгром под Москвой способствовал сплочению и оформлению антифашистской коалиции государств и народов. Правительства США и Англии ещё в первые дни войны заявили о своей поддержке Советского Союза в его борьбе против гитлеровской агрессии. Двенадцатого июля 1941 года СССР и Англия заключили соглашение о совместных действиях в войне против Германии. Второго августа правительство США заявило, что оно будет оказывать СССР экономическое содействие. К лету 1942 года моральную поддержку Советскому Союзу оказали двадцать восемь стран мира.

ТРАГИЧЕСКОЕ ЧП

Это чрезвычайное происшествие произошло восьмого января 1942 года.

А случилось оно так:

В 12-ю КОИАЭ поступил новый самолёт ЛаГГ-3. Его надо было облетать. Поручили это лучшему и самому опытному лётчику, старшему лейтенанту Петру Петровичу Смирнову. Готовил самолёт к облёту младший воентехник Владимир Богунец, постоянный механик П.П. Смирнова. До войны их самолёт

Пётр Петрович Смирнов с женой и сыном

считался «эталонном», а экипаж образцовым, по нему равнялись все механики авиаэскадрильи.

Самолёт поступил с завода, изготовлен в военное время, с массой конструкторских недоработок, с производственными и эксплуатационными дефектами. Основные его силовые узлы были изготовлены из прессованной в горячем виде сосны и фанеры, «дельта-древесины», со специальной смолой, называемой клеем ВИАМ Б-3. Дюралюминия, лёгкого «крылатого металла», в стране не хватало, конструкторы вынуждены были применить дерево. Полётный вес самолёта был высок, двигатель слабый. Требовалась большая взлётно-посадочная площадка, которой явно не хватало. Снежный покров взлётно-посадочной полосы (ВПП) был недостаточно укатан, это тоже увеличивало опасность при взлёте в наборе скорости для отрыва. Возможно, не полностью был включён форсаж – предельно максимальная мощность двигателя. Самолёт пробежал ВПП, но не набрал достаточной скорости для подъёмной силы. Пётр Петрович, опытный лётчик, хотел оторвать самолёт при помощи рулей, но это не получилось из-за малой скорости. Самолёт скапотировал, Пётр Петрович погиб.

Личный состав авиаэскадрильи тяжело скорбел. Состоялись похороны Петра Петровича. Это были первые похороны за всю войну. Много погибло лётчиков, но все оказались в водах Балтики или на других аэродромах. Весь личный состав, свободный от вахты, принял участие в похоронах. Хоронили на Ржевском кладбище при сорокаградусной стуже самого любимого и доброго человека, который так много совершил подвигов для разгрома врага.

Гроб, обитый красным кумачом, стоял на краю могилы, прямо на снегу. Траурный митинг открыл комиссар П.В.Крутов. У многих на глазах были слёзы. Инженер отряда А.М.Матвеев, старейший из 12-й КОИАЭ, вспомнил службу в Липово, они были первыми в этом гарнизоне. Комсорг Егор вспомнил, с каким обожанием он, только что окончивший авиаучилище, смотрел на своего командира звена, лучшего «бомбардира» части. Добрые слова сказали близкие товарищи, все клялись быть беспощадными к врагу, принёсшему столько горьких потерь, безвременной гибели молодых, талантливых, отважных, только начавших жить.

Так не стало корифея 12-й КОИАЭ, старшего лейтенанта Петра Петровича Смирнова.

ПИСЬМО СЫНА

Это было на аэродроме Новой Ладogi в 1942 году.

Три молодых лётчика, Борис Копьёв, Виталий Корнилов и Михаил Масленников прибыли из лётной школы на пополнение в 12-ю КОИАЭ. Все лётчики 12-й КОИАЭ в это время находились в Богослово на переучивании, их же временно поселили в землянке и приказали обеспечивать сопровождение на боевое задание штурмовиков 57-го авиаполка.

Они выполнили боевое задание, но в бою потеряли своего друга, Михаила Масленникова.

– Чем будешь заниматься? – спросил Виталий.

– Мне надо написать письмо матери, давно не писал, – ответил Борис.

Виталий ушёл в другую землянку, а Борис достал лист бумаги и начал писать.

«Дорогая мамочка! Давненько не писал тебе писем, прости за это. Я знаю, что ты ждёшь моих писем каждый день. Сообщаю тебе, что я жив и здоров, летаю на боевые задания, бьём фашистов. Целый день нахожусь на аэродроме и поздно прихожу в свою землянку. 14-го марта рано утром в нашу землянку пришёл посыльный штаба полка и сообщил, чтобы мы с Мишей Масленниковым срочно прибыли на стоянку. Мы получили задание сопровождать штурмовиков. Противник пытается прорваться к Московской железной

дороге. Штурмовики нуждались в нашем охранении. Снизу они защищены бронёй, а сверху брони нет, их могли сбить немецкие истребители. Мы летели к деревне Кондуя, где было много вооружённых фашистов.

Нас было четверо, два штурмовика и мы с Мишей. Пролетели двадцать минут, увидели скопление техники фашистов и стали перестраиваться для нанесения удара. Наша задача охранять штурмовиков от немецких самолётов. Вдруг я заметил немецких истребителей, дал сигнал Мише, покачал крыльями. Но он, наверно, не заметил сигнал и продолжал спокойно лететь.

«Мессера» пытались подойти к штурмовикам, но я дал заградительный огонь из пулемётов. Немец вышел из-под обстрела, сделав крутую горку. Потом двое напали на меня. Я стал отбиваться, тоже нападаю и стреляю из своих пулемётов, завязалась драка. Мне попадало больше, их было двое, зато отвлек их от штурмовиков. Мишу Масленникова я больше не видел, очевидно, его сбили в начале боя. Фашисты старались разделаться со мной, чтобы я не мешал им нападать на штурмовиков, но сбить меня им не удавалось, я маневрировал. Тогда они изменили тактику боя, один повис надо мной и не давал маневра, другой напал на замыкающего штурмовика. Он заходил сзади, где не было стрелка, самолёт старой конструкции, хвост был уязвимым местом, видно фашист был опытный и знал об этом.

Увидев угрозу штурмовику, я бросился на защиту, забыв о себе. Вклинился между немцем и штурмовиком. Немец не довёл атаки до конца, сделал крутую горку и пошёл в атаку на головной штурмовик. У него была большая скорость и свобода маневра. Я стал преследовать его. Он сделал левый разворот и аккуратно впился в ось прицела моего самолёта. Мне оставалось только нажать на гашетки пулемётов, что я и сделал. Я видел, как трассирующие пули гасли в корпусе фашистского самолёта. Мне повезло, и я не растерялся. Фашист завис, потом вошел в отвесное пике.

Второй фашистский истребитель преследовал меня и расстреливал, но я не обращал на него внимания. Наверное, лётчик был молодой и неопытный, не смог попасть в уязвимые места.

В то время как фашисты возились со мной, штурмовики делали своё дело, два раза заходили на цели. Я был предельно внимателен, смотрел во все стороны, но противников больше не видел. Посмотрел на землю и увидел два пламени пожара, перевёрнутые танки, фашистов, которые металась во все стороны, искали и не находили спасения, горели склады с горючим. Это было возмездием за страдания нашего народа.

Штурмовики освободились от груза, сделали своё дело, повернулись на свой аэродром. За ними топал я. Внимание было напряжено. Посмотрел на крылья своего самолёта, увидел четыре пушечных пробоины, обшивка болталась клочьями. Лево́й ногой стало трудно работать. Боль усиливалась, но я

терпел. В глазах ещё мелькали фашистские самолёты, картины боя. Я думал, почему они не попали в меня, а только угодили в крылья? Если бы их снаряды попали в бензобак, то мне было бы худо. Их пушки «эрликон» стояли в плоскостях, наверно не попадали в фюзеляж моего самолёта, а били по сторонам. Всё время смотрел на штурмовиков и радовался, что все они летели целыми.

Пролетели линию фронта, обозначенную дымами и огненными вспышками. Оглянувшись назад, я увидел фашистского истребителя «мессера», который летел на одной высоте со штурмовиками, он подкрадывался к замыкающему. Приблизившись к нему, я повернул вправо и оказался в выгодной позиции, ось прицела моего самолёта глядела прямо в нужную точку. Я нажал на гашетки, но очереди не последовало, кончились патроны. Я был сзади фашиста на дистанции 50 метров. Фашист не знал, что я обезоружен. Боясь столкновения со мной, он нырнул под штурмовики. Высота была маленькой, он коснулся верхушек деревьев, упал и загорелся. Этим закончились и его зверский план, и его жизнь.

Снова я лечу над заснеженными полями вместе со своими штурмовиками. Показался наш аэродром, штурмовики стали делать посадку. Приземлились все нормально, а мне пришлось идти на второй заход, не выпускалась нога шасси. Мне пришлось сделать несколько фигур высшего пилотажа, чтобы принудительно вытолкнуть ногу, но она не выпускалась. Мотор чихнул белым дымом. Я понял, что искушать судьбу не следует. Решил садиться на одну ногу. Самолёт катился на одном колесе, я выключил зажигание, правая плоскость коснулась земли, самолёт пошёл на крутой поворот и замер. Я пытался выйти из кабины, но нога оказалась непослушной, из неё текла кровь. Приехала санитарная машина и увезла в санчасть. Мама, ты не переживай, рана оказалась небольшой, перебиты только мягкие ткани. Когда техник самолёта Анатолий Бакшаев убрал повреждённый самолёт с посадочной площадки, при осмотре обнаружил семь пушечных пробоин, более двадцати пулевых, повреждён снарядом механизм выпуска ноги, пробита головка верхнего цилиндра мотора. Через некоторое время ко мне в санчасть ворвались лётчики со штурмовиков, обнимали меня, даже целовали. Командование представило документы о награждении меня орденом Красного Знамени.

Мама, ты родила меня счастливым. Береги себя. Обнимаю и целую, твой сын Борис».

Мария Ивановна Копьёва получила в один день два конверта. Одно письмо от сына Бориса, второе с благодарностью от его товарищей – лётчиков, подписанное секретарём комсомольской организации войсковой части № 49280 Егором Бурановым.

В тот же день она села писать ответное письмо.

«Дорогой сыночек, пишет тебе твоя мать. У меня радость, получила сразу два письма, от тебя и от твоих товарищей. Спасибо, что находишь время написать письмо. Передай своим товарищам мою благодарность и пожелание успехов. Горжусь тобой, сынок, ты храбро сражаешься, вступаешь в бой с врагом сильнее тебя, молодец, что выручаешь товарищей, они тебе тоже помогут в трудную минуту. Теперь коротко сообщу о себе и твоих близких. Все мы работаем на своих местах. Твоя крёстная болела, сейчас ей стало легче. Вместе с Тamarой они доноры, вот уже второй год сдают кровь. На днях и я пойду, хоть чем-нибудь помогу фронту. Пусть наша кровь спасёт бойцов, которые защищают нашу Родину и нас от проклятых врагов. Мы счастливы, что живём в столице и участвуем в её обороне. Воздушные налёты на Москву начались 22 июля, до декабря было 122 налёта, в них участвовало 8 тысяч самолётов, к городу прорвались 229. Так передают сводки, мы слушаем каждый день. Москву зорко охраняют лётчики, зенитчики, прожектористы и бойцы Красной Армии. Многих рабочих мобилизовали на фронт, женщины заменили их на производстве. Я дежурю на крыше, тушу зажигательные бомбы. Боря, я очень переживаю за Володю. Давно нет от него письма. Сердце моё не знает покоя, всё время вы у меня в мыслях. Пиши, как только можно чаще. Будь счастлив. Твоя мать».

Мария Ивановна сложила конверт, вышла на улицу и опустила в почтовый ящик.

Много пришлось совершить боевых полётов Борису Сергеевичу, самолёты стали поступать улучшенной конструкции, но бои 1941–42 годов останутся в памяти навсегда.

Михаил Масленников не вернулся с поля боя. Вечная ему память и благодарность потомков за спасённую Родину и жизнь.

КОМАНДИРОВКА

Егора вызвали на КП.

– Вам предстоит командировка, товарищ Буранов, – сказал инженер Б.А.Срыбник, – на аэродроме Гажданка надо принять самолёт ЛаГГ-3. Принять надо по всем правилам, вас этому не учить. Ответственность большая.

– Постараюсь выполнить, как надо. Когда? – спросил Егор.

– Сейчас же идите, переоденьтесь и на самолёте По-2 вас доставят в Ленинград.

Егор пошёл, переоделся в шинель, сел в самолёт и полетел в непривычном для себя качестве пассажира. Через некоторое время они уже были на

аэродроме Гражданка. Егору показали самолёт, который передавался. Раскрыли капоты, и началась приёмка. Дефектная ведомость состояла из нескольких пунктов незначительных недоделок, которые быстро устранили. Для перегонки самолёта прилетел с Новой Ладого лётчик, сел в кабину и улетел. Сообщили, что посадку произвёл нормально.

– А как со мной? – спросил Егор на КП.

– Оказии не предвидится, – ответили руководящие полётом, – вам придётся добираться автотранспортом.

День подходил к концу, Егор стал искать ночлег. Доехал трамваем до моста Лейтенанта Шмидта, чтобы отыскать гостиницу. Вдруг, по радио начали передавать: «Воздушная тревога! Воздушная тревога!». Все соскочили с трамвая и укрылись под мостом. Егор слышал, как пролетела бомба с шумовым эффектом, как она взорвалась совсем близко.

Ноги у Егора промокли, на них стал намерзать лёд. Когда объявили конец тревоги, ноги оказались тяжёлыми от примёрзшего льда, сделались вроде колодок. Егор поспешил найти тепло, чтобы не отморозить ноги. Было совсем темно, когда он вышел во двор незнакомого дома.

– Мне нужен домуправ, – спросил он первого попавшегося.

– Идите в эту дверь, – ответила женщина.

Егор постучал, дверь открыла женщина лет сорока. Егор объяснил, что ему надо переночевать.

– Надолго ли? – спросила женщина с заметным эстонским акцентом.

– Только до утра, – ответил Егор.

– Ой, да что же я, – спохватилась женщина, увидев мокрые ботинки Егора, – вы же замёрзли, садитесь и разувайтесь.

Егор снял ботинки, опустил ноги в подставленный таз с горячей водой.

– Мой муж моряк, служит на корабле в Кронштадте, дома не бывает, – сказала хозяйка.

Она дала полотенце, налила горячего чая.

– А вот к чаю у меня ничего нет, – смущённо сказала жена моряка.

– У меня есть хлеб, консервы, сахар, – сказал Егор и достал из чемоданчика, – кушайте, пожалуйста.

– Нет, это вам на паёк дали, кушайте сами.

Егор настойчиво усадил её за стол. Из приличия она отломала крохотный кусочек хлеба, постелила постель и ушла. Егор моментально заснул.

Ночью проснулся от страшного взрыва бомбы. По радио передавали: «Покинуть квартиры, перейти в бомбоубежище!». Из другой комнаты пришла хозяйка и в тревоге спросила:

– Вы разве не пойдёте в бомбоубежище?

– Никуда я не пойду, – резонно ответил Егор

– Я тоже не всегда ухажу, – сказала хозяйка, – притерпелись ко всему, по-обыкли и к тревогам и к бомбёжкам.

Рано утром, когда окна стали совсем светлыми, Егор оделся, сердечно поблагодарил хозяйку и вышел на улицу. Первое, что он увидел – соседний дом был разрушен авиабомбой. Стена отвалилась, были видны кровати, домашний скарб. Он шёл по Невскому, который тогда назывался Проспект 25-го Октября. Люди встречались, торопились на работу. Трамваи не ходили. В утренней тишине звучала грустная мелодия песни «Прощай, любимый город». Дошёл пешком до пункта сбора пассажиров, адрес его дали на аэродроме. Подошла автомашина с брезентовым кузовом. Первыми сели в неё дети и с ними воспитательница. Егор посмотрел на детей, им было примерно 11–12 лет, но они были настолько худы и хрупки, выглядели, как восьмилетние.

– В чём только душа держится! – подумал Егор.

Егор взобрался, сел, достал из кармана последний кусочек хлеба и отдал мальчику. Тот не стал его есть, разделил по маленькому кусочку всем поровну. Они сидели молча, будто экономили на этом свою энергию. Смотрели на всех печальным, недетским взглядом.

Въехали на лёд «дороги жизни». Снег растаял, лёд покрылся талой водой. Шофёру трудно было найти обозначенный тракт, где когда-то стояли вешки, снег растаял, и они упали в воду. Шофёр надеялся только на свою память, ему приходилось ежедневно пересекать этот лёд.

Вдруг машину качнуло, пассажиры попадали друг на друга. Остановились. Егор выпрыгнул из машины и увидел, как переднее колесо попало в залитую водой воронку от взорвавшейся авиабомбы. Шофёр сидел бледный, держась за ручной тормоз. Из кузова выскочили несколько исхудавших мужчин, помогли выкатить колесо из проруби. Поехали дальше. Ноги были мокрые, но холода никто не чувствовал. Доехали до Кобоны, вышли из машины. Егор подошёл к шофёру, пожал ему руку и сказал:

– Спасибо. Этот рейс запомнится надолго. Как вас звать?

– Николай Симонов, – ответил шофёр, – родом из Ковылкина Мордовской республики.

– О! Так мы с тобой земляки, я из Чамзинки, из села Соколов Гарт. Вот так встреча!

Долго разговаривать не пришлось, Николай спешил подать машину под загрузку. К Егору подошёл старик интеллигентного вида, в длинном пальто, с резной клюшкой в руке.

– Пожалуйста, найдите мне какого-нибудь еврея, – сказал старик.

– Почему именно еврея? – спросил Егор.

– Сутки сижу здесь и не могу добиться, чтобы меня отправили в тыл.

Этот разговор услышал мужчина с кавказскими усиками. Он взял старика под руку и отвёл в диспетчерскую, оттуда его отправили по назначению. Егор нашёл попутную машину и уехал в Новую Ладогу.

В НОВОЙ ЛАДОГЕ

12-я КОИАЭ оставалась на аэродроме Новая Ладога. Лётное поле было шириной примерно 90 метров и длиной 800-900 метров. Эта взлётная полоса тянулась вдоль реки Волхова. Техническому составу здесь было легче, имелись капониры – земляные укрытия для самолётов. Это спасало при штурмовых налётах вражеской авиации и предохраняло от сильных ветров. Но это было не самое главное. Отрадно было то, что питание было нормальное, по фронтовой второй норме. Первоначально не давали наесть досыта, могли быть плохие последствия после перенесённой дистрофии. Егору принесли сразу восемь писем от Любушки. В блокадный Ленинград их не везли, продовольствие было нужнее, его старались доставить как можно больше. Писем накопилось мешками. Егор пытался связаться телеграфом, но он тоже не работал, и Егор ничего не знал о своей беременной жене. Надо представить радость, когда Егор увидел эти письма. Люба писала:

«Здравствуй, дорогой и любимый Егорушка! Родной мой, как ты живёшь? Все мысли только о тебе. Закрою глаза, ты стоишь рядом, что-либо делаю, ты подсказываешь. На улицу выйду, ты стоишь за углом и ждёшь меня, а подойду – тебя нет. Я не могу привыкнуть к такой жизни без тебя. Скоро у нас будет

Мы тебя очень любим и ждём!

ребёнок. Если будет мальчик, назову твоим именем, пусть он будет похож на тебя во всём. Милый, лишь бы победить врага, чтобы снова жить так, как мы жили и любили. Лучшего ничего не надо. Целую, обнимаю, твоя Любушка».

Егор открыл другое письмо:

«Здравствуй, дорогой Егорушка! Любимый мой, у нас родилась дочка. Я назвала её Ниночкой, простое скромное имя, пусть оно принесёт ей счастье. В её крохотном личике я вижу твои черты, и мне радостно ощущать, что теперь нас трое. Это наша кроха, от нас с тобой, и я приложу все силы, чтобы она была здорова. А ты бей врага, чтобы поскорее кончилась война».

В следующем письме Егор узнаёт:

«Егорушка, сообщаю тебе, что я переехала в твоё родное село Соколов Гарт, и начала работать заведующей школой. Здесь всё напоминает о тебе. Представляю, как ты сидел за партой, ходил в лес, вспоминаю, как мы были здесь счастливы. Все думы только о тебе. Доченька наша растёт спокойная, вся в тебя, мой родной.

Желаем тебе бить врага до полной победы».

В другом письме:

«Дорогой Егорушка, письма твои получаю часто, они меня согревают. Сегодня снова ходила с учениками в лес заготавливать дрова для школы. Мужчины почти все ушли на фронт, остались одни женщины. При школе есть земельный участок, как станет теплее, думаю вскопать и посадить какие-нибудь овощи. Мне, как учительнице дают паёк, но он очень скудный. Плохо то, что не смогла взять во время эвакуации тёплых вещей. Всю зиму хожу в демисезонном пальто. Но я согласна перенести все муки, лишь бы ты вернулся домой с победой». И ещё в письме от Любушки: «Егорушка, любимый, ты пишешь, что переезжали Ладожское озеро и попали с автомашиной в воронку от разрыва бомбы.

Знаю, что победа будет трудной,
Трудным будет и последний бой.
Но легко пройдёшь все испытанья,
Потому что сердцем я с тобой.

Целую и обнимаю, твоя Люба».

Эти письма Егор зачитал до дыр, прошло много лет, а он их помнил наизусть. Они приносили ему счастье и радость. Счастье сознавать себя отцом, что есть любимый человек, который ждёт, что есть дочка. Но одно счастье в жизни не бывает, рядом с ним идёт грусть и внутренняя тревога, боязнь потерять друг друга. Это заставляет бороться за жизнь всеми силами, претерпеть всё. А для этого надо победить врага.

ДОЧУРКА

Дочка Ниночка 1943 г.

Долго не мог уснуть Егор после того, как увидел впервые во сне свою дочь. Приснилась она не двухлетней, какова была на самом деле, а девочкой четырёх–пяти лет. Она бежала к нему в летнем платьице, как лёгкий ветерок. Он присел, чтобы поймать её, как птичку. Она ударилась о его руки и тихо сказала:

– Мы с мамой ждём тебя!

Прошёл час, Егор лежал без сна, скрипнула дверь в землянке. Миниатюрная лампочка тускло освещала солдатские одеяла, под которыми спали техники.

– Ты чего не спишь? – спросил лежавший рядом техник Алексей Художилков.

– Дочку во сне увидел, после этого не могу заснуть, – ответил Егор.

– Девчонки снятся не к добру, наверно, немцы прилетят бомбить. Жди беды.

– Этот сон добрый, мне бы её видеть каждую ночь!

В маленькое окошко землянки голубым светом заглянуло утро. Техники вставали, быстро умывались и бежали к своим самолётам. Егор увидел возле своего самолёта множество одуванчиков. Жёлтые головки, будто фонарики, радовали глаз и с тоской напоминали о мирной жизни. Он сорвал один, поднёс к лицу и почувствовал детский запах.

– Это дочка мне подарила! – сказал он, но никто его не слышал.

Сделав всё, чтобы самолёт был подготовлен к боевому вылету, сел на тормозную колодку и начал писать. Писал не в боржурнале, а в блокноте для стихов. Сами собой складывались строфы:

Побежишь, девчонка,
Садиком – ложбинкой
И своей ручонкой
Мамочке любимой
Наберёшь цветов.

Мамочка за это
Нежно приласкает,
К моему портрету
Твой букет поставит,
Погрустит без слов.

А меня ты знаешь
Только на портрете
Часто повторяешь
«Папочку бы встретить»,
А меня всё нет.

Папочка в тревоге,
О тебе скучает.
Он сейчас на фронте
Родину спасает.
Победит – придёт.

Последние строчки писались в момент, когда лётчики показались на аэродроме. Предстоял боевой лётный день по охране «Дороги жизни».

ВОЕННАЯ ВЕСНА 1942 ГОДА

Ласковое солнышко проглядывало в разрывах хмурых туч, играя лучами на зеркальной поверхности красавицы Невы. Город очистился от зимних завалов и грязи, серые громадины-колонны снова приобрели величие и мощь. Окна многих домов застеклили.

Город заметно опустел, по улицам шли редкие прохожие, не было доверенной сутолоки на вокзалах. Основные заводы были эвакуированы вместе с рабочими. Многих стариков, детей, инвалидов и раненых перевезли через Ладожское озеро вглубь страны. Эвакуировались научные работники, студенты, учащиеся ремесленных училищ.

С 24 ноября 1941 года по 21 апреля 1942 года через Ладожское озеро в Ленинград было перевезено 361109 тонн различных грузов, в том числе 262419 тонн продовольствия, 8357 тонн фуража, 22818 тонн угля, 34717 тонн горюче-смазочных материалов, 31910 тонн боеприпасов и вооружения и другие предметы первой необходимости. Обратными рейсами из Ленинграда к 15 апреля 1942 года было эвакуировано 590304 человека, а также заводское оборудование, материальные и культурные ценности. (Данные из книги В.Е.Зубакова «Героический Ленинград»)

К июню 1942 года жители города окрепли, повеселели, стали работоспособнее. Город выстоял! Спасли героические защитники «Дороги жизни».

Личный состав 12-й КОИАЭ производил боевые действия с аэродрома Гражданка. Это было почти в черте города Ленинграда. Полёты производились в основном на отражение налётов вражеской авиации. Аэродром был построен во время войны, многого не доставало для нормальной работы. Рейфуги для укрытия самолётов были маленькие, только для истребителей И-16, а Миг-3 вмещался только до кабины. С мая начались обложные дожди, грунтовая взлётно-посадочная площадка размокла и стала непригодной для полётов. Боевые действия авиации на аэродроме Гражданка прекратились.

Аэродром Выстав. Личный состав 12-й КОИАЭ.1942 г.

Третьего августа поступило распоряжение перебазироваться на аэродром Выстав.

Перелетели. В Выставе площадка оказалась сухой, но не было рейфуг, и была большая запылённость.

Немцев не устраивало нахождение советских истребителей в Выставе. Они готовились к нападению на аэродром, каждый день утром и вечером на высоте 4000 метров можно было видеть фашистского самолёта-разведчика. Назрела необходимость избавиться от шпиона.

Двадцать первого августа два МиГ-3 с ведущим Н.Хромовым стали преследовать разведчика. В районе над Путилово они его атаковали, убили стрелка-радиста, но самолёт ушёл на свою территорию. Второго разведчика атаковали успешно в районе Назия. Ведущим пары МиГ-3 был Иван Гореликов. Самолёт упал около реки Дунай. Восьмого сентября лётчики Б.Копьёв и В.Корнилов сбили два Ме-109. Потом немцы совершили шесть групповых налётов на Выстав, в каждой группе было от десяти до двадцати семи самолётов. Однако самолёты от штурмовок не пострадали.

РАССКАЗЫВАЕТ ЛЁТЧИК 12-Й КОИАЭ ИВАН ГОРЕЛИКОВ

Командир авиазвена, заместитель секретаря комсомольской организации 12-й КОИАЭ Иван Фролович Гореликов. 1942 г.

Сижу в кабине самолёта МиГ-3 уже двое суток, с рассвета до темна, вместе со своим ведомым Борисом Копьёвым, охотимся за самолётом-разведчиком Ме-110.

14 августа 1942 года. Аэродром Новая Ладога.

Погода лётная, фонарь кабины открыт, дышать легко.

Тихо-тихо. Только тиканье часов на приборной доске, будто собственный пульс отсчитывает время, да боль в суставах и спине дают о себе знать.

Часовая стрелка подходит к восемнадцати часам.

– Товарищ командир, ракета! – кричит моторист.

– Запуск! – отвечаю я.

Мой авиатехник Борис Безруков проворным движением помогает запустить и контролирует приборы. Вылетаю. Следом за мной летит Борис Копьёв. Слышу в наушниках шлемофона задание, куда лететь. Прилетаем в квадрат номер 18 – самолёта-разведчика нет. Летим в квадрат номер 22. И там нет. Летим южнее перевалочной базы Кобона. Ниже нас на высоте 2000 метров появилась маленькая крапинка. Она постепенно растёт. Это и был самолёт-шпион Ме-110. Делаем резкий разворот вправо, в сторону солнца. Наш манёвр удался. Лишь в последний момент, перед нашей атакой, фашистские лётчики увидели, что сверху на них валятся два русских истребителя. Задний стрелок фашистов огрызается пулемётными выстрелами. Надо срочно уничтожить заднего стрелка. Даю команду ведомому:

– Произвести атаку!

Застеклённый выступ кабины, оттуда торчат стволы пушек, вот моя цель. В прицеле туша разведчика, она растёт молниеносно. Дистанция семьдесят, пятьдесят метров. Атака!

Вижу, как над турелью повисло тело стрелка-радиста. Этому крышка. Разведчик со снижением и разворотом вправо взял курс к линии фронта Синявино.

Мой ведомый начал атаку сверху. Я выхожу из пике и снова набираю высоту, ловлю в прицел серое брюхо, грязное от масляных пятен, нажимаю на гашетки пулемётов. Фашист задымил каким-то непонятным сизо-белым дымом. Я приоткрыл фонарь, посмотреть, что там и невольно вдохнул этот дым, почувствовал во рту кисло-сладкий привкус, и меня потянуло на рвоту.

Отвернул влево, чтобы отдышаться. Фашист с правым креном уходил в сторону фронта, теряя высоту. Я нахожусь выше его, делаю пике, набираю максимальную скорость, делаю боевой правый разворот, догоняю разведчика и атакую сверху по кабине и моторам. После меня атакует мой ведомый с хвоста, воздух расцвечен трассирующими пулями. Видно, как они вонзаются в дюралевый корпус. После наших атак вражеский самолёт потерял движение вперёд. Как утка от выстрела охотника, стал беспорядочно кувыряться. Упал за линией фронта на нейтральной полосе. Так не стало самолёта-шпиона, который в течение недели точно по графику пролетал над базами «дороги жизни». По разведывательным данным этого шпиона, вылетали штурмовики бомбардировщики Ю-88 на Кобону и «дорогу жизни». Победа над опытным стервятником удвоила силы и веру в скорую победу на Ленинградском фронте.

ИСТРЕБИТЕЛЬ МИГ–3 В КЛЕЩАХ

Рассказ лётчика И.Ф.Гореликова

**Храбрый не тот, который не боится,
Храбрый тот, который умеет
свою трусость подавить.**
А.Макаренко.

В июне 1942 года 12-я КОИАЭ базировалась на аэродроме около деревни Выстав, выполняла задачу по охране «Дороги жизни» и её перевалочных баз.

Сентябрь 1942 года.

Четыре самолёта МиГ-3 с лётчиками: ведущими Г.В.Крайновым и А.А.Трошиным, ведомыми Н.П.Хромовым и И.Ф.Гореликовым, были подняты в воздух на отражение налёта фашистских самолётов Ю-88, летающих над трассой и угрожающих кораблям, которые доставляют груз в Ленинград. Прилетели на трассу. Всё было спокойно. В небе кучевая облачность, в окна между облаков просвечивало солнце. И, вдруг, на расстоянии одного километра выскочили из облаков шесть вражеских «юнкерсов». Они летели под нижней кромкой облаков на высоте 2000 метров. Истребителей прикрытия рядом не было.

Ведущие передали команды: «Всем сразу перейти в атаку. Каждый выбирает себе цель самостоятельно».

Перешли в атаку, но единого кулака не получилось. Это была ошибка. Все азартно увлеклись атакой, позабыв про самозащиту от нападения истребителей. К увлечённому атакой И.Гореликову зашли в хвост невесть откуда взявшиеся два фашиста на Ме-109, один справа, другой – слева. Летели параллельно на близком расстоянии, видны были их лица и даже заклёпки самолётов. Атаку бомбардировщиков пришлось прекратить. Надо было думать, как выбраться из «клещей» фашистских лётчиков. Фашист справа показывает рукой следовать вперёд по прямой.

– Как я мог так увлечься атакой, – казнил себя Иван, – полтора года войны провоевал, командир комсомольского экипажа, на борту самолёта комсомольский значок. Как выйти из этой ситуации? Думай, Иван, думай.

Иван крутил головой, искал своих лётчиков, а «телохранители» слева и справа неотступно следовали на самом близком расстоянии.

– Новичок, – ругал себя Иван, – цыплёнок!

Фашист ещё раз показал рукой направление полёта в сторону линии фронта, где неподалеку был их аэродром.

– В плен хотят взять, гады, меня, замсекретаря комсомольской организации!

Иван посмотрел вниз, увидел сторожевой корабль – канонерскую лодку и решил воспользоваться её помощью. Принял маневр полёта теряя высоту скольжением без крена, чтобы приблизиться к лодке.

«Моряки отгонят фашистов выстрелами из орудий», – подумал Иван.

Теперь Иван продолжит рассказ сам:

– Фашистские лётчики разгадали мой манёвр. Левый «телохранитель» дал короткую очередь из пулемётов и показал рукой направление полёта. Для убедительности провёл рукой по горлу, дескать, будет «капут», если буду вертеться. Что делать? Думай, Иван, думай!

– Надо идти на таран, – придумал я. Врезаться в бок левого фашиста, если останусь жив, спущусь на парашюте. Моряки канонерской лодки подберут. Правого вижу плохо, ослепляет солнце, левого – хорошо. С левого надо начинать, он меня видит плохо. Жду момента, когда левый перестанет смотреть на меня. Он смотрел и прикрывал глаза ладонью от солнца. Настроение у него весёлое.

Посмотрел на правого, тот смотрел и тоже улыбался от удовольствия. Оба смотрели только на меня. Я крутил головой во все стороны, хотелось увидеть своих лётчиков. Вспомнил, как вражеские бомбардировщики бросали бомбы куда попало при виде нас. Боятся, гады!

Жду момента, когда левый отвернётся от меня, но он не отворачивает голову. Кручу головой во все стороны, и это действует им на нервы. Левый немец не выдержал и повернул голову влево. Тогда я мгновенно перевёл ручное и ножное управление влево, самолёт стремительно повернулся на «мессера». Тот повернул голову в мою сторону и увидел летящий на него самолёт. Избегая моего удара, он резко взмыл вверх. Тогда я повторяю такой же маневр на правого. Правый, очевидно, не понял случившегося. Стал уходить в правую сторону. Тогда я стал уходить со снижением в сторону канонерской лодки, не выпуская из виду своих «телохранителей».

Первый момент я выиграл, вышел из «клещей». Помогло то, что противники летели очень близко ко мне, на расстоянии нескольких метров. Я не расслаблялся, знал, что они меня не оставят, будут стараться уничтожить. Их двое, я один. Левый, который ушёл вверх, стал атаковать меня сзади, и мне пришлось развернуться на 180 градусов, чтобы встретить его. Я был по высоте ниже его, он увеличил угол атаки, тем самым уменьшилась его вероятность попадания. На выходе из атаки он терял высоту, я оказался в выгодном положении. Атаковать его мне не удалось, второй «мессер», набрав высоту, атаковал меня сверху сзади. Я снова развернулся на 180 градусов в его сторону, уходить из-под атаки со снижением под самолёт атакующего. Он вынужден был сильно увеличить угол атаки. Он промахнулся и сильно провалился, стал

ниже моего самолёта на 200 метров, я сделал резкий разворот на 180 градусов, разворот «на костыле», глубокий вираж (крен крыла равен 60 градусов), неправильный, ручка управления почти до борта влево и на себя, правая нога до упора вперёд, сектор газа до упора вперёд, лечу в сторону его пикирования. Он, очевидно, потерял меня из вида и стал выходить из пикирования, я уловил его в прицеле, нажал на гашетки. Трассирующие пули пулемётов Березина и «Шкас» прошлись по фашисту, он, будто нехотая, упал в воду. Второй видел неудавшуюся атаку напарника, отказался от атаки и ушёл за линию фронта. Я сделал круг, проводил своего «телохранителя», направил свой самолёт в сторону канонерской лодки. Моряки стреляли по фашистам, когда те пролетали над ними, и тем самым вели вместе со мной бой.

Я снизился на низкую высоту и пролетел вокруг канонерской лодки. Моряки приветствовали меня, сняв бескозырки и бросая их в воздух, я их приветствовал, покачивая крыльями, и полетел на свой аэродром. Посмотрел на бортовые часы. Было 18 часов 20 минут. Небо было чистое.

Посадил самолёт нормально, зарулил на стоянку, снял парашют и положил на крыло. Подошли лётчики и техники. Закурили. Пошёл на КП доложить о выполнении полёта.

ПОБЕДА С КРУГЛЫМ СЧЁТОМ

– Ура! Ура! – кричал на всю самолётную стоянку моторист Александр Андреев, – наш командир сбил фашиста!

– Не кричи, – остановил его умеренный во всём воентехник Анатолий Бакшаев, – посты ВНОС пока не подтвердили эту победу.

– Подтвердят! – уверенно сказал Андреев, – Борис Сергеевич своими глазами видел, как падал «юнкерс».

На лицах техников появились радостные улыбки.

Это событие начиналось так: в воздух поднялись два краснозвёздных истребителя 12-й КОИАЭ на охрану кораблей Ладужской военной флотилии, которые доставляли продовольствие в блокадный Ленинград. Это были старший лейтенант Александр Трошин и младший лейтенант Борис Копьёв.

Лазурь Балтийского неба раскрыла перед ними необъятные просторы, белые чайки кржились над гребнями морских волн. Легко дышать, радостно парить над родными берегами. И вдруг, будто серая плесень, в кристальной лазури появились фашистские самолёты с чёрными крестами. Три «юнкерса» на высоте 3000 метров шли медленно, тяжело гружённые смертоносными бомбами, бомбить голодных детей Ленинграда. Чувство отвращения и ненависти охватило лётчиков, они обрушили на фашистов лавину огня из пулемё-

Торжественный митинг по случаю 50-го сбитого вражеского самолёта с выносом боевого знамени 12-й КОИАЭ. Знамя в руках Вьюгина Я.М.

тов и заставили сбросить бомбы бесприцельно. Затем Трошин атаковал головного, а Копьёв третьего, последнего. Под стремительными атаками Бориса фашист стал вертеть хвостом самолёта, давая возможность обоим хвостовым стрелкам стрелять из пушек. При очередной атаке трасса огненных пуль Бориса врезалась в хвост самолёта, стрелки перестали огрызаться. Меткая очередь по кабине самолёта, и он начал кувыркаться до самой земли. Остальные два самолёта скрылись в облаках. Трошину фортуна не улыбнулась. Копьёв вышел из атаки и оказался один, сделал несколько кругов и повернул самолёт к своему аэродрому.

Вдруг самолёт будто вздрогнул. Оглянувшись назад, Борис увидел двух атакующих «месеров». Лизнуло пламя на плоскости, Борис «дал горку», чтобы сбить пламя, и оказался в облачности. Мотор стал терять обороты, давление масла резко падало, очевидно, был перебит маслопровод, зато Борис не видел преследующих «месеров», ему удалось ускользнуть из-под самого их носа. Теперь бы долететь до своего аэродрома.

– Долечу, на костылях, но долечу! – успокоил себя Борис.

Благо, что аэродром был близко. Долетел! Произвёл посадку.

Воентехник Анатолий Бакшаев завёл самолёт в рейфугу и приступил к ремонту. Подошёл Борис, в фюзеляже нашёл своего авиатехника.

– Ну, как машина? – спросил он Анатолия.
– Отремонтирую! – сказал Анатолий, – завтра на ней полетишь!
– Тебе прилети хоть на костылях, всё равно отремонтируешь, ты классный техник!

– Спасибо, – тихо сказал Анатолий, не прерывая работу.
Борис не стал мешать, на его душе было светло от того, что победил фашиста, что жив, что сохранил трудягу-самолёт для следующих атак, ведь завтра снова в бой.

На командном пункте 12-й КОИАЭ прозвучал телефонный звонок.
Трубку взял командир 12-й КОИАЭ майор Виктор Александрович Рождественский.

– Слушаю! – ответил он тихим спокойным голосом.
– Вам звонят с поста ВНОС, ваш лётчик сбил фашистский самолёт «Ю-88». Самолёт упал в воду Ладожского озера в глубоком месте, экипаж самолёта утонул вместе с машиной, не всплыли.

– Спасибо, – ответил Рождественский. Лицо его озарилось сдержанной улыбкой.

Начальник штаба старший лейтенант М.А.Аниканов записал в журнал эту победу.

– Это пятидесятый сбитый вражеский самолёт в воздухе, – сказал он командиру.

– Значит, круглая дата, её надо чем-то отметить, – сказал Виктор Александрович, – как вы думаете, комиссар?

– Надо провести торжественный митинг, – сказал батальонный комиссар Павел Васильевич Крутов, – в качестве поощрения предлагаю сфотографировать Бориса Копьёва у развёрнутого знамени 12-й КОИАЭ.

– Значит, так и будет, как сказал комиссар, – заключил Виктор Александрович.

Дежурный по линейке объявил сборы на митинг. Они были недолгими, весь личный состав находился около самолётов. Бориса сфотографировали у боевого знамени 12-й КОИАЭ. Потом фотокарточку увеличили, и она долго красовалась на виду у всех.

Митинг открыл комиссар 12-й КОИАЭ П.В.Крутов:

– Проведённый воздушный бой сегодня показал бесстрашие и выдержку лётчика-истребителя Бориса Сергеевича Копьёва. Он не дрогнул, когда оказался в прицеле врага, нашёл силы привести свой неисправный самолёт на свой аэродром. Обстановка потребовала от него выдержки и хладнокровия, он справился, этот пример достоин подражания.

Слово берёт парашютист-укладчик, комсомолец, мастер парашютного спорта товарищ Писклов:

– Сбить вражеский самолёт, значит сохранить жизнь многим нашим защитникам. Комсомолец Копьёв сбивает врага меньшими потерями, свой самолёт он не бросает, это тоже героический поступок. Ты всем нам, Боря, доставил радость, спасибо тебе!

– Слово берёт старшина сверхсрочник, комсомолец Николай Балашов.

– Много погибло наших прекрасных лётчиков в неравном бою. Им на смену пришли новые, продолжатели славных традиций. Так будем ещё сильнее бить врага.

– Слово имеет товарищ Копьёв, наш именинник.

– Успех воздушного боя зависит не только от опытности лётчика, но и от исправности материальной части. Последний бой является наглядным примером этому. Я не боялся, что в нужный момент откажут пулемёты или сложная техника. Значит, победа куётся всеми членами нашей семьи – 12-й КОИАЭ.

Начальник штаба М.А.Аниканов зачитал приказ командира 12-й КОИАЭ.

В нём было сказано:

«14-го сентября 1942 года младший лейтенант Б.С.Копьёв в воздушном бою одиночно уничтожил ещё один фашистский самолёт Ю-88, тем самым увеличил боевой счёт до пятидесяти сбитых вражеских самолётов. Товарищ Копьёв не только мастерски и самоотверженно провёл этот бой с превосходящими силами противника, но сумел довести свой самолёт до аэродрома, сбил пламя на плоскости и совершил безукоризненную посадку. За героизм, проявленный в боях с фашистской авиацией товарища Копьёва, как продолжателя славных боевых традиций нашей 12-й Краснознамённой, сфотографировать у развёрнутого знамени части, его экипаж назвать именем Ленинского комсомола. Командир 12-й КОИАЭ майор Рождественский, батальонный комиссар Крутов».

КОМСОМОЛЬЦЫ

Шло комсомольское собрание. С докладом о взятии социалистических обязательств выступил командир 12-й КОИАЭ гвардии майор В.А.Рождественский. Все комсомольцы слушали доклад очень внимательно. Слова докладчика были от чистого сердца. Этот лысоватый человек, с доверчивым взглядом голубых глаз, пользовался у всех неограниченной любовью. Да и сам доклад был содержателен, приводилось много примеров патриотизма нашего народа в тылу и на фронте. В президиуме сидели комсомольцы-механики и мотористы, а поодаль от стола сидел комиссар П.В.Крутов. Своим энергичным взглядом он внимательно оглядывал присутствующих. Его взгляд остановился на мотористе Михееве. Может быть, он подумал в этот момент: «Сдавать стал Михеев, бледный, исхудалый, надо помочь».

*Так писались письма родным, так готовились решения комсомольских собраний.
Секретарь комсомольской организации 12-й КОИАЭ Яков Вьюгин*

Первым в прениях выступил моторист Фёдор Седов.

– Я считаю, – сказал он, – этот вопрос срочный. Иногда мы заканчиваем работу и идём отдыхать, а в это время в соседней рейфуге идут тяжёлые работы по восстановлению самолёта после обстрела. Они будут работать долго, до утра. А ежели им подмогнуть, им не пришлось бы так мучиться. Трудную работу надо делать сообща, есть время – помоги.

– Взять набивку патронов, – начал своё выступление механик Василий Клемешев, – шутка ли, набить не одну, а несколько патронных лент, и всё давай, давай! Оружейники почти не спят, сутками у них есть работа. Надо всем научиться набивать патронные ленты и чистить пулемёты. Всем надо помогать оружейникам, выделять свободных специалистов на помощь.

Это выступление очень понравилось оружейнику Ивану Бефтину, по национальности эрзя (мордвин). Ему трудно было выступать на русском языке, свою решимость одолеть все трудности он выражал жестами и взглядом.

– Мне кажется, что нам надо отработать взаимозаменяемость. Взять, к примеру, артиллеристов. Если погиб наводчик, его заменит другой, если надо заменить заряжающего, он всегда на «товсь», – это выступал механик Николай Балашов. Энергии у него было на пятерых, всегда в настроении, аккура-

тен. Когда в гарнизоне Липово не было начальника клуба, Балашов заменял всех, киномеханика, кассира и даже конферансье.

– Дорогие товарищи, начал выступление заместитель секретаря комсомольской организации лётчик Иван Гореликов, – мне было очень отрадно слушать выступления наших неутомимых тружеников. Хочу от имени всех лётчиков поблагодарить всех за труд, который вы вкладываете в ремонт самолёта. Находясь в бою с немецкими лётчиками, мы не думаем, что нас подведёт материальная часть. Это исключено. Если самолёт неисправный, техник и механик не смогут спокойно заснуть, пока не отремонтируют самолёт и не приведут его в полную готовность. Так будем сообща уничтожать ненавистных фашистов.

Говорили о боевых листках, о выпуске фотогазеты, о работе, но никто не обмолвился о скудном питании. Каждый знал, что надо приложить все силы на разгром врага. В заключение комсомольцы голосовали за принятие решения, которое было составлено во время выступлений.

Прошли месяцы после этого собрания. На аэродром приехали представители Политуправления КБФ. Они не раз сюда приезжали, были знакомы с партийной и комсомольской работой. На этот раз они привезли «Почётные грамоты ЦК ВЛКСМ» и торжественно вручили их секретарю комсомольской организации Егору Буранову и заместителю секретаря Ивану Гореликову. В грамотах значилось: «Награждается за успешную мобилизацию комсомольцев на выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками».

Подписал секретарь ЦК ВЛКСМ Н.Михайлов.

ОПЕРСВОДКА № 52

Штабу ВВС КБФ

12-я КОИАЭ. м. Выстав

16 сентября 1942 года в 10 часов 17 минут – 11 часов 05 минут

Командир 12-й КОИАЭ майор В.А.Рождественский в паре со своим ведомым лётчиком Г.Г.Бегуном вылетели на самолётах МиГ-3 на облёт после ремонта. Полёт проходил нормально.

В 10 часов 50 минут в районе станции Жихарево они заметили один самолёт Ю-88 на высоте 2500 метров.

С высоты 5000 метров пара МиГ-3 пикированием пошла на сближение.

В это время со стороны солнца их атаковали два Ме-109.

Самолёт майора Рождественского загорелся и упал южнее деревни Александровки. Судьба лётчика неизвестна.

Фотогазета 12-й КОИАЭ.

В левом верхнем углу командир 12-й КОИАЭ майор Рождественский Виктор Александрович; справа – комиссар 12-й КОИАЭ, майор Крутов Павел Васильевич

Лётчик Бегун возвратился на свой аэродром с повреждённым самолётом. Начальник штаба 12-й КОИАЭ капитан Аниканов.

В отчёте о работе 12-й КОИАЭ с 22 августа по 22 сентября 1942 года указывалось:

«Самолёт Рождественского найден. Лётчик не обнаружен».

Весть о гибели командира быстро облетела все подразделения.

Это было подобно выстрелу, после которого остаётся кровотокающая рана.

Трудно найти такого командира, которого бы так любил и уважал весь личный состав. В майоре Рождественском удачно сочетались предельная простота, доступность, требовательность. Получая задание из уст командира, подчинённый уходил с теплотой в сердце, с готовностью всё отлично выполнить, чтобы сделать приятное обожаемому человеку. Подкупала в нём скромная, немного застенчивая улыбка, ровный, спокойный голос, облик простого, душевного человека. Давно ли он выступал с докладом на комсомольском собрании, у всех ещё были в памяти его открытое лицо с голубыми глазами, аккуратно причёсанные волосы, высокий лоб. С ним легко было говорить, и в разговоре дойти до самой истины.

К месту падения самолёта выехали на автомашине комиссар эскадрильи П.В.Крутов, комсорг Егор Буранов и несколько мотористов. Нашли свидетелей, из числа живущих в деревне Александровке, которые видели падение сбитого самолёта, показали место падения. В болотной жиже образовалась огромная яма, подойти к ней было невозможно, трясина засасывала ноги и

всё тело. Вызвали водолазов, но дна не достали, так глубоко залежала трясина. Попыток было много, даже после войны они были безрезультатны.

Боевые действия продолжались, командиром 12-й КОИАЭ назначили Героя Советского Союза гвардии капитана Г.Д.Костылева.

НА ОСТРОВЕ СУХО

Лётчик 12 КОИАЭ
Григорий Григорьевич Бегун. 1943 г.

22 октября на аэродроме Новая Ладога было ещё темно, а самолёты уже были готовы к боевым вылетам. Густой туман ложился на крылья истребителей МиГ-3, превращаясь в изморозь. Зябко ёжились от холода стартовые дежурные, в кабинах самолётов сидели дежурные лётчики, капитан Григорий Бегун и его ведомый старшина Виталий Корнилов.

Погода была крайне нелётная, лётчикам в кабинах хотелось дремать.

К удивлению, с командного пункта взвилась красная ракета, означающая вылет дежурной пары. Одновременно по телефону передали на стоянку, что задание Бегун получит по рации в воздухе.

Заревели моторы, самолёты порулили на стартовую дорожку. Взлетели нормально. Сделали круг над аэродромом, задание не поступало. Бегун взял курс на Осиновец-Кобону к месту вероятной встречи с противником. Но и там вражеских самолётов не оказалось, немцы не летали в плохую погоду. Рация Корнилова была настроена на разговор с ведущим, Виталий пытался связаться с Бегуном, но разговора не получилось.

– Неисправная рация у капитана Бегуна! – подумал Виталий. Он повернул ручку настройки рации и услышал голос:

– Всем кораблям! Всем кораблям! На острове Сухо фашисты предпринимают высадку десанта! Немедленно всем идти на помощь!

Виталий ещё раз посмотрел на Бегуна, тот спокойно шёл по прямой. Теперь он окончательно убедился в неисправности рации Бегуна. Тогда он решает принять руководство на себя. Он опередил Бегуна, покачиванием крыльев дал сигнал следовать за ним. Взял курс на остров Сухо.

Маленький островок Сухо находился в тридцати шести километрах севернее Новой Ладogi. Он прикрывал вход в Волховскую губу. Близь него проходила большая трасса водно-ледовой «дороги жизни». Лётчики знали, что этот остров возник в восемнадцатом веке при царствовании Петра Первого благодаря человеческим усилиям. На этом месте была отмель, и корабли терпели большие бедствия, наткнувшись на отмель. Сюда завезли большие куски гранита, остров приобрёл размер 90 x 60 метров. В 1895 году на острове построили маяк и здание для команды обслуживания.

В начале Великой Отечественной войны моряки построили три землянки для поста наблюдения и связи, установили батарею из трёх орудий. Всего на острове оказалось личного состава немного меньше ста человек. Корнилов и Бегун прилетели на остров и прежде всего увидели летающий фашистский самолёт ДО-215. Быстро атаковав его, несколькими очередями сразили экипаж. Он упал северо-западнее маяка Сухо. Всмотриваясь в дымку возле построек острова, лётчики обнаружили большое скопление кораблей, которых никогда здесь не было.

– Чьи они? – думали Григорий и Виталий.

Огненные трассы снарядов опоясали воздух, фашисты не заставили долго ждать, открыли огонь по советским истребителям.

– Вот вы кто! Теперь понятно, – сказали оба лётчика.

Кораблей было много, считать было некогда, их подсчитали потом. Оказалось 14 десантных катера и 24 самоходные баржи. С ними вели дуэль наши корабли ТЩ-100 и МО-171.

Маленький остров содрогался от артиллерийских снарядов, не было места, куда бы ни попал снаряд. От фашистских попаданий горело здание маяка, выведена из строя радиостанция. Вот почему не знали в штабе 12-й КОИАЭ о нападении на остров Сухо! Сигналы помощи передавали в эфир с тральщика и морского охотника. Фашистские корабли пришли без прикрытия истребителей, надеясь, что русские не полетят в такую погоду. Обрушив свой боевой запас на врагов, Григорий и Виталий поспешили сообщить о случившемся.

В 8 часов 10 минут фашистам удалось высадиться на остров. Они были вооружены пулемётами, автоматами, гранатами. Но это их не спасало, защитники оказывали яростное сопротивление. Убитых и раненых фашисты грузили на катера и сразу же отправляли в тыл.

Защитники пошли в контратаку и отбросили фашистов на западный берег. От налёта Бегуна и Корнилова, от снарядов островной артиллерии была потоплена десантная баржа и катер. Корабли ТЩ-100 и МО-171 вели бой с вражескими судами, потопили катер, два попадания угодили в баржу. На помощь пришёл советский тральщик ТЩ-126. Первая попытка овладеть островом у фашистов провалилась.

К девяти часам появились краснозвёздные самолёты. Истребители И-15 бис были загружены до предела авиабомбами и реактивными снарядами. Тихоходные, но как носители РС, они представляли грозную силу. Их сопровождали истребители 12-й КОИАЭ: Крайнов, Трошин, Хромов, Горюнов, Корнилов и Бегун, которых успели подзарядить, и они вылетели вместе со всеми.

Фашистские корабли открыли по самолётам ураганный огонь, им было не до высадки десанта, в воду летели обрывки палуб, борта катеров и барж, слышались стоны недобитых десантников. Часть кораблей старалась удрать, часть из них медленно погружалась в воду. Самолёты ушли на заправку, затем быстро снова прилетели. Фашистских кораблей оставалось двадцать единиц.

Капитан Трошин атаковал вражеский самолёт Ю-88, который стал уходить вправо, но налетел на Бегуна и Корнилова. Объятый пламенем, он упал в Ладожское озеро. Атаки непрерывно повторялись, самолёты уходили пустыми и снова возвращались с боевым грузом. Крайнов и Хромов в поединках с истребителями сбили по одному Ме-109, прибавив счёт сбитых до четырёх. Вслед за авиацией флота прибыли штурмовики Ленфронта, ведомые морским лётчиком подполковником Ф.А.Морозовым. Они сбили четыре вражеских самолёта и сожгли две десантные баржи. Массовое появление авиации вызвало у фашистов страх и растерянность. Они стали поспешно уходить, бросая убитых и раненых.

В этой операции было уничтожено 16 десантных судов и одно судно взято в плен. В воздушных боях сбито 15 самолётов противника. Наши корабли и самолёты потерь не имели. За образцовое выполнение задания многие были награждены правительственными наградами, старшина В. Корнилов был награждён орденом Красного Знамени, капитан Г.Бегун – орденом Красной Звезды. Всем командирам и бойцам, принимавшим участие по защите острова Сухо, от имени Верховного Главнокомандующего была объявлена благодарность с записью в личные дела.

После этого урока фашисты не пытались расширить плацдарм на Ладожском озере.

В 25-Ю ГОДОВЩИНУ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

*Заместитель командира 12-й КОИАЭ
капитан Григорий Васильевич Крайнов*

В столовой лётно-технического состава 12-й КОИАЭ было празднично. Официантки надели свои лучшие платья, при входе в столовую висело красное полотнище с большими белыми буквами: «ДА ЗДРАВСТВУЕТ 25-я ГОДОВЩИНА ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ!»

Завтрак подавался с добавкой – лишней котлетой.

Во все подразделения передали команду собраться на митинг. У самолётов остались только дежурные звенья.

Митинг открыл комиссар 12-й КОИАЭ майор Павел Васильевич Крутов:

– Наш Советский Союз, как утёс среди бушующего океана капиталистических государств, в единственном числе защищается и живёт, – говорил комиссар, – нет такой силы, чтобы поставить нас на колени.

Далее он предоставил слово заместителю командира 12-й КОИАЭ капитану Григорию Васильевичу Крайнову.

– Для нас нет ничего дороже, чем наша Родина, наши просторы, леса, поля. Они вечно принадлежали нашим дедам и прадедам, и мы всё сделаем, чтобы они вечно принадлежали нашим детям и внукам, не пожалеем для этого жизни. Мы не посрамим знамя, под которым живём. Мы победим.

Все выступающие клялись быть достойными сыновьями своей Великой Родины.

После митинга был вылет на защиту «Дороги жизни Кабона – Лаврово». Вылетели шесть лётчиков: Г.Г.Бегун, Н.К.Малеев, Н.П.Хромов, В.Г.Рябошапка,

А.А.Бреславский, ведущим этой группы был Г.В.Крайнов. В небе Балтики он встретили 12 «мессершмиттов», которые штурмовали суда, доставлявшие продукты голодным блокадникам Ленинграда. Бой длился двадцать минут. Два «мессершмитта» были уничтожены, третий подбит. Одного из них уничтожил Г.Крайнов, но и сам был тяжело ранен.

Самолёт его стал неуправляем от прямого попадания, Григорию хватило сил выпрыгнуть и раскрыть парашют. Он приводнился в холодных водах Ладожского озера, спасательный жилет «капка» сработал, и некоторое время он был жив. Его ведомые разогнали в воздухе фашистскую нечисть, видели оранжевую «капку» на воде. Григорий Бегун наводил катера, указывая им путь условными движениями своего самолёта, радиосвязи с моряками не было.

Катера подошли, но Григория уже не было на поверхности. Холодные волны озера укрыли смертельно раненого Григория Васильевича. Корабли Ладожской военной флотилии по приказу командующего капитана 1-го ранга В.С.Черокова долго вели поиск отважного лётчика. Найти не удалось.

В этот же день был траурный митинг по случаю гибели Г.В.Крайнова. С болью в сердцах выступали его единомышленники и боевые товарищи. Инженер по вооружению Г.И.Бенусов сказал:

– Григорий Васильевич был грамотным лётчиком, он хорошо знал вооружение и тактику его применения. Был одним из самых активных коммунистов. Дважды его выбирали в партийное бюро. Он показывал пример бесстрашия в бою.

Последним выступил командир 12-й КОИАЭ Григорий Костылёв. Он предложил открыть боевой счёт мести за Григория Крайнова.

Лётчики подхватили этот вызов. На следующий день был сбит ME-109. На протяжении нескольких боевых дней было уничтожено шестнадцать вражеских истребителей и бомбардировщиков.

Ленинграду поставляли хлеб и боеприпасы, вывозили детей и раненых. Всё шло как надо, но лётчики не могли смириться с тем, что среди них нет и не будет больше Григория Крайнова. Это было невыносимо. Он всегда, во всех мероприятиях находился с ними. Его тонкие шутки, дружеские подначки были всегда доброжелательны. Его подкупающая кротость, мягкий голос, спокойное достоинство остались в памяти всех, кто его знал.

Иван Гореликов рассказал такой случай.

Перед войной надо было перелететь группе лётчиков из Липово на Угловую. Штурманом эскадрильи был Григорий Крайнов. В классе разработал план перелёта, довёл до каждого лётчика, подчеркнув важность и особенности при перелёте, знание маршрута. Всё было ясно и понятно. Но вот при перелёте ведущий сбился с маршрута, сели не на тот аэродром. Крайнову пришлось разбирать, кто виноват. Он не распекал, не повышал голос, но всем было не

по себе. Виновный сидел, опустив голову. Крайнов посмотрел на него и вдруг сказал:

Не понимаю, как это случилось...

И ребята хороши, и машины хороши.

Полетели в Угловую, прилетели в Унаши.

Прошло много лет, но это осталось в памяти навсегда. Иван Гореликов вспомнил эти слова через прошедшие сорок пять лет.

КОМСОМОЛЬСКОЕ ПОРУЧЕНИЕ

Лётчики 12-й КОИАЭ (слева направо): Борис Сергеевич Копьёв и Иван Фролович Гореликов 1942 г.

На опушке зимнего леса, где стояли замаскированные самолёты, кипела напряжённая и ответственная работа. Техники готовили самолёты к боевым вылетам.

У самолёта Егора мотор требовал замену, а на складе их не было. Пользуясь свободным временем, он решил заняться комсомольскими делами, собрать взносы, подготовить собрание.

Вчера прилетали фашистские бомбардировщики бомбить опушку леса, где стояли самолёты. От разрывов авиабомб остались огромные воронки, но щедрый снегопад за одну ночь прикрыл эти зияющие раны, словно забинтовал стерильными бинтами израненную землю.

Егор шёл по стоянке с ведомостью в руках. Подошёл к самолёту Григория Горюнова. Механик Адам Баран делал запись в боржурнале, а моторист Александр Андреев прихорашивал самолёт, вытирая носовым платком фонарь кабины.

– Не помешаю? – спросил Егор.

– Нет, – ответил Адам Иванович, – присаживайся.

– Членские взносы собираю.

– Сейчас достанем билеты.

– Вопрос можно? – спросил Александр, подавая билет, – хочу пожаловаться на своего лётчика. Другие прилетают, рассказывают о боях, и у механика с мотористом хорошее настроение, будто сами слетали. А наш лётчик прилетит и молча уйдёт на КП, слова не скажет.

– А мне нравится наш лётчик, – сказал Адам Иванович, – немногословен, а воюет не хуже других. Может он считает, что не сбив вражеский самолёт, хвалиться нечем, а сбив – незачем.

– Что ж, учтём ваше пожелание, – сказал Егор Александру Андрееву, – придумаем что-нибудь.

Егор подошёл к следующему самолёту и встретился с Борисом Копьёвым.

– Борис, – сказал Егор, – есть для тебя комсомольское поручение.

– Какое?

– Побеседовать с комсомольцами на тему – как мы воюем.

– Такого ещё не было, а когда?

– В первый нелётный день, – ответил Егор.

– Постараюсь, – пообещал Борис.

И вот этот нелётный день наступил. В просторную брезентовую палатку собрались младшие авиаспециалисты, мотористы, оружейники, электрики, прибористы и укладчик парашютов комсомолец Писклов. Пришли свободные от дежурства техники и лётчики. Пришёл комиссар Павел Васильевич Крутов.

Копьёв посмотрел на присутствующих комсомольцев. Они сидели молча, согнувшись по-стариковски, в спецкуртках, пропитанных бензином и маслом. Лица истощённые, бледные от бессонных ночей и недоедания, носы заострённые, глаза озадаченные.

– Что им сказать, – думал Борис, – как поднять настроение, как приободрить, чтобы улыбнулись?

– Что ж, начнём, пожалуй, – сказал Борис скороговоркой, присущей только ему. – Есть у меня прекрасный фронтовой друг, который успел побывать у

чёрта в лапах. Вы его знаете, это Иван Гореликов. Тихий такой, застенчивый, никому плохого не сделает. Вечно в хорошем настроении, точно наследство богатое получил. Часто мы летаем вместе, и вот тут-то от его тихого характера ничего не остаётся. Становится Иван, словно лев рыкающий. Расскажу вам такой случай.

Наш аэродром находится поблизости от немцев, всякий переполох на линии фронта нам известен. Сидим мы с Иваном в самолётах и ожидаем вылета. Солнышко пригревает, облачка по небу плавают, ветерок приятные мысли навевает. Хорошо в тишине посидеть, помечтать. Всё бы хорошо, только вот фашистские разведчики покоя не дают, мешают помечтать, подремать. Иногда гул мотора маслосаправщика примешь за гудение в воздухе «юнкерса». Откроешь один глаз и прислушаешься, где же этот фашист, сукин сын, топают? Увидишь маслосаправщик, успокоишься. Стараешься подремать, но не получается. Очень надоел всем разведчик. Решили мы с Иваном намять ему бока, чтобы он гнусным шумом своим не беспокоил окружающих. И вот, когда сам Господь радовался хорошей погоде, нам с Иваном дали вылет, чтобы догнать и уничтожить этого нахала. Взлетели, пристроились друг к другу. Ходим, ходим, нет фрица. Мы туда, мы сюда – не можем найти.

Не зря же нас подняли в воздух, – думали мы с Иваном. Опять ходим, опять ищем. Нет фрица. Если гора не идёт к Магомеду, Магомед идёт к горе. Пошли мы с Иваном ближе к фронту посмотреть, что там делается. Только мы развернулись, как увидели долгожданного, он пылил вдоль берега чуть ниже нас и горя не знал. Мечтал, наверно, заработать шнапсу и хоть на время забыть свою собачью жизнь.

Мы оба увидели «гостя», Ваня качнул мне крыльями, дескать, приготовься. Я посмотрел на светило, потом на фрица, и зашёл к нему в хвост. Он не смотрел по сторонам, наверно, был гордый. После моей «порции» он опомнился, стал драпать домой. Задний стрелок замолк, от моих пуль, наверно, взгрустнул. Я бил фрица в хвост, а Ваня заседал сверху. Тогда и лётчик взгрустнул, забыл и думать о шнапсе, прибавил газ, нажал на все железки, спешил укрыться возле своих зениток, но поздно. Я был у него в хвосте в 50-ти метрах, Иван бил сверху по мотору. Фашист выпустил какой-то ядовитый дым.* Я обошёл этот дым и снова к хвосту. Иван, не унимаясь, бил по кабине.

– Пошёл вон, грязный фашист, не будешь больше пачкать наше небо, не водить свою банду отнимать хлеб у голодных детей Ленинграда!

Фашист ушёл в спасительное облачко, но долго не продержался, отдал свою бандитскую душу, камнем шлёпнулся у самой границы фронта. Мы с

**Во время воздушных боёв фашистские лётчики применяли ядовитые «ОВ», отравляющие вещества. После этого вылета И.Ф.Гореликов долго болел.*

Иваном подравнялись и в обнимку потопали домой. По-прежнему ласково светило солнце, тихо плыли добродушные облака. Наверно, ангелы радовались такому благополучному исходу.

Этими словами Борис закончил свой рассказ. Он дал тон всей беседе. После него рассказали свои истории ещё несколько лётчиков. Комсомольцы остались очень довольны таким комсомольским собранием.

МАСТЕРСТВО ЛЁТЧИКА, РОЖДЁННОЕ ВОЙНОЙ

*Лётчик 12-й КОИАЭ
Виталий Илларионович Корнилов*

Комсомолец Виталий Корнилов, лётчик 12-й КОИАЭ, сидел в кабине самолёта МиГ-3, выполняя дежурство на аэродроме Новой Ладоги.

Время шло медленно, мысли набегали цепочкой, воспоминания сменяли друг друга.

Виталий вспомнил свою деревню Остров Колпьянского района Орловской области. Казалось, совсем недавно он сидел в повозке, покидая родную деревню, родное поле с речушкой и овражками, с чистым воздухом леса и малинника. Он уезжал продолжать учёбу. Вспомнил, как он учился в средней школе, как впервые прочитал лозунг на плакате: «Молодёжь, на самолёты!»

Он тогда и не предполагал, что ему доведётся когда-нибудь учиться в лётном училище, закончить его и стать настоящим лётчиком.

Это сбылось в мае месяце 1941 года, перед самой войной. Он закончил Военно-морское авиационное училище имени Сталина в городе Ейске, по разнарядке попал на Балтику, успел встретиться с воздушными пиратами и

в августе сбить вражеский самолёт. Здесь, в Новой Ладоге выполняет полёты на сопровождение штурмовиков ИЛ-2, летающих на передовую линию уничтожать фашистов. Иногда посылают на воздушную разведку.

Вспомнил, как он летел над передним краем обороны с целью разведки фашистских войск. Под крыльями мелькал густой лес, а дальше серебристой ленточкой текла река. Промелькнула полоса извилистой дороги, а по ней двигалась вереница повозок, шли колонны немецких солдат. Чувство гнева охватило лётчика, без промедления он налетел на врагов, с бреющего полёта расстреливал повозки и убегавших в лес фашистских солдат. Их серые туши падали от метких пуль и устилали дорогу, по которой они шли убивать мирных жителей.

С каждым днём, обогащая свои знания боевым мастерством, Корнилов становился опытным отважным лётчиком. С каждым боем умножалось боевая готовность, смелость и мгновенная реакция. Виталий вспомнил, как вместе с группой истребителей летели на сопровождение бомбардировщиков, шедших бомбить вражеские корабли. В низкой облачности подошли самолёты к месту боя и прямо с ходу обрушили на врага свой смертоносный груз. Облегчённые бомбардировщики легли на обратный курс. В огромном просторе туманного неба Корнилов ждал встречи с врагом, и она состоялась.

Встречным курсом, считая себя вне опасности, летел фашист на «мессершмитте». Заметив советский ястребок, он прямо пошёл в атаку. Это немного удивило Виталия. «Гансы», как правило, боялись лобовых атак, а этот нахально приближался навстречу. Прицельным огнём встретил он советский истребитель. Промаяхнул. Пошёл на второй заход. Корнилов понял, что имеет дело с немецким асом. Пятнадцать минут длилась дуэль. Самолёты пролетали один от другого так близко, что казалось, столкнутся и вдребезги разлетятся. С каждой атакой они спускались ниже и ниже. Виталий бросил взгляд на бушующие волны Ладоги. На последнем заходе Корнилов проскочил мимо немца, быстро развернулся и оказался в хвосте фашиста, начал прижимать его к воде, обстреливая из пулемётов. Пули прошли кабину, немец стал куваться и опускаться в воду.

Вернувшись на аэродром, Корнилов не стал терять время на доклад о победе, пополнил боезапас и снова улетел.

Авиатехник Сергей Попов, выпустив в полёт Виталия, с гордостью подумал: – «Не любит сидеть на земле. Такая уж натура!»

Корнилов прилетел, сбив ещё одного фашиста. Когда стал докладывать, ему сказали, что посты ВНОС сообщили о двух сбитых самолётах.

Так несколько дней летал Корнилов охранять штурмовиков и трассу, по которой шли грузы для Ленинграда, для фронта. Каждый раз он всматривался в ясную голубизну родного неба, выслеживая и уничтожая осточертевших врагов. По синей глади Ладожского озера шли советские караваны судов, на

палубах стояли у орудий матросы, смотрели на Виталия, радовались, что они не одиноки, их охраняют.

Счёт сбитых вражеских самолётов Виталием Корниловым нарастал. 8-го сентября 1942 года произошёл воздушный бой севернее маяка Кореджи. Лётчики Копьёв и Корнилов вели неравный бой с фашистскими «мессерами». В этом бою были сбиты два фашистских «мессершмитта».

О боях на острове Сухо было рассказано ранее.

5 ноября 1942 года воздушную вахту севернее мыса Песоцкий вели лётчики Александр Трошин и Виталий Корнилов. Они обнаружили разрывы снарядов зенитной артиллерии в районе станции Кобона, мигмом вылетели на разрывы и заметили идущих Ме-109. Александр атаковал одного сзади сверху под ракурсом $\frac{1}{4}$ с короткой дистанции и с двух длинных очередей фашист был сбит. Второго Ме-109 атаковал Виталий в тот момент, когда он выходил из пикирования. Это была последняя фигура высшего пилотажа, которую проделал фашист, он летел до самой земли, пока не врезался в грунт между Кобоной и Лавровым.

Так шли месяцы войны, так шёл счёт боевым вылетам и сбитым вражеским самолётам.

Виталий Корнилов участвовал в воздушных сражениях. К началу января 1943 года у него было на счету 9 сбитых вражеских самолётов, совершено 295 боевых вылетов, проведено 52 воздушных боя.

Седьмого января 1943 года он находился в воздухе, выполнял задачу по охране «дороги жизни». Подойдя к берегу, Корнилов заметил, что два Ме-109 идут по направлению к трассе со стороны солнца. Быстро принял решение атаковать. Пошёл на сближение. Фашистский самолёт принял вызов, молниеносно приблизившись, дал короткую очередь, проскочил под плоскостями самолёта Корнилова и взмыл вверх. Корнилов с разворота зашёл немцу в хвост, но тот увернулся от огня. В это время второй немец догнал Корнилова в тот момент, когда он выходил из атаки. Виталий слышал, как пули застучали по его самолёту. Змейка огня появилась над мотором.

Прибавив газ, Корнилов старался скольжением сбить пламя, но оно подбиралось всё ближе и ближе к кабине. Ещё одну очередь фашист выпустил по самолёту. Обожгло ногу. Виталий не видел, но почувствовал, как кровь заливает сапог. Не обращая внимания на ранения, он старался сбить пламя, спасти самолёт. Но тот перестал слушаться. Раненая нога не держалась на педали. В последний раз, переходя на скольжение, Корнилов заметил приближающуюся землю, понял, что машину не спасти, выбросился с парашютом. Раненого, его подобрали и направили в госпиталь на лечение.

Родина отметила его боевые подвиги, наградив тремя орденами Красного Знамени, орденом Красной звезды и орденом Отечественной войны первой степени. После госпиталя его направили служить на штабную рабо-

ту. Демобилизовался в 1961 году с должности заместителя начальника штаба авиационного полка в звании майора.

В 1983 году Виталий Илларионович отмечал славную юбилейную дату – сорокалетие в рядах Коммунистической партии, в которой он с 1943 года. Как и в молодости, он остался добродушным, не унывающим в тяжёлых ситуациях, прекрасным общественником и семьянином, воспитал хорошего сына.

НЕВСКИЙ ПЯТАЧОК

Пристанционному посёлку Дубровка Всеволожского района Ленинградской области суждено было войти в историю славной эпопеи героической защиты Ленинграда. Здесь, на левом берегу Невы, южнее Ладожского озера, в сентябре 1941 года фашистами были отрезаны последние сухопутные сообщения, связывающие Ленинград со страной. Это были тяжёлые дни. Надо было всеми силами восстановить сообщение, вывести Ленинград из блокады.

Для этого в ночь на 20 сентября части Ленинградского фронта из 115-й стрелковой дивизии, которой командовал генерал-майор В.Ф.Коньков, и 4-я бригада морской пехоты под командованием генерал-майора Б.Н.Ненашева вышли на огневой рубеж. Схватка завязалась ожесточённая, фашисты яростно отстаивали захваченный участок земли. После длительного боя у них был отвоёван небольшой кусок, «плацдарм» по военной терминологии, размером четыре километра по фронту и восемьсот метров в глубину. Этот участок получил название «Невский пяточок».

Фашисты старались всеми силами ликвидировать этот плацдарм, защитники отражали по 12-16 атак в день. На них летели мины, бомбы, снаряды, до пятидесяти тысяч в сутки, но балтийцы оставались непобедимыми. Семь с половиной месяцев защитники отражали звериный натиск, давая возможность проводить грузы в город. В апреле 1942 года начался ледоход по Неве, защитники были отрезаны от правого берега Невы. Фашисты воспользовались этим, и двадцать девятого апреля ликвидировали этот плацдарм. Жаль было этот бастион, символ надежды на избавление от фашистской блокады.

В сентябре 1942 года немецко-фашистские войска готовили новый штурм для захвата Ленинграда. Это наступление было под кодовым названием «Нордлих» – «Северное сияние». Находившуюся под Ленинградом 18-ю армию они усилили за счёт переброски из Крыма соединения 11-й армии, несколько дивизий прибыло из Западной Европы, им это позволяло отсутствие второго фронта.

Чтобы сорвать новое наступление на Ленинград, советское командование разработало новый план внезапного наступления: силами Невской оперативной группы и дивизиями 55-й армии нанести одновременно два удара,

на Синявино и на Тосно. К боевым операциям привлекались морские пехотинцы, малые корабли и авиация Краснознамённого Балтийского флота, которым командовал контр-адмирал В.Ф.Трибуц.

За четыре с лишним месяца фашисты возвели сильно укреплённую оборону с большим количеством огневых средств и всевозможных препятствий.

19-го августа 1942 года, опередив наступление фашистов, войска Ленинградского фронта, которым командовал генерал-лейтенант артиллерии Л.А.Говоров, перешли во внезапное наступление двумя ударами одновременно, на Синявино силами Невской оперативной группы и на Тосно силами 55-й армии. Им удалось овладеть плацдармом в районе Ивановского.

26-го сентября войска другой Невской оперативной группы под командованием генерал-лейтенанта Д.Н.Гусева закрепили этот плацдарм в районе Московской Дубровки. Здесь вели ожесточённые бои, но ввиду малочисленности отошли на исходные рубежи. С востока им на встречу наступали ударные группировки Волховского фронта, которым командовал генерал армии К.А.Мерецков. Они отразили контратаки противника и к концу августа вышли на подступы к Синявино.

Фашисты вынуждены были перебросить сюда шесть свежих дивизий. Во второй половине сентября они остановили продвижение советских войск. Таким образом, Синявской операцией не удалось прорвать блокаду Ленинграда, но штурм города фашистами был сорван. «Невский пяточок» был возвращён. Он был советским вплоть до прорыва блокады Ленинграда.

За время боёв здесь фашисты потеряли около 60 тысяч солдат и офицеров, свыше 600 орудий и миномётов, около 200 танков, 260 самолётов.

Лётчики 12-й КОИАЭ находились непосредственно на линии боевых действий, отразили не одну атаку вражеских самолётов. В воздушном бою были сбиты два вражеских истребителя Me-109.

ВЕЛИКАЯ БИТВА

Все газеты и журналы регулярно сообщали о боях под Сталинградом.* Внимание всего мира было приковано к этому городу. Решалась судьба социализма. Пользуясь отсутствием второго фронта в Европе, гитлеровцы бросили огромные силы на восточный фронт. Летом они вышли на нефтеносные районы Кавказа и плодородные районы Дона, Кубани, Нижней Волги.

**В период разоблачения Н.С.Хрущёвым культа личности Сталина и огольного охавивания всего, что связано с его именем, 10 ноября 1961 года на 22 Съезде КПСС город Сталинград переименован в город Волгоград.*

На захват Сталинграда ими была брошена 6-я армия генерал-полковника Ф.Пауюса. В неё входило 13 дивизий с личным составом около 270 тысяч, три тысячи орудий и миномётов, около 500 танков. Ей придавалась авиация 40-го воздушного флота с численностью до 1200 боевых самолётов. К концу сентября гитлеровцы увеличил наступающие войска, их было здесь свыше 80 дивизий.

Обороной Сталинграда руководил Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко, а с 23-го июля – генерал-лейтенант В.Н.Гордов. Советское командование приняло меры к уничтожению прорвавшейся к Волге группировки противника, остановив его на северо-западной окраине города.

Фашисты бросили на подкрепление румынскую и итальянскую армии. Гитлеровское командование стремилось в кратчайший срок овладеть Сталинградом.

С 12-го сентября на улицах города развернулись ожесточённые бои. Их вели бойцы 62-й армии генерал-лейтенанта В.И.Чуйкова и 64-й армии генерал-майора М.С.Шумилова.

15-го октября немецко-фашистские войска прорвались к Волге в районе Сталинградского тракторного завода. 11-го ноября они предприняли последнюю попытку овладеть городом. Им удалось пробиться к Волге южнее завода «Баррикады». Это был их последний успех. В ходе наступления фашисты потеряли около 700 тысяч убитых и раненых, свыше двух тысяч орудий и миномётов, более одной тысячи танков и штурмовых орудий, свыше 1,4 тысячи боевых и транспортных самолётов. Советские войска измотали и обескровили главную группировку противника, были созданы благоприятные условия для контрнаступления.

К середине ноября 1942 года подготовка к контрнаступлению завершилась. Разработку плана осуществляли представители Ставки: генерал армии Г.К.Жуков, генерал-полковник А.М.Василевский. От артиллерии – генерал-полковник артиллерии Н.Н.Воронов, от авиации – генерал-лейтенант авиации А.А.Новиков и А.Е.Голованов, от бронетанковых войска – генерал-лейтенант танковых войска Я.Н.Федоренко.

Планом предусматривалось разгромить прикрывавшие фланги ударной группировки противника, окружить и уничтожить главные силы под Сталинградом. Наступательными армиями руководили генерал-лейтенант Н.Ф.Ватутин, генерал-лейтенант К.К.Рокоссовский, генерал-полковник А.И.Ерёменко. Всего было сосредоточено 1103 тысячи человек, 15500 орудий и миномётов, 1463 танка и САУ, 1350 боевых самолётов.

Контрнаступление началось 19 ноября. К исходу дня войска Юго-Западного фронта продвинулись на 25-30 километров. Танковые и механизированные корпуса двигались навстречу друг другу в направлении Калач и Советский. Одновременно завершилось окружение в юго-западном и южном направлении. 23 ноября соединения в районе Калач и Советский завершили окружение двадцати двух дивизий и свыше 160 отдельных частей. В этот день

капитулировала Распопинская группировка противника. В то же время был образован пятисоткилометровый внешний фронт окружения.

12-го декабря немецкие войска предприняли попытку выволить их из окружения, но она провалилась, войска были отброшены на 150-200 километров. Попытки фашистов снабжать окружённых с помощью авиации тоже не удалось, при этом было уничтожено свыше 700 вражеских самолётов. К началу января 1943 года окружённых осталось до 250 тысяч человек. У них было 300 танков, 4130 орудий и миномётов, 100 боевых самолётов. Им была предложена капитуляция, но они отказались.

После отклонения капитуляции 10 января 1943 года советские войска перешли в наступление. Руководство операцией возглавлял представитель Ставки ВГК генерал-полковник артиллерии Н.Н.Воронов. В ходе наступления вражеская группировка была расчленена на две части, северную и южную. 31-го января прекратила сопротивление южная группировка войска во главе с фельдмаршалом Ф.Паулюсом, 2-го февраля капитулировала северная. Сдались в плен свыше 91 тысячи солдат и офицеров противника, из них свыше 2500 офицеров и 24 генерала, около 140 тысяч гитлеровцев было убито. В ходе наступления были разгромлены 4-я и 6-я танковая армии, 3-я и 4-я румынские и 8-я итальянская армия.

Сталинградская битва длилась 200 дней и ночей. Фашистский блок потерял четвертую часть сил, действовавших в то время на советско-германском фронте. Общие потери врага убитыми, ранеными, пленными и пропавшими без вести составили около 1,5 миллионов солдат и офицеров.**

В результате победы под Сталинградом, стратегическая инициатива была вырвана у противника. Были созданы условия для развёртывания общего наступления Советской Армии, массового изгнания фашистов с оккупированной территории Родины. Германия потеряла доверие своих сателлитов. Япония была вынуждена отказаться от планов нападения на СССР, Турция стремилась сохранить нейтралитет.

Писатель Илья Эренбург скажет позднее об этом: «После Сталинграда Германия не грызла, а огрызалась».

НА АЭРОДРОМЕ ЛЕВАШОВО

В декабре 1942 года 12-ю КОИАЭ перебазировали на аэродром Левашово. Надо сказать, что подобное перебазирование повторялось часто. Эскадрилья считалась «лёгкой на ногу» и перебрасывалась туда, где нужна была

**Данные из энциклопедии Великой Отечественной войны, стр. 684.

«скорая помощь». В данном случае перебазирование было, как объявили, из-за перегруженности аэродрома Новой Ладogi. Потом выяснилась истинная причина, но об этом позже.

Стояли сильные морозы, снега выпало много. На лётном поле снег укатывали большими металлическими катками на тракторных прицепах. На стоянках и рулѐжных дорожках снег расчищали пленные румыны и итальянцы. Они были одеты в зелёные шинели, трескучие морозы пробирали их до костей. Некоторые носили женские платки, а сверху надевали на головы шапки. Егор стоял возле рейхфуги и смотрел на итальянца в таком обмундировании. У пленного была чёрная борода в сосульках.

– Чѐрт вас сюда пригнал, – ворчал Егор, – сидели бы дома и жрали свои макароны.

Была блокада, люди голодали, пленным выдавали ту же блокадную норму. Как ни странно, этот итальянец всё время пел. Голос не громкий, но слушать было приятно. Видя, что им заинтересовались, итальянец подошёл к Егору, протянул руку с медной монетой.

– Что тебе? – спросил Егор.

– Курить, – ответил итальянец.

– Сам не курю, и тебе не советую, – сказал Егор, – отвыкай.

Итальянца этот ответ не устраивал, он подошёл к мотористу Железнову с той же монетой.

– Спрячь её, – сказал Саша.

Он достал лист газетной бумаги и кiset с махоркой. Протянул итальянцу. Тот покачал головой.

– Что, свѐртывать не умеешь? – спросил Саша, – помогу.

Он свернул «козью ножку» и дал итальянцу прямо в рот. Махорка была крепкой, называлась «тютюн табак». Итальянец затынулся и закашлялся.

– То-то, это тебе не благовонные сигары, – сказал Железнов.

Итальянец погасил огонь и положил в карман цыгарку, взял фанерную лопату и стал расчищать снег.

К Егору подошёл дежурный по стоянке и объявил:

– Стартех, вас назначили дежурным по аэродрому, начало заступления в восемнадцать ноль ноль.

– Вас понял, – сказал Егор, – а сам задумался, – как же я буду дежурить со своими чирьями?

Уже несколько дней его мучили чирьи, и как раз сегодня он хотел идти в гарнизонный лазарет. К дежурному врачу в машине «скорой помощи» на старте Егор обратиться стеснялся, чирьи были на ягодицах, а врач была женщина. Не всякий в двадцать три года отважится показать женщине голое тело ниже пояса, а чирьи ныли, их было не меньше десятка, да и температура держалась.

Дежурство на аэродроме ответственное, если тракторист оставит огрех, пропустит полосу неукатанной, то на взлѐте или на посадке самолѐт может скапотировать, перевернуться вверх колѐсами. А если отказаться, что подумают товарищи? «Егор испугался чирьев и отказался дежурить»...

Время подошло, Егор заступил на дежурство. Он нашѐл землянку с печкой буржуйкой, куда заходили трактористы погреться. Побыл там немного, согрелся. Чирьи от тепла взбухли, стѐганные ватные брюки стали задевать за головки, создавая нестерпимую боль. Егор вышел из землянки проверить лѐтное поле, в землянку заходить больше не хотелось. Так он ходил по аэродрому, проверял укатанность взлѐтной полосы, а чирьи не унимались, видно, некоторые прорвались. От нестерпимой боли и температуры в глазах у Егора всё поплыло, и он потерял сознание. Лежал долго, позѐмка стала его засыпать.

Тракторист заметил какой-то чѐрный холмик, хотел проехать по нему, заровнять, но что-то его остановило. Он подошёл и увидел Егора, съѐжившегося на снегу. Тракторист привѐл его в чувство, помог дойти до гарнизонного лазарета. Там отѐрли обмороженные места, обработали чирьи, наложили ихтиоловую мазь. Утром сделали переливание крови, незрелые головки облучили синим светом. Через два дня Егор попросился на выписку. Мысли о том, кто будет готовить его самолѐт к вылету, не давали покоя.

Воентехник Алексей Художиллов с помощью Саши Железнова готовили два самолѐта к боевому вылету. К приходу Егора всё оказалось в норме. Боевая жизнь продолжалась.

НАКАНУНЕ

7 января 1943 года.

На аэродроме Левашово идёт напряжённая боевая работа, полѐты на прикрытие города, войск Ленинградского фронта и кораблей Балтийского флота. Идѐт упорная борьба за господство в воздухе, накопление силы для мощного удара по врагу.

В этот день было приказано вылететь на боевое задание двум командирам звеньев, старшему лейтенанту И.Ф.Гореликову и лейтенанту А.А.Трошину барражировать в зоне города на высоте 4000 метров. Взлетев, они видели, как удалась маленькая железнодорожная станция Левашово.

Через некоторое время они достигли заданной высоты, доложили на станцию наведения ПВО города. Со станции дали задание набрать высоту 8000 метров. И эту высоту они набрали. Тогда наземная станция ПВО даёт задание набрать высоту 10 000 метров. Набрали и эту высоту. Командир пары Трошин не мог доложить по радио о выполнении, у него вышел из строя ра-

*Командир 12-й КОИАЭ Герой Советского Союза
гвардии капитан Георгий Дмитриевич Костылёв*

диопередатчик, пришлось докладывать Ивану Гореликову. Со станции наведения передали:

– Если нас слышите, покачайте крыльями.

Гореликов выполнил задание станции наведения. Оттуда ответили:

– Ваш сигнал приняти.

Лётчикам Трошину и Гореликову было приятно, что их не только слышат на такой высоте, но и видят. На такую высоту фашисты не добирались.

– Возвращайтесь на свой аэродром! – послышалась в наушниках команда.

Лётчики приземлились благополучно, пошли на КП.

– Какая надобность была нас поднимать на такую высоту? – спросил Трошин.

– Чтобы поморозить нас? – добавил Гореликов, – там температура была минус 73 градуса.

Командир 12-й КОИАЭ гвардии капитан Г.Д.Костылёв, немного переждав, сказал:

– Немцы готовятся бомбить Ленинград с больших высот. Вам было дано задание набрать высоту десять тысяч метров, показать гитлеровцам, на что мы способны.

Это было накануне прорыва блокады Ленинграда. Только теперь узнали лётчики настоящую причину переброски из Новой Ладogi в Левашово. Эта операция держалась в строжайшей секретности, опытные лётчики догадывались, но разговор об этом был строго запрещён.

ВРЕМЯ НАЧИНАТЬ!

Летело время. Мелькали ночи, менялись дни. Вчера было то же, что сегодня. Всё тот же рёв моторов, та же стужа, уханье бомб и гул снарядов. Бешеная гонка техников при подготовке самолётов к вылету. Нервное напряжение от ответственности. Взлёты. Посадки. Снова взлёты. Так каждый день, неделя, месяц, начинается счёт годам.

Сердце сжимается при встрече с местным населением... Словно ходячие тени. Всюду смерть, отчаянное мужество побороть эту смерть. Жалоб нет, ни тени намёка на усталость.

Лётчики доложили, что на низкой высоте бомбить нельзя, осколки бомб могут поразить свой самолёт. Взрыватели бомб заменили на замедленного действия. Фашисты временно притихли, они были в шоке от поражения под Москвой и Сталинградом. Пора и здесь, под Ленинградом начинать крушить врага.

Пришло время начинать!

Этот день наступил морозным утром 12-го января 1943 года.

12-й Краснознамённой была поставлена задача: взаимодействовать с истребителями Ленинградского фронта, прикрывать войска 67-й армии. От ВВС КБФ на эту операцию назначено шесть авиаполков, включая 12-ю КОИАЭ. В этом боевом составе было сто тридцать два боевых самолёта.

На аэродроме Левашово стояли восемь МиГ-3, ожидавших сигнал вылета. Три боевые пары с ведущими, капитаном Г.Г.Бегуном, старшим лейтенантом А.А.Трошиным, старшим лейтенантом И.Ф.Гореликовым ждали с КП сигнала, двух зелёных ракет. Им было назначено вести бой с вражескими истребителями и бомбардировщиками, но вначале дать возможность поработать артиллеристам. Томительная тишина ожидания.

Вдруг, будто проснулась, загудела родная земля, вздрогнула от оружейных залпов. Победоносный гром артиллерии слился с гулом вылетающих самолётов. Набрал высоту, лётчики летели над Московской Дубровкой, Апраксинским городком и Синявинным. Внизу виднелось ровное белое поле длиной по фронту около 12 километров и в ширину от реки Невы в 6-8 километров. Огненными дугами летели на это поле артиллерийские снаряды, они ложились друг от друга на 10-12 метров. Через два часа работы артиллерии поле было не узнать. Оно стало чёрным.

После артподготовки перешли в наступление ударные группировки Волховского и Ленинградского фронтов. Наши истребители, как стражи неба, не допускали фашистские самолёты к месту сражения. Так начались бои по прорыву блокады Ленинграда.

«Как помогали нам истребители, приведу один пример», – писал лётчик 12-го гвардейского пикирующего бомбардировочного авиаполка Герой Совет-

ского Союза Нельсон Григорьевич Степанян, – «это было в те дни, когда под Ленинградом совершалась операция по прорыву блокады. Нашим войскам нужно было форсировать Неву, а мы должны были не давать противнику вести огонь по ним. Для этого штурмовикам нужно было двадцать пять минут находиться над линией фронта, ведя непрерывный обстрел немецких войск. На это время каждому планировалось по четыре захода на цель. «Илов» прикрывали двенадцать истребителей, «мессершмиттов» же пришло восемнадцать. Несмотря на такое превосходство в силах, немцы «илам» ничего сделать не могли. Мы сделали не по четыре, а по семь заходов, продержались в воздухе тридцать пять минут, на десять минут больше запланированного времени, полностью выполнив боевую задачу».

Операцию «Искра» прорыва блокады Ленинграда осуществляли войска Ленинградского фронта под командованием генерал-полковника Л.А.Говорова и войска Волховского фронта под командованием генерала армии К.А.Мерецкова. Координацию действий обеих сторон осуществляли представители Ставки Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза Г.К.Жуков и К.Е.Ворошилов.

Местом прорыва блокады выбран Шлиссельбургско–Синявинский выступ, включая южный берег Ладожского озера. Этот плацдарм прорыва блокады предложил Л.А.Говоров, зная, что здесь доблестно сражались герои «Невского пятачка». В этом пятнадцатикилометровом коридоре находились пять дивизий 18-й немецко-фашистской армии, и четыре дивизии было в оперативном резерве. А всего 18-я армия под командованием генерал-полковника Г.Линдемана насчитывала около двадцати шести дивизий.

Здесь фашисты находились четырнадцать месяцев, успели превратить этот плацдарм в мощный укрепленный район с разветвленной системой бетонированных укреплений и сооружений, большим количеством противотанковых и противопехотных препятствий. Основной удар намечался севернее посёлка Синявино, это почти по самому берегу Ладожского озера с последующей ликвидацией фашистов на всём выступе восточнее Невы.

Ленинградскому фронту предстояло форсирование реки Невы и прорыв обороны немцев на левом берегу. Это возлагалось на 136-ю стрелковую дивизию генерала Н.П.Симоняки и части 67-й армии Ленфронта генерала Духанава.

К югу от Шлиссельбурга находилась 170-я фашистская гренадёрская дивизия. Она прошагала через всю Европу, штурмовала Севастополь. Позиции она занимала выгодные, крутой обрывистый берег высотой десять–двенадцать метров. Чтобы их штурмовать, надо было форсировать широкую Неву, вскарабкаться на крутой берег под шквальным огнём. Этот Синявинский выступ немцы называли «фляшенхальс» (бутылочное горло).

К наступлению готовились все, от солдата до генерала. Сам генерал Симоняк переходил Неву, взбирался на берег у села Рыбацкого и давал сигнал: «В атаку!». Мгновенно стрелки прыгали на лёд, через ледовые торосы и полыньи карабкались на крутой берег, где стоял комдив. Он смотрел на часы.

– Десять минут, – отмечал он, – многовато. Надо за пять–шесть минут преодолеть!

Тренировка продолжалась. Командующий фронтом генерал Л.А.Говоров предложил уничтожить укрепления на левом берегу орудиями прямой наводкой.

Разведку огневых вражеских точек поручили художнику Никифорову. Он лично сам обследовал левый берег, потом зарисовал все проволочные заграждения, артиллерийские точки, и преподнёс четырёхметровое полотно генералу Симоняке. Это полотно передали артиллерийским командирам. Там было нарисовано шестьдесят вражеских огневых точек. На эти цели было наведено более девяноста орудий прямой наводкой.

Много укреплений построили немцы за четырнадцать месяцев, надо было все преодолеть, разрушить, уничтожить.

12-го января 1943 года в 9 часов 30 минут десятки орудий обрушили разом тонны смертоносного металла на немецкие укрепления вдоль левого берега Невы. Могучий гул разносился на несколько километров, будто земля раскалывалась под ногами. Этот стон не прекращался в течение двух часов, затем артиллерия стала крушить более глубокие укрепления.

После артподготовки спустились на лёд штурмовые группы 136-й дивизии. Перескакивая через торосы тонкого льда, бойцы в считанные минуты преодолели Неву и с помощью багров, штурмовых лестниц и кошек стали карабкаться по отвесному берегу реки. Двенадцатиметровая крутизна была преодолена за семь–десять минут. Советские бойцы ворвались во вражеские укрепления, уничтожали проволочные заграждения, забрасывали гранатами укрепления и переходы, убивали уцелевших гитлеровцев. А в это время с правого берега реки доносились могучие звуки «Интернационала» с помощью мощных звуковых усилителей. Воодушевлённые бойцы неслись стремительно, не оглядываясь назад. Некоторые падали, окрашивая кровью серебристый снег. Немцы сопротивлялись ожесточённо, упорно цепляясь за все укрепления, траншеи, овраги, здания, переходили в контратаки.

Одновременно перешёл в наступление Волховский фронт у Синявина, здесь тоже шли ожесточённые бои. Наша штурмовая авиация уничтожила восемь железнодорожных составов с боеприпасами, прибывших на подкрепление. Вагоны рвались с огромной силой. Немцы стягивали сюда все свои резервы. Перебросить с других фронтов не могли, шли ожесточённые бои под Сталинградом, на Дону, Северном Кавказе, в Восточной Украине.

В первый день боёв 136-я дивизия Симоняки продвинулась на три километра и закрепилась. В последующие дни бои не утихали.

17-го января был шестым днём боёв прорыва блокады Ленинграда. Продолжали пробивать брешь в укреплениях фашистов. Сильные бои шли у рабочего посёлка № 1. Здесь фашисты упорно сопротивлялись, сосредоточив крупные резервы.

18-го января в полдень взвод разведчиков из 136-й дивизии встретился в посёлке № 5 с бойцами батальона 18-й дивизии Волховского фронта. Встреча была радостной, бойцы и командиры обнимались, бросали шапки вверх.

В это время в воздухе находились лётчики 12-й КОИАЭ. Они так же радовались победе над врагом, мужеству и стойкости фронта и тыла Ленинграда, который выстоял и победил.

В прорыве блокады участвовали все лётчики 12-й КОИАЭ:

Г.Г. Бегун, А.А. Трошин, Н.П. Хромов, И.Ф. Гореликов, Н.Г. Медведев, Б.С. Копьёв, В.И. Корнилов, А.А. Бреславский, Г.А. Уваров, В.Г. Рябошапка, И.И. Королёв.

Лётчики Гореликов и Копьёв сбили по одному вражескому самолёту Me-109.

В ходе наступления наших войск были разгромлены четыре немецкие дивизии, два пехотных полка, один мотоотряд и частично одна пехотная дивизия. Взяты в плен 1261 солдат и офицеров. Уничтожено 470 блиндажей, 25 опорных пунктов.

Уничтожено и подавлено 172 артиллерийских и миномётных батарей противника. Взяты трофеи: 222 орудия, 178 миномётов, 512 пулемётов, 5020 винтовок, 4 шестиствольных миномёта, 26 танков, 9 бронемашин, 40 различных складов с боеприпасами и продовольствием. На поле боя враг оставил более 13 000 солдат и офицеров.

В этот день был освобождён Шлиссельбург, очищено от фашистов всё южное побережье Ладожского озера. Пробит вдоль берега коридор шириной 8-11 километров, по которому была восстановлена сухопутная связь Ленинграда со страной. Железная и автомобильные дороги были восстановлены после прорыва блокады за семнадцать суток. Мост через Неву длиной 1300 метров был построен за одиннадцать дней. Несмотря на то, что фашисты нарушали трассу более 1200 раз, было сброшено ими более 1000 бомб, поезды шли по Дороге Победы.

Первый грузовой поезд промчался 5-го февраля в 12 часов дня. После этого улучшилось снабжение города Ленинграда, Ленинградского фронта и Балтийского флота.

За мужество и героизм были награждены орденами и медалями свыше девятнадцати тысяч воинов, двадцать пять получили звание Героя Советского Союза.

Дальше гнать фашистов не хватило сил. Советские войска Ленинградского и Волховского фронтов перешли к активной обороне.

ПЛАЧ ПО ПОГИБШИМ

Погибший старший брат Я.М.Вьюгина Иван Михайлович Вьюгин со своей женой Агафьей. 1939 г. Заготовленную мужем поленицу дров перед уходом на фронт Агафья берегла до конца жизни.

**Победу живые не делают,
её пополам делают живые и мёртвые.**

К.Симонов.

«Здравствуй, мой дорогой Егорушка. Пишу тебе со слезами на глазах. У нас большое горе, непостижимое уму. Вчера пришла похоронка на твоего брата Ивана. Её получила Агафья.

Долго не могли привести её в чувство. Сегодня я получила письмо от брата Григория. Он сообщает о гибели Серёжи. Не стало твоего старшего брата Ивана, ему и тридцати не исполнилось, а моему брату Серёже едва восемнадцать. Никогда не забыть, как Иван радовался, когда мы приезжали в Гарт, какой он был трудолюбивый, добрый. О нём сообщил наш земляк Владимир Беляков. Он писал, что в боях под Москвой они всегда были вместе. Шли в атаку рядом. А когда вышли из рукопашной, Ивана он больше не видел. Серёжа после Кочкуровской школы поехал в подмосковную Кубинку к брату Григорию. Там он прошёл курсы танкистов, защищал Москву. Сообщили, что он сгорел в танке. Егорушка, ты не представляешь, какая настала жизнь в селе. В каждом доме похоронка, как при-

дёт почталъон, плач то в одном конце села, то в другом. Мне тяжело без тебя. Живу в школе с Ниночкой, работы много, веду все классы. Кроме меня учителей нет, все на фронте. Дети стараются учиться. Им тоже достаётся, запрягают лошадей, косят, пашут, убирают урожай наравне с женщинами. И это в одиннадцать, двенадцать лет. Ниночку все любят, она со мной на уроках. Играет тихо, понимает всё, не капризничает. Иногда приходит Агафья с дочкой, Тонюшке недавно четыре годика исполнилось. Теперь они остались без кормильца».

Такое письмо получил Егор от жены.

«Здравствуй, братка, – пишет младший брат Егора школьник Коля, – вчера мы получили похоронку на Васю, нашего брата. Он тоже воевал под Ленинградом в лыжном батальоне. Подробности не сообщают. Мама ещё не оправилась от похоронки на Ивана, был сердечный приступ, а тут похоронка на Васю. Мы с Валею всю ночь возле неё сидели. Я всё стараюсь делать по дому, рублю дрова, сено заготавливаю, весной пахал, научился плести лапти. Братка, побей скорее фашистов, приезжай».

Вот такие письма получали фронтовики. Горько было на душе, утраивалась ненависть к фашистам, желание гнать ненавистных завоевателей.

Кончится война, и родственники будут искать могилки погибших воинов. Неприметные холмики остались везде, где ступала фашистская нога. Многие могилки остались без надписей, заросшие травой.

Егор побывает на мемориальных кладбищах Ленинграда, Пискаревском и Серафимовском.

Пискаревское находится на Выборгской стороне. Здесь захоронены ленинградцы, жертвы блокады Ленинграда 1941–44 годов, воины Ленинградского фронта. В братских могилах лежат около 470 тысяч человек. Наибольшее число умерших пришлось на зиму 1941–42 годов. Только за одни сутки 15-го февраля на Пискаревское кладбище привезли 8452 умерших, 19-го февраля – 5569, 20-го февраля – 10043.

*Лётчик 12-й КОИАЭ Григорий Андреевич Горюнов.
Погиб 23 января 1943 г. в бою с Ме-109 над Мгой.
Сопровождал самолёты – Пе-2. Фото 10.11.1942 г.*

На Серафимовском мемориальном кладбище захоронено более 100 тысяч, погибших в 1941–44 годах. Это только в самом Ленинграде захоронено. Во всех сёлах и городах, деревнях и рабочих посёлках стоят памятники, монументы, стеллы,obelisks, неугасающие огни. Они будут здесь вечно напоминать о подвигах и страданиях советского народа, спасшего от фашистской чумы человечество всей планеты. Они будут напоминать о таящейся опасности. От корней фашистских выродков остались отростки, они живучи, задача грядущего поколения быть бдительными, не допустить, чтобы фашистская нечисть снова подняла голову и принесла народам горе и разорение.

ПРИКАЗЫ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ

В суровое лихолетье их читали и слушали стоя, как молитву, затаив дыхание. Вести о победах на фронте приносили радость, улыбку на скорбных лицах. Шёл смертный бой с ненавистными поработителями за честь, независимость, за свою Родину. Для бойцов и командиров это было священо. Для работников тыла слова «Всё для фронта, всё для победы!» были не лозунг, это была присяга на верность Родине. Судьба Родины зависела от положения на фронте, победы и неудачи отражалась в приказах. Их подписывал Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза Иосиф Виссарионович Сталин. С его именем были связаны скорби и радости, ему верили, как только могут верить русские люди, искренне, всей душой, безоговорочно. В жарких боях звучали слова «За Родину!», «За Сталина!». Имя его писалось на танках, на боевых самолётах, на стволах орудий.

Сталин был Генеральным секретарём ЦК ВКП/б с 1922 года до конца своей жизни, марта 1953г. Под его руководством проходила индустриализация страны, укреплялась оборонная мощь. За десять-пятнадцать лет до войны было отставание по всем показателям на 50-100 лет. Накануне войны Советский Союз занимал по машиностроению второе место в мире и первое в Европе. Страна уверенно набирала темпы развития, люди были уверены в завтрашнем дне, верили, что все трудности временные, скоро пройдут, впереди ждёт счастливое будущее. Труд считался подвигом, 7-го сентября 1928 года Постановлением ЦИК СССР утверждён Орден Трудового Красного Знамени. Трудовая страна была похожа на строительную площадку.

У Сталина была чёткая логика, прекрасная память, упорство и настойчивость. Его непосредственное участие в Тегеранской конференции 1943 года, Крымской и Берлинской в 1945 году сыграло решающую роль в достижении положительных результатов.

Он был беспощаден к провинившимся работникам аппарата, все знали, что за взятки, казнокрадство, стяжательство, растрату народного добра пощады не будет. Сам же в быту он был очень скромнен, его денежное месячное содержание оставалось почти не израсходованным. Когда накопилась солидная сумма, Нарком финансов Зверев обратился к Сталину с вопросом, куда девать эти большие средства.

– Вот я тоже думаю, товарищ Зверев, куда их девать? – ответил Сталин.

Вместе они решили на эти деньги учредить Сталинскую премию и награждать ею за достигнутые успехи в науке и изобретениях.

Величайшие заслуги Сталина в Великой отечественной войне признавали все народы мира, руководители всех государств.

Премьер министр Великобритании Уинстон Черчилль никогда не был другом Сталина, но 8-го сентября 1942 года, выступая в британском парламенте, сказал:

– России очень повезло, что когда она агонизировала, во главе её оказался такой жёсткий военный вождь. Это выдающаяся личность, подходящая для суровых времён. Человек неисчерпаемо смелый, властный, прямой в действиях и даже грубый в своих высказываниях... Однако он сохранил чувство юмора, что весьма важно для всех людей и народов, особенно для больших людей и великих народов.

Сталин так же произвёл на меня впечатление своей хладнокровной мудростью при полном отсутствии каких-либо иллюзий. Я надеюсь, что заставил его поверить в то, что мы будем верными и надёжными соратниками в этой войне, но это, в конце концов, доказывается делами, а не словами.

И только после войны, когда начали анализировать, выявлять ошибки и просчёты, стала чётко вырисовываться картина хода войны. Стали возникать вопросы, можно ли было избежать таких потерь, почему мы не были готовы к войне, которая была очевидной. Зачем нужны были жестокие репрессии, расстрелы, ссылки до войны и после, почему страна оказалась на грани уничтожения. На эти вопросы ещё пока нет достоверного ответа. История очень неохотно открывает свои тёмные стороны и не всегда выдаёт свои тайны.

Сталин служил своей стране, согласно своему характеру и представлению об этом. На этом пути много было сделано серьёзных промахов и ошибок, граничащих с преступлением, причиной этому была неограниченная власть, культ личности, созданный и поддерживаемый его окружением, жестокий, коварный, кавказский характер, выкованный в ссылках и тюрьмах трёх революций и беспощадной гражданской войны. Нашему поколению трудно было поверить, что промахи и ошибки Сталина были преднамеренны. Когда Сталин умер, вся страна была в трауре, и только спустя много лет, постепенно стала раскрываться истинная сущность этого человека, кредо которого было «нет человека – нет проблемы», «лес рубят – щепки летят».

На своём поприще всеми известными и доступными ему средствами, не щадя жизни вверившихся ему людей, он крепил и преумножал материальное благосостояние страны, твёрдо держался политики сплочения государства, отдавал все силы и помыслы на укрепление мощи и обороноспособности крепкой державы, недоступной для врагов. Должно пройти немало времени, чтобы потомки смогли проанализировать и дать подлинную оценку деятельности этого выдающегося человека своего времени.

ОДИННАДЦАТЫЙ ИСТРЕБИТЕЛЬНЫЙ АВИАПОЛК

В марте 1943-го года произошли большие изменения в 12-й КОИАЭ. По приказу НК ВМФ был сформирован новый истребительный авиаполк. Полку присвоили номер 12, боевое знамя с орденом Красного Знамени передано в новый полк, который стал называться 12-м Краснознамённым истребительным авиаполком, 12-м КИАП.

Весь личный состав 12-й КОИАЭ был передан на усиление прибывшего из Краснознамённого Черноморского флота 11-го истребительного авиаполка. Лётчики и техники стали привыкать к новому месту назначения. Об одиннадцатом истребительном они узнали по рассказам: полк проходил формирование во время войны при училище имени Сталина в городе Ейске в 1941 году. 30-го сентября 11-й ИАП получил боевое крещение в Крыму при защите Севастополя, города морской боевой славы, но не долго вёл боевые действия на юге. 13 января 1942 года все самолёты погрузили на платформы, железнодорожный эшелон отправили на Балтику.

2-го февраля состав прибыл в Богослово. Командир авиаполка майор Иван Михайлович Рассудков имел среди личного состава большой авторитет. В короткий срок тридцать два самолёта И-16 были подготовлены к боевым действиям. Весь личный состав горел желанием мстить ненавистным фашистам, которые лишили радостей жизни, заставили оторваться от семей, воспитания детей, встреч с любимыми. Молодой лётчик Стрельников, выступая на митинге, сказал:

– Фашисты убили моего отца, я буду мстить за него, за все страдания, которые они принесли нашему народу.

На борту его самолёта была надпись «За смерть отца!»

24 апреля 1942 года двенадцать самолётов И-16 поднялись в воздух на охрану кораблей Краснознамённого Балтфлота. Группу вёл командир 11-й ИАП майор Рассудков. Облачность редкими разрывами была благоприятной для нападения вражеских самолётов на корабли. Такую погоду лётчики в шутку называли «воровской». Она даёт возможность незаметно подойти к цели.

Разбились на две группы, одна над облаками, другая под облаками. Стали поджидать противника.

Капитан Василий Павлович Жариков и старшина Ломакин заметили разрывы зениток и немедленно пошли к месту разрывов. Здесь они обнаружили пятнадцать вражеских самолётов Ю-87, которые цепочкой кралась к кораблям.

– Не пройдёте! – сказал капитан Жариков.

После его первой атаки хвостовой самолёт цепочки камнем пошёл вниз.

– Есть один стервятник!

Атаковал второго с короткой дистанции. Фашист заметался, оставляя след чёрного дыма.

– Нельзя упустить подбитого фашиста!

Свинцовые трассы прошли корпус врага, самолёт начал беспорядочно падать в залив около Петергофа. Сержант Ломакин прикрывал Жарикова от нападения истребителей. Выше их вели бой с «мессерами» остальные наши самолёты. Они сковали боем «мессера», давая возможность Жарикову и Ломакину делать своё дело.

28-го мая поступило задание сопровождать самолёт ТБ-3 с ценным грузом, который следовал в Ленинград. На его сопровождение вылетели четыре самолёта И-16, ведущий лётчик Ковалёв.

У мыса Осинец их атаковали десять самолётов Ме-109. Ковалёв принял бой с трижды превосходящим противником. Его группа: Цыганков, Еремянц, Баркаев и сам Ковалёв пошли в атаку и с дистанции пятьдесят метров открыли огонь по ведущему фашисту. От метких ударов главарь камнем полетел вниз у маяка Кареджи. Потеряв ведущего, остальные замешкались. Один из пиратов, увлечшись атакой, близко подскочил к паре сержанта Еремянца. С дистанции пятьдесят метров он был атакован этой парой. Противник хотел горкой выйти из атаки, но завис. Еремянц в это время расстрелял его в упор. Враг камнем рухнул у мыса Осинец. В этом бою был подбит третий Ме-109, но его спасла близость аэродрома, на котором они временно базировались.

Вечером чествовали победителей, тепло жали им руки. Спустя неделю коммунисту Ковалёву и комсомольцам Еремянцу, Цыганкову, Баркаеву были присвоены правительственные награды.

Пятого июля шестёрка истребителей, ведущий – лейтенант Татаренко, ведомые – лейтенант Ковалёв, сержанты Мокшин, Козлов, Петрунин и Цыганков, сопровождали бомбардировщиков. Выполнив задание, они легли на обратный курс. Вдруг они заметили, как два фашистских истребителя пересекли их курс. Ведущий Татаренко покачал крыльями, что означало «повысить внимание». Фашисты шли на сближение. Видны были белые кресты и паучья

свастика. Завязался бой на виражах. Самолёты И-16 на виражах были увёртливее. Первая тройка сбила одного фашиста, второй самолёт хотел удрать, но не прошло – загорелся и рухнул в лес. На помощь фашистам подошла вторая пара. Видя исход боя, они оказались благоразумнее, предпочли не вмешиваться. В этом бою было уничтожено два истребителя Моран-406 французского производства, которые раньше не появлялись здесь. Лейтенант Дмитрий Митрофанович Татаренко привёл свою шестёрку на свой аэродром. Перед посадкой сделал «горку», что означало победу.

Третья эскадрилья, где командиром был майор Константин Гаврилович Теплинский, военком сначала Савин, затем политрук Титов, славились мастерами воздушного боя, Ковалёвым, Ломакиным, Цыганковым, Камышниковым и Еремянцем. Ещё эскадрилья славилась дружбой между лётчиками и техниками. Можно было позавидовать дружбе лётчика Ковалёва с механиком Щукиным, лётчика Ломакина с механиком Кулаковым. Эта дружба рождала успехи в бою, боевое братство.

В августе 1942 года третью эскадрилью провожали в 21-й полк по решению Военного Совета. Этот слаженный коллектив и там продолжал быть в авангарде, за короткий срок было уничтожено в воздухе до тридцати самолётов. Лётчик Ковалёв сбил восемь, Ломакин – пять, Еремянц – четыре, Цыганков – три самолёта.

На её место пришла вновь сформированная эскадрилья со старыми самолётами И-15 бис. Лётчики этой эскадрильи были из старослужащих, побывавших во всех ситуациях, майор М.С.Панфилов, майор А.Ф.Бурдин, капитан А.А.Мироненко, капитан С.С.Беляев, старшие лейтенанты, дважды орденоносцы Петров и Петрухин, лейтенанты Татаренко, Ткачёв, Сусанин, Перегудов, Волков, Козлов и другие. Они много бед принесли белофиннам на Ладожском озере.

14 августа 1942 года проведена ночная штурмовка по скоплению морских транспортов в бухте Сантарлахте, там наращивались силы для высадки морского десанта. Надо было сорвать их замысел.

В сумерки поднялись четыре самолёта, ведомые заместителем командира полка майором Михаилом Сергеевичем Панфиловым. Группа скрытно подошла к бухте. Зенитчики открыли по ним бешеный огонь. У причалов стояли буксиры, катера, баржи. На берегу было готово к отплытию большое количество наземных войск. Надолго запомнили белофинны эту ночь. Операция по высадке десанта была сорвана. Все самолёты вернулись на свой аэродром.

В этой операции участвовали молодые лётчики Козлов, Мошкин и Салов. Им впервые пришлось совершить ночные полёты.

24-го августа шесть самолётов снова штурмовали эту бухту. Вёл шестёрку майор М.С.Панфилов. В группе были: майор А.Ф.Бурдин, лейтенант

Д.М.Татаренко, младшие лейтенанты Козлов, Мошкин, Волков. В бухте шла погрузка барж. От семи катеров и шести барж полетели в воду доски развороченных бортов и ящики с грузом.

От разрыва зенитного снаряда был ранен в лицо лётчик Волков. Сорвали очки, встречный поток воздуха слепил глаза, но он продолжал лететь. Молодым лётчиком управляла воля, выдержка, чувство долга. За выполнение этой операции он был награждён орденом Красного Знамени. В этом бою был ранен майор М.С.Панфилов.

Так сражались балтийцы на старых самолётах И-15 бис.

В числе отважных лётчиков, летавших на И-15 бис, был военком авиаэскадрильи батальонный комиссар Андрей Фомич Ганжа. Иногда ему поручали задания выполнять самостоятельно, в отрыве от полка, и всегда ему сопутствовала удача. Вместе с командиром эскадрильи они сумели сколотить боевой коллектив, воспитать веру в свой самолёт и его непобедимость. Второго августа 1942 года А.Ф.Ганжа был награждён орденом Красного Знамени. (По данным Центрального Военно-морского архива ф.88, оп.2).

Позднее Андрей Фомич был переведён в 4-й Гвардейский авиаполк заместителем командира авиаполка.

Враг рвался штурмом овладеть родным Ленинградом. Шла переброска большого количества самолётов на передовые аэродромы, переброска свежих сухопутных сил.

В сентябре армия Волховского фронта перешла в наступление, фашисты отбивались контратаками.

Третьего сентября был крупный налёт фашистов на Волхове. На отражение налёта вылетела дежурная пятёрка во главе с командиром полка майором И.М.Рассудковым. Фашисты успели сбросить бомбы на город, возникли очаги пожаров.

Пятёрка советских истребителей встретилась с восемью фашистскими истребителями Ме-109. Пользуясь преимуществом в количестве, фашисты пытались расчленивать пятёрку, уничтожить поодиночке. Их попытка не удалась. Майор Рассудков отбивает атакующих Ме-109, которые наседали на командира второй эскадрильи майора Бурдина, но и сам попадает под огонь других «мессеров». Его спасают лётчики Бурдин, комиссар Гирич, младший лейтенант Козлов и сержант Мошкин. Они поочередно нападали на «мессеров», связывали их боем, не давая возможности вести прицельный огонь.

Покуда шёл бой с «мессерами», истребители соседнего полка армейской авиации громили подходивших фашистских бомбардировщиков, вынуждая их беспорядочно бросать бомбы и уходить на свою территорию.

В этом бою шесть бомбардировщиков Ю-88 нашли себе могилы на подступах к Волхову.

Пятёрка самолётов И-16 вернулась на свой аэродром. Командир полка майор Рассудков был ранен в ногу, но самолёт посадил без аварии. Он чудом остался жив, самолёт имел четыре снарядные пробоины и десять пулёмётных, повреждён руль высоты, пробит маслобак.

Краснозвёздные истребители 11-го авиаполка постоянно совершенствовали своё боевое мастерство, тактику боя. Жизнь подсказывала разгадывать замысел врага и навязывать ему свои формы боя. Лётчикам Ме-109 было выгодно вести бой на виражах. Французские самолёты «мораны» были маневренны, сбивать их было лучше на полувертикальном маневре.

Организирующая роль в изучении теории применения формы боя принадлежала штабу. Занятия с лётчиками вели опытные штабисты, майор Д.Ф.Кичинский был с большим тактическим кругозором, командир по оперативной части майор Силин и командир по разведке капитан Голосенко были грамотными офицерами, оба закончили военные академии, в занятиях использовали учебный материал, который готовили сами. Они умели вовремя подхватить и передать своим лётчикам новые тактические приёмы ведения боя.

24 сентября прошла тактическая конференция по ведению воздушного боя с бомбардировщиками и истребителями противника. Майор Куприн и капитан Беляев делали доклады по ведению воздушного боя. Все лётчики остались довольны таким учением.

Продолжались бои с вражескими войсками на земле и воздушными пиратами в воздухе.

В землянку, где находились лётчики в промежутках между полётами, пришёл почтальон и принёс письмо лётчику Петру Козлову из оккупированной Белоруссии от дяди. Он сообщил, что отец Петра ушёл в партизаны, а мать сожгли и сестру убили за то, что они не выдали партизан. Невесту закопали живой за то, что убила немецкого офицера, который пытался её изнасиловать.

«Стонет наша земля белорусская под грязным сапогом. Кровью детей, женщин, стариков заливают её враг, сёла превращаются в развалины. Петя, ты не верь, если тебе скажут, что фашисты люди – у них только вид людей. Это двуногие чудовища. Их нельзя сравнить даже с дикими зверями. Бей их, Петя, мсти за мать, за сестру, за Маню, любовь твою. Кланяется тебе твой дядя Кузьма Козлов».

Это письмо дошло до всего личного состава, все дали клятву отомстить врагу за его злодеяния. Лётчик Пётр Козлов не просто уничтожал фашистов, он мстил за погубленную семью, за истерзанную свою Родину.

30 октября 1942 года 11-й авиаполк праздновал славную годовщину. Командир полка майор Иван Михайлович Рассудков подвёл итоги, которые огласил на собрании всего личного состава. Они были внушительны.

Лётчики полка совершили 7965 боевых самолётных вылетов. Уничтожено 16 вражеских самолётов различных типов, пехоты противника более 13 000 солдат и офицеров, 14 зенитных батарей.

За боевые действия и проявленную отвагу были награждены:

Капитан полка Филаретов, командир полка Рассудков. Второй орденом Красного Знамени получил старший лейтенант Петров, лейтенант Татаренко. Орденом Красной Звезды награждены лейтенант Козлов и военком Ганжа.

К началу 1943 года в воздушных боях было уничтожено 15 самолётов противника различных типов.

14 января 1943 года. Ленинградский и Волховской фронты перешли в наступление по снятию блокады Ленинграда.

Первую шестёрку повёл в бой капитан Петрухин. С ним были лётчики: Гончаров, Сусанин, Готальский, Мануйленко и Никулин. Погода была явно нелётная. Был снегопад, низкая облачность. В этот день лётчики 11-го ИАП совершили пятьдесят самолётных вылетов.

18-го января по радио сообщили, что блокада Ленинграда прорвана.

Полёты по уничтожению фашистских оккупантов продолжались.

В апреле 1943 года командиром полка был назначен майор К.Г.Теплинский, начальником штаба оставался капитан М.С.Панфилов. Майор И.М.Рассудков находился на излечении после ранения.

В задачу полка входило прикрытие кораблей Краснознамённого Балтийского флота на базах: Новая Ладога, Кабона, Леднёво, Морье, Осиновец и прикрытие железнодорожного узла Волховстрой.

Первая и вторая авиаэскадрильи базировались на аэродроме Новая Ладога, третья – на аэродроме Выстав. Командиром третьей авиаэскадрильи был майор Константин Тихонович Капшук. Это был энергичный и боевой командир-лётчик. Сам водил в бой своих подчинённых.

20 апреля сдали самолёты И-15 бис и получили новые МиГ-3. Переучивание проходило без отрыва от выполнения боевой задачи по охране «Дороги жизни».

Лётный состав, прибывший из 12-й КОИАЭ, нёс всю тяжесть по выполнению боевых задач по охране «Дороги жизни». Лётчики А.Трошин, Г.Бегун, Н.Малеев, И.Королёв, А. Бреславский, В.Рябошапка делали по несколько вылетов в день, сбивали пять самолётов противника. В ночь с 27-го на 28-е мая 1943 года в ночное дежурство заступили лётчики 11-го ИАП капитаны Г.Г.Бегун и А.А.Трошин. В 24.00 был дан сигнал на вылет.

В воздухе Трошин услышал по радиопередатчику о нахождении над базой летающих вражеских самолётов. Через пятнадцать минут он настигает врага и меткой очередью сбивает одного Ю-88. Жители города Новая Ладога, услышав взрыв от падения самолёта, были в волнении, чей самолёт сбит, свой или вражеский. Немного погодя, падает второй самолёт.

– А это чей? – спрашивали горожане друг друга.

Второй тоже был вражеский, сбитый А.Трошиным. Две победы!

Григорию Бегуну вылета не дали.

Трошин приземлился. Его поздравляют, а он скромно в ответ:

– Кажется, двух сбил.

На аэродром утром прибыл командир Ладужской военной флотилии контр-адмирал В.С.Чероков. Он вручил Александру Трошину орден Красного Знамени. С тех пор все военные и гражданские знали Трошина, как Героя Ладоги.

Фашисты ночные полёты не прекращали.

Десятого июня 1943 года ночью были подняты двенадцать самолётов МиГ-3, ведущим был капитан Г.Г.Бегун. Через 20 минут полёта над Волховстроем, они встретили на высоте 5000 метров 60 вражеских Ю-88.

Увидев советских истребителей, враги переполошились, начали беспорядочно сбрасывать свой смертоносный груз и уходить, но поздно. Несколько атак, и три вражеских самолёта падают горящими на землю.

Расстреляв боезапас, лётчики вернулись на свой аэродром. В результате активных действий наших лётчиков, врагу нанесены большие потери, он был вынужден прекратить налёты на Новую Ладогу и Волховстрой. (Из рукописи «Истории 11-го ИАП», хранящейся в Московском отделении Центрального Военно-морского архива).

В июле 1943 года третья авиаэскадрилья 11-го ИАП поставили в оперативное подчинение 9-й штурмовой авиадивизии выполнять задачу прикрытия штурмовиков Ил-2 36-го авиаполка. В короткий срок штурмовики сделали 730 боевых вылетов в сопровождении истребителей 3-й авиаэскадрильи (АЭ).

Много было уничтожено живой силы и техники противника. Истребители 3-й авиаэскадрильи сбивали в воздушных боях два фашистских истребителя ФВ-190. Потерь штурмовиков не было. Выносились благодарности лётчикам 3-й АЭ от командования и лётчиков 35-го авиаполка. Во время штурмовок «илами-2», маленькие самолёты И-16, «ишачки», пикировали вместе с «илами» до бреющего полёта, чтобы не дать фашистам атаковать штурмовиков после их выхода из пике.

17-го июля штурмовики уничтожили фашистов в районе Синявских высот. По времени за 20 минут они должны были сделать два захода. Фашисты вели ураганный огонь из всех видов оружия, включая миномёты. «Илы» сво-

им смертоносным грузом подавляли огневые точки. Восемь самолётов И-16, ведомые майором К.Капшуком, прикрывали штурмовиков. На первом заходе подбили лётчика на И-16 М.И.Великанова, но он не выходил из боя. На втором заходе подбили лётчика В.С.Абрамова, но он тоже оставался в строю. На следующих заходах подбили М.С.Рассохина и И.В.Готальского. Штурмовики И-2 были невредимы, истребители И-16 взяли огонь на себя.

РАССКАЗ ЛЁТЧИКА Н.К. МАЛЕЕВА

1 июля 1943 года.

Четвёрка истребителей третьей эскадрильи 11-го авиаполка вела дежурство на земле: Иван Королёв, Анатолий Брославский, Владимир Гулаков и я, Николай Малеев.

Погода стояла отличная, и мы были уверены, что день будет жаркий. По телефону сообщили: летит группа немецких бомбардировщиков. Через две минуты мы успели взлететь. Стали ожидать врагов. Их обнаружили по разрывам снарядов наших зениток.

«Хейнкели» и «юнкерсы» шли плотным строем, всего их было около сорока. Мы хотели атаковать, но по радио получили сигнал: «Дать слово зенитчикам!».

Во время зенитного обстрела мы ждали расстройств боевого порядка, чтобы потом добить оторвавшихся. Строй вражеских самолётов рассыпался от непроходимой завесы огня кораблей и береговой артиллерии. Они стали беспорядочно сбрасывать бомбы и с разворотом уходить на свой аэродром.

Наступило время нашей работы. Атакуем. Немецкие стрелки открыли по нам огонь, не подпускают ближе. На самолёте Гулакова появилась пробоина на козырьке кабины. Мы с Королёвым атакуем Хе-111 и поражаем мотор. Затем преследуем его. После двух наших атак судьба «хейнкеля» была предопределена. Он упал в девяти километрах от Волховстроя. В это время самолёты Гулакова и Брославского получили сильные повреждения, вышли из боя и направились на свой аэродром.

А вот один воздушный бой, стоивший жизни нашему лётчику Шишкина.

Тридцать фашистских Ю-88 под прикрытием тридцати истребителей ФВ-190 шли бомбить железнодорожный узел Волховстрой. На отражение вылетели четыре МиГ-3, ведущий Г.Бегун, ведомые В.Рябошапка, Шишкин и я, Н.Малев. Высота 2000 метров.

«Фокера» стремятся связать боем наши самолёты, не допустить до своих бомбардировщиков. На низкой высоте вести бой с ними невыгодно, наши «миги» высотные. Бегун стремится затянуть фашистов на высоту, но

они разгадали его замысел, не пошли выше. Шесть «фокеров» пошли в атаку на меня сзади и сверху. Разворотом в сторону Бегун сбивает атаку. Завязался бой на вертикалях. Младший лейтенант Шишкин увлёкся боем и оторвался от ведущего Бегуна. Грубая ошибка Шишкина стоила ему жизни после атаки двух «мессеров». Бегун и двое ведомых продолжали вести неравный бой. Сбить фашистских самолётов не удалось, но они были скованы боем.

Молодые лётчики извлекли урок из этого боя: «Не отрывайся от ведущего!»

В 12-М КРАСНОЗНАМЁННОМ АВИАПОЛКУ

Как уже упоминалось, 12-я КОИАЭ вошла в состав нового полка, сформированного в марте 1943 года. Старожилы приняли эту перемену с грустью, не хотелось покидать свою воинскую часть, прошедшую славный боевой путь. Но боевая обстановка не давала времени долго грустить, лётчики и техники быстро освоились на новом месте. Капитан А.А.Мироненко, назначенный командиром нового 12-го КИАП, выполнял обязанности командира полка с присущей ему энергией, принимал пополнение из разных полков и училищ, давал распоряжения. Время было военное, за восемь отведённых суток на учебно-тренировочные полёты, лётчики могли летать самостоятельно на истребителях новой конструкции Як-7Б. Не только летать, но и выполнять боевое задание военного времени. Каждый лётчик сделал до пяти и более вылетов на новом самолёте. Капитан Мироненко проверял каждого, и получилось, что он находился в воздухе десять и более часов в день. Высокую оценку получили лётчики А.П.Скоморохов, И.И.Голосов, Д.Ф.Петрухин, В.А.Поскряков, Е.И.Сусанин и молодой лётчик Володя Мужук.

Прошло восемь суток, и командир полка А.Мироненко докладывал Командующему ВВС КБФ о готовности лётчиков 12-го КИАП вести активные действия на любом участке фронта.

Такие действия начались с сопровождения штурмовиков Ил-2 на передовые позиции. В районе Синявино операция продолжалась десять дней. Отважно выполняли задания лётчики С.С.Беляев, Д.Ф.Петрухин, И.И.Голосов, В.Я.Мужук, А.П.Скоморохов, В.А.Поскряков. Каждый вылетал не менее пяти раз в день. В одном из воздушных боёв В.Поскрякову удалось сбить ФВ-190. 7.09.1943 года лётчики Г.И.Петухов со своим ведомым сопровождал «илов». Их атаковали четыре Ме-109. Как ни пытались фашисты подойти к штурмовикам, ничего у них не получилось, не допустили краснозвёздные истребители, а Петухов сбил одного Ме-109.

Этот период вспоминает лётчик **В.Мельников**, ныне полковник запаса, доцент, кандидат военно-морских наук.

«Летом 1943 года я прибыл из училища на аэродром Каменка, где проходили стажировку лётчики 12-го КИАП. В училище я был командиром отряда, многие меня узнали, и я узнал многих. Тогда мы были курсантами, теперь боевыми лётчиками. В числе бывших курсантов был капитан С.Беляев. Стажировка проходила недолго, во второй половине июля началась операция по уничтожению опорных пунктов немцев в районе Синявинских высот и станции Мга. Мощные бомбостурмовые удары наносили штурмовики, их прикрывали лётчики 12-го КИАП на новых истребителях.

В этих боевых вылетах и я получил боевое крещение. Огненные смерчи «илов» беспощадно обрушивались сквозь завесы огня вражеских зениток на головы фашистских захватчиков, на скопище их орудий, машин. Мы нажимали на гашетки своих пушек, помня о главной задаче, не допустить к нашим штурмовикам гитлеровских истребителей.

Потом полк переключили на удары по кораблям противника в Финском заливе. Вместе со штурмовиками с аэродрома на Ораниенбаумском плацдарме действовали и лётчики 12-го КИАП. Особенно памятным был вылет 28-го августа 1943 года. Наша шестёрка «яков» во главе с капитаном С.Беляевым прикрывала восьмёрку «илов», которым предстояло нанести удар по кораблям противника вблизи острова Койвисто. Мы летели над морем, подёрнутым туманной дымкой. В районе цели я увидел, как к замыкающему «илу» в группе штурмовиков сверху ринулся вражеский истребитель. Мне удалось повернуть свой самолёт, догнать фашиста на пикировании и сбить его. Напарника его я не видел, но чувствовал, что он есть, и твёрдо был уверен, что его отгонит мой ведомый младший лейтенант В.Мужук. Так оно и получилось. Выполнив задание, мы с Володей Мужуком попали в дружеские объятия экипажа штурмовика, который был нами спасён. Я радовался, прибавился ещё один самолёт фашистов, сбитый собственными руками.

8. 09. 1943 года был неравный бой четырёх советских истребителей против восьми Me-109. Бой был жарким и решительным, четвёрка сражалась мужественно. В неравном бою погиб Владимир Яковлевич Мужук, любимец всей эскадрильи. В этот же день было написано письмо матери Володи, зачитанное на митинге личного состава. Здесь краснознамёнцы поклялись ещё крепче бить немецких захватчиков, мстить за смерть боевого друга.

15. 09. 1943 года коммунист Евгений Сусанин сдержал своё слово, данное на митинге, первым открыл счёт священной мести. В тот же день лётчики С.Беляев, И.Голосов, В.Скоморохов уничтожил ещё три фашистских самолёта. А Валерий Поскряков выследил немецкий истребитель на бреющем полёте и двумя меткими очередями отбил ему плоскость. В рапорте замполиту полка майору

А.И.Фёдорову Валерий писал: «Я отомстил за своего друга Володю, но не остаюсь на этом. Пока я жив, буду мстить проклятым фашистским извергам».

28-го сентября продолжая счёт мести за Володю Мужука, его воспитатель Д.Ф.Петрухин вогнал в землю на глазах всего личного состава разведчика Ю-88.

В этот же день группа лётчиков, ведомая капитаном С.Беляевым, уничтожила три самолёта ФИАТ-50. Молодой лётчик комсомолец Тимошенко одержал первую победу, сбив в лобовой атаке ФИАТ-50. В своём рапорте Тимошенко писал: «Это моя первая победа. Пусть будет она маленьким вкладом в большое дело нашего советского народа по уничтожению немецко-фашистских захватчиков».

В конце октября в одном из жарких боёв лётчик Фёдор Васильевич Селезнёв при подходе к цели отразил атаку самолёта противника, вступив с ним в решительный бой. Буквально своим телом он прикрыл штурмовика. Сбив фашиста, он сам был подбит и, не дотянув до своего аэродрома, сделал посадку на воду, где был подобран нашими катерами.

Таких примеров было много. Каждый боевой вылет приносил ощутительный урон врагу, приближая день победы, в который все непоколебимо верили.

19 января 1944 года войска Ленинградского фронта овладели городами Красное Село и Ропша. Операция завершилась 27-го января полной ликвидацией блокады Ленинграда. Лётчики 12-го КИАП продолжали бить ненавистного врага. День 2-го апреля был «урожайным». Наши «илы» наносили удар по кораблям врага в бухте Кунда. Им не мешали немецкие Me-109, пять из них были сбиты истребителями. По одному сбили лётчики С.Беляев и его ведомый В.Тихомиров. Эти сведения из газеты «Советский моряк» за 21 ноября 1974 года.

НА БЫЧЬЕМ ПОЛЕ

В ходе наступления фашистов на Ленинград со стороны Финского залива, в 1941 году ими был захвачен Петергоф и прилегающие к нему районы. Петергофский парк они превратили в военное кладбище, где хоронили своих головорезов. Фонтан Самсона разрезали на части и увезли в Германию, разграбили музеи. Железная дорога, связывающая Ленинград с Ораниенбаумом, была перерезана. Только сам Ораниенбаум они взять не могли – упорно оборонялись моряки и корабельная артиллерия. Остался не занятый фашистами участок размером 65 километров по фронту и до 25 километров в глубину. Этот участок стал называться Ораниенбаумским плацдармом. Ему было суждено оставаться не захваченным вообще. Связь поддерживалась морским путём с островом Котлин, на котором стоит город Кронштадт.

Не раз пытались фашисты захватить Ораниенбаумский плацдарм, но так этого и не добились. Оборону держала Приморская оперативная группа Ленинградского фронта, командовал генерал-майор А.Н.Останин. В этой группе была 48-я стрелковая дивизия, 2-я и 5-я бригады морской пехоты и другие части. Позднее сюда были переброшены 98-я и 168-я стрелковые дивизии. Связь осуществлялась с помощью авиации и кораблей Краснознамённого Балтийского флота. Войсковые соединения прикрывали доступы к Ленинграду со стороны Финского залива, отвлекая на себя большие силы противника.

Впоследствии отсюда начала наступление 2-я ударная армия по окончательному изгнанию фашистов от Ленинграда. Для этого сюда были переброшены пять стрелковых дивизий, тринадцать артсоединений и частей, два танковых и один самоходный артиллерийские полки и танковая бригада. Доставлено морем боеприпасов и других грузов свыше 700 вагонов.

Для охраны плацдарма с воздуха была задействована армейская авиация и ВВС КБФ. В их число попала 3-я эскадрилья 11-го авиаполка. Третью эскадрилью посадили на аэродроме Бычье поле города Кронштадта. Самолёты перелетели, обслуживающий персонал перебросили самолётами гражданского флота. Оставались два авиатехника, которые выпускали самолёты на Бычье поле, Егор и М.Глебов. Вскоре за ними прилетел майор С.А.Чепиженко на самолёте ПО-2. Самолёт был двухместным, но техники вдвоём поместились во второй кабине. Полёт был недолгим, но безопасность не гарантировалась. Так перелетать техникам приходилось часто. Полёт проходил нормально, но вдруг самолёт будто куда-то провалился. Майор энергично действовал ручкой управления, самолёт был непослушным. Это было какое-то мгновение, но всем показалось, что прошла вечность. Только у земли, у самой земли Чепиженко выровнял самолёт в горизонтальное положение.

– Что случилось? – спросили техники у Чепиженко, когда прилетели на «Бычье поле».

– Самолёт попал в нисходящий поток воздуха, – ответил Чепиженко, – мне казалось, что вообще нам крышка.

Очень часто самолёты попадают в восходящие и нисходящие потоки воздуха. В восходящем потоке самолёт «подпрыгивает», а в нисходящем мгновенно проваливается вниз почти до земли.

Егор пошёл к своему самолёту, который стоял в капонири рейфуги. Сразу работ нашлось много. Поздно вечером техники пошли в землянку, куда их определили жить. Поначалу казалось всё в норме, но вот начался писк и возня крыс. Они жили между фанерой и брёвнами землянки. Ночью они выходили и начинали шнырять между железными кроватями. Однажды крыса укусила за ухо техника. Дальше так жить было опасно, крысы могли напасть и загрызть. Их надо было ликвидировать, а как? Отодрать фанеру – они перейдут

в другое место. Решили их травить. Пошли на склад ГСМ, попросили продукт Р-9, каким заправляют бензин, чтобы он не детонировал. На вид он был розовый с запахом яблок, но это был сильный яд. Из столовой каждый принёс по кусочку хлеба от положенной порции. Этот хлеб пропитали ядом и положили за фанеру. Через час началось чавканье, через другой начался такой страшный, душу раздирающий писк, что все техники выбежали из землянки. Затем всё притихло. На третий день появился такой запах, что невозможно было зайти в землянку. Пришлось отдрать фанеру. Там оказалось 148 трупов крыс. Убрали, снова пришили фанеру и забыли о крысах.

Самолёты летали по несколько раз в день. На самолёте Егора поставили большой фотоаппарат для фотографирования наземных вражеских объектов. Это было очень ответственно, при несостоявшемся вылете срывались полёты целой группы из шести самолётов. Фашисты нападали на военные корабли, надо было бороться за живучесть Военно-морского Балтийского флота, который базировался в Кронштадтской военно-морской базе, единственной на всей Балтике.

Лётчики уставали от перенапряжения, техники изматывались физически до изнеможения.

Егор стал думать, как бы ему найти ночлег возле самолёта. Наступила суровая зима. Это не лето, когда можно было немного отдохнуть под крылом своего самолёта. Возле рейфуги Егор обнаружил маленький закуток, где когда-то хранили расходные материалы и запчасти самолётов. Он решил приспособить его для жилья. Это лучше, чем склеп, в котором жил инженер эскадрильи Н.И.Метальников.

Егор застеклил маленькое окошко, отремонтировал дверь, поставил печку «бужуйку», натопил, и стало тепло. Не пошёл в землянку, это далеко. Через каждые два часа надо приходиться к самолёту и прогревать мотор, спать некогда. Всё хорошо, но тепло быстро уходило, Егор начал изобретать, что бы сделать такое, чтобы тепло держалось. Он нашёл подходящий камень и поставил его на железную печку. Ночью Егор лежал и блаженствовал. Тепло, и самолёт рядом, в любое время готов к вылету. Пламя от печки высветило принесённый камень. Мох на нём обгорел, стенки стали гладкими, Егору показалось, что на нём что-то написано. Он встал с топчана, стал внимательно присматриваться. На камне чётко проступали буквы: «Здесь покоится Мария Ивановна», далее даты рождения и смерти.

– Вот так так... – подумал Егор, – неужели я разорил могилку Марии Ивановны?

Всю ночь он не мог заснуть, три раза ходил прогревать мотор. Как только стало светать, Егор взял ещё тёплый камень и отнёс туда, где взял. Оказалось, аэродром находился на краю городского кладбища. Весной, когда стаял снег, Егор нашёл могилку и поправил на ней камень – памятник.

ПОЛНОЕ СНЯТИЕ БЛОКАДЫ ЛЕНИНГРАДА

Политинформация. Её ведёт старший техник звена 12-й КОИАЭ Михаил Зиновьевич Муслин. Четвёртый слева в первом ряду Я.М.Вьюгин.

Как уже сообщалось, 18 января 1943 года войска Ленинградского и Волховского фронтов в ходе наступления прорвали вражеские укрепления и соединились в рабочих посёлках №1 и №5. Таким образом, блокада Ленинграда была прорвана. Через коридор в 8-10 километров стали ходить железнодорожные поезда и по шоссейным дорогам двигались автомашины. Но не было полной гарантии безопасности, район станции Мга оставался в руках гитлеровцев, что угрожало их новым наступлением и новым сжатием блокады Ленинграда. В летних наступлениях фашистов сорваны были их планы восстановления блокады, советские войска очистили от фашистов Киришский район, завладели Синявским узлом обороны и этим улучшили положение вокруг Ленинграда.

После побед Советской Армии в Сталинграде, в Курской битве, Левобережной Украине и Донбассе, в битве за Днепр, настало время наступления под Ленинградом и Новгородом. Ставкой Верховного Главнокомандующего был разработан план наступления. В этой операции принимали участие Ленинградский, Волховской фронты, войска Прибалтийского фронта генерала

армии М.М.Попова в тесном взаимодействии с Балтийским флотом, Ладужской и Онежской военных флотилий, авиацией дальнего действия и партизанскими соединениями.

14 января 1944 года войска перешли в наступление с Ораниенбаумского плацдарма на Ропшу, а 15 января – от Ленинграда на Красное Село. 20 января после наступательных упорных боёв войска соединились в районе Ропши, ликвидировали окружённую петергофско-стрельниковскую группировку противника. Одновременно наступали войска в районе Новгорода и на люблинском направлении. 20 января освободили Новгород, 21 января противник начал отходить из района Мги и Тосно. К концу января были освобождены города: Пушкин, Красногвардейск, Тосно, Любань, Чудово, Новоскольники. 12 февраля советские войска совместно с партизанами овладели городом Луга. После успешного проведения наступления Волховской фронт был расформирован, Ленинградский и Прибалтийский фронты продолжали преследование противника, и к 1 марта вышли к границе Латвийской ССР.

В ходе наступления в Ленинградско–Новгородской операции были освобождены почти вся Ленинградская и часть Калининской области, советские войска вступили в пределы Эстонии. Предстоял разгром фашистов в Прибалтике и северной части Ленинградской области. Летом советские войска разгромили противника в районе севернее Ленинграда, была освобождена большая часть Карело-финской ССР. Северное крыло фашистов оказалось на грани полного разгрома.

Героическая оборона Ленинграда стала символом мужества и непобедимости советского народа, его морально-политического единства. Коммунистическая партия и Советское правительство высоко оценили мужество и героизм воинов Ленинградского фронта и моряков Балтийского флота, защищавших Ленинград. Свыше 350 тысяч солдат, офицеров и генералов Ленинградского фронта были награждены орденами и медалями, 226 из них присвоено звание Героя Советского Союза. Всего было награждено вместе с Волховским, Карельским фронтами, с присвоением звания Героя Советского Союза 486-ти бойцам, в том числе 8-ми бойцам дважды. Была учреждена медаль «За оборону Ленинграда», которой было награждено 1,5 миллионов человек. (Данные Энциклопедии Великой Отечественной войны 1941 – 45 гг.).

Надо отдать должное советским полководцам, которые вкладывали все силы и знания в подготовку и ведение боёв в обороне города Ленинграда. Вспомним их поимённо:

Командовал Ленинградским фронтом генерал армии Леонид Александрович Говоров, участник Гражданской войны, 1897 года рождения. В 1933 году окончил Военную академию им.М.В.Фрунзе, в 1938 году – Военную ака-

демию Генштаба, в 1941 году был начальником Артиллерийской академии им.Ф.Э.Дзержинского, с апреля 1942 года командовал группой войск Ленинградского фронта, с июня 1942 года – Ленинградским фронтом.

Член Военного совета был генерал-лейтенант Андрей Андреевич Жданов.

Начальник штаба – генерал-лейтенант Дмитрий Николаевич Гусев.

Командующий Волховским фронтом генерал армии Кирилл Афанасьевич Мерецков, 1897 года рождения, участник Гражданской войны. В 1921 году окончил академию РККА. С 1939 года – командующий Ленинградским военным округом, с 1941 года зам. Наркома обороны СССР, с мая 1942 года – командующий Волховским фронтом. В 1940 году ему присвоено звание Советского Союза, в 1944 году – звание Маршала Советского Союза.

Член Военного совета генерал-лейтенант Терентий Фомич Штыков.

Начальник штаба – генерал-лейтенант Фёдор Петрович Озеров.

Командующий Краснознамённым Балтийским флотом адмирал Владимир Филиппович Трибуц, рождения 1900 года, участник Гражданской войны. В 1932 году окончил Военноморскую академию. С 1939 года – командующий Балтийским флотом. В ходе войны участвовал в обороне Таллина, Моонзундских островов, острова Ханко, в битве за Ленинград, в операциях по прорыву блокады, во многих операциях в Прибалтике, Восточной Пруссии и Восточной Померании.

Член Военного совета контр-адмирал Николай Константинович Смирнов.

Начальник штаба контр-адмирал Анатолий Николаевич Петров.

Заместитель командующего Волховским фронтом генерал армии Иван Иванович Федюнинский.

Командующий Ладужской Военной флотилией с октября 1941 года по сентябрь 1944 года контр-адмирал Виктор Сергеевич Чероков. В 1939 году окончил Военно-морскую академию, в 1950 году – Военную академию Генштаба.

Командующий Военно-воздушными силами Краснознамённого Балтийского флота генерал-майор авиации Михаил Иванович Самохин с 15 июля 1941 года по 9 мая 1945 года. Последнее звание – генерал-полковник авиации.

ПОГОНЫ

Война с фашистами уносила много жертв. В то же время она многому научила. В суровых боях выросла политическая закалка и боевое мастерство командиров, всего личного состава Советской Армии. Во всех родах войск был приобретен практический опыт в организации наступления, обороны, обеспечении всем необходимым, создании резервов.

Изменилась и тактика ведения боёв. После боёв, закончившихся победой Советской Армии, противник стал меньше рассчитывать на внезапность. Боевые действия стали носить планомерный характер, планироваться и детально разрабатываться.

В 11-м авиаполку перед операцией командир полка ставил задачу штабу разработать документы для выполнения задачи, после чего начальник штаба излагал своё решение командиру полка. Командир принимал окончательное решение. Если располагал временем до вылета, вызывались командиры эскадрилий и флагспециалисты на командный пункт, и ставилась задача конкретно каждому исполнителю. Если времени не хватало, командир полка давал распоряжения по прямому проводу. Связь с подразделениями велась с помощью радиотелефона и пиротехническими ракетами. Во время боя офицер штаба находился на радиостанции, получал информацию от ведущего каждой группы и докладывал командиру авиаполка о действиях группы, передавал приказание. Полёты проходили днём и ночью в сложных условиях.

Поступали самолёты новой конструкции, их легче было эксплуатировать. Исчезла угнетённость от поражения на фронтах, настроение улучшилось, бойцы выпрямились, повеселели.

21 мая 1942 года были выведены гвардейские воинские звания, многие полки стали именоваться гвардейскими, а к воинскому званию личного состава этих полков прибавилось слово «Гвардия», «гвардии сержант», «гвардии майор».

24 июля – 10 августа 1943 года установлено деление военнослужащих на рядовой, сержантский, офицерский состав и генералов. Для высшего командного состава родов войск были установлены маршальские звания родов войск, маршал авиации, маршал артиллерии и т.д.

26-го июня 1945 года введено высшее воинское звание – Генералиссимус Советского Союза.

Указом Президиума Верховного совета СССР от 6-го января 1943 года для личного состава Военно-Морского флота утверждены новые знаки различия – погоны. После перехода на ношение погон, военнослужащим запрещалось появляться в театрах, кинотеатрах и других общественных местах в плохом отглаженном обмундировании, с неначищенными пуговицами, в валенках, в телогрейках и стеганых брюках, небритыми и непричёсанными. Нельзя было появляться в общественных местах с большим багажом: небольшой, аккуратно упакованный багаж предписывалось носить в левой руке, правая рука должна оставаться всегда свободной для отдания чести. Запрещалось появляться в военной форме на рынках, стоять на ступеньках вагонов, автобусов и троллейбусов. В вагонах городского транспорта запрещалось сидеть в присутствии старших по званию. «Почётные различия – погоны надо носить с до-

стоинством и высоко держать честь боевого мундира советского офицера». Так было напечатано в передовой статье газеты «Красная Звезда».

Введение погонов способствовало повышению воинской дисциплины и организованности во всех подразделениях и воинских частях.

САМОЛЁТЫ ВОЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Советский боевой самолёт истребитель ЛА-5, год выпуска 1942, одноместный, одномоторный, максимальная скорость 648 км/час, дальность полёта 765 км, вооружён двумя пушками 20-мм.

В кабине самолёта командир 2 АЭ А.Батулин. Кронштадт 1944г.

В конце войны на смену устаревших истребителей И-15 бис, И-153 («Чайка»), И-16 всех типов начали поступать на вооружение новые истребители МиГ-1, МиГ-3, Як-1, ЛаГГ-3 и последний истребитель Ла-5.

Авиаторы радовались, что их истребители не уступали немецким Ме-109 и ФВ-190. Лётчики на советских самолётах одерживали крупные победы. Всё бы хорошо, но советские истребители выпускались заводами в войну, и рабочими были женщины и подростки. Класс точности не выдерживался, масло выбивалось из всех соединений и растекалось по всему фюзеляжу. Силовые узлы самолётов делались из дерева вперемежку с алюминием. Не потому, что так прочнее, а чтобы экономить «крылатый» металл – алюминий, кото-

рого явно не хватало. Узлы самолётов не всегда выдерживали максимальную нагрузку.

27 мая 1943 года Николай Хромов производил испытательный облёт самолёта МиГ-3. В момент выполнения фигур высшего пилотажа узлы соединения плоскостей с фюзеляжем начали разрушаться, отвалилась левая плоскость, самолёт перешёл в левый штопор. Покинуть гибнущий самолёт Николаю было крайне трудно, центробежные силы прижимали к сидению. Однако он собрал все силы, приподнялся и открыл фонарь кабины. Сильная струя воздуха вытолкнула из кабины, он ударился о стабилизатор и потерял сознание. Очнулся в момент спуска на парашюте. Это чудо произошло потому, что главный клапан парашюта был оторван стабилизатором и поэтому парашют раскрылся. Николай Хромов приземлился благополучно. Этот случай вошёл в Центральный Военно-морской архив, ф. 237, опись 026218 д.12.

Второй случай разрушения МиГ-3 в воздухе оказался смертельным для пилота 12-й КОИАЭ Уварова Григория Андреевича. Во время учебно-тренировочного полёта Г.Уваровым при выполнении фигур высшего пилотажа была допущена неточность, самолёт вошёл в отрицательное пики, из которого не вышел. Началось разрушение узлов, Григорий пытался спастись на парашюте, но когда покидал кабину, парашют запутался в антенне. Кольцо было выдернуто, а парашют не раскрылся, трос антенны связал парашют и Григорий не мог отделиться от самолёта.

Отцу, Андрею Ивановичу Уварову была послана похоронка по адресу: г.Горький, Сталинский район, 1-й Железнодорожный посёлок.

Запись в Центральном военно-морском архиве ф.383, опись 026243, дело 13, л. 57.

ПОБЕДОНОСНЫЙ 1944 ГОД

С 14 января 1944 года на Ленинградском фронте развернулась грандиозная битва за освобождение и очищение всей Ленинградской области от немецко-фашистских захватчиков. Ропшинская и Мгинская группировки немцев были окружены и уничтожены. 11-му авиаполку, базировавшемуся в Новой Ладогe, было приказано собрать новые самолёты ЛаГГ-3Ф, прибывшие из Тбилиси.

Нужно было разгрузить сорок платформ с самолётами и шесть вагонов с запчастями, затем собрать самолёты и испытать в воздухе. Технический состав блестяще справился с этой задачей. Лётчики приступили к испытанию в воздухе, для этого прибыли: подполковник Алексеев, герой Советского Союза Татаренко, майор Яковлев, капитан Трошин, капитан Бегун, капитан Фёдоров,

лейтенант Королёв, лейтенант Малев, лейтенант Скороходов. Собранные и испытанные в воздухе самолёты были направлены своим лётом в Новую Ладугу.

3-я эскадрилья 11-го авиаполка находилась в Новой Ладоге для охраны Ладожской флотилии, 2-я эскадрилья находилась в Кронштадте по охране главной базы флота.

На новых самолётах ведутся бои с противником. Бесстрашно летают: Копёв, Королёв, Рябошапка, Бреславский, Скороходов, Еремеев. Появляются сбитые самолёты. Об этом периоде рассказывает лётчик Владимир Рябошапка:

«Это было в обычный будничные день войны 29 мая 1944 года. Мы выполняли задачу охраны главной военно-морской базы в Кронштадте и одновременно прикрывали корректировщиков, которые корректировали стрельбу нашей дальнбойной артиллерии. Мы, Бреславский, Королёв, Кузин и я, четвёркой взлетели с аэродрома. Поначалу всё было спокойно. Затем в наушниках послышался голос с земли. Нас предупреждали о появлении шести самолётов противника. Самолёту-корректировщику «илу» дали команду возвращаться на свой аэродром. Нам на помощь выслали лётчиков Малева и Немцова.

Появились точки фашистских самолётов Me-109, которые быстро приближались. Инициативу боя мы взяли в свои руки, но враг стремился разбить наш боевой порядок. В ходе боя не заметили, как один фашист зашёл в хвост замыкающего самолёта, и угодил в самый конец руля поворота. В это время Кузин пошёл на выручку и сбил этот самолёт.

Настроение поднялось, когда подошла пара Малева. Сбили ещё один Me-109. Остальные самолёты с глубоким пикированием ушли из боя. Молодой лётчик Кузин участвовал в воздушном бою впервые. Бой показал, что дружный коллектив, хорошая слаженность и взаимовыручка – есть та сила, которая всегда приносит победу».

В следующем вылете у Малева, Рябошапки, Иванова и Королёва была встреча с четырьмя ФВ-190 на высоте 2000 метров.

Рябошапка пошёл на сближение с ведущим. Расстояние сокращалось, казалось, самолёты врежутся друг в друга. Немец не выдержал и взмыл вверх. Это и нужно было Рябошапке, свинцовая струя прошла фашиста. «Фок» завис, повалился на хвост и камнем стал падать на землю. А в это время Королёв и Иванов вели бой на виражах. Дрались один на один. Фашист разогнал машину и пошёл вверх, Королёв за ним. Фашист спикировал и снова пытался уйти вверх, но не успел взмыть, Королёв меткими очередями сбил его.

Борьба Иванова с фашистом затягивалась. Никто не мог осилить друг друга. Иванов допустил ошибку, дал возможность немцу зайти в хвост. Загорелся мотор, показалось пламя. Иванов в горячей машине в ярости атакует фашиста в момент, когда тот выходит из атаки. Дистанция 25 метров. От фа-

шиста полетели куски дюраля, ему настал «капут». Иванов видел, что дальше тянуть нельзя, выбросился на парашюте, приземлился удачно.

Полк тренируется летать ночью. Все лётчики освоили ночные полёты за один месяц.

Из полка ушли на повышение капитан Трошкин, капитан Фёдоров, Гонтарь, Скороходов, Иванов, Смирнов, Кузин и капитан Бегун.

С марта по июнь 1944 года полк выполнял задание по охране Главной военно-морской базы города Кронштадт. За это время лётчики сбили семь самолётов противника, выполняли задачи по сопровождению штурмовиков и бомбардировщиков и ведению разведки в Финском заливе и на Карельском перешейке.

2-го июля 1944г. вторую эскадрилью переводят из Кронштадта в Копорье. Полк ведёт усиленную разведку в Финском заливе.

3-го июля 1944г. вылетели восемь ЛаГГ-3 на прикрытие штурмовиков Ил-2. Надо было уничтожить батарею противника, которая мешала выходу в море нашим кораблям. Враг встретил мощным огнём из пушек и пулемётов. «Илы» проштурмовали батарею, сбросили смертоносный груз, уничтожили много живой силы врага. Бомбы точно ложились в цель. Последовали два взрыва большой силы – это взорвались склады вместе с батареей.

Истребители надёжно прикрывали штурмовиков. После посещения нашей авиации корабли могли свободно выходить в залив.

5-го июля 1944г. Четыре ЛаГГ-3 с ведущим Королёвым прикрывали четырёх Ил-2. В Выборгском заливе на острове Тайкасааре произвели бомбоштурмовой удар. Все бомбы попали в цель. Истребители встретились с четырьмя Me-109 над островом Милан-Саари.

Иван Королёв атаковал одного Me-109. Всего три короткие очереди – и фашист сбит. Он упал южнее острова на два километра. Второго Me-109 сбил его ведомый, младший лейтенант Касьянов. Фашист упал южнее мыса Карья-Ниами.

Ведущий второй пары лейтенант Бреславский и ведомый младший лейтенант Туркин вели воздушный бой со второй парой Me-109. Первая атака Бреславского и Туркина сверху, снизу под ракурсом 2/4 с дистанцией 100-150 метров. Этого было достаточно, «мессер» задымил, но ещё держался. Вторичной атакой сверху под ракурсом 1/4 с дистанции 100 метров двумя длинными очередями Me-109 вспыхнул ярким пламенем и, оставляя длинную полосу дыма, невольно пошёл на покой в воды Балтийского моря.

Об этом бое вспоминал лётчик **Касьянов**:

«Когда «илы» пошли в атаку, мы оставались на высоте 800 метров, маневрируя в зоне зенитного огня и бдительно наблюдая за воздухом. Вижу, как на расстоянии 700 метров от меня идут самолёты. Сначала я, ещё не имея доста-

точного опыта, принял эти самолёты за свои. Через две минуты вижу, как мой ведущий бросается в мою сторону и отбивает атаку противника, который зашёл мне в хвост. Я резко поворачиваюсь влево и вижу, как второй «мессер» тоже заходит мне в хвост, но атаковать не стал, пошёл в пикирование на Ил-2. Королёв стал его преследовать, а я вступил в бой со вторым Ме-109. Немец встал в крытую спираль. Я был выше его и тоже встал в спираль. Лётные качества ЛаГГ-3 лучше, чем у Ме-109, а поэтому я стал нагонять и зашёл к нему в хвост. Вижу отчетливо фашистскую свастику, в прицеле передняя часть мотора. Открыл огонь, и с первой очереди фашист перевернулся и стал падать в воду».

7-го июля 1944г. Десять ЛаГГ-3 с ведущим группы подполковником М.П.Носковым вылетели на прикрытие штурмовиков Ил-2. В море они обнаружили двухкильватерную колонну кораблей: 4 транспорта, 2 сторожевых корабля, 2 торпедных катера, 2 сторожевых катера. Колонна двигалась на север. С появлением самолётов корабли открыли по ним зенитный огонь. Штурмовики приступили к своему делу. На одном транспорте возник пожар большой силы, взорвался сторожевой катер, два других катера были объаты пламенем. Удар был ошеломляющий. Истребители не встретили в воздухе самолётов противника. Боевые вылеты продолжались ежедневно и по нескольку раз в день, за исключением, когда от весенних паводков и обложных дождей лётное поле выходило из строя. Можно было бы написать целые тома рассказов, но беда в том, что лётчики немногословны. От того, что всё время смотрят смерти в глаза, сдержанность и суеверное чувство «не сглазить бы» мешает рассказывать про свои победы. Поэтому рассказы носят эпизодический характер.

Восход солнца 18 июня 1944 года лётчики 11-го КИАП встретили в воздухе. На земле был ещё полумрак, а на высоте 2000 метров уже было светло. Птицы пробуждаются рано и взлетают, чтобы первыми встретить утро. Только они вылетают, чтобы насладиться первыми лучами солнца, а лётчики – встретить и уничтожить врага, напавшего на мирных людей.

Вылетело двенадцать самолётов штурмовиков и двенадцать истребителей сопровождения ЛаГ-4-К. В числе истребителей были капитан И.Ф.Гореликов, командир группы, и командиры звеньев лейтенант В.А.Гулаков и Н.Г.Медведев.

По данным разведки фашистские корабли и баржи направляются в Выборгский залив. Если кораблей не окажется, нанести удар по торпедным катерам на острове Койвисто.

Самолёты над целью, делают несколько «галсов», но корабли не появляются. Подлетая к острову, «илы» перестроились в правый пеленг цепочкой, начали наносить бомбштурмовой удар по базе.

Взлетают в воздух баки с горючим, рушатся зенитные и пулемётные гнёз-

да, жилые и административные постройки. «Илы» делают третью атаку, и только тогда фашисты начинают «огрызаться» пушечным огнём. Тогда истребители, не встретив вражеских самолётов, перестраиваются для штурмовки. Гореликов даёт команду по радио: «Все за мной!». Ему отвечают: «Следуем за тобой, командир!»

Огневую мощь обрушили на трёхэтажную казарму. Оттуда выбегали «завоеватели» в нижнем белье и разбегались в разные стороны.

Восемь раз «илы» заходили на цель. База была уничтожена. Догорало горючее трёх бензиновых резервуаров ёмкостью по 50-70 тонн каждый, чёрная копоть застилала остров.

Все самолёты вернулись на свои аэродромы.

Новый день приносил новую победу. Штурмовики «илы» в сопровождении лётчиков на ЛаГГ-4-К потопили два больших корабля и ряд самоходных барж с живой силой и техникой врага.

21 июня 1944 года в 18 часов вернулись с боевого задания лётчики 11-го КИАП. Летали в порт Котка Финского залива на сопровождение штурмовиков ИЛ-2, которые штурмовали фашистские суда. Только успели зарулить самолёты, как поступило указание прибыть в штабную землянку 11-го КИАП аэродрома Копорье. Вызывались капитан И.Ф.Гореликов, лейтенант Н.Г.Медведев и младший лейтенант С.Г.Гунин.

– Вам сейчас надо вылететь на самолёте У-2 втроём на аэродром Новая Ладога, – сказал начальник штаба майор Шебекин, – примете самолёты ЛаГГ-4-К и вернётесь на них, сядете на своём аэродроме Копорье.

В Новую Ладогу прилетели поздно вечером. В пять утра 22 июня были на аэродроме. Самолёты были отремонтированы, ждали облёта, испытания в воздухе.

Это мог сделать только такой опытный лётчик, как Иван Гореликов.

Два самолёта он облетал по полной программе пилотирования, выполнял виражи с креном 40 и 60 градусов, «бочки», «петли», «иммельманы», пикирование, срывы в штопор, достижение максимальной скорости в горизонтальном полёте и так далее. Каждое испытание длилось по 30 минут. Оставалось сделать ещё один вылет на последнем, третьем самолёте. Вырулил на линию старта, пошёл на взлёт. В полёте по кругу Иван почувствовал боль в груди, пошла кровь из горла. Иван быстро пошёл на посадку. Приземлился. Вышел из кабины и упал около самолёта лицом вверх. Начал задыхаться от сильного кровотечения, поднялся на ноги, кровь не унималась, залила всё обмундирование. Несколько минут назад Иван был здоров, и вдруг такое...

Приехал врач на дежурной санитарной машине, пытался остановить кровь, но не смог. Тогда он срочно повёз Ивана в военно-морской Ладожский

госпиталь. В госпитале поставили диагноз: лопнул сосуд в лёгком от чрезмерной физической нагрузки. Началась борьба за сохранение жизни и восстановление здоровья. 21 июня 1944 года был последним днём боевых вылетов Ивана Фроловича Гореликова.

Волею судьбы Иван Фролович, «Фролович», как называли его друзья, дожил до наших дней, и, несмотря на тяжкие недомогания, остался верен своим традициям быть в гуще событий. Шесть лет избирался депутатом Дзержинского района города Москвы, десять лет – секретарём парторганизации.

Рассказывает **Борис Копьёв**:

«Рано утром иду на аэродром. Так рано, петухи ещё не пели. Глаза сами собой закрываются, три часа для сна маловато. В сознании одна мысль – спать, закрыть глаза и отоспаться за целый год. С тем и пришёл на КП.

Вечером уже знали, какое будет задание. Выслушали офицера по разведке, задача была простая, дойти до пролива Колга-Лахт, и там обнаружить, куда смывается дозор противника. Продолжаю шлёпать по мокрой траве и с мокрыми ногами добираюсь до самолёта.

Взлетели парой с зажжёнными нижними огнями, установили связь с землёй и легли на курс. Стало спокойнее на душе, сон как рукой сняло. Уже у Курголовского полуострова мы стали прижиматься к воде, по которой должен удирать дозор. Чтобы не было скучно, Злыдарев подошёл ко мне поближе, погасил огни. Мы были между небом и водой.

До самой бухты Кунда дошли спокойно. Дозор успел ретироваться. Прощали Кунду, и Злыдарев кричит:

– Капитан, справа фоки!

Действительно, справа чуть выше нас шла пара ФВ-190.

– Посмотри, капитан, как они идут близко друг к другу.

– Какого лешего они идут таким плотным строем, да ещё на такой высоте, – подумал я.

Подойдя ближе, мы увидели, что это идёт один самолёт ФВ-189, под названием «рама». Сзади него шёл эскорт из двух Ме-109.

– Капитан, смотри, наши яки фоков преследуют! – кричал Злыдарёв.

Мы были ниже немцев, они летели спокойно, видно, приняли нас за своих.

После нашей атаки Ме-109 полезли в облачность, мы за ними. Вывалились из облачности и уткнулись в «раму». Она нас не видела и топала спокойно. Единственно, что мне оставалось сделать, это поднять нос и нажать на гашетки. Моя огненная трасса впиалась в мотор, и агрегат загорелся. По радио слышу, Злыдарев поёт «мой костёр в тумане светит». Мы отвернули в залив подальше от берега, а «рама» не избежала встречи с ним. Об этом нас оповестил столб дыма и огня. Дальше всё пошло спокойно, мы со Злыдарёвым

пошли в Калга -Лахт. Дозор тихо пришвартовывался в бухте Кясьму-Лахт, что мы и засвидетельствовали, а затем доложили по команде, когда прилетели на свой аэродром. Отоспаться так и не удалось, через час снова вылетели, на сопровождение штурмовиков».

ХОЗЯЕВА БАЛТИЙСКОГО НЕБА

Советские войска героически шли по Прибалтике, крушили фашистов. Вскоре после Таллина был освобождён город Пярну, где находился большой аэродром. Немцы при отступлении взорвали взлётно-посадочную площадку. Пришлось производить полёты с грунта. Как всегда, лётчики 11-го и 12-го авиаполков вылетали на штурмовку, сопровождая самолёты 35-го и 7-го штурмовых полков.

И каждый раз фашистские корабли с тысячами тонн военного груза, с тысячами солдат и офицеров рейха шли на дно холодного и негостеприимного для них Балтийского моря, который угощал их солёной водой.

Ни один самолёт Ил-2 не был сбит фашистскими лётчиками, в этом заслуга лётчиков-истребителей 11-го и 12-го авиаполков, которые их сопровождали, результат их знаний тактики воздушного боя.

Назовём этих лётчиков поимённо:

Командир звена старший лейтенант В.А.Поскряков. В 12-ю КОИАЭ прибыл в апреле 1943 года, произвёл 124 боевых вылета, сбил лично семь самолётов и в паре семь самолётов.

Командир звена И.А.Шкурко произвёл 75 боевых вылетов, в воздушных боях сбил лично три вражеских истребителя и в паре двух.

Командир звена Л.Н.Ручкин прибыл в полк 27 мая 1944 года. На второй день после прихода сбивает в Нарвском заливе первый ФВ-190. Затем, участвуя в боях, сбил ещё четыре самолёта. Он учил своих подчинённых бить врага наверняка и насмерть.

1-го января 1945 года лётчики Пивоваров и Алейников вылетели на разведку. Встретившись с четырьмя ФВ-190, в завязавшемся бою Пивоварову удалось сбить одного ФВ-190 с короткой дистанции. Остальные фашистские лётчики вышли из боя. С задачей разведчики справились, хотя и приземлились на повреждённых самолётах.

Воздушной разведке уделялось много внимания. Наиболее точные данные доставляли лётчики: М.Пивоваров, А. Парфиенко, В.Тихомиров, И.Талышев, М.Россихин.

Летали на разведку и в непогоду. Только густая стометровая облачность и сильный снегопад не позволяли производить вылеты. Таких случаев было

двадцать из ста. Разведку производили в Данцигской бухте, Гдыне, Косе Хиль, Кольберге, устье Вислы и на переходах вдоль южного берега Балтийского моря. Спротивление фашистских лётчиков стало слабее, зато был сильный зенитный огонь, главным образом с кораблей.

Силы советских лётчиков утроились в предвидении близкой победы. Весь личный состав авиаторов позабыл слово «усталость».

С 1-го по 11 апреля было произведено 310 боевых вылетов, 36 боевых вылета произвели лётчики: Шкурко, Талышев, Уманский, Гонтарь. Они сопровождали штурмовиков в Данцигскую бухту, в район Пиллау, Хелл, Кольберг, устье Вислы.

Командир эскадрильи капитан Пётр Хорунжий закончил войну кавалером четырёх орденов Красного Знамени.

Лучшие разведчики в воздухе Виктор Смолянинов и Дмитрий Шабанов были так же кавалерами 4-х орденов Красного Знамени.

Успешно били врага лётчики: Леонид Семёнович Богданов, Евгений Климентьевич Галенич, Михаил Георгиевич Поморов, Семён Иванович Корзун, Лев Львович Акимов и многие другие.

14 апреля 1945 года лётчик П.С.Гапонов со своим ведомым завязал бой с двумя Хе-115. Победу они одержали, сбив одного сопровождающего их истребителя Хе-190 и подбили Хе-115, который немного пролетел, а затем горящим упал в воду.

В тот же день подполковник Яков Захарович Слепенков в воздушном бою сбил одного фашиста на самолёте ФВ-190, победу обеспечил майор С.С.Беляев.

В этот день и в других авиаполках было так же одержано ряд блестящих побед. За отличное выполнение заданий, мужество и лётное мастерство, приказом Верховного Главнокомандующего была объявлена благодарность Девятой штурмовой авиадивизии. Утром командиры авиаполков огласили личному составу эту радостную весть. Весь наземный личный состав авиаполков смотрели на лётчиков, как на героев. Особенно любили командира авиаполка Сергея Сергеевича Беляева. Ему посвящается целый рассказ.

Сергей Сергеевич Беляев был выпускником Ейского авиационного училища, закончил его с отличием с присвоением звания лейтенанта. Родом он был из деревни Новиково Скопинского района Рязанской области.

Участвовал в войне с белофиннами.

Первый день войны балтийский лётчик Сергей Беляев встретил на аэродроме. Его звено было на дежурстве в повышенной готовности.

Встреча с врагом произошла 29 июня, когда в небе Балтики показался фашистский разведчик Ю-88. Вместе со своим ведомым они успешно атаковали разведчика, с третьего захода, тот загорелся и стал падать.

Трудно было в первую блокадную осень 1941 года, когда враг подступал к осаждённому Ленинграду. Вместе со своими лётчиками он крушил вражеские орудия в районе Урицка. На охране Ладожской «дороги жизни» Беляев был командиром эскадрильи. Здесь за короткий срок он лично сам сбил три Ю-88. В апреле, когда его принимали в партию, у него было на счету пять сбитых вражеских самолётов.

В марте 1942 года он получил газету «Победа» №5 с крупным заголовком: «Не будет пощады проклятым убийцам!». В газете сообщалось, что его сестра Клавдия Спорыхина вместе с детьми Тоней, Марусей, Колей и Серёжей были заперты фашистами в собственном доме. Потом фашисты подожгли дом, Клава и её малолетние дети сгорели вместе с домом. Фашисты были в городе несколько часов, их танки давили на дорогах людей, сжигали дома. Во многих кварталах от домов остались только трубы. Были убиты сотни стариков, женщин, детей.

Для Сергея эта весть была подобна удару молнии. В письме матери он пишет:

«Дорогая мама, я клянусь быть беспощадным к проклятым людоедам! Буду истреблять их, мстить за сестру и её малолетних детей. За них немцы заплатят».

*С.С.Беляев среди лётчиков 12-го КИАП. Обсуждается план предстоящего вылета.
Слева на право: майор Кудимов, инструктор, лётчик дивизии, старший лейтенант, командир звена Россихин, командир полка майор Беляев, помощник командира полка майор Парфёнов, старший лейтенант лётчик Гапонов, лётчик Сапожников, лётчик Проскочилов*

Лейтенант Сергей Беляев открывает счёт мести проклятым фашистам. На острове Сухо в составе звена он потопил три вражеских судна вместе с солдатами. Он искал боя. Упорство, смелость, ловкость, все свои боевые качества он сконцентрировал на отмщение врагу.

В газете «Сокол Балтики» № 24 от 27-го мая появилась статья «Во имя родного города». Эту статью написал С.Беляев:

«На мою долю выпала почётная задача с воздуха защищать колыбель пролетарской революции Ленинград. Семьсот часов провёл я на своём «ястребке» в ленинградском небе. В семидесяти штурмовках уничтожил около 1200 немецких солдат и офицеров, до 50 автомашин, десятки пулемётных точек.

Шестьдесят раз поднимал свой истребитель в ночной полёт, блокируя и уничтожая батареи, обстреливающие Ленинград.

Когда летишь над городом, видно, как враг обстреливает дома, театры, музеи. Перед глазами встают женщины, дети, старики, погибающие от осколков снарядов. В груди закипает неутолимая жажда мести гитлеровцам, одетым в серо-зелёные мундиры.

Заметив вспышку фашистских орудий, бросаешь на них смертоносный груз, и орудия замолкают. Значит, убил немцев, подавил батарею. Тогда становится легче дышать. Нет усталости, желания отдохнуть. С чувством выполненного долга я слышу голос ленинградцев: «Спасибо, воин!». Этот голос зовёт к новым вылетам, к новым победам над врагом. Во имя ленинградцев мы совершали разведки в глубоком тылу врага, разгадывали его замысел, предупреждая коварные налёты. Грудь многих из нас украшают ордена как свидетельство мужества и стойкости.

На какое задание мы бы не шли, одна цель у нас – смерть палачам! Только смертью они должны искупить свою вину!».

Всю войну Сергей Беляев сражался в Балтийском небе, им совершено 672 боевых вылета, из них 530 на самолёте старой конструкции И-15 бис. Он провёл 60 воздушных боёв, сбил 12 самолётов лично и 7 в группе, 118 раз поднимался на воздушную разведку. За войну он вырос от командира звена до командира полка.

Смело и тактически грамотно водил он своих лётчиков на выполнение боевых заданий, лично показывая пример мужества и героизма. Участвовал в операциях по взятию Кенигсберга, Пиллау, Данцига, Гдыни, Свиномюнда. Охраняемые штурмовики потопили 48 кораблей, охранявшими лётчиками сбито 18 вражеских самолётов.

За боевые подвиги Родина отметила Сергея Сергеевича пятью орденами Красного Знамени, орденом Ушакова II степени, двумя орденами Красной Звезды, многими боевыми медалями.

Под знаменем 12-го КИАП лётчик Владимир Алексеевич Тихомиров. Октябрь, 1944 г.

За несколько дней до окончания войны его посылают на учёбу в Военно-морскую академию. Закончил её с отличием и продолжал службу.

По тернистым тропам войны вместе со всеми прошагал балтийский лётчик Владимир Алексеевич Тихомиров. Много славных дел он совершил, защищая Родину.

Родом он был из деревни Михайлово Торжского района Калининской области. В 1936 году закончил школу ФЗУ (школа фабрично-заводского ученичества). Потом работал электромонтёром и одновременно поступил учиться в аэроклуб. Закончив его, был направлен в Донбасскую школу лётчиков имени Пролетариата. Поучившись всего два с половиной месяца, он был отстранён от учёбы по состоянию здоровья. Врачи поставили диагноз: сухая перфорация перепонки правого уха. С грустью вернулся он в свой любимый город, уж очень хотелось летать. Пошёл в аэроклуб, зачислили мотористом.

Инженер аэроклуба Живодёров видел старания моториста, техник Митрофанов стал доверять самостоятельно обслуживать самолёт У-2. Тихомирова перевели на техника.

Время от времени знакомые инструкторы поднимали в воздух, доверяли рули управления. После одного из полётов лётчик Никитин спросил:

– Тихомиров, хочешь быть инструктором?

Конечно, он согласился. К счастью, врачи поликлиники признали его годным к полётам.

Так он стал инструктором сначала Новоторжского аэроклуба, потом Кимрского. В Кимрах встретил войну. Его назначили инструктором в Куйбышевскую лётную школу. Здесь научился летать на самолёте Як-1, после чего был направлен в боевую авиацию КБФ. Стали посылать на боевые задания вместе с лётчиками 12-й КОИАЭ. Весь руководящий состав полка был из лётчиков с солидным боевым опытом, было с кого брать пример. Заместитель командира полка капитан Беляев был для него эталоном. О нём Тихомиров отзывался так: «Это был отважный лётчик, человек большой души. Для нас, лётчиков, он был старшим товарищем и искренним другом».

— Наша вторая эскадрилья, — вспоминает Тихомиров, — в боях с противником имела потерю сразу двух лётчиков. В числе погибших был опытный лётчик капитан Д.Петрухин. Поступила шифровка от командующего ВВС КБФ, где отмечались недостатки боевой деятельности. Капитан Беляев довёл эту шифровку до всего лётного состава. Он прочитал шифровку, не стал делать нудную нотацию и только коротко сказал: — «Читайте, думайте, делайте вывод».

— Был и такой случай, когда лётчик лейтенант Пётр Гапонов не удержал направление на посадке, столкнулся с рулящим самолётом. Оба получили повреждения. Гапонову была головомойка, хотели перевести в другой полк. Тогда Сергей Беляев подошёл ко мне и дружески сказал: — «Тихомирыч, может, ты возьмёшь к себе ведомым Гапонова, жалко Петьку. Ты же был инструктором, попробуй»... Я согласился без колебаний. Ни я, ни тем более Беляев не ошиблись в Гапонове. Он стал отличным лётчиком, был так же как и я награждён четырьмя орденами Красного Знамени.

Лётчик В.А.Тихомиров рассказал о таком эпизоде:

«Летом 1944 года четыре Як-7 прикрывали штурмовиков Ил-2. Во главе четвёрки был С. Беляев, ведущим второй пары был я. Завязался воздушный бой, самолёт Беляева был подожжён, но опытный Беляев сумел сбить пламя.

Прилетев на аэродром, Беляев стал рассказывать ход воздушного боя, как тушил пожар. Он рассказывал обыденно, с чувством юмора, не подчёркивая трагических переживаний. Своим примером он вселял мужество и стойкость, презрение к трусости и паникёрству.

Командиром 2-й АЭ был капитан Олимпиев. Он был старше нас на десять лет, спокойный, рассудительный. Наша вторая авиаэскадрилья была одной из лучших в полку.

Заместителем командира 2-й АЭ был капитан Ю.В.Петров, он так же был старше нас, хороший организатор и прекрасный лётчик-наставник.

Полк ежедневно выполнял боевые задания, война требовала жертв.

18 марта я был наказан за беспечность. После успешного бомбоштурмового удара мы возвращались на свой аэродром. Наши самолёты группы непосредственного прикрытия сообщили о приближении самолётов противника. Я на это не отреагировал и был атакован сзади. Только лётный опыт и хладнокровие в минуту опасности позволили мне на повреждённом самолёте дотянуть 30 километров и сесть на лёд побережья в Нарвском заливе.

Самолёт был настолько повреждён, что не подлежал ремонту. Я получил лёгкие ушибы, а через четыре дня снова полетел на боевое задание. На моём горьком примере все лётчики сделали вывод: нельзя ослаблять бдительность в воздухе. Халатный и беспечный лётчик в воздухе — летающий труп».

Этими словами Владимир Тихомиров закончил свой рассказ.

*Командир эскадрильи 12-й КОИАЭ,
майор Пётр Романович Гонтарь*

Большим уважением всего личного состава пользовался Пётр Романович Гонтарь. Он был командиром эскадрильи 12-го КИАП.

Родом был с Украины из села Семёновки Бервенского района Харьковской области.

В 1934 году закончил Качинское авиационное училище и был послан на Дальний Восток. Там участвовал в событиях на озере Хасан, прошёл большую лётную подготовку, мог летать днём и ночью в сложных метеоусловиях.

В начале Великой Отечественной войны он был послан на Северный флот в 20-й авиаполк. Как опытному лётчику, ему поручали сложные и ответственные задания: разведку в море в сложных метеоусловиях, сопровождение зарубежных и советских конвоев судов и так далее. В одном из воздушных боёв

его ранили в ногу, пробили радиатор водяного охлаждения. Мотор сгорел. Умелыми маневрами он смог дотянуть до берега и посадить самолёт с неработающим мотором на острове Рыбачем. Его долго искали и нашли без сознания.

В госпитале лечили девять месяцев, отняли ногу до колена, а когда выписали, он не поехал к семье, Гонтарь попросился снова в авиацию. Прибыл на Балтику в 12-й авиаполк. Здесь, на протезе, он совершил 48 боевых вылетов, не раз участвовал в воздушных боях. Пётр Романович Гонтарь был примером стойкости и мужества.

*Начальник штаба 12-го КИАП Майор
Исаак Маркович Уманский. 1944 г.*

Начальником штаба 12-го КИАП был майор И.М.Уманский. Это был умный и опытный руководитель, смелый лётчик. Он успевал руководить штабной работой и вместе с лётчиками летать на выполнение боевых заданий.

В 12-й КИАП он прибыл в конце 1944 года, проделав до этого большой и сложный путь.

В начале войны он был командиром авиаэскадрильи, которая выполняла боевую задачу по охране Кронштадской военно-морской базы.

В одном из воздушных боёв на четырёх истребителях ЛаГГ-3 с сорока вражескими самолётами И.Уманского ранили, и он спустился на парашюте на территории, занятой фашистами. Долго пробирался ночью по глухим местам и, раненый в голову, пришёл в свою эскадрилью. Потом он долго лечился, а после был направлен в суровое Заполярье. Там сформировал 20-й истребительный авиаполк. Задачи полку были сложные. Охрана Военно-морской базы, охрана морских конвоев союзных и советских судов.

Вылетали на охрану самолётов штурмовиков 27-го и 255-го авиаполков. Надо было разгромить осиное гнездо фашистов на прифронтовом аэродроме Луассари. Отсюда фашистские самолёты делали налёты на советские и союзные суда. Бой увенчался полным успехом, аэродром вместе с самолётами был стёрт с лица земли. Истребители 20-го авиаполка, капитаны Н.П.Гонтарь и Д.В.Амосов и сам командир авиаполка И.М.Уманский в воздушных боях сбили 15 вражеских самолётов.

(Из статьи В. Дерябина «Мы учились у него мужеству» в газете «Моряк Севера»).

Таких славных побед было много, об этом свидетельствуют боевые награды Исаака Марковича Уманского, два ордена Ленина, три ордена Красного Знамени, орден Красной Звезды, орден Отечественной Войны и 14 медалей.

Во время войны очень часто можно было видеть оперативного дежурного дивизии Н.Ф.Щетинкина. Многие удивлялись, когда он отдыхает. Вот об этом товарище и будет рассказ. Николай Фёдорович выпускник Ейского авиачилища. Лётчик-истребитель, войну он встретил в гарнизоне Низино в дежурном звене пятого истребительного авиаполка. Очень часто приходилось ему вылетать на уничтожение фашистских войск под Ленинградом.

22 сентября девять самолётов И-15 вылетели на штурмовку фашистских войск под Ленинградом. Ведущим боевой пары был старший лейтенант Ю.Б.Петров, его ведомым Николай Щетинкин. Подлетая к позиции, они были обстреляны вражеской зениткой, один снаряд угодил в самолёт Петрова. Самолёт был повреждён, и Петров не мог лететь в составе группы, начал отставать. Фашисты увидели это и начали добивать самолёт Петрова многослойным зенитным огнём. Петрову угрожала смерть. Видя это, Щетинкин быстро сообразил и начал пикировать на вражеские зенитки, расстреливая их в упор. Фашистам ничего не оставалось делать, как спастись в земляных щелях. Петров с большим трудом дотянул до своего аэродрома, его охранял от гитлеровских лётчиков ведомый Щетинкин, спасая ему жизнь. Вскоре самолёт был отремонтирован, снова Николай стал летать на боевые задания вместе со своим ведущим Ю.Б.Петровым.

29 сентября 1941 г. группа из шести самолётов И-15 вылетела на штурмовку вражеских войск в районе Пушкина. Штурмовка оказалась эффективной, боевая задача была выполнена успешно. Самолёты возвращались на свой аэродром. Николай Щетинкин посмотрел на землю и увидел автомашины, гружёные гитлеровцами. Он не мог удержаться, чтобы не атаковать эти машины, боезапас был не весь израсходован.

Злость у Николая на гитлеровцев была великая. Фашисты убили его брата, участвовавшего в Народном ополчении, постоянно обстреливали Ленинград, где жили его мать и отец. Яростные атаки сделали своё дело, много фа-

шистов полегло от его карательных пуль. Но при отходе от цели его атаковали два Ме-109.

В течение десяти минут Николай отбивался от атак, спасала маневренность его тихоходного самолёта. В бою с фашистами он был одинок. Во время боя Николай старался приблизиться к своей территории, стрелял в фашистов, мелькавших в прицеле. Одна очередь его пулемётов была удачной, фашист вышел из боя и стал уходить со шлейфом дыма. А в это время второй самолёт атаковал Николая с противоположной стороны, ранил в обе ноги, осколок снаряда оказался в области виска, разбил очки, осколки стекла повредили левый глаз. Боль была нестерпимой, кровь заливала всю кабину. Николай потерял сознание, самолёт стал падать неуправляемым. Струя холодного воздуха освежила, и он пришёл в сознание.

Несмотря на боль, Николай выровнял самолёт и посадил на деревья. Прибежали красноармейцы, вытащили его из обломков кабины и отправили в госпиталь. Здесь ему обработали раны, ампутировали повреждённый левый глаз. Боевые друзья нашли его в госпитале, сообщили о награждении орденом Красной Звезды за уничтожение фашистских автомашин с людьми.

После лечения медицинская комиссия признала его негодным к полётам. Но нелегко лётчику проститься с небом, покинуть своих боевых друзей. Николаю казалось, что жизнь потеряла смысл. Он снова попросился в свою часть, встретил поддержку командира и комиссара эскадрильи. Чтобы поддержать его и поднять боевой дух, его стали посылать оперативным дежурным. Потом его, как отличного дежурного, стали назначать оперативным дежурным дивизии. В сложной обстановке он чётко и быстро передавал приказания на вылет, доводил поставленные задачи.

За успехи и мужество при выполнении заданий он награждался четырьмя боевыми орденами и многими медалями.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПРИБАЛТИКИ

27 января 1944 года прогремел торжественный салют в честь освобождения крупного железнодорожного узла Ропша. Этот салют возвестил всему миру о полном и окончательном освобождении города Ленинграда от окружения.

Наступательным войскам задерживаться на одном месте было некогда, предстояло освободить город Нарву Эстонской союзной республики. Командование Ленинградского фронта, маршал Советского Союза Л.А.Говоров, эту операцию возложил на 2-ю и 8-ю ударные армии при поддержке 13-й Воздушной армии и содействии Балтийского флота, командующий адмирал В.Ф.Трибуц.

Техсостав 12-й ОКАЭ ВВС КБФ на аэродроме Выстав между боевыми вылетами. 1944 г.

Прежде чем войти в город Нарву, была перерезана железная дорога, соединяющая Гатчину с городом Кингисеппом Ленинградской области. После тяжёлых боёв 1-го февраля 1944 года Кингисепп был освобождён.

Дальше предстояли бои за освобождение города Нарвы. Это был трудный орешек. Подступы к Нарве были заминированы, опутаны тремя рядами колючей проволоки, тремя рядами спирали «Бруно». Траншеи были оборудованы бетонированными колпаками, их было несколько рядов. Всё было неприступной крепостью, трудно было подойти к городу на близкое расстояние.

26 июля ровно в 7.00 часов взвилась белая ракета, сигнал наступления «катюшам», а в 8 часов 20 минут двинулись все наступательные подразделения. Как и при освобождении Ленинграда, прозвучала величественная мелодия Гимна Советского Союза, затем «Священная война» А.Александровна. Передавали громкоговорителями радиоустановок. Родная и близкая музыка поднимала боевой дух, стремление к победе. Никакие укрепления не помогли гитлеровцам, после четырёхчасового боя город Нарва стал свободным от фашистов. 26 июля столица нашей Родины Москва салютовала доблестным войскам Ленинградского фронта, освободившим город Нарву. За отличия в боях двадцать восемь частей и соединений получили почётное наименование «Нарвские», шесть награждены орденами. В этой операции участвовала

авиация 11-го истребительного авиаполка. Бывали дни, когда в воздухе находилось до ста самолётов как с нашей, так и со стороны противника. Было трудно. Каждый полёт сопровождался боем.

В одном из этих боёв погиб смертью храбрых один из лучших лётчиков полка старший лейтенант А.К.Еремеев. До войны Еремеев служил в 12-й КОИ-АЭ в должности шофёра автостартера. Ему очень хотелось летать, упрасивал лётчиков взять в полёт на самолёте У-2. Ему стали доверять рули. Потом он прошёл стажировку и экстерном сдал зачёты на лётчика. За два года войны он совершил 300 боевых вылетов, дошёл до командира эскадрильи. На его счету было семь сбитых вражеских самолётов. Его награждали двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны 1 степени, тремя медалями «За отвагу». Освобождая Прибалтику, выполняя задание по прикрытию штурмовиков, он героически погиб в воздушном бою, спасая штурмовики.

Фронтовые друзья, вспоминая о своём боевом друге, рассказали такой случай:

«В одном из нападений на наш аэродром фашистам удалось поджечь на стоянке самолётов два наших истребителя. Рядом с горящими самолётами стоял единственный в полку бензозаправщик. Раненый шофёр бензозаправщика успел отбежать в сторону и упал без сознания. А самолёты, заправленные бензином и реактивными снарядами, горели ярким пламенем. С минуты на минуту они должны были взорваться, а рядом с ними бензозаправщик. Недалеко от самолётов в укрытии лежали люди и с ужасом ждали взрыва. Вдруг кто-то поднялся, подбежал к бензозаправщику, сел за руль и отогнал его в сторону. Героем оказался Анатолий Еремеев. Он спас бензозаправщика, сознательно рискуя жизнью».

Горько было расставаться с верным другом, защитником Родины. Лётчики 11-го КИАП не остались в долгу, в память о своём друге ими было сбито в воздушных боях семь вражеских самолётов.

МНОГОСТРАДАЛЬНЫЙ ГОРОД НАРВА

Гитлеровцы превратили этот красивый город в груды развалин. Во всём городе не осталось ни одного дома. От городской ратуши, одного из старинных зданий города, построенном в 1683 году, остался лишь остов. Враг уничтожил все школы, больницы, корпуса зданий фабрики Кренгольма, водокачки. Во всём городе не осталось ни одного человека из гражданского населения. Фашисты вывезли все ценности, заминировали все подходы, заложили фугасы замедленного действия, которые то и дело взрывались.

Вот такой представилась Нарва советским бойцам утром 26 июля 1944 года.

По поводу освобождения города состоялся митинг.

Запомнились бойцам слова рядового Валяр. Он сказал:

– Наш дом стоял на улице Рахетянава. Теперь этого дома нет. На месте дома, где жили мои родители, растёт бурьян. Мне неизвестно, где мои родители. Из под руин дома я вытащил около четырёх пудов взрывчатки. Мечь и злоба кипят в моём сердце, я отплачу за всё фашистским варварам.

Выступил на митинге наводчик 917-го стрелкового полка Иллус, он сказал:

– Нарва наша! Вместе с братьями русскими мы освобождаем окончательно родную землю от проклятых врагов.

Боец 289-го полка Гатчинской Краснознамённой дивизии Анохин сказал:

– Ещё один город возвращён Матери-Родине. Каждый камень разрушенной Нарвы жжёт наше сердце, зовёт к мести. Мы не остановимся, дальше предстоит освободить Таллин. Мы вернём столицу Эстонии, наш флот снова будет здесь бить врагов с моря! *

Не останавливаясь, воины преследовали врага, с тяжёлыми боями продвигались вперёд.

20 сентября ворвались и к исходу дня очистили от фашистов город Раквере, большой опорный пункт на подступах к Таллину. Бой был яростным с той и другой стороны.

22 сентября к двум часам дня город Таллин стал свободным от фашистов! Воины-освободители прошли торжественным маршем по улицам Таллина, Нарва-манте, Тарту-манте. Жители Таллина стояли на тротуарах, забрасывали освободителей цветами, пожилые подходили к воинам и обнимали. Эти счастливые минуты не забудут воины до конца своей жизни.

22 сентября 1944 года стал праздником освобождения Таллина.

Воинам праздновать было некогда. Подразделения 30-го гвардейского полка «катыш» вместе с воинами 8-й Армии и 8-го эстонского стрелкового корпуса генерала Лембит Пэрн продвигались по направлению побережья к пристани Виртсу. 27 сентября во второй половине дня прибыли в район сосредоточения, заняли огневую позицию и к вечеру были в полной боевой готовности вести наступление.

На мемельском направлении теснимые фашисты вынуждены были отводить свои войска из района Риги в Курляндию. Их теснили войска 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов. После упорных боёв 13 октября 1944 года была освобождена столица Латвийской союзной республики город Рига. С освобождением городов Шауляя, Даугавы, Елгавы, дорога к морю была открыта. Сюда на помощь Гитлер бросил, кроме пехотных дивизий, шесть танковых и одну моторизованную дивизию, в которых насчитывалось более 800 танков и штурмовых орудий. Врагу оста-

* Ф.И.Паульман. «От Нарвы до Сырве».

валась для отступления узкая полоса вдоль Рижского залива шириной в двадцать километров. Здесь они проложили железнодорожную линию для соединения с Восточной Пруссией через Курляндский полуостров. Но и эта узкая горловина грозила быть отторгнутой. Здесь фашисты потеряли в ходе боёв только с 16-го по 25 августа более 15 тысяч солдат и офицеров, 354 танка, 26 штурмовых орудий, 268 артиллерийских орудий и много другого вооружения.

Со стороны советских войск участвовали 1-й, 2-й и 3-й Прибалтийские фронты, Ленинградский фронт при поддержке Краснознамённого Балтийского флота. Всего насчитывалось 900 тысяч воинов, более 17 тысяч орудий и миномётов, более трёх тысяч танков и самоходных артиллерийских установок, свыше 2600 боевых самолётов.*

Падение Риги было для немцев первым шагом к разгрому 16-й и 18-й армий.

В КОНЦЛАГЕРЕ КЛООГА

С приходом воинов-освободителей трудящиеся Эстонии получили свободу. Узники фашизма, томившиеся в концлагерях и других местах заключения, даже не верили, что они выжили, что страшный кошмар остался позади.

На территории маленькой Эстонии было свыше двадцати пяти фашистских концлагерей. За время оккупации здесь было уничтожено фашистами свыше 61-й тысячи мирных жителей, среди которых были граждане иностранных государств. Замучено и умерщвлено советских военнопленных свыше 64 тысяч. Так, у деревни Ламматси расстреляно 12 тысяч советских граждан. Среди расстрелянных были эстонские активисты, крестьяне-новоземельцы, представители интеллигенции: профессор А.Т.Койман, П.Х.Рубель, художники А.Йохани, А.Лайго, Н.Куммитс, К. Лийманд, писатели Й.Рувен и Э. Таммлаан и другие. Многих эстонцев насильно угнали в армию, вывезли на принудительные работы в Германию.**

О фашистских злодеяниях писалось в газетах много, но когда пришлось все творимые ужасы фашистов увидеть воочию, действительность превзошла все ожидания. А случилось это так.

На аэродром Пярну подошёл автобус, и стали приглашать свободных от вахты сест в автобус.

– Буранов, тебе надо поехать, оставь за себя Железнова, – сказал инженер эскадрильи С.Филимонов.

*И.Х.Баграмян «Мои воспоминания» стр. 593, 594. (Энциклопедия ВОВ вып. 1985г. стр. 579-580).

**Энциклопедия ВОВ. Стр. 820.

Егор согласился поехать. Автобус, переполненный людьми, проезжал вблизи морского побережья. В тридцати четырёх километрах от Таллина раскинулось живописное местечко Клоога. Здесь когда-то находились дачи таллинских богачей. После установления советской власти в Эстонии здесь были созданы дома отдыха, пионерские лагеря. Неподалеку от Клооги были организованы совхозы. Такой была Клоога до войны. Этот благодатный уголок фашисты превратили в лагерь смерти. Они творили здесь злодеяния, леденящие кровь.

Здесь 19 сентября 1944 года гитлеровцы истребили две тысячи человек мужчин, женщин и детей. Когда Клоога была освобождена частями Красной Армии, бойцы обнаружили чудовищные преступления. На земле, осквернённой немецкими преступниками, лежали трупы, остатки костров из трупов и поленьев дров. Фашистские палачи спешили и не успели всё сжечь. Стояли столбы с надписями на немецком языке, грозившими смертью всем, кто появится вблизи лагеря, не будучи эсэсовцем, гестаповцем или представителем ОТ, так называемой «Организацией Тодта», ведущей в то время строительство сооружений в немецкой армии.

В Клоогу приезжали и приходили в течение двух недель разные по профессии люди, военные моряки, пехотинцы, лётчики и танкисты, люди мирных профессий, юристы, врачи, журналисты, русские, эстонские, английские, американские, испанские, чешские, китайские. Здесь работали представители Государственной Чрезвычайной комиссии по расследованию немецко-фашистских зверств и злодеяний, представители командования Красной Армии. Они приехали сюда, чтобы рассказать всему миру о новом преступлении фашистов.

На территории лагеря стояли два барака, один огромный, в котором томились узники, и который стал местом кровавых преступлений фашистов. Он весь был завален трупами расстрелянных. Другой барак поменьше – в нём жила охрана лагеря. Широкий лагерный плац был завален одеждой и обувью. Перед расстрелом узников раздевали донага.

Возле лагеря стояло несколько бараков. Здесь находились мастерские, в которых работали узники. На поляне за лагерем обнаружены обгоревшие костры с расстрелянными людьми и не сожжёнными дотла.

В стороне обнаружен большой остов когда-то стоявшего здесь двухэтажного дома на восемь комнат. Фундамент был покрыт пеплом, обгоревшими трупами, остатками черепов и костей. На дороге от дома до костров валялись трупы. Это бежавшие от озверевших палачей узники, которые пытались спастись от расправы. Их всех расстреляли.

На одном из участков лагеря лежал станок для порки заключённых, побуревший от крови, и нагайка – стальной прут, обтянутый воловьей жилкой.

Под навесом стояли бочки с бензином, которым обливали трупы и дом, чтобы сжечь, большой запас ядовитой жидкости, которой отравляли больных

и немощных, ящики с минеральной водой, завезённые в день кровавой расправы, чтобы палачи могли освежиться.

Фашисты рассчитывали замести следы преступления, убрать остатки костров, трупы, очистить фундамент сгоревшего дома, но не успели, боялись скорого прихода Советских воинов. Они слишком торопились, страшились возмездия. В уцелевших, не успевших сгореть бараках, между трупами осталось несколько живых заключённых. Сейчас они были живыми свидетелями, рассказывали, как готовилась экзекуция, как слышали шум приходящих грузовиков, лай собак и палачей – «Шнель, шнель!» Живых свидетелей оказалось 84 человека. Они с волнением рассказывали ужасы перенесённого. Благодарили спасителей, воинов Красной Армии. Водили прибывших по территории и рассказывали:

– Вот труп превосходного портного, а рядом его сын. Вот обнявшиеся, это два брата.

– Вот труп известного в Вильнюсе врача.

– А этот человек был директором Вильнюсской филармонии, Вольф Дурмашкин.

– Этому ребёнку три месяца, а это его мать, политзаключённая эстонка, привезённая сюда перед казнью из таллиннской тюрьмы.

Из центра управления концлагерями в Эстонии, находившегося в местечке Вайвара, неоднократно приезжали высокие эсэсовские начальники, гауптштурмфюрер Бреннейзер, чтобы тешиться поркой заключённых. Отравлял ядом больных немецкий врач, штурмбанфюрер Кробобах. Другой палач в звании врача, гауптштурмфюрер Ботман лично порол на станке хирурга из Вильно шестидесятилетнего доктора Залкиндсона, который не снял перед ним шапку. Врач – изверг нанёс жертве 75 ударов.

Санитар лагеря унтершарфюрер Гент сжёг в топке двух новорожденных младенцев. Рожать в лагере было запрещено, и появление младенцев было нарушением режима. Этот палач зарубил топором 23 заключённых.

Немецкие инженеры Кеппель, Штаже, Пшессунг из строительной организации Тодт приходили с собаками-волкодавами для травли заключённых. Пшессунг приходил в лагерь, чтобы пороть женщин. Надзирательницы Инге Бейцман и Агре Гастен свирепо издевалась над женщинами и детьми. Врач лагерного госпиталя гауптштурмфюрер Ботман принимал больных с температурой не ниже 40 градусов. В его госпитале было восемь коек. Он лично сам больным впрыскивал шприцем смертельный яд «Эвппан».

Санитары Гент, Шмигтц и Бар систематически избивали больных. Частым поводом для этого было неприветствие. При входе эсэсовцев в палату больной должен был встать по стойке «Смирно». Если больной не мог встать, он должен был вытянуть руки вдоль кровати и повернуть голову к входящему. Считалось за саботаж, если больной не делал этого, его подвергали жестоким

побоям. Заключённые в концлагере подчинялись каторжному режиму в зависимости от пола и возраста. Каждому заключённому присваивался номер, который пришивался в двух местах на одежду, женщинам сбрасывали волосы на голове, а мужчинам пробривали полосу от лба к затылку.

В концлагере было 84 ребёнка. Их заставляли работать по 12-15 часов в сутки, выполняя тяжёлые работы. Заключённых морили голодом. Суточная норма была 330 грамм хлеба, 25 грамм несъедобного маргарина, тарелка тюремной похлёбки (вода и 40 граммов муки), кружка суррогатного кофе. В лагере свирепствовали болезни и смертность.

Порки заключённых производились публично. Наказаниями были оставление без пищи на двое суток, привязывание на 2-3 часа к столбу в мороз, порка 25, 50, 75 ударами, которые наказуемый должен отсчитывать вслух. Били плёткой со стальным стержнем. Избивали за неприветствие, за обнаружение второй рубашки или куска хлеба.

Палачи и садисты – эсэсовцы и тодтовцы повышались по службе, получали звания и награды. Распределитель трудовых работ Шварце, продвинулся в звании до обершарфюрера после того, как забил насмерть подростка.

В концлагере погиб директор Вильнюсского техникума инженер Шпарбер, историк, автор многочисленных трудов Герман Крук, юрист Флавмуш Тегельбаум, литератор из Каунаса Диментман, поэт Лейб Гозенталь, режиссёр и литератор Востомский, директор туберкулёзного госпиталя в Вильнюсе Владимир Почтер и многие другие. Здесь были насильственно угнанные жители из-под Ленинграда, Пскова, Орла и других городов, политические заключённые из тюрьмы г.Таллина.

19 сентября 1944 года в 8 часов утра в концлагерь прибыли из Таллина закрытые грузовые машины. Они привезли 800 человек русских военнопленных, 700 человек эстонских политзаключённых, 74 человек евреев из концлагеря Лагеди, там расстреляли 440 человек при отступлении, а этих не успели.

Заключённых выстроили перед бараками, разбили на группы. Одна группа в 300 человек получила задание готовить дрова. В 14 часов 30 минут немцы начали уничтожение заключённых. Они заставили узников сложить четыре больших костра на поляне. На первый ряд поленьев каждого костра немцы приказывали заключённым ложиться в тесный ряд, затем расстреливали из автоматов. Ожидавшие своей очереди клали новый ряд поленьев и по команде ложились на дрова. Гестаповцы и этих расстреливали. Когда три костра по 8-10 рядов трупов, переложённых дровами, были готовы, немцы облили бензином, приготовленным в четырнадцати бочках, и зажгли. Костры горели 2,5 суток.

Ввиду спешки четвёртый костёр остался незадействован. Немцы перешли к уничтожению людей прямо в бараках.

В бараке из восьми комнат было убито более 700 человек. Туда вводили в тёмные комнаты, ставни были закрыты, тесно укладывали на пол и умерщвляли выстрелами в затылок. После этого открыли окна, облили барак бензином и подожгли. Заключённые Ваняк Абрам и Евгения Оленицкая притворились убитыми, а затем выбрались в открытые окна. Последних узников расстреливали, повернув спиной к карателям. Было много женщин с детьми. Спаслись только под нарами и на чердаке. Много трупов лежало на поляне, они пытались бежать, но были расстреляны. Многие сгорели заживо.

Всего за день 19 сентября 1944 года в концлагере Клоога было уничтожено до двух тысяч человек.

В районе железнодорожной станции Клоога располагался второй концлагерь, в котором немцы содержали около 6000 человек, насильственно угнанных советских граждан, которые так же предназначались к уничтожению. Они остались живы благодаря стремительному наступлению Красной Армии.

Прибывшая комиссия Красной Армии со свидетелями, гражданами Эстонской ССР и бывшими заключёнными концлагеря, оставшимися в живых, составили акт о чудовищном преступлении гитлеровцев в концлагере Клоога. В акте были перечислены все чудовищные преступления и каратели поимённо.

Этот материал печатался с подлинных документов. В числе этих документов «Акт о чудовищном преступлении гитлеровских захватчиков, совершённом в концентрационном лагере у железной дороги станции Клоога Эстонской ССР». Его прислали ученики Клоогской восьмилетней школы, они сняли копию этого акта, хранящуюся в музее, с таким сопроводительным письмом:

Уважаемый Яков Михайлович!
Получил Ваш ученики и старшая пионервожатая Клоогской восьмилетней школы. Мы с радостью откликнулись на Вашу просьбу и постылали Вам то, что нам удалось достать о концлагере Клоога. Если нам удастся ещё что-нибудь узнать, мы непременно Вам сообщим.

С уважением
ученики Клоогской школы

Всё увиденное требовало беспощадного возмездия.

После всего увиденного авиаторы за два дня, 21 и 22 сентября, потопили свыше 30 вражеских судов с фашистскими головорезами и их боевой техникой.

ОСВОБОЖДЕНИЕ МООНЗУНДА

*Гвардии старшина
Александр Михайлович Цыплев. 1945 г.*

Как уже сообщалось ранее, после освобождения материковой части Эстонии войска направились к пристани Виртсу. О боевых действиях сухопутных частей на островах поведёт рассказ участник этих событий А.М.Цыплев (Александр Михайлович Цыплев родился в 1912 году в деревне Кофино Фурмановского района Ивановской области. Участник Великой Отечественной войны. Демобилизован в запас в 1963 году, служил при штабе воинской части 98642. Имеет ранения. Награждался орденом Отечественной войны, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и другими медалями. Ныне проживает в г.Риге).

— В войну я был командиром боевой установки миномётов «катюша» 30-го Гвардейского дважды Краснознамённого орденов А.Суворова и М.Кутузова Ропшинского миномётного полка. («Катюша» — реактивная артиллерийская установка БМ-13. Впервые изготовлена на Воронежском заводе с заводской маркой «К». На вооружение появилась в начале войны. Народное название получила от песни Блантера «Катюша», популярной в это время).

В январе участвовал в боях по прорыву блокады Ленинграда, затем освобождения Ропши, Нарвы, Раквере и Таллина. А дальше предстояло освобождение Моонзундских островов. Вместе с воинами 8-й Армии и 8-го эстонского стрелкового корпуса генерала Лембит Пэрн мы прибыли к пристани Виртсу, чтобы высадиться десантом через пролив Суур-Вяйн на остров Муху. Приказ был дан 29 сентября в 19.00. Через несколько секунд открыли огонь пятьдесят батарей «катюш». Над проливом протянулись огненные трассы, район высадки покрылся сотнями разрывов, всё слилось в сплошной гул. Артиллерия врага молчала. Торпедные катера под командованием капитана 3-го ранга Е.В.Осецкого и 283-й батальон особого назначения 96-ти амфибий майора М.Князева начали производить погрузку личного состава на торпедные катера.

В первый эшелон погрузили батальон капитана А.Белова и капитана 3-го ранга Героя Советского Союза В.П.Гуманенко. Всей посадкой руководил капитан 1-го ранга Е.В.Гуськов. При подходе их к берегу, фашисты открыли ураганный огонь.

Первыми подошли к берегу торпедные катера Александра Обухова, Ивана Ларина и Павла Чалова. Пехотинцы и моряки начали бой за плацдарм. Первыми пошли в атаку бойцы батальона капитана Никулина. В бою капитан был ранен, но продолжал руководить боем. Погиб командир батальона капитан А.Белов, его заменил старший лейтенант А.Петров. Одним из первых повёл в атаку свой взвод эстонец, лейтенант Георгий Соо. Они атаковали позиции врага и перешли в рукопашную схватку. У фашистов была отбита одна четырёхорудийная батарея и два зенитных орудия. Во взводе отличились эстонцы: сержант Н.Матяшин, младший сержант Сисаска и бойцы Тяхе, Борсман, Варев, Кирк.

Особенно отличился самоотверженными действиями лейтенант Александр Шутов. Его паром за ночь совершил шесть рейсов. А бойцы, жители острова Муху, Харри, Ийээр, Эльмар, Эсккюля, били фашистов прикладами, лопатами, освобождая свою землю от ненавистных завоевателей. Крепко дрались бойцы-островитяне В.Кестер, А.Аллик. Истекая кровью сходились врукопашную и не дрогнули. Таких бойцов из эстонского корпуса было много. Враг не выдержал и отступил, оставляя на поле боя много убитых и технику.

К утру 30 сентября мы полностью освободили остров Муху. Затем, по ориссаарской дамбе был путь к острову Сааремаа. Дамба была взорвана в четырёх местах и густо заминирована. Наши сапёры стали разминировать дамбу и восстанавливать, стоя в холодной воде под постоянным огнём противника. Через пролив Вяйке-Вяйн начали высаживать десант. Под ураганным артиллерийским огнём наш 30-й полк «катюш» перешёл дамбу и высадился в районе Ориссааре. Враг упорно сопротивлялся.

Бессмертный подвиг у реки Медеваха совершил младший сержант 27-го стрелкового полка Херберт Калевисте. Он шёл в атаку в составе десанта на

бронетанке. Попали под сильный огонь. Калевисте соскочил с танка и из ручного пулемёта, один против группы фашистов, дрался до последнего патрона. Получил тяжёлое ранение, уничтожил тридцать семь гитлеровцев, гранатой уложил ещё пятерых фашистов.

А сколько таких подвигов было, им счёта нет.

С тяжёлыми боями мы продвигались вперёд и к 14 часам 7-го октября гитлеровцы были выбиты из города Курессааре.

К 16-ти часам мы вошли в порт Роомассааре и продолжали преследовать врага до реки Насва. Мост был взорван. Сапёры восстановили его, и мы с боями стали продвигаться на полуостров Сырве.

Бои за остров Сырве приняли ожесточённый характер. В целях быстрого наступления и овладения полуостровом, генерал П.А.Пэрн, командир эстонского стрелкового корпуса, приказал 8-го октября сформировать сильный механизированный отряд с командиром отряда майором В.Миллером. Отряд получил приказ решительно прорваться через вражеские боевые порядки, уничтожить отходившие силы фашистов, и быстрыми темпами наступать на полуостров Сырве.

Вслед за механизированным отрядом стали продвигаться подразделения первого батальона майора Караульного.

У деревни Кирмусте отряд Миллера принял бой. Гитлеровцы с остервенением вели стрельбу, но бойцы отряда смяли фашистов и упорно продвигались вперёд. При подходе к деревне Татарселдья бойцам отряда вновь пришлось принять бой. К вечеру отряд вошёл в деревню Техумарди. Отряд Миллера в это время с боем подходил к деревне Сальме. На рубеже Сальме-Техумарди фашисты переходили несколько раз в контратаки, но успеха не имели. Тогда отряд Миллера начал преследовать врага. В этот момент послышалась в тылу частая пулемётная и автоматная стрельба, стал доноситься лязг гусениц и шум моторов. В темноте трудно было что либо рассмотреть, Миллеру показалось, что бой ведут бойцы батальона Караульного. Послышались крики:

– Не стреляйте! Свои!

Огонь не прекращался, скорее усиливался. В кромешной тьме ничего нельзя было определить. Тогда выпустили осветительную ракету. Бойцы увидели, как со стороны Техумардина надвигались танки, бронетранспортёры, автомашины с гитлеровцами. Были слышны выкрики на немецком языке. Это отступал усиленный фашистский 67-й пехотный полк. Они воспользовались ночным временем, чтобы соединиться со своими войсками на полуострове Сырве. Так они наткнулись на батальон майора Г.Караульного. В ночной темноте произошло кровавое побоище с численно превосходящим противником. Боевые порядки перемешались, невозможно было в темноте отличить своих от чужих. В таких условиях командиры подразделений не

могли управлять боем. Каждый боец и офицер дрался самостоятельно, не щадя своей жизни.

Первыми пулемётными очередями сержант Адольф Пеерман скосил несколько десятков фашистов. Боец Гобиях Коор поджёг танк противотанковой гранатой. Наводчик 45-миллиметровой пушки Владимир Греков подбил бронетранспортёр. Лейтенант Рудольф Тонксен из нагана застрелил несколько гитлеровцев. Заместитель командира батальона Альфред Лаас получил несколько ранений, но продолжал вести бой. Повсюду завязывались рукопашные схватки, каждый бил врага, сражался, как истинный герой.

Смяв левый фланг батальона майора Караульного, гитлеровцы двинулись на отряд майора Миллера. Возник неравный бой. Первой открыла огонь батарея лейтенанта Велло Ранда. Потом в бой вступили танкисты, гусеницами танков давили врага. В бой вступили пулемётчики, автоматчики. Это было что-то ужасающее, гул моторов, разрывы гранат, человеческие крики слились в единый грохот ночного боя. Это был самый настоящий ад. Фашисты были зажаты в кольцо и уничтожались нещадно. Но они шли напролом, видя безысходное положение.

Вражеский танк «тигр» стремительно двигался на батарею лейтенанта Велло Ранда. Первым орудием батареи, прямым попаданием бронебойного снаряда остановили чудовище. Второй танк пополз на батарею лейтенанта Эдуарда Сау. По танку открыло огонь орудие младшего сержанта Ильи Минаева. С лязгом и скрежетом «тигр» приближался к орудью, но бойцы не дрогнули, продолжали огонь. Повреждённый танк всей своей тяжестью подмял пушку под себя. Смертью героев погибли артиллеристы у своего орудия – Минаев, Мери и Мяэсту. Во многих местах начались ожесточённые рукопашные схватки. В ход пошли ломы, топоры, кирки, приклады, ручные гранаты. В этом ночном бою погиб командир отряда майор Миллер.

К утру бой постепенно стал стихать. Враг на поле боя оставил убитых и большое количество техники.

10-го октября наши войска снова пошли в наступление. После ожесточённых боёв достигли самого узкого места на перешейке полуострова Сырве. Но прорвать оборону фашистов на линии Унгру-Пагила нам тогда не удалось».

283-й батальон амфибий майора М.Князева начал высадку десанта на побережье у Каугатома-Лахт. Первым высадил своё отделение сержант Сергей Сергеев. Бойцы отделения уничтожили большое количество фашистов. Боец Владимир Иванюшин из автомата и в рукопашной схватке убил больше, чем 25 гитлеровцев. Когда у него кончились патроны, он подобрал вражеский пулемёт, и стал бить из него по фашистам. В ходе атаки Иванюшин был дважды ранен, но продолжал вести бой. По нашему десанту вёл огонь вражеский пулемёт. Автоматчик Евгений Сократов подполз и гранатами забросал пулемёт.

Особенно упорно вели бой автоматчики взвода лейтенанта Василия Антонова. При отражении контратак гитлеровцев они уничтожили много десятков фашистов. Так дрался отважный десант.

Гитлер приказал оборонять полуостров Сырве до последнего солдата. Его приказ выполняли ревностно. Было много убитых и раненых с обеих сторон. Жители окрестных деревень, Йохан Кееккюла, Йохан Казик, Михаил Пылд перевозили раненых в медсанбат на своих лошадях. Многие жители приносили раненым молоко, яйца, стирали им бельё.

Враг создал на полуострове Сырве глубоко эшелонированную оборону. Первая позиция проходила по линии Унгру-Пагила, вторая – по линии Лыпе-Кайди, а третья готовилась в 20 километрах в тылу. На каждой позиции проходил глубокий противотанковый ров, были вырыты три линии траншей. В траншеях находились пулемётные площадки и площадки противотанковых пушек. Перед траншеями были сплошные минные поля. Весь 2,5 километровый перешеек прикрывался артиллерийским и миномётным огнём с закрытых позиций. Чтобы прорвать столь сильную оборону противника, надо было уничтожить его огневые средства. Для этого требовалась сильная артиллерия, большое количество боеприпасов.

Очередное наступление было назначено на 19 октября. Оно началось с залпов «катюш». Сорок минут бушевал огонь. В 15 часов батальоны 921-го и 925-го стрелковых полков при поддержке танков и артиллерии двинулись в атаку, взламывая оборону врага. Бойцы действовали храбро и решительно. Старший сержант О.Рохила уничтожил вражеский пулемёт, осколками мины его ранило в обе ноги и лицо. Обливаясь кровью, он продолжал бой. На него набросились два гитлеровца. В рукопашной схватке Рохила одного прикончил ударом приклада, а другого застрелил из автомата.

В 17 часов наши войска захватили противотанковый ров. Гитлеровцы оставили на поле боя около 700 убитых и много оружия. Советские войска на всём фронте переднего края прорвали оборону врага, но вглубь продвинуться не могли. Бои носили исключительно упорный характер. До 25 октября наши войска ни днём, ни ночью не давали покоя фашистам. При отражении контратак наши бойцы храбро вступали в бой. Пулемётный расчёт старшего сержанта Александра Гаврильчука при контратаке фашистов уничтожил 200 человек.

Механик-водитель 45-го танкового полка старший сержант Александр Валгасте в бою у Каймри огнём и гусеницами уничтожил два орудия, три пулемёта и несколько гитлеровцев.

Экипаж танка сержанта Рихарда Рятсепа действовал смело. Когда танк загорелся, он первым выбрался на броню машины и стал огнём из автомата прикрывать экипаж, который начал тушить пожар. Ликвидировали пожар, и танк снова пошёл в атаку.

Танк лейтенанта Матвея Шкирятова в ходе атаки огнём и гусеницами раздавил два дзота и уничтожил четыре пулемёта. От прямого попадания вражеского снаряда танк загорелся, Шкирятов вёл в бой горящий танк.

На протяжении всех этих дней советские войска предприняли много атак для прорыва обороны врага, но они закончились безуспешно. Командующий 8-й Армией генерал-лейтенант Стариков отдал приказ временно приостановить наступление. Войска армии начали усиленно готовиться к окончательному разгрому фашистов на полуострове Сырве. Стали усиленно готовить новую технику, танки, артиллерию и пехотные войска. На остров пришлось перебросить много разной техники и боеприпасов. В течение 20 суток план мероприятий был выполнен.

Хорошо сработала наша разведка. Она засекала новые огневые точки, дзоты и блиндажи.

В связи с усиленной подготовкой русских к грядущим боям, на сухопутном фронте произошло некоторое затишье, и только наша авиация не давала покоя фашистам ни днём, ни ночью. Штурмовая авиация внезапно нападала на «осиные гнёзда» и буквально всё сжигала. Истребители охраняли штурмовиков. Здесь на Сааремаа немцы сконцентрировали большое количество авиации, и нашим лётчикам-истребителям приходилось каждый день вести жаркие воздушные бои. До нас дошли рассказы лётчиков-истребителей.

В один из боевых дней вылетели четыре лётчика-истребителя 11-го авиаполка с ведущим командиром звена старшим лейтенантом В.А.Гулаковым на сопровождение штурмовиков Ил-2 с задачей нанесения бомбштурмовых ударов по кораблям противника. Не дойдя до цели, встретились шесть фашистских истребителей ФВ-190. Гулаков спокойно передал по радио:

– Горбатые, не бойтесь, идите на цель. Мы им сейчас дадим бой.

Слова Гулакова не разошлись с делом, было сбито два фашистских истребителя, остальные ушли, не решаясь встретиться и разделить участь с погибшими. «Илы» сделали по два захода, потопили один вражеский корабль и одно повредили, спокойно повернули на свой аэродром.

При другом вылете снова фашисты напали, но опять не в свою пользу. В воздушном бою с Гулаковым, Кротовым, Сериковым, Семёновым они не досчитались двух ФВ-190, которые так же ушли на дно морское. Вечером проходило партийное собрание, Кротова и Серикова принимали в партию. Победа над фашистами была их первым партийным взносом. Об этом воздушном бое рассказывал командир эскадрильи 11-го авиаполка капитан Денисов:

«Шестёрка наших лётчиков на самолётах ЛаГГ-3ф Бреславский, Туркин, Сорокин, Егоров, Кузин и я шли на сопровождение «илов». При подходе к цели штурмовики перестроились в правый пелинг. Ведущий «илов» пошёл в атаку, и с ним отделилась пара наших истребителей, Сорокин и Егоров. А в это время

я заметил, справа от цели с большим углом набора высоты шли два ФВ-190. Не теряя времени, я резко развернулся вправо на них. Один «ФВ-190» проскочил моего ведомого Кузина, сделал три очереди. Я оказался сзади атакующего на дистанции 50-70 метров. Две короткие очереди решили судьбу гитлеровца, он вошёл в воду у береговой черты. Развернувшись влево, я увидел бой двух наших лётчиков со вторым «фоком». Я развернулся влево и атаковал его, он сделал горку, а потом стал падать. В этом бою нами было сбито два ФВ-190. У лётчика Кузина был пробит руль поворота, но он удачно произвёл посадку.

Много героических вылетов совершили советские лётчики на своих краснозвёздных самолётах, их не перечисть.

Даже буржуазные военные историки признают, что от интенсивных атак советской авиации немецкий флот потерял 25% кораблей.

28-го декабря 1944 года Указом Президиума Верховного Совета СССР за боевые заслуги в боях за Советскую Родину против немецко-фашистских захватчиков 11-й истребительный авиаполк был награждён орденом Красного Знамени.

А что было в 12-м КИАП?

Начнём рассказ с заместителя командира полка по лётной подготовке Героя Советского Союза **Михаила Гавриловича Клименко**.

*Герой Советского Союза
лётчик Михаил Гаврилович Клименко
с вручённым ему самолётом*

До войны М.Клименко был лётчиком ГВФ, налетавший по воздушным трассам страны более миллиона километров. Будучи штурмовиком на самолёте Ил-2, он потопил шесть немецких кораблей, несколько десантных барж, уничтожил много танков, артиллерийских орудий и живой силы врага.

В январе 1945 года в 12-ом КИАП на острове Сааремаа ему был вручён персональный самолёт Як-7, построенный на средства трудящихся Горьковской области. На этом самолёте М.Клименко воевал до конца войны.

Последний вылет М.Клименко произвёл 7 мая 1945 года, сопровождая штурмовиков в порт Рёне на острове Борнхольм в Дании. Здесь скопилось большое количество фашистских войск, прибывших на плавсредствах из Восточной Пруссии и Померании.

Одновременно с нанесением бомбо-штурмового удара, наши штурмовики сбросили над городом листовки с ультиматумом следующего содержания: «Команданту гарнизона острова Борнхольм!

Во избежание излишних жертв предлагаю немедленно капитулировать.

Для переговоров об условиях сдачи острова и гарнизона выслать представителей в порт Кьоберг. Безопасность перехода морем гарантирую.

Командир соединения подполковник Слепенков (подпись)».

На ультиматум гитлеровское командование ответило отказом, однако, в виду безвыходного положения немецкий гарнизон острова Борнхольм сложил оружие.

Это был последний вылет 12-го КИАП в Великой Отечественной войне.

За время войны произведено полком 9708 боевых вылетов. Потоплено 19 кораблей противника, уничтожено в совместных действиях со штурмовиками 443 автомашины с солдатами, 8 орудий, сбито 198 самолётов противника.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24.05.1945 года за образцовое выполнение боевых заданий по разгрому Земландской группировки войск противника, захвату военно-морской базы Пиллау и проявленной при этом доблести и мужества 12-й КИАП наградить орденом Ушакова второй степени.*

О морских боях у острова Сааремаа при его освобождении рассказал военный корреспондент М.Никитин. Он сообщил следующее:

«16 ноября ударные силы и средства флота были рассредоточены на исходных позициях. Метеообстановка несколько задержала открытие действий, но утром 18 ноября противник был ошеломлён мощным артиллерийским огнём.

Морские бронекатера капитанов Максименкова и Склярова подошли вплотную к берегу и огнём своих пушек прочесали всё побережье от линии фронта до мыса Церель. Корабли флота в первые же минуты артиллерийского боя уничтожили и подавили огневое сопротивление врага.

Поднявшаяся в контратаку немецкая пехота была рассеяна. Почти в упор были расстреляны и потоплены два немецких катера, разбиты причалы. Чувствуя приближение решающего штурма наших войск, враг подтянул в район полуострова большой отряд кораблей, 8 миноносцев, сторожевые корабли, торпедные и сторожевые катера, подводная лодка. На плёсе восточнее полуострова происходили ожесточённые бои.

Катера капитанов Чебыкина и Новожилова сковали группу немецких катеров, в контратаке рассеяли их. Корабли капитана 3-го ранга Максименкова дерзко вступили в открытый бой с миноносцами и быстроходными десантными баржами, метким огнём нанесли тяжёлые повреждения.

Блестящий боевой маневр проделали корабли капитана 2-го ранга Весёлова. Устремившись во фланг огневых позиций, они с исключительной смелостью произвели высадку десанта. Страшная паника поднялась на немецких кораблях. Открытым текстом они передавали по радио: «Русские высаживают десант!». Ошеломляющее потрясение они почувствовали, когда огневой удар обрушился на них с другой стороны. Удары с воздуха довершили картину разгрома. Два немецких миноносца и БДБ были потоплены, многие корабли были с повреждениями.

Спасаясь от наших кораблей, немцы выставили мощные минные заграждения. Катера Весёлого и Новожилова парализовали эту опасность и обеспечили кораблям свободу маневрирования на своих позициях. Много было уничтожено мин. После мощного удара и прорыва обороны немцы стали отводить свои части. В районе операции было до восьми миноносцев, большое количество БДБ и сторожевых кораблей, даже был крейсер типа «Лютцов».

Во взаимодействии с авиацией и береговой артиллерией, участвовали корабли капитанов Олейника, Лазо и Максименкова. Когда положение немцев стало безнадежным, они задействовали против наступающих сил тяжёлый немецкий крейсер. Лётчики подполковника Слепенкова штурмовыми ударами заставили крейсер замолчать. Получив три прямых попадания, он ушёл с тяжёлыми повреждениями.

За это время немцы, пытавшиеся удержать полуостров Сырве, потеряли от ударов авиации и моряков флота 4 миноносца, 6 СКР, 4 тральщика, 6 СКА, 2 БДБ, 3 самолёта. Получили тяжёлые повреждения крейсер «Лютцов», 5 миноносцев, 5 тральщиков, 5 БДБ и другие корабли противника. Огромный урон немцы понесли в живой силе и технике. Очень немногим из немецких оккупантов полуострова удалось добраться до материка.

Рассказ Александра Михайловича Цыплева был прерван. Теперь дадим ему слово:

«После небольшого перерыва наступательных войск по освобождению от фашистов острова Саарема снова и решительно возобновилось наступление. Оно началось 18 ноября в 9 часов 50 минут. Первыми заговорили наши «катюши» 30-го гвардейского полка.

Огонь открыли 200 артиллерийских и миномётных батарей. Вздрыгнула земля на всём полуострове. В течении 57 минут бушевал огненный смерч. Гул слился с шумом и лязгом нескольких десятков танков и самоходных орудий.

*Военно-морской архив. Фонд 383, опись 7с, дело №1.

Первым поднялся в атаку батальон 743-го стрелкового полка майора Михаила Воронова, который своим примером увлёк бойцов и офицеров. Майора ранило, но он продолжал руководить боем.

Не отставал от них и 593-й стрелковый полк. Рота лейтенанта Владимира Марасова, преодолев минное поле, первыми ворвалась в траншею врага. Атакой было уничтожено семь пулемётов, несколько десятков гитлеровцев, 23 захвачены в плен. Лично лейтенант Марасов застрелил двух офицеров и десять солдат. В ходе боя Марасов получил ранение. Забинтовав руку, он вновь устремился в бой.

Успешно прошла атака на участке 456-го стрелкового полка майора Мелихина. Рядовой Голубев и ефрейтор Осипов первыми поднялись в атаку, огнём и гранатами истребили одиннадцать фашистов, четырёх захватили в плен.

Рота лейтенанта Базаренко обезвредила несколько сот мин. В проходы устремились танки роты старшего лейтенанта Лобова. Огнём и гусеницами танков рота уничтожила пять дзотов, три противотанковых орудия и сотни гитлеровцев.

Лейтенант Макаренко раздавил танком два миномёта, 15 повозок, уничтожил несколько солдат. Старший лейтенант Ваглаотс смял танком три миномёта и несколько фашистов. Так дрались все советские танкисты, сметая на пути ненавистных гитлеровцев.

Через час наступления на рубеже Лыпе-Кайми оборона второй позиции фашистов была прервана. В траншеях валялись трупы и много оружия.

Трое суток не прекращались и воздушные бои. К концу дня 21 ноября наши части продвинулись в глубину обороны фашистов на 30 километров, подошли к последнему рубежу обороны врага по линии Торкен-Ийде. До южной оконечности полуострова Сырве осталось всего 10-12 километров. В ночь на 23 ноября наши войска готовились к последнему удару. В час дня началась артиллерийская подготовка. Она длилась один час 10 минут. Снова «катюши» сжигали всё на пути. Потом пошли танки и пехота. К концу дня наши войска вышли на линию Лола-Люлле-Мятти. Эти деревни были сильно укреплены.

На рассвете 24 ноября советские войска вышли к побережью на южной оконечности полуострова Сырве. Враг был окончательно добит и изгнан с земли Советской Эстонии.

На южной оконечности Сырве воины Эстонского корпуса подняли красный флаг.

В это утро южный берег представлял страшную картину. Всё побережье Сырве было завалено исковерканной боевой техникой, трупами убитых солдат и даже лошадей.

За шесть дней нашего наступления фашисты оставили на поле боя 7000 трупов солдат и офицеров, сдались в плен около 5000 фашистов. Немногим удалось сбежать от возмездия в Курляндию.

Пришлось нам много поработать, чтобы навести порядок, убрать разбитую технику и трупы фашистов. Это я сам видел и руководил работой своих подчинённых.

На этом заканчиваю свой рассказ. Не всех героев я вспомнил, их было гораздо больше. Со многими бойцами и командирами я был знаком, разговаривал с ними, делил нелёгкую фронтовую участь, прополз с ними по щелям и блиндажам. Остались в памяти радостные воспоминания побед и грустные минуты прощания с погибшими.

За верность рукописи отвечает командир боевого расчёта БМ-13 Тридцатого Гвардейского полка, гвардии старшина А.М.Цыплев, Ветеран войны, Ветеран ДКБФ, Ветеран труда.

Вот так закончил свой рассказ А.М.Цыплев.

История повернулась вспять. В 1941 году здесь фашисты безжалостно добивали оставшихся защитников острова. Теперь было всё наоборот. Уничтожались те, которые пришли в мирную страну поработителями.

24 ноября Москва салютовала доблестным войскам Ленинградского фронта и морякам

Балтийского флота, полностью овладевшим островом Сааремаа. Залп был из 224 орудий, повторялся 20 раз.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 декабря 1944 года за образцовое выполнение заданий командования в боях с немецкими захватчиками, за овладение островом Сааремаа (Эзель) и проявленные при этом доблесть и мужество 39 частей и соединений были награждены орденами.

Среди награждённых – восемь частей и соединений 8-го Эстонского стрелкового корпуса. Победа эта досталась нелегко. За семь дней боёв на полуострове Сырве в братских могилах осталось более 400 наших воинов, свыше 350 солдат и офицеров получили ранения. (Ф.И.Раульман. «От Нарвы до Сырве»).

Воскресение 26 ноября 1944 года.

Радостная весть о полном освобождении острова Сааремаа молниеносно облетела города и сёла всего Советского союза. Эстония освобождена полностью и окончательно!

Через нечеловеческие муки и страдания пришла эта долгожданная победа, гитлеровские палачи не сломили уверенность в победе. Партизанские мстители наводили ужас на немецких палачей. Эстонский корпус под командованием генерал-лейтенанта Л.Пэрн продемонстрировал единство и монолитность народов-братьев.

В городах и деревнях, на фабриках и заводах прошли митинги, где выступающие выражали радость и признательность великой Родине, которая дала

возможность эстонскому народу вздохнуть свободно и приступить к восстановлению ограбленного фашистами народного хозяйства.

И рабочий Кибус, рабочий 1-го машиностроительного завода, и крестьянин Авик из деревни Копли Лянемасского уезда выражали благодарность бойцам Красной Армии за освобождение от фашистов. Молодёжная бригада 1-го машиностроительного завода, бригадир Кулерканн, в честь освобождения Эстонии выполнила задание на 250%.

– В ответ на полное освобождение родной Эстонии, – сказал рабочий завода «Ильмарине» Мяэотс, – я буду работать с удвоенной энергией. Я не пожалею ни сил, ни времени, чтобы помочь Красной Армии окончательно разгромить гитлеровскую Германию. Мы верим, что наш народ успешно завершит разгром гитлеровской Германии и водрузит над Берлином знамя победы. Вперёд на полный разгром немецко-фашистских захватчиков! (Газета «Советская Эстония» 26 ноября 1944 года).

ЧЕТВЁРТЫЙ ГОД ИДЁТ ВОЙНА В ЕВРОПЕ

Это было в 1944 году.

Ленинградский и Карельский фронты вместе с Балтийским флотом, Ладожской и Онежской флотилиями закончили Выборгско-Петрозаводскую операцию. Сокрушив сильно укреплённую оборону финнов, советские войска продвинулись на Карельском перешейке на 110-130 километров. 20 июня 1944 года был освобождён Выборг, советские войска вышли к государственной границе 1940 года. Было завершено полное освобождение Ленинградской области, снята угроза Ленинграду с севера и северо-востока. Была освобождена большая часть Карело-Финской республики с её столицей Петрозаводск, возвращены Беломоро-Балтийский канал и Кировская железная дорога, связывающие Крайний Север с центром страны. Краснознамённый Балтийский флот получил свободу действий на востоке Финского залива. Прорыв обороны врага длился недолго, всего 11 суток, Свирско-Петрозаводская операция длилась 50 суток.

Фашистская Германия, потерявшая в 1943 году союзника Италию, опасалась потерять остальных сателлитов. Финляндия, оказавшись в тяжёлом положении, могла пойти на примирение с Советским Союзом. Промышленное производство страны составляло 40% довоенного уровня, сельское хозяйство дошло до полного истощения, финансовая система была полностью расстроена, росла дороговизна, процветала спекуляция, государственный долг вырос в 20 раз. Финские рабочие, крестьяне, солдаты, изнурённые трёхлетней войной, упорно требовали её прекращения.

Президент Рюти, ярый сторонник финско-германского сотрудничества, был вынужден уйти в отставку, оставив кресло Маннергейму. Но народу от этого стало не легче. 17 августа в Финляндию прибыл фашистский генерал Кейтель, вручил германские ордена Маннергейму и начальнику штаба Э.Хейнриксу. Но это не поправило дела, Финляндию было не удержать. 29 августа 1944 года финское правительство обратилось к Советскому Союзу с просьбой начать переговоры о примирении, 4 сентября было заявлено о разрыве с фашистской Германией. Через две недели было подписано соглашение о примирении Финляндией. Советское правительство согласилось на минимум требований по репарациям (возмещение материального ущерба, причинённого войной). Ликвидация фашистских организаций и наказание военных преступников создали условия для демократического развития Финляндии.

На главном направлении шли наступательные бои. Окружённая восточнее Минска вражеская группировка была ликвидирована. Освободили Вильнюс, Гродно, Барановичи, Пинск, форсировали Неман. За 22 дня боёв разгромили три немецкие армии, освободили почти всю Белоруссию и значительную часть Литвы, продвинулись на запад до 500 километров. Фронт был от Финского залива до Карпат. Шли бои на западном берегу реки Неман.

Немцы начали осознавать, что пришёл конец их хозяйничанью на чужих землях, и настало время воевать на своей территории. Разгром фашистов в Белоруссии привёл к бешенству Гитлера. Он бросал туда свои подкрепления, снимал из Польши, Венгрии, Норвегии и самой Германии. Советские войска окружали и уничтожали фашистские группировки.

Вместе с наступавшими войсками действовали белорусские партизаны. В середине октября 1944 года была полностью освобождена Украина.

Красная Армия вступила на территорию Польши, народ оказывал ей всемерную помощь. Революционные органы польских рабочих приступили к проведению демократических преобразований. Был создан Польский комитет национального освобождения (ПКНО), центральный орган народной власти.

Эмигрантское правительство, приведшее страну к катастрофе, признано незаконным. К концу 1944 года была создана народная армия, Войско Польское, вооружённое советским оружием. 6 сентября 1944 года была проведена земельная реформа, Советский Союз оказал братскую помощь, шли поезда с продовольствием, промышленным оборудованием, медикаментами, был предоставлен беспроцентный кредит в 10 миллионов рублей. Польский народ стал хозяином своей судьбы.

Под Яссами и Кишинёвом советские войска окружили крупнейшую после Сталинградской и Белорусской операций группировку врага. Кольцо окружения было замкнуто в течение пяти дней, в те же сроки завершилась ликвидация противника. Советские войска шли по территории Румынии, темп наступления

достигал 20 – 25 километров в сутки. Была разгромлена одна из четырёх стратегических группировок врага на советско-германском фронте, 18 её дивизий были окружены и уничтожены. Румынская армия была разбита полностью. В результате августовского восстания, Румыния не только вышла из состава гитлеровского блока, но и вступила в боевые действия против гитлеровцев совместно с Красной Армией. За ней последовали Болгария и Венгрия. Народ Болгарии приветствовал приход советских войск, проходили митинги демонстрации, из тюрем были освобождены политические заключённые.

Фашисты лишились портов на Чёрном море, корабли, находящиеся там, были потоплены. Встал вопрос эвакуации немецких войск из Греции, южной части Югославии, Албании.

6 октября войска Чехословацкого армейского корпуса с частями Красной Армии вступили на территорию Чехословакии как освободители. Путь, по которому советские войска вступили в Чехословакию, был трудным. Горная цепь хребтов высотой до 850 метров, с густым лесом, быстрыми речками. Дуклинский перевал был кратчайшим путём. Фашисты создали сильные укрепления на дорогах к перевалу, перебросили пехотную дивизию и две танковых. Бои были затяжные, но высота чехословацкими автоматчиками была взята.

Боевые действия в Югославии начались 29 сентября. Мощная группировка гитлеровцев более 20 полков и отдельных батальонов южнее Дуная была взята в тиски и уничтожена совместными действиями Красной Армии, Народно-освободительной армии Югославии и 2-й Болгарской армией. С 14 по 20 октября шли бои за Белград. Жители помогали всем, чем могли, сражаясь вместе с воинами. 11 апреля 1945 года был подписан в Москве договор о дружбе, взаимной помощи и сотрудничестве между СССР и Югославией.

Завершив Белградскую операцию, советские войска перешли к боевым действиям в Венгрии. Югославские войска, получившие значительную помощь от СССР в боевом снаряжении, оружии и продовольствии, провели заключительную операцию, окружили остатки немецких войск, разгромили их и принудили к капитуляции.

В тот момент, когда советские войска подходили к Бухаресту, почти вся Албания была освобождена от оккупантов силами Национально-освободительной армии Албании и партизан. Борьба албанского народа против фашистов и внутренней реакции была героической. Оккупанты нанесли стране огромный ущерб, 35% городов и сёл сравняли землёй, разорили сельское хозяйство, разрушили большинство шахт, электростанций, мостов, уничтожили все морские портовые сооружения. В конце сентября 1944 года немецкие войска стали уходить с Балканского полуострова, видя безвыходность положения из-за наступления Красной Армии. Трудящиеся Албании,

считая Красную Армию гарантией своих прав, хорошо понимали, что своими силами они бы не справились. Это отразилось в решении Антифашистского национально-освободительного совета.

Национально-освободительное движение в Греции приняло крупный размах, несмотря на жестокий террор фашистов, предательство внутренней реакции и подрывную работу английских агентов. Но когда немецкие оккупанты оставили Грецию, Южную Албанию и Южную Македонию, английские войска вошли в Грецию. Это не позволило установить в стране демократический режим. (Более подробно об этом можно прочитать в истории Великой Отечественной войны Советского Союза т.4).

ОТ ПИСЬМА ДО ПИСЬМА

Любовь Выюгина. 1944 г.

Наступала весна военного 1945 года. Шли упорные бои на советско-германском фронте.

К этому времени всё вошло в ритм, всё отлажено. На стальных железнодорожных магистралях ритмично перегонялись составы с людьми и оружием, боеприпасами и продовольствием. И только письма доставлялись с опозданием, не стратегический груз.

А писем ждали на фронте и в тылу, ох как ждали! Среди запоздавшей почты долго шло письмо Любы, жены Егора, и всё же нашло своего адресата. Егор с нетерпением открыл его и начал читать.

«Дорогой Егорушка! Давно не получала от тебя весточки, целую вечность. Сердце не знает покоя, жив ли. Днём занята работой, ночью не могу

заснуть от тревоги. Когда же кончится этот кошмар. Ниночка растёт, первое слово сказала «папа». Я её спрашиваю «где папа», она показывает на твою фотографию на стене. Егорушка, какое счастье, как мы жили в Липово, вернуться ли это когда-нибудь. Теперь мы знаем цену этому раю. Мы никогда не будем ссориться, будем жить дружно, только приезжай. Ты наверно прочитаешь моё письмо и поспешишь к своему другу самолёту. Передай привет друзьям, нашим защитникам. Желаю всем вернуться живыми и невредимыми к своим любимым. Мы с Ниночкой целуем тебя».

«Здравствуй, моя Любушка! Здравствуй, доченька!

Любушка, пусть не часто приходят письма, ты всегда помни, что я постоянно думаю о тебе. Всё время нахожусь возле самолёта, и сплю и обедаю рядом. Некогда сходить в столовую, ремонт ответственный, нельзя отвлекаться. Самолёт в порядке, летает по нескольку раз в день. Тяжело день и ночь обслуживать моего трудягу, но я не жалею о судьбу. Знаю, что мой труд приближает час победы. Труднее не видеть вас. Моя дорогая, скоро нас переведут в Финляндию, когда не знаю, жди письма. Обнимаю и целую вас, мои дорогие».

НА АЭРОДРОМЕ «МАЛЬМИ»

– Вот ты какая, Финляндия, – сказал Егор.

– Не думал, что придётся побывать в Хельсинках, – сказал Алексей Художил.

– То гостинцы посылали им за усердие врагу, теперь сами к ним пожаловали вместе со своими самолётами, – сказал Владимир Уткин.

– Да не с мечом пришли, а с миром, пусть сами разберутся, кто им – друг, а кто – враг.

Так шли и разговаривали воентехники 11-го КИАП, прилетевшие на Хельсинский аэродром Мальми.

– Красивый город, – сказал Степан Филимонов, – чем-то похож на наш Ленинград.

– Наверно Пётр, когда строил Ленинград, перестраивал и Хельсинки, – сказал Роман Поляков.

– Нет, за реконструкцией Хельсинки следили царь Александр I и его приемник царь Николай I, для этого был привезён немецкий архитектор из Петербурга, – сказал Уткин.

Воентехники шли в морской форме с погонами, в наглаженных брюках и начищенных пуговицах. Перед уходом в город их предупредили, в дома не заходить, даже если будут приглашать, везде ходить группой, может оказаться террорист с финкой.

Незаметно пришли в центр города на Сенатскую площадь.

– Какой красивый собор, похож на Исаакиевский, – сказал Запезалов.

– Кафедральный, – добавил Уткин.

Пришли в универмаг Штокмана. Красивое многоэтажное здание, товара сколько угодно, это было непривычно и удивляло.

– Не мешало бы покушать, – предложил Егор, – вот и ресторан. Они вошли, разделись и сели за стол. Официант принёс большое блюдо с водой и плавающей в ней травой. Непонятно было, зачем он принёс эту воду. Потом, глядя на посетителей, поняли, это для мытья рук. Заказали обед, вода пальцем по меню, официант не знал русского языка.

В ресторане было чисто и уютно, после блиндажей, щелей, слякоти и холода аэродромов, это было удивительно. Егор потрогал белоснежную скатерть, ткань была мягкая, шелковистая. Распечатали бутылку пива с надписью на этикетке «Синебрюхов».

– Наверно какой-нибудь русский купчиха держит пивзавод, – сказал Уткин.

Когда рассчитались с официантом, тот взял скатерть и салфетки, бросил их в урну с мусором. Оказалось, они были одноразовые, изготовлены из бумаги.

– Кто из вас видел барона Маннергейма? – спросил Уткин.

– Вчера он прогуливался на белом коне, – ответил Поляков, – старый, а сидит в седле прямо, надменный, цену себе набивает.

– Рома, расскажи о нём, что знаешь.

– Сейчас ему около 78 лет. До Октябрьской революции 28 лет служил в русской армии в звании генерала, вернулся в Финляндию, чтобы с помощью германских интервентов подавить рабочую революцию в Финляндии, за одну ночь расстреляли более 30 тысяч финских рабочих. В 66 лет стал маршалом Финляндии. Создал оборонительные укрепления на границе с нами. Сейчас президент Финляндии. Вот, пожалуй, и всё, что я о нём знаю.

– Говорят, народ сейчас бедствует, даже голодает?

– Да, война принесла много горя народу и привела к печальному финишу. Хлеба в стране нет, весь вывезен в Германию. Теперь надо их спасти, везти хлеб, продовольствие.

Егор представил, как наши женщины-колхозницы выращивают хлеб, как они в поле из-за нехватки лошадей и тракторов на себе с силой волокут бороны. Горько вспоминать об этом.

– Вынесем и это, мы русские!

Перед войной с финнами 1939 года на небольшой территории Финляндии были построены 40 военных аэродромов при финансировании Англии, Франции, Германии, США, Швеции, Норвегии. Финляндию готовили, как плацдарм для нападения на СССР.

Хельсинкский аэродром Мальми строили немцы, добросовестно, как для себя. Просторный ангар из бетона, стекла и металла. Кассеты, входные двери, открывались электричеством, мгновенно. Отопление мощными электрическими калориферами, с кондиционерами. В этом же здании наверху были помещения для проживания обслуживающего персонала, жилые комнаты со всеми удобствами. Самолёты дежурного звена ставились возле кассет, в жалюзи самолётов вставлялся трубопровод с горячим воздухом, чтобы в любую минуту двигатель мог запуститься и прямо из ангара можно произвести запуск и вылет. Лётное поле бетонированное, с прожекторами для освещения. Размеры лётного поля небольшие, финны думали, что русские лётчики не смогут сесть на своих самолётах на таком небольшом поле. Но этого не произошло, все лётчики произвели посадку нормально.

До прилёта 11-го КИАП на аэродроме Мальми находился 4-й гвардейский авиаполк с командиром полка Героем Советского Союза В.Ф.Голубевым. Затем 4-й КИАП перевели на другой аэродром, а 11-й КИАП перебазировали на его смену. Лётчики жили на территории аэродрома. На командира полка В.Ф.Голубева было покушение. Ночью террорист проник в помещение, где находился Василий Фёдорович со своим адъютантом. Между террористом и адъютантом завязалась драка, Голубев услышал шум и вышел на помощь своему адъютанту. Террорист сбежал, стал пересекать лётное поле, включили прожектора и его обнаружили.

В задачу 11-го КИАП входили дежурство, охрана нашей военно-морской базы Поркала-Удд, охрана военных кораблей в порту Хельсинки. По мирному договору военно-морскую базу Поркала-Удд арендовали у финнов на 50 лет.

Аэродром Мальми особенно понравился техникам и мотористам. Отогрелись за всю войну, жаль, что пожили здесь мало.

Утром 2 марта 1945 года командир полка подполковник В.В.Волочнев дал последнее указание лётчикам перед вылетом на аэродром Лагсберг в Таллин. На аэродроме Мальми осталась только одна эскадрилья 11-го КИАП.

СНОВА В ПРИБАЛТИКЕ

– Как ни хорошо в гостях, а дома лучше, – сказал Алексей Художиллов, когда его самолёт перебросили на аэродром в Лагсберг под Таллином.

Дорога на аэродром из Таллина шла мимо памятника погибшему броненосцу «Русалка».

Приветливые улочки Таллина, пенные волны Балтийского моря навсегда останутся в памяти.

На Лагсберге долго оставаться не пришлось.

В ночь на 13 октября 1944 года воины 374-й и 376-й стрелковых дивизий без предварительной артподготовки нанесли дерзкий удар по врагу. Сломив сопротивление немцев, они на рассвете ворвались в Ригу. На очереди был город Лиепая. Оголенные агрессоры с упорством обречённых цеплялись за каждый клочок земли, но совместными усилиями советских и латышских войск, партизан и подпольщиков фашисты были выбиты из Латвии. Об этом подробно написали в газете «Известия» 12 октября 1984 года в сорокалетний юбилей освобождения Риги.

К весне 11-й КИАП перевели в Ригу. Задача полка состояла в прикрытии военных кораблей в Рижском заливе. Весна в Риге вступала в свои права, на улицах зазеленели вековые липы, появился лёгкий аромат цветов. Городские площади, мощённые брусчаткой и улочки вновь стали чистенькими, наведены деревянные мосты через Даугаву вместо разрушенных. После бомбёжек и грохота зенитных орудий в Риге наступила тишина.

На очереди было уничтожение фашистской группировки в Курляндском мешке. Зажатые в клещи и отрезанные от Германии крупные силы врага оказывали отчаянное сопротивление. Здесь было 33 немецкие дивизии. Советское командование окружило Курляндскую группу, уничтожались и две другие, мешавшие продвижению советских войск на берлинском направлении. Особенно мощной была группировка в Восточной Пруссии с мощной системой крепостей и укреплений. Советская армия сумела отсечь эти группы армий от центральных районов Германии, изолировать друг от друга, затем каждую группу расчленил и по частям уничтожил. (Из статьи А.Басова, доктора исторических наук капитана 1-го ранга).

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Пятого мая 1945 года 11-й КИАП перелетел из Риги на аэродром Кагул острова Сааремаа. Перелёт был связан с концентрацией сил в районе Ирбенского пролива, чтобы не дать возможности фашистским войскам, зажатым в Курляндском мешке, уйти морем в Восточную Пруссию или в другие государства.

Егор, как и все техники, встал ни свет, ни заря, когда ещё было темно. Подходя к своему самолёту, он почувствовал, как он ему дорог, как он сроднился с ним, своим безмолвным другом, творением человеческого труда и разума. Егор мысленно разговаривал с ним.

– Потрудишься, мой дорогой, не подкачай, немного ещё осталось.

Егор знал, что в последнюю минуту враг будет злее и коварнее. Не сумев покорить мужественный народ, будет цепляться за каждую возможность сотворить любую подлость.

Второй слева в первом ряду Вьюгин Яков Михайлович, имена остальных не установлены

На аэродроме было тихо. Ни голоса, ни стука, ни рокота моторов. Светлая полоска утренней зари на небе приоткрывала ночное покрывало, под ногами оживала холодная земля.

Привычным движением он снял чехлы. Вот он, красавец Ла-5, отдохнувший за ночь, радуется заботливым прикосновениям своего техника-хозяина. Мотор заработал, мощно возвещая на всю округу свою готовность идти в бой с заклятым врагом. Всё сделано, самолёт подготовлен к вылету. Егор выключил мотор, замаскировал самолёт, сделал запись в бортижурнале и стал поглядывать на землянку командного пункта, откуда должен выйти его лётчик Владимир Рябошапка.

Вдруг послышалась стрельба из пистолетов и винтовок.

– Уж не диверсанты ли? – подумал Егор.

К нему подбежал Алексей Художилев и радостно закричал:

– Конец войне! Ты понимаешь? Дожили до дня победы!

Таким Алексея Егор не видел. Вместе они стали кричать, смеяться, обниматься.

Из командного пункта выбежали лётчики. Егор увидел, как Владимир стал показывать крутящиеся сигналы, означающие немедленно запускать мотор. Егор быстро растащил маскировку, снял чехлы. Подбежал Владимир, на него надели парашют, пристегнули кабинные ремни, самолёт рулил на старт.

Три боевых вылета совершил Владимир Рябошапка в День Победы 9 мая. Они добивали фашистские корабли с гитлеровцами, которые с боями пробивались в Швецию. Не захотели фашисты мирным путём принять капитуляцию. В день Победы, при разгроме фашистских кораблей мы потеряли одного лётчика, лейтенанта Курзенкова. Ему не суждено было радоваться победе. Это была самая горькая утрата.

После полётов в 15.00 состоялся митинг по случаю победы над фашизмом. Его открыл командир 11-го КИАП подполковник М.Н.Носков. Первое слово он дал Егору:

– 9 мая 1945 года войдёт в историю, как день великой победы над фашизмом. Навсегда рухнули оковы паучьей чёрной свастики. Слава советским воинам-победителям, слава советскому народу, который выстрадал, выстоял и победил.

После митинга стали расходиться. Для многих радость омрачалась скорбью утрат близких. В каждой семье было горе. За годы Второй мировой войны человечество потеряло 56 миллионов в Европе и Азии. Из 18 миллионов, прошедших через концлагеря, замучено 11 миллионов. Неисчислимые материальные потери нанесены Советскому Союзу. Победу над врагом ковали все от мала до велика. Благодаря труженикам колхозов и совхозов армия получала продовольствие и одежду, промышленность поставляла огромное количество танков, самолётов, орудий. Это всё делалось руками инвалидов, женщин и детей. 1418 дней войны враг топтал нашу землю, убивая и уничтожая всё, что было создано трудом народа.

После митинга Егор подошёл к своему безмолвному другу, сел на тормозную колодку. Рука невольно нашла карандаш и записную книжку, стали складываться строки:

Пришёл и наш победный час,
Которого так долго ждали!
От счастья плакали сейчас,
Пилотки вверх бросали.

Нас не сломил блокадный голод,
Судьбу полегче не искали.
Обстрел, бомбёжки, ветер, холод,
К металлу руки прикипали.

Не все дождались этих дней,
Мы хоронили сердцу милых.
Навеки в памяти моей
Остались скромные могилы.

Вздохни, народ, ликуй Земля!
Кошмары прочь, конец разлуке,
Встречай, Любовь – жена моя!
Скорей сомкнуть бы наши руки.

о.Эзель 9 мая 1945 г.

НА ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Война с фашистской Германией закончилась, на очереди стоял вопрос ликвидации очага войны на Дальнем Востоке. Пространство и богатство Дальнего Востока не давали покоя Японским милитаристам. Захватив Манжурию в 1932 году, Япония вышла к границам СССР, что позволило ей к 1937 году создать мощную сеть укреплений, построить шоссейные дороги, военные гарнизоны, в которых была сосредоточена основная группировка Квантунской армии. Но поражение в пограничном конфликте 1939 года повлияло на решения правительства и оттянуло её участие в Великой Отечественной войне. Япония так и не открыла второй фронт на Дальнем Востоке, несмотря на настоятельные требования Гитлера. Однако на Ялтинской конференции были приняты союзнические обязательства, по которым через два-три месяца после капитуляции Германии Советский Союз вступит в войну с Японией.

Назревающая война с Японией не обошла Егора. 29 мая его вызвали в штаб полка и вручили проездные документы до Владивостока в распоряжение ВВС ТОФ (Тихоокеанский флот).

В то время, когда многие офицеры получили отпуска и поехали за своими семьями, Егору предстояло воевать с японцами. Проездные документы были с учётом заезда в Мордовию на три дня. Сборы были короткими, Егор стоял с чемоданом в руке, рядом с ним были провожающие друзья.

– Горько с тобой расставаться, Егор, – сказал Алексей Художиллов, – всю войну были вместе, помогали друг другу, а теперь приходится провожать.

– Тут ничего не поделаешь, – добавил Степан Филимонов, – приказ есть приказ, его надо выполнять.

– Может быть, там получишь назначение на повышение, – обнадежил Владимир Рябошапка.

– Если будут предлагать должность инженера эскадрильи, не отказывайся, навыков и знаний у тебя хватает, – сказал Григорий Запевалов.

– А если перейдёшь на политработу, тоже не плохо, – сказал Владимир.

– Поживём – увидим, – ответил Егор, – надо готовиться к худшему.

– Япония – твёрдый орешек, – сказал Роман Поляков, – война с американцами их немного потрепала, но они ещё остаются сильными и коварными.

– Друзья мои, хорошо мне было с вами, – с грустью сказал Егор, – время пришло прощаться. Пожелайте мне доброго пути.

Простились по-русски. Егор сел в машину, махал рукой до тех пор, пока было видно ему своих дорогих товарищей.

Третий вагон пассажирского поезда предназначался для офицерского состава. Он был набит до предела, многие ехали в отпуск прямо из госпиталей, с костылями, повязками на голове. В открытое окно проникал дымок от паровоза, но никто не обращал внимания, к дыму привыкли на фронте.

В Москве на Казанском вокзале, где Егор делал пересадку, было столпотворение. Всюду были люди, мешки, чемоданы, негде ногу поставить. Егор не стал сдавать чемодан в камеру хранения, побежал занимать очередь на компостирование билета. Сел в поезд, доехал до Чамзинки. Попутной машины до Соколова Гарта не оказалось, пошёл пешком 12 километров с чемоданом в руке. Спустился с горы, перешёл речку Базым, снова горка и, наконец, вошёл в прохладный лес. Густая трава по обочине дороги была сочной, не примятой. Голубые глазки медуниц доверчиво выглядывали из травы. Посидеть бы, полежать на травке, глядя на белые кучевые облака, но времени нет, один день из отпуска заканчивается. Думал о встрече с Любушкой, как сказать ей, что заехал только на два дня?

Не доходя до околицы, свернул на дорогу к школе. Встретаться с односельчанами, остановливаться и разговаривать не было времени. Пришёл в школу, двери открыты, на полу сидит девочка с тонкими косичками.

– Здравствуй, Ниночка, ты одна в доме? – Егор едва сдерживал эмоции, Схватить бы её, прижать, но боялся перепугать дочку.

– Одна, мама пошла на мельницу молоть овёс.

– А где твой папа?

Ниночка встала, подошла к стене и показала на фотокарточку.

Любушке сказали, что приехал муж, прибежала, волосы выбились из-под косынки. Долго стояли обнявшись и плакали оба, пока не услышали присоединившийся к ним тоненький детский голосок.

– Это твой папа, – сказала Люба и подхватила дочку на руки. Ниночка смотрела с недоверием. Егор взял её у матери, бережно подержал на руках и дал кусочек сахара. Ниночка попробовала, бросила сахар и заплакала.

– Почему?

– Ты обманул её, она думала, ты дал мел, сахара у нас не было и вкуса его она не знает.

Долго не говорил Егор, что заехал на два дня, потом был вынужден сказать. А потом была встреча с матерью, сестрой, родственниками, одно-

сельчанами. Люди узнали о приезде и приходили спросить о событиях, скоро ли отпустят домой мужей, братьев. Егор терпеливо разъяснял, успокаивал.

Два дня пролетели быстро. Егор снова прощался, уезжая в неизвестность. Возле околицы стояли близкие ему люди, он махал им рукой и незаметно вытирал набегавшие слёзы.

– Вот ты какой, Дальний Восток, – сказал Егор, шагая по улицам Владивостока. Было пасмурно, будто промокшие дома стояли в густой пелене тумана. На центральной площади узнал, где находится штаб ВВС ТОФ. Серое здание ничем не привлекало взгляд.

В отделе кадров предъявил документы. Начальник отдела кадров посмотрел документы, сказал:

– Зайдите через два часа, будем решать, куда вас определить.

За это время Егор успел пообедать в общественной столовой.

– Должен вас огорчить, – сказал начальник отдела кадров, – штаты экспедиционных частей укомплектованы. Есть свободная должность начальника ПАРМа (полковые авиаремонтные мастерские). Согласны?

– Не ехать же мне обратно, решайте.

Начальник остался доволен, что не пришлось долго уговаривать. Получив документы, Егор направился на железнодорожный вокзал. Ехать надо было до города Артёма, потом на оказиях в посёлок Майхэ. Было поздно, когда Егор стоял на обочине дороги и голосовал на попутную машину. Шофёр остановился, подвёз до перекрёстка и сказал:

– Идите долиной, там и будет Майхэ.

Совсем стемнело. Егору показалось, что на него бежит какое-то животное со сверкающими глазами. Он остановился. Ни шума, ни топота. Светящиеся глаза приближались, свернули в сторону. Егор махнул рукой и засмеялся, на ладони сидел светящийся жучок.

Нашёл подразделение и определился на ночлег. Утром принял обязанности начальника ПАРМа. Это была его стихия, ничего нового, те же самолёты истребители.

Пришло время ехать в Корею, в морскую крепость Гензан – там назревали серьёзные события.

Егор пошёл в тайгу, она была близко. Речку Шиненгоу не стал переходить, помня пословицу «Не зная броду – не суйся в воду». Это была быстрая горная речка, набегала на большие валуны, поднимая шипящую пену. Егор выбрал место под большим дубом, достал из кармана бумагу и карандаш, слова стали слагаться в строфы. Шум листьев грозного и величественного исполина тревожил воображение. Стихи получились длинные, все переживания последних

лет теснились чередой, плавно ложились на бумагу. Последнее из двадцати четверостиший заканчивалось строчками:

С тайгой прощаюсь. Стрелочки часов

Предупреждают: «Уходи скорее!».

С мольбою о защите хором голосов

Меня позвали жители Кореи.

В апреле 1941 года с Японией был заключён Пакт о нейтралитете, но он потерял смысл, так как Япония, как союзник Германии, помогала ей в войне с СССР и находилась в состоянии войны с союзниками СССР – Англией и США. Вблизи советских границ, в Манчжурии, Корею, Южном Сахалине и Курильских островах были сосредоточены лучшие соединения Квантунской армии, предназначенные для войны с Советским Союзом. Как ни трудно было, а на Дальнем Востоке приходилось держать сорок дивизий для отпора японцам. Война могла начаться в любое время.

С 1944 года японцы начали укреплять границу, строили железобетонные сооружения с прикрытием артиллерийского огня. Возглавлял Квантунскую армию генерал Отодзо Ямада, фанатичный и требовательный, имеющий большой опыт. Война ожидалась жестокой. На борьбу с Японией было мобилизовано полтора миллиона советских воинов, имевшим отличное современное оружие и большой опыт ведения войны с сильнейшим врагом. Советская боевая техника превосходила японскую. На аэродромах Манчжурии находились самолёты устаревшей конструкции, японские танки не отвечали современным требованиям.

Успех был обеспечен внезапностью наступления, в строгой секретности держалось время наступления. Переписка запрещалась, приказание отдавались только устно. Передвижение войск производилось только ночью, переброска войск производилась под видом возвращения воинов с войны. Командующие фронтами и армиями ехали под другими фамилиями.

26 июля США, Англия, СССР обратились к правительству Японии с требованием о безоговорочной капитуляции. 28 июля Японское правительство отклонило эти требования. Советское руководство подтвердило готовность выполнить союзнические обязательства Ялтинской Конференции и вступить в войну против Японии в интересах скорейшего окончания войны и устранения угрозы войны в Азии.

Шестого и девятого августа США сбросили атомные бомбы на японские города Хиросиму и Нагасаки. Погибло более 100 тысяч человек, около 500 тысяч получили ядерное облучение.

8 августа было опубликовано заявление Советского правительства, в котором говорилось, что с 9 августа СССР аннулирует Пакт о нейтралитете. В ночь на 9 августа все части и соединения получили приказ о переходе к наступлению. 10 августа в войну вступила Монгольская Народная Республика. Наступление Красной Армии показало Японии безнадёжность положения. Советские войска заняли Манчжурию, Северную Корею, Монгольские – Внутреннюю Монголию, Американские – Южную Корею.

18 августа началась десантная операция на Курильские острова, где встретили упорное сопротивление. Бои продолжались пять дней.

В результате 23 дней упорных сражений Япония вынуждена согласиться на капитуляцию, и 2 сентября был подписан Пакт о безоговорочной капитуляции. Но практически война не закончилась. Только на четвёртый день Квантунская армия получила приказ о капитуляции, но и он дошёл до всех не сразу. Отдельные японские группировки и солдаты действовали вопреки приказу, укрывались в сопках, устраивали диверсии, выслеживали и нападали на офицеров поодиночке.

Для Егора Буранова война закончилась 2-го сентября 1945 года, когда Япония подписала Пакт о безоговорочной капитуляции.

Началась мирная неспокойная жизнь кадрового военного, служба в гарнизонах: Корея (г. Гензан), Баку, Старый Крым, Евпатория, Севастополь, Качинское лётное училище... И закончилась в 1962 году командиром отдельной войсковой части № 09993 Совгавань-10, в звании майора.

Вот и подошло к концу моё повествование. Может быть, было бы интереснее, если бы добавить авторский вымысел? Я на это не пошёл, всё было написано на достоверной, документальной основе. Все описанные лица проходят под своими собственными именами и фамилиями в непридуманной обстановке. Исключением является Егор Буранов. Мне, как автору, не хотелось писать о себе, легче было писать о своём современнике. Все события, которые пережил Егор, то есть я, подлинные и достоверные, о чём могу подтвердить документально.

Многочисленными документами будут фронтовые записи и воспоминания фронтовых друзей, их оказалось много. Судьба дала мне возможность приезжать и долго работать в центральных архивах Москвы, Гатчины, навещать по месту жительства фронтовиков в Москве, Ленинграде, Орехово-Зуево, Таллине, Саранске и других городах, встречаться с ветеранами в Ленинграде. Я много получаю писем, среди них это:

«Уважаемый Яков Михайлович! Большое Вам спасибо за тёплое письмо. Очень жаль, что Вы не смогли приехать на встречу с ветеранами. Годы берут своё, и очень многие из числа тех, кому мы направили приглашения, с со-

Яков Вьюгин с семьёй (слева направо): внук Артём, жена Любовь Фёдоровна, зять Станислав, дочь Нина, внук Максим (сидя)

Ветераны Великой Отечественной войны, Защитники и освободители Моонзундских островов. Встреча в Ленинграде 14.09.1985 г. Вьюгин Я.М. в первом ряду 3-й справа

жалением сообщают, что не могут приехать по состоянию здоровья. Мы всё равно помним о Вас и отдаём Вам дань глубокого уважения и признательности за Ваш подвиг. Искренне желаю Вам всего самого наилучшего, успешного решения вопроса об издании Вашей книги. Рассказы очевидцев, свидетелей тяжёлых, но одновременно и героических событий Великой Отечественной войны очень необходимы особенно сейчас.

Крепкого Вам здоровья, личного счастья!

С уважением

Начальник политического отдела войсковой части 2133

*А.Барышев
11 июня 1991 года.*

Это конец рукописи. Остаётся пожелать моему народу счастья и благополучия.

Яков Вьюгин

Э П И Л О Г

ПОТЕРИ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ ПО ДАННЫМ МИНОБОРОНЫ

По уточнённым данным, потери Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. составляют 8 млн. 860 тыс. 400 военнослужащих. Об этом на заседании пресс-клуба Минобороны РФ сообщил начальник военно-мемориального центра Александр Кирилин.

Он пояснил, что при подсчёте потерь не учитывались данные госпиталей и паспортная перепись населения послевоенных лет. Всего, как отметил А.Кирилин, в годы войны погибли около 11 млн. советских граждан, принимавших активное участие в боевых действиях, – кадровых военнослужащих, ополченцев, партизан.

А.Кирилин уточнил, что в архивных карточках Министерства обороны содержится информация о 18 миллионах погибших. Однако, по его словам, эти данные не соответствуют действительности, поскольку они составлялись во время войны неквалифицированными работниками и неоднократно дублировались (на одного погибшего поступало несколько документов – из воинских частей, госпиталей).

Стоит отметить, что спор о потерях Советской армии в годы Великой Отечественной войны ведётся ещё с 1945 года. В 1946 году И.Сталин объявил, что

общие потери (гражданские и военные) составили 7 миллионов человек. После этого данная цифра постоянно возрастала. Во времена Н.С.Хрущева она достигла 20 миллионов, а в годы перестройки – 27 миллионов.

В 1993 году были объявлены официальные данные по потерям военнослужащих, с которых был снят гриф секретности, – 8 миллионов 668 тысяч 400. С тех пор эта цифра также увеличивалась по мере деятельности поисковых отрядов и работы в архивах. Ещё не кончилась священная война, пока подснежники растут среди костей...

Я, Мария Веселовская-Томаш, автор-составитель Интернет-галереи «Алтарь Отечества», автор и литературный редактор многих рассказов и воспоминаний, счастлива, что не одинока в своих устремлениях помочь тем, кто не потерял надежды найти следы на земле своих родных и близких – они отдали жизнь за Родину. Мне по дороге с теми, кому дорог принцип достоверности, правдивости в исповеди каждого Солдата, кто жаждет вытащить из потаённых уголков человеческой памяти имя каждого простого Солдата, добывшего Победу. Негодую, если находится смельчак, который пытается перевернуть события тех кровавых лет и переписать страницу истории со своей «колокольни»: это кощунство и преступление против павших на полях сражений. Наш «мемориальный комплекс» никто не посмеет взорвать, перенести, надругаться над ним!

Работу по систематизации учётных данных документов о погибших воинах во Второй Мировой войне и последующих конфликтах ведёт «Корпорация Электронный архив «MEMORIAL OBD» www.obd-memorial.ru – это титанический труд. Основная цель проекта – дать возможность миллионам граждан установить судьбу или найти информацию о своих погибших или пропавших без вести родных и близких, определить место их захоронения. В рамках проекта будет отсканировано и предоставлено в Интернет-доступ около 10 миллионов листов архивных документов, проиндексировано более 30 миллионов записей о солдатах и офицерах. Впервые вы сможете ознакомиться с реальными документами, самостоятельно провести поиск и исследование.

«Наша победа, день за днём» www.9mai.ru – проект РИА «Новости» Сводки Совинформбюро. Фронтовые истории, рассказы и фотографии, присланные посетителями. Плакаты, фотоленты. Песни войны. Цель проекта-акции: попытка пройти ещё раз последний год Великой Отечественной войны...

Рады, что организаций, школ, групп энтузиастов и просто отдельных людей, занимающихся поисковой работой, возвращающих имена пропавших без вести, много. Рады вдвойне, что мы на одном пути с ними. Так как целью

ПараАртийского Центра «Иван да Марья» является творческая реабилитация ветеранов и инвалидов Великой Отечественной войны, труда и детства, то и сбор материала для Интернет-галереи и альманахов «Алтарь Отечества» www.paraartiada.com/altar – повод не просто вспомнить каждого Солдата, не просто вернуть имя героя, а сделать это именно с творческой стороны – вспоминая родных, написав рассказ, эссе, стихи, песни...

* * *

...Ах, как длинны дороги фронтовые,
Но долгожданный День Победы наступил –
Сердца в глубоких шрамах, молодые
Салют любовью навсегда соединил.

Вновь соловьи спать не дают, шальные,
Поют без устали, как много лет назад,
Нас возвращают в годы фронтовые –
В полёты над Москвой, в блокадный Ленинград...

29 апреля 2004

Мария Веселовская-Томаш

* * *

Клин ваш журавлиный
С каждым днём редееет...
И слабеют крылья, обогнав мечту.
Головы белеют, без вина хмелеют
И всё тише клёкот слышен на лету...

С праздником Победы,
Наши ветераны!
С Днём Святой Победы
Поздравляем вас!
Пусть минуют беды!
Пусть утихнут раны!
Пусть ещё Победа к вам придёт не раз!

9 мая 1995

Мария Веселовская-Томаш

ОБ АВТОРЕ-СОСТАВИТЕЛЕ

Мария Максимовна Веселовская-Томаш – родилась на севере Молдавии в селе Шапте-Бань. Педагог-филолог, поэт. Окончила Бельцкий государственный педагогический институт имени А.Руссо (1966). С 1976 года проживает в Москве.

Общественной деятельностью занимается с 1989 года.

Девятикратный Лауреат Артиады народов России, член Международной Ассоциации Писателей и Публицистов и Международного союза славянских журналистов; вице-президент НАК России, Президент ПараАртийской Лиги Национального Артийского Движения России, член Мирового Артийского Комитета, Президент Региональной общественной благотворительной организации инвалидов ПараАртийский Центр «Иван да Марья».

Автор поэтических сборников «В плену у грусти» (1999, 2003), «Два крыла» (2003); музыкально-поэтических – «Прикасаясь к Пушкину» (1999), «Зажгите свечи» (2000, 2003), «Притихли фанфары, труба заиграла» (2006); документально-художественной повести «Неиспитая чаша любви» (Спецприз Конкурса «Спасибо за жизнь!» 2005); поэзия и проза – сборник «Вкус счастья» (2009).

Автор-составитель книги и видеофильма «Иван да Марья – 10 лет: вопреки и благодаря», а также 1 тома альманаха «Алтарь Отечества» (2010, лауреат Международного Интернет-конкурса «Страницы семейной славы» (2010), 2-го и 3-го томов (2013). Автор-составитель Нотного сборника авторских музыкальных произведений параартистов, CD-диска «Немолчное эхо войны» и Буклета к нему с одноимённым названием.

Соавтор 20 поэтических сборников, в том числе «Планета поэтов-5».

На стихи написано композиторами более 30 песен: песня «Сказ о Большом Дубе» Ф. Хаирова заняла 1 место на областном конкурсе к 60-летию Курской битвы (2003). Авторская песня «Москва» – получила 2-е место Московского фестиваля на лучшую песню о Москве (2009). Лауреат Фестивалей творчества ветеранов ВОВ и членов их семей и многих других фестивалей и конкурсов.

Медаль «Лауреат–Фестиваль–55 лет Победы» (2000). Медаль «Памяти интернет-журналиста Владимира Сухомлина» (2010). Общественная юбилейная медаль «75 лет Северному флоту» (2008) – за стихи, посвящённые мужеству и героизму подводников подлодки «Курск» (2000). «За просветительскую работу» ООО «Знание» (2013).

Девиз: Важно прожить не «Сколько», а «Как!».

Идеалы: Самоотверженность, подвижничество Матери Терезы; Безграничное мужество, сила духа Хелен Келлер.

Публикации о биографисте: Биографический инновационный справочник «Кто есть кто. Русское издание» (изд. 11-13, М., 2008– 2010); Люди для людей. – М., Центр «Социальное партнёрство», 2003, 2012; Л. Лежнёва. Наследники Павла Корчагина. – М., 2006 и др.

Проекты: Издание музыкально-поэтического сборника и CD диска «Прикасаясь к Пушкину...»; издание последующих томов альманаха «Алтарь Отечества»; выпуск CD диска «Мы твои сыновья, Россия».

АЛТАРЬ ОТЕЧЕСТВА

АЛЬМАНАХ

- ВОСПОМИНАНИЯ ·
- ДОКУМЕНТЫ ·
- ФОТОГРАФИИ ·
- СТИХИ ·

ТОМ IV

Автор-составитель

Веселовская-Томаш Мария Максимовна

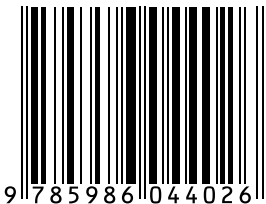
Формат 60x84/₁₆. Печать офсетная.

Подписано в печать 39.11.2013.

Объем 24 усл. печ.л.

Тираж 1000 экз.

ISBN 978-5-98604-402-6

Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
тел. (495) 287-0619 e-mail: probel-2000@mail.ru